ГК55
Д 912

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЗАВОДОВ

Из

„Укр. робітник"

ВСЕУКРАИНСКАЯ
РЕДАКЦИЯ ИСТОРИИ ФАБРИК
И ЗАВОДОВ

[illegible]

★

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЗАВОДОВ

★

ПРОБНЫЕ
ГЛАВЫ

Редакция: Н. Потапчик, П. Панч, Е. Голова,
Е. Орлов, К. Решетняк

1934
ХАРЬКОВ
„УКР.
РОБІТНИК"

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Українського Друку", „Картковому Репертуарі" и других указателях Украинской Книжной Палаты

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ПК55
С912 Р

СФ
29414
382
34
62449
62449

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемые в этом сборнике материалы являются *пробными* работами авторов истории заводов Украины.

Редакция издает эти пробные работы для того, чтобы познакомить партийную, рабочую, литературную и научно-историческую общественность с ходом и результатами творческих исканий товарищей, работающих над историей заводов.

Ни одна из этих глав и отрывков еще не представляет собою законченной работы. Книга истории заводов может считаться законченной только тогда, когда она будет обсуждена, проверена и одобрена заводскими большевиками, старыми рабочими кадрами, инженерно-техническими работниками; когда она будет выверена Маркса-Ленинской исторической и литературной критикой. Поэтому редакция „Истории заводов" издает сборник в порядке *подготовки* к изданию книг об отдельных заводах.

Редакция рассчитывает, что первый сборник пробных глав будет широко обсужден в заводских партийных организациях, на рабочих собраниях, в литературных кружках; мы рассчитываем, что этот сборник найдет отклик среди писателей, критиков и историков.

Само сабой разумеется, что после такого всестороннего обсуждения материалы сборника будут переработаны в соответствии с той критикой, которую они заслуживают.

Всеукраинская ре́данция „Истории заводов"

Н. Потапчик

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ" УКРАИНЫ

Грандиозность задач второй пятилетки построения бесклассового общества, четко намеченные в решениях XII Всеукраинского и XVII Всесоюзного с'ездов партии, требуют большого напряжения сил, мобилизации политического, хозяйственного и технического опыта всей предыдущей работы и борьбы миллионных масс трудящихся, требуют совершенно иных масштабов и качества социалистического воспитания широких масс, которые в значительной своей части еще не избавились от мелко-буржуазных предрассудков, мелко-собственнической психологии.

Наша теперешняя работа над конкретными задачами, выдвинутыми перед страной последними партийными с'ездами, должна быть пронизана пафосом также и всей предыдущей борьбы рабочего класса, всем его собственным опытом этой борьбы за победу революции, за выполнение лозунгов нашей партии. Вот почему и задача создания „Истории заводов" должна рассматриваться нами, как одно из лучших средств социалистического воспитания рабочих.

Лозунг—„рабочий класс пишет свою историю"—включает в себе всю грандиозность процесса воспитания масс на конкретном материале опыта героического прошлого революционной борьбы пролетариата и его творческой работы.

Товарищ Сталин на XVII с'езде партии сказал, что „победа была достигнута систематической и жестокой борьбой с различного рода трудностями на пути проведения линии партии, преодолением этих трудностей, мобилизацией партии и рабочего класса на дело преодоления трудностей, организации борьбы за преодоление трудностей".

История заводов и должна как-раз рассказать об этой конкретной борьбе рабочих со всеми трудностями на различных этапах революционной борьбы рабочего класса, должна показать, как рабочие под руководством партии преодолевали все эти трудности на пути осуществления генеральной линии партии на индустриализацию страны, на осуществление лозунга — догнать и перегнать.

Соответствующие постановления ЦК партии, а также огромнейшая работа М. Горького подняли и об'единили вокруг создания истории заводов широкие массы рабочих,

в первую очередь старых кадровиков, принимавших активное участие в прошлой революционной борьбе пролетариата за победу революции, за установление диктатуры пролетариата, и которые в настоящее время также самоотверженно борются за построение бесклассового общества. Рабочие создают в настоящее время свою историю, сотни лучших ударников включились в работу заводских редакций и авторских групп по созданию истории заводов. Рабочими написано сотни листов воспоминаний из исторического прошлого заводов.

Опыт работы прошлого года по истории заводов уже показал, что при всей сложности и при огромном политическом значении этой работы еще много есть таких организаций и отдельных их руководителей, которые недооценивают дело „истории заводов", некоторые не понимая ее значения, а некоторые сознательно игнорируя ее. Опыт также показал, что и многие авторы, как начинающие, так и профессионалы писатели, еще и до сего времени не могут твердо определить свои, как они сами говорят, творческие установки в создании такой литературы, как „История заводов".

Всем хорошо известны указания, какие дали постановления ЦК ВКП(б) и в частности многочисленные выступления тов. Горького, которые четко наметили конкретные задачи создания „Истории заводов".

„Надобно знать роль каждого наиболее типичного завода, каждой области производства,—завода, как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода, как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны. Надо знать завод в его современном значении, как организатора социалистического сознания и социалистического производства" (М. Горький).

Дело создания „истории заводов" стало общепролетарским делом, в которое втягиваются все более широкие массы рабочих, понимающие что „история заводов" имеет исключительное значение не только для рабочих СССР, но и для рабочих капиталистических стран, которые должны овладеть всем революционным и хозяйственно-политическим опытом пролетариата Советских Республик.

В то же время для буржуазной истории характерно возвращение к средневековой идее неизменности мирового порядка и отрицание об'ективности исторического акта. Один из буржуазных идеологов Леви Брюль несколько лет тому назад писал в „Revue de cynthêse historique":

„Можно утверждать, что собственно об'ект истории создают не столько факты сами по себе, сколько то коллективное мнение, которое создается вокруг них. Всякий

раз, когда есть в наличии расхождения и несогласованность между реальным фактом и представлением о нем, история должна базироваться на этом последнем".

Подобная философия истории есть яркий признак упадка буржуазной исторической науки. И нет ничего удивительного для нас в факте отмены истории декретом в фашистской Италии.

Этой упадннческой философии буржуазной историографии противостоит в СССР общепролетарское уважение к об'ективному опыту, чувство связи современного с прошедшим, уважение к революционному историзму.

В буржуазном мире упадок исторических наук, у нас в СССР — расцвет марксистской историографии, расцвет новых литературных исторических жанров. И чрезвычайно значительным фактором в советской историографии есть работа над созданием „истории заводов".

„Рабочий народ должен знать все, что он делает,— он должен знать свою историю. Основным наполнением истории служат великий труд рабочих масс и разнообразное творчество единиц, которые выдвигаются массой и формируют ее опыт, как науку, технику, искусство" (М. Горький).

От авторов, работающих сейчас над созданием истории заводов, требуется исключительно серьезное и ответственное отношение к своей работе. Передать молодежи, новым кадрам рабочих боевые большевистские традиции борьбы за социалистическую промышленность—и передать в живой, художественной форме—задача чрезвычайно сложная и ответственная, требующая большой кропотливой работы.

„История заводов" должна стоять на высоком теоретическом и художественном уровне. Она прежде всего должна быть высока своей большевистской партийностью. Нужно решительно бороться против малейшего срыва, малейшего отклонения в сторону буржуазной, меньшевистской, оппортунистической, так называемой, „об'ективности", как бы ни кричали наши враги о необходимости об'ективности исторических исследований и о недопустимости партийности в них.

Мы четко формулируем наше требование: историческая правдивость и большевистская партийность—необходимые условия создания истории заводов. „Историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией нашей партии, с теми огромнейшими новыми задачами, какие стоят перед нами сегодня, и которые еще будут стоять завтра" (Л. Каганович).

Главная редакция в своих установках, неоднократные выступления работников „истории заводов", выступления самих авторов, имеющих известную практику работы на об'ектах, историю которых они пишут, подчеркивали исклю-

чительную важность работы по истории заводов. Но, к сожалению, та работа, которую мы имеем на украинских об'ектах, работа наших авторских бригад еще далеко не соответствует всем этим задачам. В работе каждого автора можем найти те или иные ошибки, которые необходимо сейчас категорически предупредить, от которых необходимо избавиться немедленно. Эти ошибки при дальнейшем их углублении могут в конце концов привести к тому, что будет создаваться не книжка, которая должна научить новое молодое поколение рабочих, как бороться за дело революции, не книжка, которая должна передать новому поколению традиции революционной борьбы прошедших лет, а такие произведения, которым, в лучшем случае, придется завоевывать себе место только где-нибудь на полках библиотек.

Перед всей работой и конкретно перед каждой книжкой из истории заводов, которую пишет тот или иной автор, поставлены вполне конкретные требования; они соответствуют чрезвычайно четким и ясным установкам М. Горького, который, определяя, какая книжка нам нужна, сказал:

„Любой станок, любая машина хорошо работать будут лишь тогда, если отдельные части их отшлифованы и связаны между собой настолько совершенно, что трение между частями сведено к минимуму. Книга тоже требует совершенства: хорошей мы называем книгу тогда, когда она так сделана, что читатель воспринимает ее смысл, не затрачивая излишних усилий. Знание—это вооружение. Чем легче и острее оружие, тем более удобно владеть им. Изложение исторических событий требует последовательности и связности. Каждый факт—звено бытовой цепи, которой была окована вся дореволюционная жизнь рабочего класса; факты противоречивы, и это их достоинство: стальная правда большевизма выкована из социальных противоречий. Нужно показать, как факт, исходя из факта, создавал третий факт, и как сумма тех или иных фактов у одних рабочих угашала классовое самосознание, у других — революционно возбуждала его. Это трудно. Для рабочих-ленинцев это не должно быть трудно: они знают, что такое социальная диалектика".

Вот четкая и ясная установка о необходимой нам книжке, каким основным задачам она должна соответствовать. Об этом каждому автору, каждой бригаде довольно вразумительно сказала соответствующая инструкция главной редакции: *вся серия книг по истории заводов должна быть проникнута единством марксо-ленинского метода и содержания, определяемым единой программой.*

„...Стержнем программы должны быть сравнительный

показ и конкретное *противопоставление двух систем* — капиталистической и социалистической. Весь материал в сборнике поэтому организуется и освещается в двух основных частях: предприятие в условиях предкапиталистического и капиталистического режима, с основным упором на показ методов и форм капиталистической эксплоатации рабочего класса и предприятия в условиях строящегося социализма, с четким и конкретным указанием того нового в рабочем классе, что создается социалистическими условиями производства, труда, быта, культуры и проч."

Таким образом *„История заводов" должна быть массовой серией научно-художественных книг*, которые ярко, художественно, увлекательно, понятно широким массам трудящихся *рассказали бы о революционном движении рабочих, подали бы живых людей*—представителей рабочего класса в их работе и борьбе, в их быте и политическом развитии, показали бы рост их классовой сознательности, их борьбу с разнообразными врагами, меньшевиками, эсерами, петлюровцами, троцкистами, правыми оппортунистами и проч.

История заводов должна наглядно противоставить послеоктябрьское предприятие последовательно социалистического, а затем типа — дооктябрьской капиталистической каторге; должна показать весь пафос пролетарской революции и социалистического строительства и тем самым воспитывать молодое поколение пролетариата в духе усвоения героических традиций большевизма, в духе понимания важности интернационального характера и революционной ответственности социалистического труда.

Задача авторов как раз и состоит в том, чтобы создать живую книжку, которая захватывала бы трудящихся, книжку, в которой на конкретных примерах была бы показана диалектика экономического, политического, культурного развития заводов в процессе классовой борьбы пролетариата *вначале за диктатурупролетариата, за укрепление этой диктатуры и потом за социалистическое строительство в условиях укрепления диктатуры пролетариата.*

Такой задаче должен служить и способ литературного изложения материалов. Инструкциями Главной редакции были допущены все виды литературных жанров, лишь бы они были основаны на точно проверенных фактах или исторических документах: научно-исследовательские статьи, мемуары, очерки, повести, романы, рассказы живых свидетелей, биографии и автобиографии деятелей и т. д.

Это однако не относится к основной книге „Ист. завода" при создании которой необходимо добиваться того, чтобы в ней были освещены все основные, наиболее ценные, боевые

моменты развития борьбы пролетариата, а не формальный хронологический перечень событий, не механическое составление архивных документов, как это делается иногда в произведениях отдельных авторов.

Произвольный показ, произвольный монтаж исторических документов это та отрицательная сторона работы некоторых авторов, которая иногда наблюдается, и против которой необходимо решительно возражать.

Нам не нужна пестрая хрестоматия даже и художественно обработанного материала, нам нужна такая цельная книга, которая была бы написана просто и увлекательно, чтобы она была доступна всем рабочим, всей массе трудящихся, была бы интересна и полезна для этих миллионных масс читателей из рабочей среды, учащейся молодежи, колхозного актива.

Перед нами задача—написать художественное руководство классовой борьбы пролетариата и целой истории завода; написать историю живую, интересную, увлекательную, художественную и обязательно научную, в которой показать живых людей класса, в корне перестраивающего жизнь, делающего революцию в экономике, культуре, быте, в сознании людей.

Никак нельзя забывать и интернационального значения произведений по истории заводов. Наилучшие книги будут переведены на различные иностранные языки. Рабочие капиталистических предприятий будут изучать опыт революционной борьбы рабочего класса СССР и героической работы на фронте строительства социалистического общества в СССР—отечестве трудящихся всего мира.

В свете всех этих задач основные недостатки работы отдельных авторов над созданием истории заводов сводятся в основном к следующему:

Еще есть вульгаризация, упрощенчество и даже извращение марксо-ленинско-сталинского учения об исторических процессах. Часто нет настоящего показа роли партии, не уделяется достаточного внимания борьбе против националистических врагов на различных этапах социалистического строительства, что на Украине имеет особо большое значение. Допускается механистический показ технико-экономического развития предприятия вне развития классовой борьбы. В работах по истории заводов часто нет необходимой ленинской научности и настоящей художественности. Допускается иногда схематическое иллюстраторство, а также цеховая ограниченность, отрыв истории предприятия от истории рабочего движения в целом. Эти чрезвычайно большие ошибки можно ясно видеть на конкретных примерах уже написанных глав по истории заводов.

Есть опасные попытки свести „Историю заводов" к беллетристическому описанию (к созданию повести) с целиком выдуманными событиями, с выдуманными собирательными и сквозными героями.

Нельзя, например, отрицать целесообразность проведения через произведение сквозных людей, это иногда необходимо. Но все же найти действительную, настоящую, действующую личность, а не заниматься выдумками, которые снижают фактическую историческую значимость произведения. И показать эту сквозную личность необходимо в тесной связи с общим историческим процессом революционного движения.

„Наше продвижение к бесклассовому обществу—как сказал тов. Сталин—не есть стихийный процесс" (Доклад на XVII с'езде).

Поэтому правдиво, научно, художественно необходимо показать на материалах каждого об'екта наше продвижение вперед во всей его диалектике; умело показать все трудности нашего роста, раскрыть классовую сущность этого процесса, показать, как строилось или перестраивалось не только само предприятие, но и как реконструировались сами люди—строители бесклассового общества.

„История заводов" должна быть по существу школой партийного просвещения, институтом писательского мастерства для писателя. Так должны мы ее расценивать. Но все это, безусловно, возможно лишь при том условии, когда товарищи, которые взялись за эту работу, отнесутся к ней настолько внимательно и ответственно, как того требует партия во всех своих директивах.

Кое-кто из писателей, несмотря на все эти об'яснения, еще и до сих пор блуждает в сумерках вопросов—„как писать историю завода, в каком жанре, в каком аспекте, как относиться к фигурам героев строителей, как их нужно подавать".

— „Пишите правду о жизни"—сказал писателям т. Сталин. Это простое и ясное формулирование задач пролетарских писателей также относится и к работе над историей заводов.

Социалистический реализм — вот творческий метод создания истории заводов. Полноценность же произведения зависит от того, как автор сможет овладеть и организовать материал, как он сможет построить его и в образах раскрыть события. Как чрезвычайно положительный, необходимо отметить тот факт, что работа по истории заводов стала одним из рычагов борьбы против отставания многих писателей от практики социалистического строительства. Включаясь в самую гущу рабочих масс, в повседневные процессы работы производства, шаг за шагом изучая

его историю, а вместе с ней и историю классовой борьбы пролетариата, прорабатывая материал борьбы партии с оппортунистами всех мастей — писатель на всех этих материалах воспитывает, повышает и заостряет свое классовое сознание, укрепляет себя осознанием всех процессов классовой борьбы.

„На работе по истории заводов литературная молодежь получает возможность научиться писать о живом историческом деле ее класса... В Союзе социалистических советов создаются почти ежедневно, почти небывалые факты величайшего напряжения энергии, воплощение ее в жизнь в действительность.

На работе по истории заводов должны образоваться кадры людей, которые со временем обязаны будут создать институт по изучению роста и развития социалистической промышленности в Союзе советов“ (М. Горький).

В прозведениях по истории заводов мы имеем примеры, когда товарищи отходят от требований, которые перед каждым из них поставлены, не подходят к созданию книг по истории заводов с четких позиций социалистического реализма; в работах отдельных авторов можно видеть известные политические и художественные срывы, которые необходимо расценивать как отход от позиций социалистического реализма — этого основного метода нашей художественной литературы.

Иногда авторы, определяя метод своей работы над созданием художественной книжки по истории заводов, забывают о том, что художественный метод определятся непосредственно не теми предметами и явлениями, какие писатель изучает и описывает, а всей практикой класса, в свете миропонимания которого этот писатель раскрывает действительность. Материал сам по себе еще не гарантирует социально-идейного направления, а некоторые писатели, в особенности работающие над „историей заводов“, не понимая этого, попадают в плен материала, не умея должным образом овладеть им как следует, его изложить, критически его обработать. Очень часто, например, совершенно неосновательно дискуссируют—можно ли применять сюжет в истории заводов, забывая, что именно сюжет в „истории заводов“ играет основную, руководящую роль. Он не выдуманный, он дается самой жизнью, самой практикой борьбы и труда трудящихся. Он есть выявление закономерного развития данного предприятия и этого ни в коем случае нельзя ни забывать, ни игнорировать.

Еще Чернышевский в своих высказываниях о „Семейной хронике“ Аксакова подчеркивал, что познания прошлого можно достигнуть при помощи как научной, так и художественной литературы. Последняя дает нам образное по-

знание истории, но Чернышевский отмечает, что ни история, ни беллетристика, отдельно взятые, не могут полностью обслуживать наши потребности в познании прошлого. В свое время Энгельс сказал относительно романов Бальзака, что в понимании определенной эпохи во Франции эти романы дали ему больше, нежели работы экономистов и статистиков.

Маркс в своих высказываниях о книжке Флеровского „Положение рабочего класса в России“ подчеркивает глубокую художественность этого произведения и одновременно отмечает „беспощадную правду“ действительности, которую нарисовал Флеровский. Наконец, черезвычайно характерным в этом отношении есть высказывание Ленина о книге Тодорского „Год с винтовкой и плугом“:

„Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием книг из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни“.

В познании прошлого большую роль играет соединение правдивости истории с художественностью беллетристики, а это также многие из наших товарищей упускают из поля зрения. И если у какого-нибудь автора есть желание подать произведение более художественно, он обязательно это делает за счет правдивости изложения фактов, документов, которые он дожен отобразить в истории предприятия, но бывает и наоборот, когда он хочет отобразить как следует фактический материал, он обязательно срывается и не один, а много раз в своем художественном методе какой он взял для того, чтобы написать историю данного предприятия.

Мы имеем ввиду этим лишь подчеркнуть недопустимость такого разрешения вопроса, как это делают некоторые товарищи, когда они считают, что обязательно та или иная сторона произведения пострадает, и совершенно не случайно поэтому ходят разговоры о целесообразности или нецелесообразности, о допустимости или недопустимости домысла и вымысла при создании истории заводов.

Приведем несколько примеров, как отдельные писатели поняли задачу подхода к материалу и к отображению его в книжке по истории заводов. К сожалению, нет возможности яркими фактами проиллюстрировать это на наших украинских материалах. Пока что, у нас на Украине есть только отдельные куски, отдельные главы истории заводов, по которым очень трудно говорить о будущей истории того или иного предприятия.

Есть различные формы книг по истории заводов. Вот один тип—это книга тов. Паялина „История завода им. Ленина“ (Ленинград).

От начала и до конца автор отказался от беллетристического типа изложения. За небольшим исключением в книжке нет и живого художественного изложения, но все же признано, что автор со своей задачей, создать „историю завода“, справился. В издании Главной редакции есть иного типа книжка, которую считают пока наиболее удачной. Это „История Ижорского завода“ Завьялова. Нет необходимости много цитировать данную книгу, но несколько фактов стоит проиллюстрировать. Вот отрывок из 5-й главы „Накануне“.

> „Кризис шагал по стране. Он потушил домны на юге России, остановил вагонетки с углем на глубине шахт, наглухо закрыл ворота многих предприятий. Кризис царил в стране, но опустошающее дыхание его не коснулось Ижорских берегов. Здесь в самый разгар кризиса вздымались новые громады корпусов, чаще становился высеченный лес труб, и гуще облака из дыма и копоти, витавшие над посадом. Царское правительство, готовясь к войне, строило новые боевые корабли. Броненосцы „Бородино“, „Князь Суворов“, „Слава“, „Иоанн Златоуст“ „Андрей первозванный“ и шесть крейсеров в течение четырех лет, начиная с 1901 года, предстояло одеть в броню“.

Начав таким образом, тов. Завьялов шаг за шагом подводит читателя к пониманию исторических процессов на заводе, роста завода, революционной борьбы и даже технических вопросов. В своей книге он отбрасывает то, чем некоторые иные историки, литераторы засоряют свои произведения, а именно: многочисленные ненужные факты. Завьялов, наоборот, берет какой-нибудь центральный факт и вокруг него (в данном случае вокруг миноносца № 141) показывает и состояние техники завода и описывает его историю, давая правильные обобщения определенных исторических процессов, характерных не только для одного Ижорского завода, а и для целого ряда других, подобных предприятий России.

Автор удачно подходит к тому, чтобы отдельные факты связать в единое целое, дать обобщающий портрет того или иного социального типа. Так, например, Завьялов создает такой портрет офицера Савельева, годами безнаказанно носившего под полами своей шинели куски дорогой меди. Рабочего за фунт украденной меди выбрасывают с завода, офицера же не смеют обыскивать. Все об этом знают и Савельева зовут „медным офицером“.

Так на конкретной фигуре показано хищническое отношение к заводскому имуществу. В образе „медного офицера" дано обобщение черт типичных для заводской и военной бюрократической верхушки того времени. И этот образ не вымысел, не плод фантазии автора. Это живая историческая личность, существование которой и в дальнейшем подтверждается автором целым рядом фактов.

Домысел в произведении по истории завода допустим такой, который оправдан основным сюжетом, который в свою очередь обоснован конкретными историческими фактами. Не плохим примером в этом отношении может быть отрывок из истории завода „Красный пролетарий" „Памятные тропы" Никифорова в „Правде" за 22/III; вот отдельные места очерка:

„Дело давнее, сказка длинная... Сечет мелкий осенний дождь. По Калужской улице, утопая в грязи, обходя лужи идет женщина, а за ней, зябко подергивая плечами, несколько поодаль шагает сын.

Женщина говорит.

— Ты, Петенька, не робей, пойди-от не с'едят нас. Попросим, как следует, поклонимся, гляди — бог поможет. Все обойдется. Работать будешь.

... Пришли наконец в контору завода. Стены конторы строгие, лица служащих — без выражения, гробница, где никто уже не внемлет мольбам, не верит слезам.

Двери открыл швейцар, худой и щуплый человечек, которого должно быть долго и ненасытно сосала жизнь и, высосав, бросила к дверям прихожей.

. . . . . .

Мастер сборочной, молитвенник и святоша, которого еще до сих пор вспоминают старые рабочие с проклятием, играл вальс „Дунайские волны". Сколько вкладывал он в эту игру чувств, страсти и темперамента.

Если прислушаться, как следует к игре, то выйдет, пожалуй, что мастер сборочной Овчинников преисполнен чувством самой высокой доброты, не то что человека, мухи не обидит.

„Нет, нет — выговаривает гармонь — это не он в угоду хозяину бьет учеников, бьет с истинным наслаждением, как буто бы целые века дожидался сладостного часа мести. Нет, нет — надрывается гармонь — это не Овчинников, молитвенный человек, дробит зубы".

Еще более интересным образом художественной передачи истории революционной борьбы на материалах биографии отдельных людей, биографии, перерастающей в историю целых предприятий нужно признать очерк тов. Зо-

рича в „Известиях“ — „С правом решающего“, в котором автор передает биографию одного из делегатов XVII с'езда партии. Было бы неплохо, если бы авторы истории предприятий на таком образце поучились писать свои произведения.

Какой же отсюда вывод о целесообразности и допустимости художественного домысла? Как быть с художественным домыслом и как необходимо разрешить этот вопрос в работе по истории заводов?

Художественный домысел безусловно законный, если он документально и исторически правдив. Художественный домысел можно использовать в работе, когда типичный сам по себе факт, недостаточно выявлен в документе. Но художественный домысел будет полезным только тогда, когда это будет не голая выдумка, а только правдивое осмысливание самого факта.

Когда такое предупреждение применить в работе и когда с таким критерием подходить к разрешению проблемы домысла, то такой домысел всегда можно принять.

Но заниматься вымыслом в создании „истории заводов“ нельзя. „Историю заводов“ необходимо писать на определенном фактическом и историческом материале, а раз так, то, требуя от каждой книги по истории заводов исторической правдивости, мы должны требовать, чтобы этот материал был основан на документах, имел под собой строго проверенные документы.

Необходимо сказать, что некоторые из наших авторов не придерживаются этого важного принципа работы по истории заводов. Вот, например, работа одного из авторов, работавшего над созданием истории завода „Коммунар“. Автор Филипенко применяет такой метод исследования документов: берет документ, как он есть, и вносит в книгу. Так Филипенко ввел в рукопись 87 разнообразнейших документов, которые составляют в общем больше $2^1/_2$ печ. листов. Все эти 87 документов автор достал от заводоуправления, которое по договору было обязано отыскивать для автора всякие исторические документы (уже одно это говорит о несерьезном отношении автора к ответственнейшей работе над архивным материалом). В конце концов Филипенко сам запутался в документах, найденных для него секретарями и бухгалтерами заводоуправления.

Так, например, он два раза приводит один и тот же докумет, при чем в первый раз, как резолюцию общегородской беспартийной конференции 1918 года, а второй раз, как резолюцию беспартийной конференции 1920 г.

Филипенко цитирует одного старого историка Новицкого, приводя из его работы отдельные места Ека-

терининских указов, без критической обработки их и даже без всяких пояснений:

„Для вящего укрепления и в предосторожность потребным случаям поселялись вверх по сей линии отставные солдаты, кои, успевая в домостроительстве, будут служить всегда и надежно, яко люди, привыкшие к военным действиям, защитою границ".

В данном случае, как, и во всех прочих местах, буржуазный историк всячески прячет хищническую политику царизма, доказывая, что благодетельница Екатерина, заселяя степи Украины, стремилась только к:

„Благоденствию и утверждению спокойного жития от бога врученного мне народа, а поэтому за нужное я почла, дабы, как Новороссийская, так и Слободская губернии навсегда от Европы и варваров обеспечена была, учредить линию крепостей от Берды до Днепра" (из указа Екатерины).

А наш историк Филипенко этот документ приводит совершенно без всяких оговорок, без каких-либо критических замечаний.

Филипенко в своих исторических экскурсах и в самом монтаже исторических документов протаскивает и националистическую контрабанду. Так, описывая Украину до и после колонизации, он идеализирует местность: „от порогов Днепра до плавень местность быстро изменяла свой вид. Там где год-два тому назад шумели могучие дубы — чернели ямы и кое-где пеньки, большие луга, на которых недавно звенели песни птиц, звучали песни сечевиков, быстро покрываются поселениями согнанных панами бедняков-крепостных и дворцами „ясновельможного панства", которые, как черные вороны на падаль, сотнями бросились „на свободные земли", щедрой рукой раздариваемые „матерью Екатериной".

Автор и в дальнейшем в нескольких местах идеализирует „вольную Сечь", смазывая ее классовый характер. Эта романтическая дребедень построена на национал-фашистской теории безбуржуазности украинской нации.

„Историк" Филипенко принял активное участие в протаскивании этой контрреволюционной „теории". Кроме того автор с таким любованием расписывает все прелести свободного Днепра, что поневоле возникает мысль о том, что автора беспокоит то, что на этом Днепре построен сейчас ДнепроГЭС, чем испорчен романтический украинский пейзаж.

„Вольный Днепр, ранее носивший на себе казацкие чайки и лодки рыбаков, принужден отдавать свою могучую силу на потребности человека".

Известно, что украинский пролетариат, формировавшийся

в революционный класс под двойным гнетом—политическим и национальным, в некоторой своей части подпал мелкобуржуазным политическим влияниям. Ему пришлось пройти более сложный путь в процессе большевизации, чем пролетариату центральных промышленных районов, украинские рабочие преодолевали не только сопротивление капиталистов, их борьбу усложняли процессы борьбы с мелкобуржуазным национализмом и интервентами, им пришлось преодолевать последствия мелкобуржуазного петлюровского влияния на наименее закаленную в классовых боях часть рабочих. Украинские рабочие и бедняцко-середняцкие массы крестьян, под руководством коммунистической партии, проводили чрезвычайно большую борьбу с контрреволюционными националистическими элементами и группировками и т.п. Эта борьба имеет много поучительного, опыт ее необходимо учитывать и сейчас. Историки и литераторы при разработке этого вопроса в истории предприятий должны особенно внимательно подходить к документам, которые раскрывают весь процесс борьбы партии и рабочего класса с различными националистическими врагами на отдельных этапах истории данного предприятия.

Но наши историки, пишущие историю предприятий Украины, в своем большинстве этого вопроса не затрагивают, забывая его в то время, когда он черезвычайно серьезен, важен и сложен, вопрос, которому необходимо в истории предприятий уделить чрезвычайное внимание и обязательно подать его так, как того требуют решения партии по национальному вопросу, как сказал об этом Ноябрьский пленум ЦК КП(б)У, XII с'езд КП(б)У и тов. Сталин на XVII с'езде ВКП(б). Все это необходимо обязательно учитывать, в противном случае всякая рукопись истории того или иного предприятия, в какой этот вопрос не будет четко разрешен, будет браковаться, ибо нельзя допускать, чтобы история заводов Украны подавалась бы без разработки этого чрезвычайно важного материала.

На некоторых конкретных материалах украинских авторов необходимо показать и иные имеющиеся в их работе ошибки.

Всякое произведение в той или иной мере организовывает сознание читателя. Это как будто бы всем известно, но не все с такой меркой подходят к написанию книг по истории заводов. Некоторые писатели, не имеющие повседневных тесных производственных связей с современным пролетариатом, не принимавшие участия в прошлой борьбе за революцию, за советскую власть, на себе не познавшие „прелестей" всего гнета царской России, воспринимают советскую власть и социалистическое строительство, кое в чем, поверхностно и как что-то обыденное. У таких писателей нет необходимой

доли пафоса, эмоциональности, что безусловно есть отклонение от социалистического реализма, от творческого метода пролетариата, который не может быть бесстрастным, чем он и отличается от ползучего буржуазного реализма. Необходима страстная ненависть к врагу, горячая любовь к своему классу, которые дают творчеству пролетарских писателей наивысшую об'ективность, позволяющую правдиво отобразить социалистическую действительность нашей страны и борьбы пролетариата против капитализма.

Отсутствие острой классовой ненависти к фактам дореволюционного прошлого того или иного предприятия приводит к тому, что отдельные авторы, описывая отношения между бывшими хозяевами и рабочими, допускают иногда чрезвычайно грубые политические ошибки.

У некоторых авторов есть определенная опасность отхода от истории предприятия к работе над историей капиталиста, хозяина этого предприятия. Правда, за последнее время с большинством авторов договорено, поэтому примеры, которые будут приведены ниже, сейчас уже исправляются. Например, если взять первый вариант произведений Гонимова, по истории Сталинского завода, мы можем увидеть чрезвычайное увлечение автора Юзом; тов. Ледянко — чрезвычайно много внимания уделяет инженеру Свицыну, автор истории ХЭМЗ'а тов. Радугин увлекся капиталистом Деттманном, Яковенко—Генрихом Коперсом. Это явление у отдельных авторов представляет большую опасность.

Вот, например, у Радугина бывший хозяин завода представляется хорошим хозяйственником и даже неплохим человеком. Отношение его к рабочим было почти идеальное. Он даже насаждает „культуру" среди рабочих, даже „на чай" дает более „культурным". Мы, безусловно, знаем цену всей этой работы капиталиста. Мы знаем, почему отдельные капиталисты так обращались с рабочими, но, товарищи писатели-историки, будьте добры, когда пишете о капиталистах-эксплоататорах, покажите более ярко их подлинное хищническое лицо, чтобы рабочий, читая вашу книгу, историю предприятия за каждым словом, каким вы характеризуете этого капиталиста, ясно видел врага.

Либерализм со стороны некоторых авторов в характеристике капиталистов-хозяйчиков дает нам серьезное предостережение в дальнейшей работе над созданием истории заводов, требует от нас повышения классовой бдительности к каждому такому срыву в произведении.

Одновременно необходимо сигнализировать определенную опасность, которая ярко вырисовывается — попытки элементов националистической и троцкистской контррево-

люции использовать работу по созданию истории предприятий в своих контрреволюционных целях.

Вот несколько примеров работы контрреволюционеров в области истории заводов.

Чрезвычайно поучительной была история составлени первого тома „Истории ХПЗ" (от возникновения завода до Октября 1917 года). Она доказала, что контрреволюционеры-троцкисты решили осуществить свои реваншистские намерения и в отрасли истории заводов.

Фашист Свидзинский, автор этого первого тома, сделал все, что только было в его силах, чтобы протянуть на страницы истории гиганта нашей индустрии социал-фашистскую, троцкистскую контрабанду. Это же самое делает и его соавтор Редькина, допустившая гнилой либерализм к Свидзинскому и певшая под его дудочку.

В предисловии авторы пускают дымовую завесу:

„История заводов написана самими рабочими, должна гарантировать нас от разнообразной контрабанды в исторической науке... История ХПЗ должна быть исторически верной и политически выдержанной".

Дальше авторы извещают, что „в первой редакции история ХПЗ была обсуждена на заседании в секторе империализма института им. Багалея и зачитана частью на нескольких вечерах на заводе старым рабочим, которые сделали авторам целый ряд очень ценных замечаний, исправлений и дополнений".

Кроме того рукопись „во второй редакции" поступила на рецензию к старым большевикам, бывшим рабочим ХПЗ, которые „согласились дать свои чрезвычайно важные замечания, дополнения и исправления".

Какие замечания дали рабочие и большевики-подпольщики, нам неизвестно, ибо авторы об этом умолчали, несомненно скрывши эти замечания, но то, что подали авторы во Всеукраинскую редакцию—это яркое доказательство попытки троцкистов протянуть свою контрреволюционную контрабанду (мы уже не говорим о том, что книга написана тяжелым, плохим языком, чрезмерно перегружена различными документами, это по существу сборник подробно комментируемых документов, а не „история заводов").

Почти на каждой странице встречаем или совершенно неграмотные, с исторической точки зрения, или намеренно троцкистские формулировки, примеры, утверждения.

Так, автор счел необходимым подробно рассказать о самообразовательных курсах, возникших в Харькове в 1900 г.г. Приводя справку о составе слушателей, автор делает такое обобщение: „Распределение слушателей по социальному положению дает чрезвычайно интересную иллюстрацию состава пролетариата в конце прошлого сто-

летия, на заре расцвета русского капитализма". Каков же состав курсов и как, исходя из него, можно делать вывод о составе пролетариата в целом? Автор говорит:

„Из этих 326 человек: крестьян было —224, мещан —89, казаков—3, цеховых—5, унтер-офицер—1, поч. граждан—1, сыновей чиновников—2". Читатель узнает, сколько дворян, поч. граждан и т. п. было в составе курсов, и ему дается право сответственно подсчитать, сколько дворян и поч. граждан было в составе пролетариата в 900 г.г.

Не менее „интересное" читаем и в ином месте этого сочинения.

> „Никаких политических лозунгов этот союз (говорится о реформистском союзе) не выдвигал. В его рядах широко дискуссировался вопрос о роли интеллигенции в рабочем движении. Идеологом „махаевщины" в рядах социал-демократического союза рабочих был рабочий ХПЗ Нечипор Махов, выдвигавший лозунг „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих" и остро отрицавший право интеллигенции вмешиваться в рабочие вопросы".

Так и написано. Выходит, что не Маркс, а Нечипор Махов дал эту историческую формулу.

Фашист Свидзинский на страницах „Истории ХПЗ" распоясался во всю, силясь доказать, что пролетарская революция на Украину была привнесена извне. Замалчивая и всячески обходя роль, значение и историю борьбы украинского пролетариата, батрачества и беднейшего крестьянства за пролетарскую революцию на Украине, Свидзинский, прикрываясь фразами о „братской помощи рабочих России", протягивает теорию об искусственном привнесении на Украину Октябрьской революции. Для Свидзинского не существует партии большевиков на Украине, а если он кое-где и вспоминает о большевиках, то главным образом с целью дискредитации их революционной работы (по вопросу о Брестском мире, в вопросах борьбы против Центральной Рады, в вопросах разрешения хозяйственно-политических задач, и т. д.). Во всех местах, где фашист-троцкист Свидзинский говорит о рабочих, он обязательно изолирует их от революционных мас села: Свидзинский их „не замечает", они, по Свидзинскому, к революции не имеют никакого отношения.

Дальше больше. Свидзинский и Редькина немало поработали над тем, чтобы как можно больше протянуть троцкистской контрабанды.

Редькина утверждает, что в 1904—5 г.г. „в Харькове большевики и меньшевики работали в об'единенном комитете", что „на первом этапе революции, когда дело шло только о свержении самодержавия, о буржуазно-демокра-

тической революции, большевики шли вместе с меньшевиками".

Здесь Редькина доказала, как можно, ссылаясь на Ленина, здесь же его и исказить. Ленин учил, что, поскольку „в ближайшей цели борьбы нет ничего социалистического", возможно известное соглашение всех „революционных" и „социалистических" партий для того, чтобы *„вместе ударять"* по самодержавию в борьбе за демократическую республику, но *„итти необходимо врозь"*, ибо „мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие демократические цели с нашими конечными целями—социалистической революции".

Но Редькина приписывает Ленину, что он учил пролетариат „итти вместе" со всеми оппортунистическими силами.

Свидзинский и Редькина далее утверждают (вопреки определению Ленина), что революция 1905 года *до* свержения царизма, *до* установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, стала революцией социалистической; ибо по утверждению авторов эта революция уже „несет новое знамя, знамя пролетарской революции".

Редькина контрабандой старается протащить взгляды господина Троцкого, снижая значение буржуазно-демократического характера революции в 1905 году, недооценивает роли пролетариата как гегемона в демократической революции, как единственного класса, который может обеспечить уничтожение всех остатков крепостничества, доведение до конца буржуазно-демократического переворота и установление диктатуры пролетариата.

Автор по троцкистскому сбрасывает со счетов крестьянство, игнорируя крестьянский (главным образом) характер революции 1905 г., смазывая задачи пролетарского руководства крестьянством.

Троцкистскими утверждениями такого порядка изобилуют многие страницы „Истории ХПЗ". Попытки контрреволюционеров использовать со своей вредительской целью фронт истории предприятий на этот раз сорвались. Всеукр. редакция „И. З." и парторганизация ХПЗ своевременно раскрыли всю эту троцкистскую контрабанду, рукопись забраковали и бригаду таких историков распустили (поставивши о них вопрос в соответствующих организациях).

Но это не значит, что враг не будет делать новых попыток пролезть в работу творческих бригад на других об'ектах. Поэтому нашу классовую бдительность мы должны усилить, мобилизовавшись на непримиримую борьбу за высокую большевистскую партийность произведений по истории предприятий.

Другая попытка работы контрреволюционеров была выявлена на Сталинском заводе — Кутоманов (как после выявилось, белогвардеец в прошлом), которому было поручено написать историю Сталинского завода, тоже пытался вредить. „Этот историк", говоря об интервенции, изрекает следующее:

„Народы мелких государств, против своего желания, шли на поддержку тех генералов, которые при царизме душили их и от них можно было ожидать, что, утопив в крови революцию, они восстановят единую неделимую".

Кутоманов старается спрятать настоящую суть планов интервентов, а поэтому он клевещет на народы (не проводя тут классовой диференциации народов), которые, как будто бы, об'единились против советской власти.

В ином месте Кутоманов впадает в умиление перед прослойкой верноподданных рабочих капиталистических предприятий, в большинстве состоящей из низшего командного состава, которые, благодаря подачкам и милости хозяина, становятся сами крепкими хозяйчиками — „имели домишко, коровку, а то и две, птицу разную" и т. д. И рисуя в своем произведении этих людей, Кутоманов ими увлекается — „чисто они работали, любили свое дело и станки, прогулов не знали, по 20—30 лет производственного стажа имели".

На первый взгляд, как будто бы Кутоманов выступает против этой части рабочих, которые выслуживались перед капиталистами, как будто Кутоманов рисует их отрицательными типами, но дело здесь в ином, что Кутоманов прячет. Вовсе не в старании, чистоте и трудолюбии здесь дело. Этот тезис Кутомановым взят из арсенала меньшевистской фразеологии. Кутоманов скрыто не договорил, что эта публика была опорой политической реакции в рабочем классе, на которую опирались государство и предприниматели.

Нельзя обойти неприятного случая с результатами полуторагодичной работы писателя Матвеева-Сибиряка над созданием „истории Краматорского металлургийного завода". Вся работа Матвеева-Сибиряка это и не историческое и не литературное произведение. Он во многих местах клевещет на рабочий класс. Например, поставив своей задачей охарактеризовать рабочих того времени, он пишет:

> „Об общей массе Краматорских рабочих того времени можно сказать буквально то же самое, что высказал рабочий Егоренко в своих воспоминаниях о рабочих ХПЗ: „Начиная с 1890 года, вспоминая жизнь провинциальных городов, смею утверждать, что ра-

бочие почти все были заядлые монархисты, невежественны, грубы, пьяницы, богомольны и в большинстве безграмотны".

У Матвеева-Сибиряка в этом произведении нет сюжета. Он применил самые примитивные формы публицистической статьи (и то плохого сорта). В одном месте он подходит, как этнограф, в другом—как публицист. Цитаты из Ленина, из воспоминаний рабочих он вставляет просто кусками и делает это неудачно, не к месту. Например: „описание жизни крестьян села Петровки, какое так безыскусно дает старый рабочий Шестопал, ярко подтверждает сказанное Лениным в его книге „Развитие капитализма в России", где говорится—„социально-экономическая обстановка"... и далее идет цитата на 15 строк, совершенно неуместная, с предыдущим ничего общего не имеющая.

Еще на более низком уровне стоят стилевые средства автора. Каждая страница это иллюстрация бессилия автора. Лирические рефрены неожиданно перебиваются цитатами из Ленина или чьими-нибудь воспоминаниями. Или неожиданно, ни к селу, ни к городу, такие перлы:

„Вдруг развлечение—Робя, баба.
— Эй, держи ее, держи. Тю-тю.
В чем дело?"
Это какая-то женщина из деревни прошла.
И автор делает вывод:
„Увидеть женщину примета дурная, быть несчастью, ли не потрафит в чем-то".

Начав первый раздел в стиле былинника-сказателя неудачной лирикой, автор неожиданно начинает комментировать песни. На смену былине вдруг во втором разделе выходит исторический рассказ, а в третьем — это уже сухая хроника. Только в одном месте автор как будто вспомнил, что пишет художественную историю, и после сухой цитаты выстрелил таким абзацем:

„Высоко кружил в голубом небе хищный орел и своим зорким оком оглядывал постройку".

На протяжении трех разделов автор ни единого эпизода не развернул в сюжет. Он только пересказывает, и пересказывает бескрасочными плакатными штампами, вроде:

„а поп, гнусавя свои молитвы, проповедуя покорность господам и послушание царю и его начальству, так как „нет власти, аще не от бога", давал целовать одну свою руку, а другой тащил курочку". Или такое: „Как вихрь, как грозовая туча, как хищник из поднебесья налетел верхом на баской лошади панский об'ездчик. Слезы, плач".

В истории заводов контрабандой проходит и теория „жертвенности на алтарь революции". Так автор истории

завода „Коммунар" некто Талпа, написавший графоманский труд на 35 печ. листов (и это только вторая часть „истории Запорожского завода, забракованная Всеукр. редакцией) пишет:

„Были прямо таки случаи трогательные. Например, на ленте конвейера нет для установки столбиков (одна из деталей)—кузнечный цех черепахой ползет. Рабочий мчится в кузню, торопится, наваливая на себя, что может, и спешит обратно, спотыкается, падает. Столбики в разные стороны, нога ушиблена здорово, кровь. Рабочий быстро вскакивает, собирает поспешно груз, ругаясь и хромая, тащит к конвейеру, лишь сдав груз, заинтересовывается, что с ногой. Конечно это, скажете, кустарщина: был бы порядок—не было бы нужды в таких подвигах. Целиком и полностью согласен. Но согласитесь и вы, что, кроме этого, есть тут прекрасная романтика энтузиазма, который пришел на завод и притянул к конвейеру страстность производственной энергии.

Почитайте воспоминания рабочих и вы увидите, какая эмоциональность окружает конвейер. Кустарщина—кустарщиной, неполадки—неполадками, а энтузиазм—энтузиазмом".

В таком духе почти вся работа (если ее можно так назвать). Чтобы покончить с этим автором, необходимо привести еще одно место, где описывается завод в 1921—22 г.

„Ясно, что Леп вел завод № 1 к явному производственному развалу. Он все же ждал и несколько весен подряд шептал друзьям: „В этом году освобождение", лелея надежду, что „минует печальное время, мы снова обнимем друг друга и страстно и жарко забьется воскресшее сердце, и страстно и жарко с устами сольются уста". Да-с, Герман Иванович, не дурак вы, надо согласиться. Но надо согласиться и с тем, что „кончилось счастье", и попали вы, талантливый буржуа, все-таки под пролетарскую метелочку. Согласимся же, Герман Иванович, на маленькой истине: хорошо смеется тот, кто смеется последним. И еще на одной истине, что последним то были не вы. Но в 1921 году вы смеялись".

И оканчивает свою рукопись он так:

„каковы бы ни были успехи завода, сейчас они были только плацдармом для новых задач, новой борьбы, новых форм классовой борьбы.

Ведь есть еще неполадки, уничтожайте их.

Стал увертливее, хитрее, но еще жив классовый враг. Бейте без жалости и половинчатости. Не успокаивайтесь.

Большевистская история не знает точек. Но автору надо уже кончать непомерно разросшийся труд.

Вам, коммунаровцам, с которыми он сжился за эти месяцы работы, особенно тем, кто вынес на плечах своих борьбу с 1921 по 1933 г., уже немногочисленным ветеранам, тебе коммунистическая организация завода, на ваш суд отдаю свой труд.

Неохотно, потому что в действительности нет точек, все же ставлю точку, лишь потому, что подчиняюсь нормам расстановки знаков препинания.

Конец".

Такие, примеры приведены здесь лишь потому, что если человек написал работу на 35 печ. листов и заявляет, что потратил на нее 6 месяцев, такому факту необходимо все-таки уделить хоть немного внимания, хотя и так очень ясно, что это произведение никуда не годится; произведение, безусловно, забраковали и над автором поставили „точку".

Такие срывы в работе над созданием „истории заводов" есть неизбежные издержки первых шагов в этой области, которые необходимо сводить на нет, ликвидировать, относясь непримиримо к идеологическим срывам и своевременно давая большевистский отпор всем, кто пытается через „историю заводов" протянуть контрреволюционную троцкистскую или националистическую контрабанду.

Несколько слов необходимо сказать относительно положительных глав, приближающих нас (но только приближающих) к тому типу произведения, который показал бы, как необходимо писать „историю заводов".

Из всех глав, поданных к первому сборнику „истории заводов" Украины, как наиболее удачные, необходимо отметить „Путь к первой маевке"—автор Аркадий Григорьев (на материалах истории ХПЗ), „Высокое напряжение" Якова Башмака (на материалах ДнепроГЭС'а), „Дивиденды" Г. Яковенко (шахта „Ильич"—Кадиевка), „Сделанная весна" П. Иванова и „Первая комсомольская" П. Мурзтова (на материалах ХТЗ), „Пионеры каменноугольного дела"—автор П. Радченко (на материалах истории Горловских шахт).

Аркадий Григорьев, описывая в „Путь к первой маевке" историю первых революционных шагов рабочих ХПЗ, достаточно удачно, простым и в то же время красоч-

ным языком излагает интересные факты из истории ХПЗ и революционного движения рабочих. Ряд исторических документов автор удачно вмонтировал в общее описание событий того времени и так их подал, что читатель, с интересом следя за нарастанием революционных событий на заводе, понимает настоящую суть этих документов, классовое содержание всех писем, приказов, обращений хозяев к рабочим. Автор правильно раскрывает суть событий, умело передавая условия работы и быта рабочих, особенно подчеркивая эксплоататорскую роль хозяев и всей системы капиталистической эксплоатации.

Небольшие разделы Муратова и Иванова из Истории Харьковского Тракторного завода написаны неплохо, и с небольшими поправками, каких они требуют, их можно принять, как главы, которые показывают, что авторы нашли если еще не совсем, то начало пути создания истории заводов. Необходимо также отметить, как положительные главы, написанные т. Радченко по истории Горловских шахт.

Собственно этим можно и закончить рассмотрение рукописей, поскольку остальные почти повторяют общие недостатки. Необходимо только отметить один чрезвычайно важный отрицательный момент, относящийся к многим работам по истории заводов, это то, что авторы иногда рассказывают о жизни предприятия, его истории, как-то со стороны, они *рассказывают*, как все было, а не *показывают* событий, не освещают их изнутри, не раскрывают иногда чрезвычайно важных исторических фактов.

Так, автор истории Сталинского (б. Юзовского) завода Гонимов во многих местах поверхностно подошел к изучению и показу жизни рабочих в прошлом, он, например, совершенно умалчивает о таких фактах, как: гибель в 1891 г. во время катастрофы 52-х рабочих шахты, принадлежавшей заводу; это событие вызвало большое возмущение и волнение среди рабочих завода. Далее, в 1892 году на заводе был холерный бунт (во время холеры в Юзовке умерло более 800 чел.), после подавления бунта было высечено 400 человек, выслано в арестантские роты 300 чел., сослано на каторгу 16 чел., повешено 3 чел. О всех этих фактах записано в летописи Преображенской церкви а автор истории завода т. Гонимов о них не пишет. Он ограничивается лишь указанием, что был холерный бунт, и что пороли три дня подряд, а цифр автор почему-то боится. Также автор не подает и таких чрезвычайно ярких фактов, как то, что каждый юзовский рабочий выпивал в среднем 58 бутылок водки на год, а с пивом больше 6 ведер; что кабатчики открывали кредит рабочему до 150—200 руб. В 1884 г. в Юзовке на 458 душ населения был один кабак и на

780 душ — 1 учитель (из материалов земского обследования).

Можно ли допускать, чтобы подобные факты остались вне внимания историка, который должен рассказать всю правду о жизни рабочих капиталистических предприятий? Безусловно нет. И автор, делающий такую ошибку, отходит от выполнения требований, поставленных перед ним".

★★★

Работу над созданием „Истории заводов" часто недооценивают, забывая о колоссальной роли, какую она должна сыграть в воспитании миллионных мас трудящих (и особенно молодого поколения). Историю заводов необходимо будет широко использовать в работе учебных заведений, библиотек, клубов, массовых партийных, профессиональных кружков, в прессе, в радиопередаче и т. д.

Хорошим указанием для всех авторов по созданию „Истории заводов" служит майское постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросу „О преподавании гражданской истории в школах СССР". В этом постановлении говорится:

„Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания **гражданской истории** в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории".

Точно также на конкретных, ярко изложенных страницах истории заводов, фактах прошлой революционной

борьбы рабочих, под руководством большевистской партии—нужно научить молодежь правильно оценивать нашу победную поступь вперед и вооружить опытом прошлой борьбы с различными оппортунистическими группами, теориями и теорийками, для успешного окончания построения бесклассового социалистического общества.

Фашисты Германии, Польши, Италии использовывают историю (соответственно ее подтасовывая) для воспитания в детях зоологического национализма, бешеного патриотизма. Фашисты уже, даже не прикрываясь демократией, четко сформулировали свое представление об истории и историческом образовании, как об орудии контрреволюции. Они ставят своей задачей—отбросив научные исследования прошлого, заменить его только оценкой и подбором фактов для обоснования своего господства.

Принципиально-противоположным есть наше отношение к историческим наукам, к историческому образованию. Нашей основной задачей есть: на историческом материале, разрабатываемом и освещаемом в свете учения Маркса-Ленина-Сталина, воспитать молодежь и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма, в духе солидарности интересов трудящихся всех стран, доказывая на конкретных исторических фактах, как эксплоататорские классы на протяжении всей истории выступали против об'единения эксплоатируемых наций, насаждая среди них национальную вражду, подавляя классовую сознательность и тем облегчая себе возможность еще сильнее эксплоатировать угнетенных.

Наша марксистская история (и в частности „история заводов") должна правдиво раскрыть всю диалектику социального развития и классовой борьбы, всю механику эксплоатации трудящихся масс, противопоставляя всем этим историческим фактам нашу современную действительность, историю борьбы за сохранение завоеваний Октябрьской революции и борьбы за успешное социалистическое строительство.

Чрезвычайно большое значение для всех историков и особенно историков „истории заводов" имеет указание тов. Сталина на абстрактность и схематичность многих исторических работ и его требование применить метод марксизма и ленинизма к изучению конкретного исторического материала. Историю делали живые люди; классовая борьба и вся история революции—дело живых групп и лиц, реально действовавших и действующих во времени и пространстве. Допускать же схематизм истории, как предупредил историков тов. Сталин, это значит отрицать историзм; марксистская история требует конкретности, учета всех своеобразностей каждой данной исторической эпохи. Это подчеркивал и Ленин, отмечая такие слова Гегеля:

„Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что, только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и естественно возможно судить о ней“ (Ленинск. сборник № 12, стр. 151).

Эти указания должны сделаться для авторов „истории заводов“ обязательным условием их работы. Каждая работа по „истории заводов“, не соответствующая этим условиям, безусловно не сможет быть принята пролетарской общественностью. Историков никак нельзя освободить от работы над „историей заводов“; нужно усилить их участие в деле создания „истории заводов“, используя весь их опыт и знание для научно-исследовательской работы над историческими документами и над воспоминаниями рабочих.

Только об'единенная работа литераторов и историков, старых подпольщиков, кадровиков рабочих обеспечит нам создание подлинно большевистской, научно-художественной „истории заводов“, которой надлежит сыграть чрезвычайно великую роль как сейчас, в эпоху построения бесклассового социалистического общества, так и в будущем коммунистическом обществе, люди которого по этим материалам будут изучать предыдущую и современную великую эпоху невиданной в истории человечества борьбы за полную победу над эксплоататорами, за коренную перестройку классового общества на общество социалистическое, коммунистическое.

ЗАВОДЫ ДО ОКТЯБРЯ

РОЖДЕНИЕ ЗАВОДА

I.

Трудное время переживало Брянское общество. Завод в Брянске не имел основного производства и все время переходил от одного рода изделий к другому. Здесь изготовляли не только рельсы и мосты, но и вагоны, цистерны, платформы, пароходы, шаланды, землечерпалки, доки, переносные пути для артиллерийского ведомства, повозки интендантского обоза, переносные кузницы, осадные лафеты для артиллерии, изготовлялись также стрелки, переводы, машины и аппараты для сахарных заводов, бандажи, газовые и дымогарные трубы, элеваторы для железных дорог.

И даже такое разнообразие производства едва давало возможность удерживать завод на прежнем уровне. Малое количество строящихся дорог и общий застой промышленности давали низкий спрос на рельсы и принадлежности для железных дорог.

С другой стороны, закон о таможенной пошлине на ввозимый чугун крепко ударял по карману брянских капиталистов.

Дорогостоящий чугун привозился из Европы через ближайший северный порт—Ригу, который в зимнее время покрывался льдом, и подвоз прекращался. А поэтому приходилось делать запасы по 2 миллиона пудов чугуна ежегодно, что составляло полугодичную потребность завода и стоило 600 тысяч рублей золотом. Это оболваненное в чушки чугуна золото не приносило капиталистам долгие месяцы „священной" прибыли; хозяева теряли проценты на затраченный капитал и эти затраты лежали тяжелым грузом на обороте.

Это обстоятельство особенно давало себя чувствовать передельным заводам, в числе которых был и Брянский завод.

Среди горнозаводчиков в свою очередь возросло движение против заграничного ввоза. Еще 5-й с'езд горнозаводчиков Юга России в 1880 г. выступает с ходатайством перед правительством о поднятии таможенных пошлин на ввозимый чугун из заграницы в Россию до 15 коп. золотом

за один пуд. И дальше последующие с'езды—6-й, 7-й, 8-й также выдвигают повторные ходатайства опять-таки о повышении пошлин. И правительство начинает оберегать отечественную промышленность, как угольную, так и металлургическую, которые, по определению тов. Сталина, „явились на Украине не снизу, не порядком естественного развития народного хозяйства, а сверху, порядком привнесения, частичного насаждения извне...".

Покровительственные пошлины на ввозимый чугун неустанно растут подымаясь до 15 коп. в 1886 году и до 30 коп. за пуд в 1887 году.

Это обстоятельство заставляет брянских капиталистов основательно волноваться. Зарождается мысль итти на Юг России, или, как выразился председатель правления Брянского Общества Чацкин на с'езде железозаводчиков, „рискнуть итти на Юг". Чацкин первый понял такую необходимость и ему вскоре удалось убедить членов правления в „капитальной важности" настоящего предприятия.

— Мы,— говорил он,— теперь стоим уже накануне того, чтобы в близком будущем не нуждаться в заграничном чугуне.

В 1884 г. общее собрание акционеров выносит решение о постройке металлургического завода на Юге.

Запасы должны иссякнуть в 1889 году. К этому времени все прокатные заводские устройства должны быть по плану перенесены на Южный металлургический завод.

Согласно решению этот завод должен находиться вблизи богатых залежей руды и угля, с тем, чтобы можно было целиком перейти на собственный чугун.

Брянские капиталисты изо всех сил тянутся к тому, чтобы совершенно освободиться от заграничного ввоза чугуна. 30 коп. за пуд привозного чугуна на руку только горнозаводчикам и нисколько не помогает передельному производству. Все протесты представителей передельной промышленности на с'ездах железозаводчиков оканчиваются неудачей. Правительство на стороне первых,— это и ускоряет приход на Юг брянских акционеров.

В продвижении на Юг многие из промышленников видели шаг вперед, „к расцвету" отечественной промышленности". При случае упоминали более предприимчивого конкурента из иностранцев. Например, Воронцов высказал такую мысль: „Я полагаю, что первым пионером русского горного дела на Юге России следует считать не Юза, получившего неимоверную субсидию в 8 миллионов рублей, а тех лиц, которые, направляясь на Юг, должны затратить на начало этого дела по крайней мере 3 миллиона рублей".

Спешно на Украину высылаются гонцы-агенты. Их за-

дача—„в интересах доверителей" найти подходящее место для завода. Нужно было найти место, близкое к руде и углю, с тем, однако, условием, чтобы была сохранена прямая связь с Бежицким заводом в г. Брянске. Для этого необходим был водный путь. Таким путем являлся Днепр, счастливо связанный с речкой Десной.

Судоходный Днепр безусловно разрешал проблему переброски металлических изделий и оборудования к месту вновь строящегося завода, обеспечивал наиболее выгодную отправку продукции и, самое главное, доставку чугуна на старый Бежицкий завод. Вскоре место было найдено на правом берегу Днепра города Екатеринослава, а соседство большой реки обеспечивало предприятие неограниченным бесперебойным водоснабжением.

Один участок земли, который был выбран под завод, принадлежал Французскому анонимному Об-ву Криворожских железных руд. Брянское общество купило его в количестве 57 десят. 388 кв. саж. по купчей крепости от 23 сентября 1885 года.

Покупка земли у анонимного О-ва оказалась делом не трудным. Совершенно иначе обстояло с другим участком расположенным по другую сторону железной дороги в количестве 121 дес. 1.600 кв. саж., который принадлежал Екатеринославской Городской Думе. Впервые вопрос о продаже этого участка встал в Городской Думе 29 июля 1885 года, когда зачитывалось заявление председателя правления Чацкина, действовавшего по доверенности правления О-ва. Большинство членов Думы к этому заявлению отнеслось явно недоброжелательно. Они предусматривали в лице завода крупного конкурента, могущего заглушить их интересы своей коммерческой деятельностью. Долго пришлось Чацкину раз'яснять „благие" намерения и цели, с какими они русские капиталисты — пришли сюда.

Большая группа членов Думы предвидела, что завод несет с собою „быстрый рост населения, оживление торговли, возвышение ценности недвижимых имуществ, развитие промыслов, обилие могущих открыться заработков, новые источники дохода для города".

По мнению этой группы, завод являлся „существенным приобретением, выпавшим на долю Екатеринослава, тем более, что эта земля дает дохода всего 3 — 4 рубля с десятины". Но противники доказывали другое. По их мнению: „Город не должен продавать свои земли и во всяком случае с этим делом не следует торопиться, потому, что современем явится много охотников на эти участки, так как Екатеринослав более или менее центральное место для чугунно-литейных заводов". Эти хотели побольше сорвать...

Особенно противились торговцы, интересы которых расходились с большинством членов Думы. Гласный Вакушев так отвечал торговцам:

— Я не слышал ни одного мнения от неторговцев в пользу стеснения завода относительно земли, но более всего упрекали Думу, что она в этом вопросе придерживается не общих для всего населения интересов, а опасается лишь какой-то конкуренции.

Тогда встает гласный Коломеец и протестующе заявляет:

„По моему мнению Брянскому заводу не следует отдавать ни одного клочка городской земли".

— Бояться нечего — возразил ему Залюбовский—пусть строят, а мы будем облагать их сборами.

Наиболее „проницательные" противники продажи земли завода пустились даже в рассуждения о том, что, дескать, „скажут наши наследники о нас, людях, которые попусту растранжирили им принадлежащую землю".

Голосовали закрытой подачей голосов шарами и 38-ю голосами против 5-ти Дума постановила продать Обществу Брянского завода 120 десятин земли по 200 рублей за десятину.

В купчей было сказано:

„Отчуждаемая Обществу Брянского рельсопрокатного завода земля в количестве более или менее, но около 120 десятин, предназначенная для устройства и расширения всякой заводской и фабричной и связанной с ними художественной деятельности О-ва, обязанного строить в г. Екатеринославе доменное производство, а равно предполагающее создать заводы, подобные существующим близь города Брянска Орловской губ. и всякие иные фабричные и заводские предприятия".

Купчий акт принимается Думой по каждому отдельному пункту. По прочтении 11 пункта гласный Нестель взволнованно спросил:

„Так как при устройстве завода потребуется усиление пожарной команды, состава полиции, прибавление одного мирового судьи, то получаемого с завода налога будет ли достаточно на покрытие всех этих расходов?"

Присутствовавший по приглашению Думы инженер Чацкин успокоил Нестеля. Он обещал завести свой штат полиции, одетый по форме. Что же касается пожарной команды, то по окончани обсуждения пунктов проекта Чацкин поднялся со своего места и с согласия городского головы торжественно изрек:

„Желая вступить добрым гражданином в число жителей города Екатеринослава и чем-нибудь выразить это желание, предлагаю Думе принять от меня такого размера и достоинства пожарную кишку, какой г. Екатеринослав до настоящего времени еще не имеет".

Гласные Думы выразили инженеру Чацкину живейшую благодарность.

II.

Вокруг Екатеринослава в 1885 году лежали огромные, мало заселенные земли, уходящие вширь на десятки верст. Город насчитывал тогда около 60.000 человек жителей, разбросанных в различных районах. Дикие степные ковыли и на несколько верст простирающиеся кривые овраги были единственной достопримечательностью города и его окрестностей, если не считать непролазную грязь пустых незамощенных улиц.

То место, на котором был построен Брянский завод, представляло из себя в ту пору пустырь, ограниченный с одной стороны линией Екатерининской железной дороги, с другой стороны крутым берегом Днепра. На запад вдоль этого места тянулся огромный овраг, отделяющий село Новые Кайдаки от завода. На востоке, где сейчас стоят рельсобалочный и железопрокатные цеха, были каменоломни, впоследствии засыпанные при планировке завода.

В ноябре 1885 года началась постройка чугунно-плавильного завода. На участке появились инженеры и приступили к планированию местности. Как из-под земли выросли живоглоты-подрядчики: Копылов, Морозов, Бакшевский.

По соседству с заводским участком подрядчик Копылов имел свой кирпичный заводик, чем был особенно полезен вновь строящемуся заводу. От себя уже Копылов имел шайку других подрядчиков — Абрамовича, Лузакова, Васильева.

На огромном участке земли развернулись подготовительные работы. Сплошь покрыли пустырь согнутые спины рабочих, среди которых маячили белые кителя и фуражки инженеров-строителей. Работа подвигалась быстро. Земля была разбита на 3 горизонта. На средний должны стать доменные печи, выше—эстокады, а внизу, у подножья домен, под'ездные пути и другие сооружения.

До этого времени на Украине работали только две доменных печи. Чугун был дорог, и брянским хозяевам ничего не оставалось делать, как торопить работу по постройке завода. Хозяева напирали на строительство. Для этой цели отпускается 300.000 рублей. Летят в Брянск рапорта, а оттуда повеления.

Первыми вступили в работу небольшая ремонтно-механическая мастерская с кузницей и мастерская огнеупорных изделий. Примитивные обжигательные печи первыми опустили слои копоти на вздыбленную строительством землю.

Еще недавно пустынный участок земли внезапно преобразился, сотни кубометров земли были перемещены из

одного места в другое, засыпались выбоины и провалы. Срезали под нивелиры сотни лет дремавшие бугры.

К февралю 1886 года были готовы фундаменты для двух доменных печей и воздухонагревательных аппаратов, брошены на средний горизонт в основание камни и заложены доменные печи шотландской конструкции, чертежи которых были спроектированы в подражание французскому заводу, построенному в 1884 году.

Ярому представителю молодой промышленной буржуазии инженеру-технологу Алексею Михайловичу Горяинову было поручено строительство чугунно-плавильного завода. Хозяева высоко ценили своего, довольно таки талантливого, инженера. Выбор на него пал не случайно. Он отвечал всем их замыслам и желаниям. Хозяева были заинтересованы найти для этой роли такого человека, который бы знал все достижения в области техники не только в России, но и в странах Западной Европы.

Горяинов и являлся такой фигурой. После окончания института в 1881 г., он совершенствовал свои знания несколько лет на лучших заводах Франции и Бельгии, был хорошо знаком с металлургическим производством за границей. Сам в течение 7-ми лет работал инженером конструктором. Это обстоятельство и послужило причиной приглашения главным строителем и директором новостроящегося завода. Для молодого инженера это было лестно. Его ставили в пример другим, из него делали „национальную гордость". С ним считались и ему доверяли.

Металлические части и оборудование для вновь строящегося завода выполнял старший брат—завод в Бежице.

В половодье, когда реки выходили далеко за берега, нбарках и плотах переправлялись тяжелые части доменных печей в 500 и больше пудов весом. Часто в те времена можно было слышать, как из подводимых плотов раздавались голоса сплавщиков:

— Бросай якоря быстро!

Орловцы и гомельцы лучше других справлялись с этой работой.

Тяжелые конструкции погружали на сани, в которые впрягали по 15—20 пар волов. Длинным поездом тянулись по песчаной россыпи к месту работы люди, лошади, волы.

Было тяжело. Одна помощь всему—запевалы. Становилось легче когда под команду скрипучего голоса падало заученное:

— Раз два — коликом!

— Раз два — ломиком!

— Еще нужно, взяться дружно!

А железные части поменьше рабочие переносили к месту работы на плечах, надрываясь под тяжестью груза. Люди

за 50—60 коп. с утра до 7 часов вечера проделывали нечеловечески много работы. Дисциплина была суровая. Штрафовали за каждую мелочь. Подзатыльники получили на строительстве самое широкое применение. Праздников почти не было. За воскресный день получали, как за будничный. Скажет кто-нибудь об этом десятнику—„вон!"; не так глянул на начальство—„вон!"

„Вон!" носилось по широкому плацдарму завода, нагоняя страх и покорность.

Зато дома, в бараках, где было больше сырости, чем света, допускались пьяные развлечения. Но при этом всегда находился непременный блюститель порядка — городовой, содержимый на средства хозяев.

От него многое зависело.

Он наказывал и поощрял. Часто городовой „бил зорю" для тех, кто после кулачных развлечений не мог по гудку подняться. В таких случаях он подходил к спящему и носком сапога призывал к „священному" труду.

Случалось и праздновали: выпадал день „Христов" или день „Миколки"... Тогда, бывало, расходилась залихватская удаль. Кулачные бои были первым делом: туляки шли на смоляков, черниговцы на курских. Горой стояли за мордобойную честь.

Затевались бои часто.

Со стороны подзадоривали „патриоты":—Наливай до отказа! И кто посильней и ловчей—наливали. А часто дрались „любя", как говорили тогда. Это было особого рода зрелище. Засучат рукава и пойдут потрошить бока, зло, с остервенением; силы — не занимать. Каждый ловкий удар вызывал у зрителей взрыв хохота и одобрения. Для многих это кончалось уродством.

Администрация, люди чинами повыше приходили поглазеть на „забавы народа". Какое им дело до того, что народ, усердствуя, сворачивает себе челюсти, теряет зубы, сбивает набок носы.

— Каждый развлекается по своему разумению,— весело говорили они, расходясь по домам.

Пьянка шла половодьем. С первым ударом лопаты на строительстве родились кабаки. Как западни они ловили забитого рабочего. Кабаков было много. Они находились всюду: в степи, на дороге, как добрые друзья жили рядом с бараком. Едва рабочий получал получку он сейчас же шел в кабак. Там пропивал деньги, рубаху и глянцевые сапоги, гармошку. И вновь неприглядно тянулись полные лишений и бедствий дни.

III.

Многим рабочим режим на строительстве был не под силу. И не получив расчета они бежали с работы. Редко

кто удерживался несколько месяцев. Текучесть была чудовищно велика. В течение года на завод принималось количество рабочих равное числу работающих.

Такая текучесть заставляла администрацию прибегать к различным способам обеспечения завода рабочей силой.

Хозяева вынуждены были рассылать специальных вербовщиков, которые слонялись по захудалым селам и деревням Смоленщины, Гомельщины и другим губерниям, отбирая подходящий „народец" для работы на стройке.

А таким „народцем" были безземельные и безлошадные крестьяне.

Администрации нужен был рабочий, который оседал бы на заводе. Таких и разыскивали вербовщики. Таких они и улавливали кабальным договором на „честное" слово.

Обещалось многое: бесплатный проезд по дороге, хорошие харчи, хорошее жилье с отдельной койкой. Но это были только слова. Ничего подобного по приезде рабочие не имели.

За проезд и харчи заботливая администрация аккуратно выворачивала из жалованья. Рабочему едва оставалось 25–30 коп. от дневного заработка. Обманутый ничего не мог предпринять, так как все время работы на заводе он должен был хозяевам. Бежать домой тоже было трудно вследствие огромного расстояния, которое его отделяло от семьи и дома, и это требовало немалой суммы денег. Так и оставался рабочий влачить нищенское существование.

Не брезгали и таким методом вербовки рабочей силы: работающие уже на заводе туляки, смоляки, нижегородцы, черниговцы под диктовку подрядчиков писали своим на родину: „эй, сват, брат, кум, кати сюда — благодать!"

И народ, получая письма от своих посельчан, верил и ехал. Бросали на жену и недорослых детей худое хозяйство и „костыляли" навстречу „счастью".

Ехали по одному, ехали толпами. А приехав рассыпались по окрестностям, набивались до отказа по баракам, падали на общие, притрушенные соломой нары и выращивали артельной силой дородную русскую вошь.

Эти вертепы мордобоя и эксплоатации, бесправия и грязи давали ватаге подрядчиков богатую наживу. Ради „легкого рубля" подрядчики обставляли барак водкой, кулачками и артельными куховарками.

Из-за них зачастую артельные ребята избивали друг друга в кровь, у них оставляли весь свой заработок до единой копейки.

Вспоминая прошлое, один из стариков — ветеран завода Акользин так его определяет:

— Тогда мы были молоды, а вот молодости не было.

Вся работа по сооружению завода шла вручную. Под'ем

железных конструкций на доменные печи производился лебедками. Тяжелая 13-тичасовая работа валила с ног. В эти 13 часов работы рабочий отдавал всю свою силу.

Год и три месяца бешеной работы подводили постройку домен к концу. Печи поставленные инж. Горяиновым, представляли собой последнее слово технического усовершенствования. Таких печей в Росии не было. При печах были устроены нагревательные аппараты системы Каупера с мощными для того времени воздуходувными машинами и с группой специальных котлов, отапливаемых отходящим доменным газом.

Обе печи имели высоту 16,75 мт. с диаметром колошника в 3.476 мм., с диаметром распара в 5.200 мм. и с диаметром горна вверху 2.400 мм. и внизу 1.750 мм. Печи имели металлические кожухи с внутренней кладкой из цельных огнеупорных кирпичей во всю ширину стенок.

К этому времени на берегу Днепра была построена водокачка.

Близость Днепра давала возможность горн, окруженный металлической броней, беспрерывно охлаждать водой. Нагретый воздух в печь подводился пятью фурмами с диаметром сопла 90 мм.

Это были небольшие печи с производительностью 4.000 пудов чугуна в сутки, с общим пневматическим под'емником, расчитаным на службу двух печей. На колошниковом мостике лежали рельсы, по которым четырьмя рабочими подгонялись вагончики в две тонны весом к месту загрузки.

10 мая 1887 года работы по сооружению доменной печи № 1 были закончены. На водке, на лавках-грабиловках, на изнурительном 13-тичасовом рабочем дне была пущена первая доменная печь.

Пуск печи совпал со вторым днем празднования столетнего юбилея города Екатеринослава, основанного в 1787 году, и поэтому был особо торжественным.

К двум часам полудня специальный поезд из вагонов первого и второго классов доставил на завод Брянского О-ва избранную, разодетую публику. В числе гостей присутствовала почти в полном составе Городская Дума. Приехало много инженеров и чиновников.

На торжество пришло несколько тысяч человек.

В три часа дня председатель правления инженер Чацкин с потным от полноты чувств лицом „имел радость“ в особо устроенном павильоне, продекламировать содержание телеграммы, полученной от министра государственных имуществ: „по просьбе Правления Брянского О-ва государь император соизволил разрешить Екатеринославский завод назвать „Александровским Южно-Русским“.

Приведенные на всякий случай 500 солдат прокричали: „ура"!..

Преосвященный архиерей Серафион Екатеринославский, Таганрогский и прочая приступил в сослужении с другими „подобиями" к молебну. Как полагается в таких случаях, преосвященный разразился приличной его сану речью, указав на необычайность сооружений. Затем его преосвященство с достаточным количеством „священной" воды направил свои стопы к сооружениям завода.

Для вящего эффекта преосвященному Серафиону был подан огненный факел, которым он, ознаменовав себя крестом, поджег дрова в печи.

Зрелище завершилось угощением.

Для знати города был сервирован в специально устроенном павильоне обед на 270 особ. Первый тост был предложен выпить за здравие царя-батюшки. Затем гости подымали тосты и пили за здоровье присутствующих, слюнявили друг друга поздравлениями.

Что же касается рабочих, то для них были устроены столы на лоне природы с обильной могорычевой выпивкой. Пили в этот день здорово, до пожара в глазах и до одури в голове.

Дружно трубили два оркестра музыки.

Подвозились новые заряды водки. Уже знать уехала в город и павильон опустел, а „земляки" все еще показывали друг другу уменье выпить.

Это могло продолжаться далеко за полночь, и администрация решила прекратить гульбище. Оркестру было приказано итти за ворота завода и там продолжать игру. В гике и гуле выходила масса из завода, подымая безбрежное море суглинковой пыли.

IV.

С пуском доменной печи № 1 завод начал развиваться. В сентябре 1887 года была построена небольшая чугунно-литейная мастерская, приспособленная для отливок изделий прямо из доменного чугуна.

С весны этого года было приступлено к постройке сталелитейных мастерских Бессемера, Сименс-Мартена и начаты работы по сооружению рельсовой и листопрокатной мастерской. А в конце года заложена железоделательная мастерская с 32-мя пудлинговыми печами и прокатным отделением для прокатки универсального широкополосового и сортового железа.

Производительность строящихся мастерских была рассчитана на обеспечение спроса, который пред'являлся различными казенными ведомствами и местным рынком. Выпуск

бессемеровской стали должен был равняться 4—4½ млн. пудов в год, мартеновской стали 250.000 пудов, рельс 3,5—4 млн. пудов и железоделательная мастерская рассчитывалась на производство 1½ млн. пудов пудлингового железа.

Все металлические части зданий, а равно машины и котлы попрежнему изготовлялись на Брянском заводе при ст. Бежица.

22 мая 1888 года был сделан первый выпуск чугуна из второй доменной печи. В октябре приступлено к выделке железа на 8-ми пудлинговых печах и начата прокатка на мелкосортных и среднесортных станах. Построена отдельная кузница с медницкой мастерской при двух Оливеровских станах для выделки болтов и заклепок, увеличены чугунолитейная и механическая мастерские.

К концу 1888 года многие цеха и мастерские заканчиваются и приступают к выпуску продукции.

Стоимость первых двух доменных печей выражалась в 800.000 руб. серебром.

Не желая подвергаться случайностям в снабжении завода рудой, Правление Брянского О-ва арендует 2 рудных месторождения: 1-е у помещика Харченко за полкопейки с пуда добытой руды.

Имение это находилось в Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда, Весело-Тарновской волости при деревне Божедаровке.

Второе — у адмирала Кореницкого за полкопейки платы с пуда добытой руды.

Большое количество руды было приобретено у Криворожского О-ва железных руд. Закуплено значительное количество угля и кокса у фирм П. Максимова, Алексеевского Горно-промышленного О-ва, Голубовского товарищества, Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности. У частных фирм и лиц было закуплено необходимое количество флюсов и огнеупорной глины.

Приобретение собственных месторождений руд и закупка огромного количества флюсов, кокса, угля, марганца, глины освобождают брянских капиталистов от тех случайностей по отношению к ценам, которым подвергались рудные копи Криворожья и угольные месторождения Донбасса.

В начале 90-х гг. предприятие представляло собою законченный тип большого железоделательного завода, стоящего на одном уровне по конструкции печи с доменными заводами Западной Европы, хотя доменные печи Англии в то время уже достигали суточной производительности чугуна до 22.000 пуд. в сутки. К 90-м годам заканчиваются в основном все главные сооружения завода. 17 апреля 1890 г. закладываются 3-я и 4-я доменные печи с нагревательными

аппаратами системы Вивеля. В рельсовой мастерской устанавливается блюминг (обжим) с отдельной паровой реверсивной машиной, с нагревательными печами системы Бишера. Устанавливаются 8 паровых котлов системы инж. Шухова.

В 1890 г. завод выплавляет чугуна 3.165.844 пуда вместо 316.000 пудов в 1887 году. Совершенно заканчивается постройка мостового отделения. Принимаются первые заказы на мосты. Завод изготовляет различные сорта железа, отливает в 1891 г. от 8 до 24 дюймов канализационные трубы. Принимает подряд на поставку труб в 24 дюйма для строящегося тогда Московского водопровода.

Обществу Брянских заводов сдается подряд на поставку всех металлических частей для строящегося в Николаеве Адмиралтейством самого большого броненосца Черноморского флота.

Дела общества с пуском Александровского завода быстро улучшаются. Теперь общество не закупает чугуна за границей, все работы ведутся на собственном чугуне. Выплавляемый чугун отправляется заводом в Бежицу, но вскоре он переходит на самостоятельную переделку чугуна в сталь и железо.

Александровский завод на фоне других заводов, Юзовского и Пастуховского, выгодно выделялся своей новизной и производственной мощностью. До пуска Александровского Южно-Русского завода на Юге России работали всего 2 доменные печи, выплавившие до введения таможенной пошлины в 1886 году 2,87 млн. пудов чугуна.

Но эта новизна была далеко не совершенной. Технологические и трудовые процессы велись почти варварскими способами. Работа на колошнике и у горна доменных печей производилась ручным способом, несовершенными инструментами, требовавшими от рабочего большой ловкости и огромной физической силы. Материалы, попадая в воронку доменной печи, ложились в ней неравномерно по кусковатости. Приходилось досками планировать материал по окружности воронки. Рабочие работали в окружении газа, захлебываясь в собственном поту. Шахта печи перекрывалась одним конусом, поэтому при опускании материала из нутра печи вырывались смертоносные газы.

Рабочие отбегали от него, как от смерти, в будку, устроенную там же на колошнике. Но ядовитый газ доставал их и там, он врывался в их легкие и люди падали на площадке.

Старые владельцы завода смотрели на рабочих, как на живые машины, приносящие им барыши. Нужды рабочих не привлекали их внимания; рабочих можно найти, они стояли у ворот — ожидая приема. Если кого убивало или калечило — хозяев это совершенно не волновало. Их судили, а если судили, то все равно виноватым оставался

рабочий. Жандармский суд царской России почти всегда признавал, что несчастный случай произошел по вине самого рабочего.

Завод всегда был в грязи, отличался необычайной загроможденностью. Работа в цехах со скученными агрегатами, при высокой температуре и отсутствии какой бы то ни было вентиляции, была неимоверно тяжелой.

Не было такого дня, чтобы у доменных печей рабочие не отравлялись. То и дело приходилось заменять их новыми. Но и новых постигала та же участь. В головах не переставали стучать молотки отравления.

Списочное количество рабочих на 1-е января 1887 года составляло 1.154 чел. Женщин в списках рабочих не числилось. По национальности они составляли: украинцев 532 чел., русских — 1.197, поляков 38 чел., евреев—7 чел. и прочих национальностей—13 чел.

Рабочие в большинстве своем пришлые, прибывшие сюда из Орловской, Калужской, Тульской, Смоленской, Тверской, Витебской, Нижегородской и друг. российских губерний.

Все они, гонимые голодом и нуждой, поработав на заводе, убегали. Из 2.271 принятых в 1888 году рабочих убегает назад 1.705, а в 1889 г. из 2.106 принятых рабочих убегает 2.184— больше, чем было принято. Рабочий брал свою котомку и уходил так же скоро и легко, как и приходил на завод.

Месячный заработок в 90-х годах всех рабочих на заводе составлял около 100.000 рублей. Средний заработок одного рабочего в день равнялся 1 р. 26 коп. Чернорабочие получали в летнее время 70 коп., в зимнее 80 коп. Расчет с рабочими производился один раз в месяц.

Заводом заведывали два директора — горные инженера Горяинов и Кошницкий. Кроме них на заводе числились горных инженеров 5, инж.-технологов — 9, ученых мастеров 3 и мастеров-практикантов 15 человек.

Разные писаки сюсюкали во всю репортерскую мощь о необычайности сооружения. Все инженеры и ученые профессора считали своим долгом посетить Александровский завод и после, в красочных красках, описать столь редкие в их практике сооружения.

Но больше всего восхищались тем, что все изготовлено русскими инженерами и рабочими.

Но в самый момент пуска печи эта удаль несколько ослабла. Вместо „мы, русские, докажем“ — главный строитель А. М. Горяинов докладывал правлению о необходимости приглашения на завод двух мастеров доменщиков из Франции. Горяинов это мотивировал тем, что в России нет опытных мастеров-доменщиков, хорошо знакомых с плавкой чугуна на минеральном топливе.

Правление одобрило мероприятие Горяинова — и вот, через некоторое время „все русское“ увидело французов, а будущие русские мастера, Новиков и Акользин, сделались первыми учениками и почти рассыльными не весьма ученых мастеров.

Один из учеников, Новиков, был доверенным лицом Горяинова. На заводе он больше занимался молебнами, свечами и паникадилами, готовил площадки для молебствий, иначе говоря, был в роли конферансье священных концертов, которыми нередко администрация угощала рабочих.

Французы очень скоро научились по-русски ругаться, но были ли они хорошими специалистами — на этот вопрос старожилы завода ответить затрудняются. Твердо известно одно, что целый ряд лет чугун был очень плохого качества. Браком чугуна был завален весь склад, там его лежало несколько миллионов пудов.

Вначале приехало только два француза, затем еще несколько человек. А в 90-х годах уже почти все начальство состояло из французов.

К русским специалистам-техникам хозяева стали относиться весьма сдержанно, в то время как с французами они заметно няньчились и в восторге перед всем иностранным хозяева почти не интересовались практическими знаниями французских специалистов.

Дело дошло до того, что мастером оказался француз, который много лет работал в цирке и совсем немного у домен. Профессия акробата так над ним тяготела, что он иногда становился об'ектом насмешек со стороны рабочих. Часто у доменной печи он сбрасывал верхнюю одежду и показывал русским рабочим, под дружный хохот, свои незамысловатые цирковые номера — вроде хождения на руках или стояния на голове, прыжки через голову.

Он откровенно заявлял: „Поехал в Россию лишь потому, что рюс хороший хозяин, рюс многа платит“.

От французов у старожилов завода осталось одно очень памятным: плевки в лицо, пинки в затылок, в зубы, безобразная полурусская, полуфранцузская ругань. Все это было обыденным явлением.

V.

Начальником доменного цеха был француз Модест Пьерон, довольно еще моложавый, крепкий человек, в возрасте около 55-ти лет. По натуре был очень скрытный и скупой. К 90-м годам он уже прилично знал русский язык, но об этом почти никто не подозревал, так как он нигде им не пользовался.

Вино было ему лучшим помощником. В заводской ко-

лонии для служащих, где он жил, у него был специальный винный погреб, к которому Пьерон относился с трогательной заботливостью.

На содержание он не обижался—он очень исправно получал не только жалованье, но и приличную премию. Пьерона сорта вин больше интересовали, чем сорта чугуна, в них он больше понимал и разбирался, хотя нельзя было ему отказать и в том, что ему кое-что было известно из области химии; все анализы руд и чугунов приносились ему. Читал он их или нет—неизвестно; факт тот, что качество чугуна оставалось попрежнему плохое. Доменные печи иногда по целым месяцам выпускали брак. Пьерон об'яснял это исключительно недоброкачественностью руды, и ему верили.

На службе при доменном цехе числился его сын—„Пьерон младший", как его называли в цехе. Служба его заключалась в неопределенных функциях и обязанностях. Он редко бывал на заводе, а больше в раз'ездах по делам. Отцу о делах его приходилось узнавать уже тогда, когда, прогуляв деньги с проститутками, он умолял его заплатить долги, которые он сделал при раз'ездах в Москве или Петербурге „по делам завода". Отличался он еще тем, что на заводе с палкой в руках гонялся за рабочими и избивал их.

О русских инженерах он отзывался не иначе, как в такой форме:

— Русский инженер будет умен тогда, когда у меня на пятке вырастут волосы.

Пьерон имел у себя двух помощников. Первый был поляк Козловский. От ничегонеделанья у него болела спина, и он всегда жаловался на боль в спине. По обыкновению он сидел в кабинете и читал газету. Ведал анализами и отправками. Был зол, как собака, его все сторонились и боялись.

Второй помощник был барон Шеллинг. У этого барона была служба гораздо интересней, чем у других специалистов. В его обязанности входило отсиживать наказание при всех несчастных случаях, если суд считал виновным администрацию. Но так как суд это делал редко, то ему приходилось подолгу ждать. Но когда нужно было „садиться", он получал приличную сумму денег и, с согласия полиции, уезжал к морю и там „отсиживал" „наказание". На эту ссылку он не жаловался...

Сам Горяинов — главный инженер, строитель и директор завода очень уважал французов. Им он многим обязан. Ведь это французы привезли все чертежи доменных печей шотландской конструкции и здесь в России копировали их втайне при закрытых дверях. День и ночь работал в специальной тайной комнате старший инженер-конструктор француз Деброн и перечерчивал из французских чертежей доменные печи

и другие сооружения, доставившие столько славы инженеру Горяинову.

О Деброне рассказывают: когда заходили к нему в комнату и подходили к столу, он быстро руками закрывал чертежи и ложился грудью на стол, боясь открыть их тайну. Она скрывалась по договоренности с Горяиновым.

Французам была дана широкая вольность. За средства завода они выписывали всевозможные инструменты, тонкие, дорогие приборы. В медницкой мастерской завода несколько человек рабочих годами работали на них, изготовляя различные сервизы, самовары, чайники, кружки, блестящие цепи. Столяры изготовляли по капризу их жен различного рода изящную мебель, через каждые полгода переделывая ее заново. В общем брали из завода все: материалы, инструменты, зарабатывали на сметах по строительству и ремонту.

Впоследствии эта нажива проявилась в том, что Горяинов и Пьерон открыли на левом берегу Днепра свой машиностроительный заводик, на котором для своих же хозяев изготовляли различные пресса.

Можно и сейчас еще встретить неимоверной тяжести пресса, с огромными станинами и основаниями, которые Горяинов и Пьерон отливали на своем заводе, беря плату за пуд веса изделия. Погоня за наживой превращала изделия этого завода в такие одоробла, которые не выдерживают никакой критики с точки зрения правильных технических расчетов.

Горяинов и Пьерон занимались немало и усовершенствованием производства, иногда граничившего с изобретательством. Так ими взят был патент на „Пикатаж" для укрепления металлоприемника доменной печи, заделки возможных прогаров и смены их. Это усовершенствование работало много времени, но себя не оправдало.

Другой патент Горяинов и Пьерон взяли за гидравлический затвор колошника, но и он также не имел успеха, не пошел в ход и изобретатели вынуждены были от него отказаться.

Несколько позже братья Горяиновы предложили способ, который был родоначальником рудного процесса. Горяиновы предполагали достигнуть наилучших результатов, если сплавить руду с известью и влить в получившийся шлак жидкий чугун при мартеновском производстве стали. Действительность вполне оправдала расчеты Горяиновых, но реакция шла так бурно, что управлять ею не было никакой возможности. Кроме этого рудный процесс требовал от печи большого нагрева ванны после первой реакции кипения, а печи Горяиновых были плохой конструкции.

В результате их способ не дал экономического эффекта и был оставлен.

Сам Горяинов являлся не плохим инженером. В свое время он был большим знатоком доменного и мартеновского производства. По свидетельству профессора Тиме, Горяинов являлся лучшим инженером на Юге России.

Устройства горновых печей с блиндированными панцырями не имели себе подобных даже за границей. Тиме утверждал: „Домны Александровского Южно-Русского завода еще в 1887 году были снабжены описанными панцырями и с тех пор на заводе не наблюдалось ни одного случая прорыва горна или каких-нибудь случайностей".

В другом месте—о мартеновском производстве, усовершенствованном инженером Горяиновым, Тиме писал: „В мартеновском производстве в 1894 году введено усовершенствование Горяиновым, состоящее в применении жидкой руды в количестве 25% против количества чугуна. Результаты: возможность применять меньшее количество лома; время процессов сократилось с 12 до 6 часов, следовательно производительность печей увеличилась и стоимость металла уменьшилась с 1 руб. 10 коп. до 85 коп. за пуд. Этот способ мы потом перенесли и на Урал".

Горяинов пользовался среди технического персонала большим уважением. О нем ходила слава, как о „хорошем" и „добром" человеке, старики рассказывают такое:

„Бывало подойдешь к нему и скажешь: Алексей Михайлович, построечкой обзавестись хочу, помогите авансиком. А сам это ему заявленьице. Глянет на тебя и не читая подпишет. Идешь бывало в кассу и изволь, получай.

И Горяинов действительно это делал. Но все это шло не от „доброты" его. Горяинов был очень тонким эксплоататором. С виду он почти никогда не вмешивался в мелочи заводской жизни, но это не мешало ему тонко руководить своим аппаратом, выжимать все соки из рабочего.

Текучесть рабочей силы очень волновала этого „доброго" администратора. Поэтому всякая тяга к оседлости пришлого рабочего им поддерживалась не только „добрым" советом, но и денежной суммой, которая так или иначе возвращалась заводу. Это им рассматривалось, как победа завода. Но всем ли Горяинов отпускал деньги? Конечно, нет. Деньги отпускались в первую очередь старым работникам завода, вошедшим в доверие или рекомендованным начальством. Больше всего помощь эту получали от дирекции выписаные квалифицированные рабочие. Других, чернорабочих, директор не удостаивал такого внимания. Они жили, где только могли, часто ютились в самом же заводе, не попадаясь на глаза начальству.

Каждый день около 11 часов по заводу проходил Горяинов. В форменной фуражке, в кителе, с лицом несколько

подпухшим и сосредоточенным, грузный,—он медленно переставлял ноги, опираясь на палку.

На заводе много было безобразий. О них не мог не знать Горяинов — этот „прекрасной души“ человек. В доменном цехе например состоял на службе некий десятник Мануилов, который только тем и занимался, что „портил женщин“, как выражался он сам под хмельком.

Кроме конторы, девушки тогда уже работали на просевке кокса. Они служили об'ектом насмешек и издевательств со стороны низшего административного персонала. Особенную роль в этом занимали отметчики: Блюмкин, Кудрин, Скрипкин. Этого „прекраснодушный“ Горяинов „не замечал“...

VI.

С 1-го октября 1888 года была пущена в ход железопрокатная мастерская: мелкосортные и среднесортные станы и 8 пудлинговых печей. С февраля этого же года вступает в работу крупносортный стан и 16 пудлинговых печей с числом садок, равным от 8-ми до 12—15 пудов. Мелкосортные и среднесортные станы прокатывали от 1.500 до 2.000 пудов железа в сутки, что целиком удовлетворяло нужды двух заводов. Часть бросалась на рынок, так как на железо пред'являлся большой спрос.

Но железо было очень низкого качества. В холодном состоянии оно выдерживало всякие механические испытания, в горячем же было красноломко,— это об'яснялось тем, что в донецком коксе содержалось значительное количество серы.

Пудлинговые печи загружались вручную материалами, которые затем долго варились. Рабочему целый день приходилось простаивать у окон печи, беспрерывно поворачивая светлокрасный комок. А когда было готово—отрывали клещами кусок в 7—8 пудов и на руках подтаскивали к молоту, где под тяжелым—в $1^1/_2$ тонны ударом бойка осаживали углы. Бесформенный комок железа приобретал вид болванки и пропускался через особый стан „Пудельбарс“. Полученное железо резалось на части, связывалось пакетами по пять штук и шло на сварочные печи, а затем в станы для получения сортового и универсального железа.

На первых порах на металл нашлось очень много покупателей из местных кустарей и кузнецов, но скоро клиенты убедились в полной непригодности железа, так как оно при первом ударе молотом не только ломалось, но и рассыпалось.

Неудача с железом очень волновала администрацию завода. Мастер, который изготовлял его в пудлинговых печах, был прозван рабочими „красноломким“.

Желая улучшить качество железа, администрация решила

поставить на заводской площади собственную батарею коксовальных печей системы „Коппе", с тем, чтобы уголь предварительно отмывать от вредных примесей. С фирмой бельгийского инженера „Коппе" заключен был договор на постройку печей и углепромывочного здания со всеми надлежащими устройствами, в количестве 40 печей двумя группами с производительностью в 1,5 тонны каждая печь. К постройке первой группы печей было приступлено в июне 1889 года, а с апреля еще к постройке 40 печей такой же системы.

Для обеспечения углем коксовальных печей Правление Брянского О-ва приобретает в собственность богатые угольные месторождения у Саганко, Кордовского и Шлярмана. Всего было куплено 1.676 десятин. Все месторождения находились в Славяносербском уезде, Екатеринославской губернии.

В Екатеринославском уезде были арендованы марганцевые месторождения в Сулецко-Лиманском имении у графини Брюнетто-д'Уссо. Ранее эти руды доставлялись из Никопольского района и частично с Кавказских месторождений.

Разворачивание основных производств на заводе идет в эти годы усиленным темпом. Капиталовложения в завод превышают 3 миллиона рублей. По выплавке чугуна завод занимает одно из первых мест среди всех русских чугуноплавильных заводов. В 1891 г. пущена в ход печь № 3, увеличившая производитель5ность завода до 6 млн. пудов чугуна в год. В 1894 году окончен ремонт домен №№ 1 и 2. 20 июня этого года была заложена печь № 4.

С 1891 года завод изготовляет кокс, чугун обыкновенный, чугун зеркальный, сталь литую бессемеровскую, сталь легкую мартеновскую, сталь рельсовую, фасонное литье, пудльбарс, железо и сталь разных сортов, рельсы различных марок, железнодорожные скрепления, железнодорожные мосты, трубы чугунные, литье: медное, чугунное и свинцовое, костыли железнодорожные и болты.

Завод вывозит в 1894 году 8 млн. пудов готовых изделий и поглощает свыше 50 млн. пудов сырых материалов. Усиливается электрохозяйство завода приобретением двух добавочных динамомашин с отдельной паровой машиной в 50 лошадиных сил системы „Корлиса"; 30 электрических фонарей устанавливаются в разных отделениях завода. Появляются первые электромоторы.

До этого на заводе работало 3 динамо, установленные в 1886—1889 гг., приводившиеся в движение паровыми машинами, обслуживавшими от 6 до 10 дуговых фонарей каждая.

Продуктивность завода вырастает в 1891 году до 5 млн. пудов чугуна против 316 тыс. в 1887 г. Одних только рельс в 1893 г. завод выпускает 3 миллиона пудов против 600 тысяч

в 1891 г. Основными заказчиками завода являлись: металлообрабатывающая, машиностроительная промышленность.

Влияние завода на развитие промышленности Екатеринославской губернии и города Екатеринослава огромно. Быстро подымается до непредвиденных размеров южно-русская промышленность, вступая в сильную конкуренцию с западными иностранными землями, поставщиками железа в России. За совершенно короткий срок вырастают гиганты заводы: Каменской—1889 г., Трубопрокатный Шодуар—1889 г., Глянцевский Криворожский—1892 г.

В самом городе Екатеринославе и в окрестностях в разное время возникают несколько заводов для выделки разных изделий из чугуна, железа и стали. Сам город и прилегающие к нему окрестности весьма оживляются. До 1886 года в Екатеринославе насчитывалось до 60 тыс. жителей. В 1894 году по сведениям Городского Управления в Екатеринославе число это возрастает до 100 тыс. человек.

До этого Екатеринослав представлял из себя чиновничемещанский город при полном отсутствии крупного индустриального пролетариата. Но с пуском завода и устройством различных фабрик в городе увеличивается рабочее население, оседающее вокруг заводов. На завод прибывают все новые и новые люди.

Русская администрация тщательно подбирает состав рабочей силы. По обыкновению за ворота выходил приемщик и смотрел на толпу, ища подходящий „народец". Если среди поступающих находились люди, отвечающие требованиям, приемщик повелительно орал:

— Эй, земляк, иди сюда.—Последний подходил и становился перед глазами приемщика. Этот осматривал его с ног до головы, затем брал паспорт. Если поступающий был чуть приличнее одет, приемщик говорил коротко: „ненужен".

Особенно издевалась администрация над местными украинскими рабочими. Украинцы в большинстве своем не допускались на квалифицированную работу, как правило, принимались чернорабочими. Иногда в виде исключения ставились сторожами и рабочими по ремонту.

Хозяева насильственно проводили руссификацию среди украинского населения, осуществляя гнусную политику царского правительства. В этом им помогали верноподданные украинские кулаки, занимавшие на заводе низшие административные должности.

Вообще Брянский завод в то время являлся характерным предприятием для промышленности Украины-колонии.

Евреям было еще трудней. Поступить на завод еврею было почти невозможно. Многие, желающие работать на заводе, шли в мещанскую Управу за рекомендацией, но и

это не помогало. Администрация наотрез отказывала в приеме на работу.

Одному из старых работников завода Гусятинскому, по его рассказам многое пришлось перетерпеть, прежде чем поступить на завод. Гусятинский учился в школе, вместе с сыном помощника начальника прокатного цеха. Однажды он высказал ему свое желание поступить на завод. Последний попросил об этом отца, который уважил просьбу сына и согласился определить Гусятинского в прокатный цех. „Мне было велено притти в мастерскую, имея на руках паспорт. Увидев меня—вспоминает Гусятинский—он взял мой паспорт и отправился к начальнику прокатного цеха Удовенко, который согласился меня принять с условием перемены имени. Мой ходатай на это согласился и они меня в кабинете „окрестили".

Выйдя из конторы помощник начальника подозвал Гусятинского к себе и спросил: „Как тебя зовут?"

— Абрам — отвечает Гусятинский.

— Так вот, с сегодняшнего дня ты Михаил, понял?

— Да...—И вот с 1889 года по настоящее время его зовут Михаилом Борисовичем Гусятинским.

VII.

С тех пор, как пошли доменные печи, рабочие завода получили специфическую окраску. Даже на расстоянии они отделялись от остального народа. Бараки, в которых жили доменные рабочие, также принимали доменный вид. Это особенно было заметно на порыжевших нарах. Грязь и вонь принимали безобразно большие размеры.

Жилищные условия были невыносимы. Заводская администрация не строила домов для рабочих. Им приходилось жить артелями, у частных хозяев по 8—10 человек в одной комнатушке. Хозяин был заинтересован в том, чтобы держать как можно больше постояльцев и не обращал внимания на жалобы и протесты жильцов.

Дома строились исключительно для служащих завода. На первых порах была построена колония рядом с заводом, насчитывавшая 32 одноэтажных домика с решетчатами заборами и цветниками. Полосатые будки дорисовывали и неизменно украшали поселок.

Обследовавший в то время жилищные условия инженер Иордан в своем заключении говорит следующее:

„Артельные дома—писал он—представляют собой старые, в полном смысле отвратительные помещения с нарами в два яруса, с кухней тут же, служащей для спанья и еды. Они тесны и грязны".

В лачугах, в которых жили рабочие артели, было темно,

мокро, холодно. Потрясающая смертность ребятишек характеризует лицо проклятого быта.

Вот что коротко рассказывает о себе старый большевик—рабочий Брянского завода Каменский: „Я работал на доменной печи, получал самое большее 27 рублей. Квартиру нанять больше чем на три рубля нельзя было, а в этой был земляной пол. От этого дети болели и помирали. Из 20 ребят у меня осталось только 6"...

До смерти уставший рабочий приходил домой и падал в каменном сне. Часто после 12-тичасового рабочего дня мастер цеха оставлял еще работать вечером до 12 час. ночи. Отказаться было невозможно и рабочий оставался верен закону „не ослушания".

Расширение производства вызывало новые притоки рабочих. Вокруг завода и на окраинах города рождались хибарки, рылись землянки, в которых ютилось по 2—3 семейства. Вся эта обстановка напоминала больше лагерь беженцев, чем рабочих завода.

Особенно запомнился рабочим подрядчик Мина Копылов. Еще до начала работ по постройке завода Копылов слыл в Екатеринославе как „дельный человек", умеющий из малого сделать крупные барыши. Рабочих он умело загонял, как скот, в бараки и хитро создавал такие условия, что они всегда были должны ему, всегда отрабатывали и вечно просили на харчи „авансиком". Редко кто миновал его систему эксплоатации.

На заводе он брал самые большие подряды. Современем Копылов стал миллионером и издателем крупной газеты „Приднепровский Край".

Казармы, в которых жили „копыловцы" были рассадником различных заболеваний. Бараки Копылова были вкопаны в землю. Внутренний вид их ничем не отличался от наружного. По 80—100 человек копошилось в них; люди спали, брошенные на голые доски с лопатой под головой вместо подушек. „Копыловцы" по преимуществу работали на выгрузке сырья: свой „инструмент"—лопату они всегда носили с собою. За потерю лопаты штрафовали и удерживали из жалованья.

В бараках было холодно. В дождливую погоду негде было просушить одежду и лапти. В деревянных казармах насекомые не давали возможности ни отдохнуть, ни поспать. Их было разведено так много, что люди по ночам занимались больше истреблением насекомых, чем спали. Летом было одно спасение—двор; здесь можно было крепко поспать. Казарма летом пустовала, но когда приближались холода, рабочие с трепетом думали о предстоящей зимовке. Клопы и всякие другие паразиты в первую ночевку доводили народ до бунта.

С паразитами уже нельзя было ничего поделать. Тогда в 1893 г. Копылов приказал сжечь казарму. Люди с улыбкой наблюдали, как горела их казарма с паразитами. С этим злом мог справиться только всепожирающий огонь. Позже на этом месте построили каменную казарму, которая мало чем отличалась от деревянной.

Труд на заводе был варварски тяжелым. Если на колошнике рабочие угорали, то не лучше было у горна домны. Способы работы у горна были самые примитивные, требующие большой мускульной силы.

В летку в огромном количестве набивали кварцевую массу, а после подвешенным „барсом" пробивали насквозь пику. Это забирало много труда и времени. Но еще тяжелее было с выпуском чугуна. Часто случалось чугун застывал в летке вследствие большого слоя кварцевой массы, которую он проходил после того, как пика была уже выбита. Нужно было рядом сверлить новое отверстие—это было особенно мучительно. На эту работу уходило от 3-х до 4-х часов. Рабочие по 20 человек цеплялись за железную шлангу - бурав и с каждым ударом в массу поворачивали его под углом, буравя таким образом новое отверстие.

Люди выбивались из сил.

В среднем рабочий вырабатывал по 40—45 дней в месяц. „Жены бывало, как след не повидаешь",—рассказывает Меренков,—как слесарь по ремонту я почти все время пропадал на заводе".

Многие не уходили с завода домой, усталость валила с ног. Тут же в цеху люди падали и засыпали где попало.

Цех освещался коптилками, вентиляции никакой не было.

В труболитейной мастерской с ямой для отливки труб от 8 до 28 дюймов работать было настолько тяжело, что люди падали в глубокий обморок. Яму называли „адом". При выбивке опок из-за сплошной пыли люди в двух шагах не могли различить друг друга. Это обстоятельство приводило к несчастным случаям.

Упавшего ложили на носилки и несли в больницу, в которой было 40 коек, обслуживаемых 2 врачами и одной акушеркой. Часто больные без осмотра лежали день и два, так как доктора отлучались по своим делам.

Бывали такие случаи: в приемной ставили носилки с больным, доктор подходил и равнодушно спрашивал:

— Откуда больной?

— Из труболитейной—отвечали рабочие.

— Тащите в ванную.

Больного несли в ванную и купали до тех пор, пока тело не становилось чистым, затем ложили в кровать. Человек пролежав 2 часа подымался и уходил в завод здоровым. Оказывалось, что пыль настолько нарастала на теле,

что закупоривала все поры, коже нечем было дышать, и человек падал, теряя сознание.

Угар, отравление газами, — были обычными явлениями. Тогдашнему рабочему и думать запрещалось о какой-то охране труда.

Все процессы работы на заводе выполнялись вручную. В одной из своих статей проф. Тиме писал в частности о кирпичной мастерской завода, уверяя читателя, что несмотря на механизацию кирпичеделательного производства „здесь предпочитают работать ручным способом". На самом же деле это обстояло иначе. Механизация настолько была неисправна и нелепа, что все рабочие, чтобы не терять заработок, формовали кирпичи и правили только вручную. Спрос в основном удовлетворялся и администрация особенно не настаивала на работе машиной. Машины стояли, их с'едала ржавчина, они покрывались пылью кварца и шамота.

При работе 4-х доменных печей завод справлялся с заказами, удовлетворяя также спрос на железо местного рынка. К 1894 году завод целиком закончил свое развитие. Прокатное, рельсовое, бессемеровское, мартеновское отделения были закончены и работали полным ходом.

Выплавка чугуна выросла с 3.200.000 пудов в 1890 г. до 12.000.000 пудов в 1894 году. Сталь с 300.000 пудов в 1890 г. до 5.000.000 пуд. в 1894 г. Соразмерно с этим росли и прибыли завода. В 1890 г. завод имел прибыли 140.000 руб., а в 1894 г. завод даст прибыли хозяевам 1.700.000 рублей, что является ярким показателем хищнической эксплоатации рабочих Александровского Южно-Русского завода.

При слабой технике, при отсутствии совершенных орудий производства и малом умении рабочих работать, администрации все же удается добиться желаемых прибылей.

Производительность доменных печей на Брянском заводе доходила в среднем до 5.000 пудов в сутки, а чтобы держать на этом уровне производительность печи нужно было рабочих держать в ежовых рукавицах, поддерживать суровую дисциплину, а это было возможно только при варварском насилии и эксплоатации рабочих.

И. Гонимов

ДЖОН ДЖЕМС ЮЗ *)

Почти столетие Русское самодержавие пыталось построить на юге, в Донецком бассейне, железоделательный завод, но все попытки оставались тщетными. В 1795 году был прислан с Ижорского завода в Донецкий бассейн шотландский инженер мистер Гаскойн. Правительство ассигновало ему 700.000 рублей и обеспечило полную свободу действий.

Выбор места для завода представлял сложную задачу. Пустынные степи, безводные овраги очень беспокоили островитянина, привыкшего к широкому морю и обильным рекам, но когда он увидел место, где Ольховка сливается с Луганью, он несказанно обрадовался. Дело было весной, еще стояла полая вода и Лугань напомнила ему Ижорский завод и реку, которую он шлюзовал и чем стяжал себе славу искусного строителя. Мистер Гаскойн решил заложить металлургический завод и доменную печь в треугольнике образуемом Ольховкой и Луганью.

Два года строился завод, и когда он был совсем готов, мистер Гаскойн понял, что ошибся. До воды близко было, а вот до угля и руды было далеко. Уголь был в Лисичанске, а руда в Городище. Доставка пуда угля из Лисичанска обходилась в 15 копеек и почти столько же стоила доставка пуда руды. К тому же лисичанский уголь, длиннопламенный, для плавки чугуна не годился. Лучше было плавить на антраците, но антрацит стоил еще дороже. Сделал мистер Гаскойн несколько плавок в построенной домне, чугун вышел плохой и такой дорогой, что плавить его не было расчета.

А чугун России, с ее колониальной экспансией на Восток, для военных нужд и строительства железных дорог стражно нужен.

Тогда снова решено было построить на юге доменные печи. Все неудачи мистера Гаскойна у всех на памяти.

За полстолетие много экспедиций обследовало Донецкий бассейн, много богатых месторождений угля и железа было открыто, много умных советов и предложений по-

---

*) Из главы „История Сталинского металлургического завода".

лучили царские чиновники, — один мусье Ле-Пле, французский инженер, описал 135 угольных и 22 рудных месторождений.

Керчь!

В Керчи при входе в Еникале есть богатые руды. Антрацит из Грушевска можно морем наладить. Из Таганрога в Керчь за сельдью пароходы идут, часто порожняком. Вместо баласта можно антрацит брать. Англичане так свой уголь из Кардифа в Петербург доставляют. Идет в Россию пароход за хлебом, но не пустой, а с грузом кардифского угля. Отчего с грушевским антрацитом так нельзя делать?

Построили завод в Керчи. Но грянула Крымская война— англичане и французы напали на берега Черного моря, осадили Севастополь, и первым делом разрушили Керченский завод, чтобы он не мог лить ядра для обороны крепости.

В третий раз металлургический завод строится опять в центре Донецкого бассейна.

Близь селения Корсуни недалеко от Никитовки издавна были открыты богатые каменноугольные залежи. Уголь тамошний, сжигаемый без доступа воздуха спекается и выделяет из себя серу и вредные для чугуна газы. Горючий ком-кокс развивает температуру большую, чем самый лучший антрацит. Недалеко от угля открыты рудные месторождения. В реке Булавин воды достаточно для обслуживания большого завода. Кажется все предусмотрено. Царским чиновникам кажется, что все есть, можно строить.

Домну выстроили на славу, и завод назвали Петровским в честь Петра I, который в этом месте разгромил восставшего казацкого атамана Булавина.

Чиновники из министерства государственных имуществ были в восторге и ожидали себе много милостей и больших наград. Все ведь предусмотрено: уголь, руда, вода.

Все предусмотрели, но не учли стойкости огнеупорного кирпича. Выплавила печь 91 тысячу пудов чугуна и дала осадку.

Внутренность печи — ее футуровка — не выдержала силы дутья, огнеупорный кирпич стал плавиться; сгорели фурмы и пошла вода в печь. Внутри печи образовалась настыль с фиолетовой гривой. Настыль росла, ширилась и приняла причудливую форму рогатого зверя:

С каждой вагонеткой руды, опущенной в домну, настыль все обрастала космами и застыла наконец огромной глыбой недоваренного чугуна. Нехватило в домне огня, чтобы растопить и расплавить эту глыбу.

„Козел!"

Козел уходил косматым туловищем в чугун и вызывающе смотрел из потухшей домны на строителей.

Уничтожить козла можно было только выломив бока в печи. Пришлось и третью печь разрушить.

Конфуз вышел большой, пошли распри между царскими министрами. За столетие чиновники министерств ничему не научились. Каждый раз что-нибудь да неусмотрят. Надо обратиться к частному капиталу..

В 1866 году князь Сергей Кочубей получает концессию на сооружение на Юге России завода для выработки железнодорожных рельс. Но еще раньше была выдана концессия спекулянту подрядчику Полякову, согласно этой концессии Поляков должен был построит железную дорогу и рельсопрокатный завод.

С Донецким бассейном Кочубей не многим был связан. Имений и земель у него там не было, средств на сооружение завода не было тоже. Князь Кочубей, получив концессию на сооружение завода, и не думал выполнять ее. Да и департамент горных дел знал, что она не будет выполнена.

Концессия, выданная Кочубею, имела характер милости, а концессия, выданная Полякову, разбогатевшему на интендантских поставках, имела характер „принудительного ассортимента" к основной концессии — к постройке Азовской железной дороги.

Выданная С. Полякову в 1868 году концессия на сооружение железной дороги, вызвала громадный интерес среди представителей металлургической промышленности Англии.

Условия этой концессии были необычны. Так, Полякову обусловили концессию сооружением металлургического завода на Украине и укладкой железнодорожного полотна рельсами отечественного производства.

763 версты железнодорожной линии!

Англия экспортировала в Россию миллионы пудов железных изделий через южные порты, в особенности через Таганрог. Несмотря на трудности, создаваемые русским правительством импорту, для защиты уральской железообрабатывающей промышленности, отдельные учреждения, для которых шел импорт, сами беспокоились о преодолении трудностей.

Концессия Полякова угрожала совсем закрыть российский рынок для английского железа. Но Поляков и не думал строить металлургического завода. Железная дорога была значительно выгодней. Поляков всячески стремился по этому пункта договора постройку металлургического завода не выполнять.

Размах строительства и короткие сроки, обусловливающие его, неимоверные барыши, которые оно сулило концессионеру, если ему удастся обойти неприятные пункты договора, создавали вокруг атмосферу ажиотажа и спекуляции. Было очевидно, что русских рельс не хватит.

Концессионер должен будет стараться всеми мерами обойти запрет импорта. Продажность, самодурство и произвол царских чиновников должны создать условия для преодоления этой трудности. Ограничения импорта с самого начала расценивались царскими чиновниками, и крупными и мелкими, как дело, возле которого можно хорошо набить карман. Почва для огромнейшего взяточничества была создана.

Кочубеевская концессия нежизненна. Поляков и не думает строить металлургического завода. Русский капитализм еще слаб, он только обрастает перьями. Да и очень не охотно он шел в горнозаводское дело.

Все это создавало благоприятные условия для проникновения в Россию заграничного капитала более энергичного, передового, имеющего уже большую практику промышленного строительства.

Да и особых капиталов не требовалось. Царское правительство, кровно заинтересованное в постройке металлургических заводов, предоставляло огромнейшие субсидии. Необходимо умение, организаторские способности, хватка хищника, чтобы околпачивать царское правительство, подкупив чиновников, без гроша построить заводы и прямо из воздуха, из ничего нажить огромнейшие капиталы. А какие возможности эксплоатировать рабочий класс дикой России.

Петербург стал центром, привлекавшим всех иностранных аферистов, спекулянтов и маклеров.

В этом году приехал в Петербург Джон Джемс Джонович Юз. Директор небольшого завода для железных поковок, мастер-кузнец по специальности, Джон Юз не имел капитала для больших дел, которые привлекли его в Петербург.

Не капиталы везут в колониальные варварские страны. А чем страна „Белого Медведя“ не варварская страна? Джон Юз приехал в Петербург в качестве маклера.

Директор Мильвокского завода имел солидные знакомства среди титулованных лиц, которым титул служил солидной вывеской для несолидных афер. Такие лица оперируют больше связями, чем капиталами, поэтому узнать об их капиталах нет никакой возможности.

Заручившись рекомендациями своих титулованных друзей к представителям английской колонии в Петербурге, Юз получил доступ в большой свет петербургских предпринимателей.

Положение Кочубея с его концессией было безнадежно. Концессия была выдана в 1866 году и через два года после выдачи не была реализована. Кочубей не мог организовать акционерного общества, которое хотя бы номинально осу-

ществило его права, хотя бы для отвода глаз что-нибудь сделало.

Несмотря на громадную премию, которую русское правительство давало Кочубею, концессия не находила капиталов и организаторов. Так, за каждый пуд рельс, прокатанных на заводе Кочубея, правительство обязалось заплатить 50 копеек премии независимо от будущей цены рельс, определяемой себестоимостью; между тем, как пуд заграничных рельс в таганрогском порту стоил немногим больше одного рубля.

Кочубею и лицам, заинтересованным в его концессии, нужно было во чтобы то ни стало найти путь к реализации концессии.

Русские капиталисты были все на виду. Те из них, которые обивали пороги, были всем известны, как мошенники и казнокрады. Нужно было найти кого угодно, лишь бы он был незапятнан перед казной. Таким предпринимателем мог быть только иностранец.

Юз поэтому оказался самым желанным.

Кочубей продал свою концессию Юзу за 24 тысячи фунтов.

Акционеров основателей было семь человек, один другого родовитее, один другого влиятельнее, то что называют сливками английского общества.

Два брата Гуч — оба баронета.

Два брата Броссей, из которых младший — член парламента.

Барон Вайзман — кавалер ордена Бани.

Гражданские инженеры Виль Ворт и Огильви.

Сам Юз Джон Джонович в члены-основатели не попал, наверно потому, чтобы не ухудшить титулованного состава основателей.

18 апреля состоялось высочайшее повеление о создании акционерного общества, которое в целом называлось:

„Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства с ограниченной ответственностью", а 29 мая состоялось утверждение общества в Англии.

Быстрота, с которой состоялось это утверждение, доказывает, какой большой был авторитет его основателей.

Сорок дней путешествовал устав общества из петербургских канцелярий к лондонским, чиновники не успели наверно и прочесть его как следует; баронеты и члены парламента поставили на нем свои подписи и это магически действовало.

И капитал Новороссийского общества снаружи был такой же блестящий, как и его фундаторы. Но внутреннее содержание его было довольно сомнительно.

По уставу акционерный капитал состоял из шести тысяч акций по пятьдесят фунтов каждая, всего на сумму триста тысяч фунтов стерлингов. Русскими деньгами — это около трех миллионов рублей. Внешне капитал был громадный, если принимать во внимание тогдашние масштабы, и должен был пользоваться большим доверием в обществе.

Акции были разделены на два класса. Класс „А" — высший класс — был обеспечен прибылями в 10 процентов. Заработало общество или проработало — высшему классу прибыли давай. Если один год прибыли не было, то ее выплачивали из нераспределенных прибылей прошлых лет или записывали, как долг общества с покрытием из будущих прибылей.

Класс „Б" — низший класс — ничем не был обеспечен. Прибыль он мог получить только из остатков класса „А".

Сначала выпустили 2.400 акций класса „А" и 1.000 акций класса „Б", номинально на сумму 1.700 тысяч рублей. Но акций в оборот не пустили. Да и выпустить акции еще не значит вложить капитал и нести ответственность.

„Новороссийское общество с ограниченной ответственностью" — так оговорили титулованные дельцы свое участие в этом предприятии.

Ограничить ответственность акционерам было крайне необходимо, так как действительное капиталовложение в предприятие было ничтожно.

Чем выше было общественное положение акционера, тем меньше была сумма, вложенная в акции. Томас Броссей, не имевший титула подписался на 200 акций. Томас Броссей младший, член парламента на 50 акций, а барон Вайзман—кавалер ордена Бани только на 40 акций.

Остальные подписались на 400 акций по 100 штук каждый.

Общая сумма, на которую подписались акционеры, равнялась 690 акциям, а на деньги 345 тысяч рублей.

Но в действительности акционеры не внесли и этой суммы. Согласно устава акционеры внесли 10 процентов подписки.

Бароны Гуч таким образом внесли по 50 фунтов стерлингов, или стоимость одной акции, член парламента 25 фунтов или стоимость половины акции, а барон Вайзман—кавалер ордена Бани — 20 фунтов, т. е. столько, сколько приличный тори ставит на скаковую лошадь в день Дерби.

Все семь акционеров внесли 34.500 рублей, немного больше, чем 1% основного капитала.

Вот и весь капитал, организованный Юзом на постройку металлургического завода в Донецком бассейне.

Но если Новороссийское общество имело ограниченную ответственность и ничтожный капитал, то кто же дал деньги и взял полную ответственность?

Юзовка (теперь Сталино) — жилища рабочих при Юзе.

Капитал дало русское правительство под ответственность трудового народа.

Акции класса „А“ должны были дать 10 процентов. Акция в 500 рублей давала 50 рублей прибыли в год. Но акционеры внесли только 50 руб. на акцию, годовую прибыль тоже гарантировали им в 50 рублей, т. е. рубль на рубль. „Руп на руп и сверху тулуп“ — говорили купцы.

Так где же „тулуп“?

А тулуп пришел в виде командных и высоко-оплачиваемых должностей.

Штатных директоров было 6, один ответственный секретарь и хранитель печати и члены ревизионной комиссии. Не хватало лиц для командных должностей. И остальные должности заменили банкирами.

Первыми директорами были: барон Вайзман, Томас Броссе, генерал-майор русской службы Отомар Герн, барон Гуч и Джон Юз.

Одно место осталось вакантным для нужного человека. Почетным директором без прав и обязанностей, а следовательно и без всякой ответственности, был назначен князь Кочубей.

Директором-распорядителем с окладом 10 тысяч рублей в год был назначен Джон Юз, а в помощь ему барон Гуч, при чем Джону Юзу гарантировали независимость от остальных директоров и несменяемость.

Устранить Юза от его обязанностей имело право только общее собрание акционеров.

Правление Новороссийского общества, в случае недовольства Юзом, могло только ставить вопрос перед общим собранием об устранении его.

Полномочия Юза были не ограничены сроком. Права Юза были оговорены в уставе Новороссийского общества и получили санкцию русского и английского правительства. В отношение Юза устав Новороссийского общества представляет собой образец своеобразной конституции, который очень редко практиковался среди акционерных компаний.

Как только был организован директорат, он прежде всего начал растаскивать основной капитал.

Прежде всего было выдано 240 тысяч рублей или 480 акций князю Кочубею и 1.000 акций на сумму полмиллиона самому Юзу в награду за удачно проведенную сделку.

Юзу предложили разделить эту сумму с хранителем печати общества каким то Клерком, а с течением времени они оба разделили эти акции с ливерпульским банкиром Коксом, который взял на себя ведение всех денежных операций общества. Так и записали в уставе.

Четвертая часть основного капитала попала в карманы двух дельцов, которые действовали в авангарде строитель-

ства завода, титулованное дворянство, оставшееся в тылу, тоже не дремало. Остальные акции были в их руках и десятками параграфов устав охранял эти акции от ухода из цепких рук баронетов.

Свои титулы на уставе Новороссийского общества акционеры недешево продали русскому правительству.

Мистер Юз начал действовать испытанными средствами, которыми издавна пользовались английские колонизаторы в богатых и варварских странах.

Он начал вовлекать в свои интересы влиятельных лиц. Пошли в дело подарки, взятки. Князь Кочубей и генерал-майор Герн превратились в непосредственных служащих Новороссийского общества и его директора-распорядителя. Английская колония — титулованная выскочка Кочубей и Герн—открыли двери в придворные круги.

Воинственный русский национализм—славянофильство—как средство борьбы с западничеством и революционными идеями, пользовался сочувствием в кругах, близких великому князю Константину Николаевичу.

Всякое начинание, укрепляющее русский национализм, встречало сочувствие в этих кругах и пользовалось защитой великого князя. Успехи Юза должны были стать триумфом русского национального дела. Через князя Кочубея и Герна Джон Юз добился покровительства великого князя Константина Николаевича и выехал в украинские степи добывать своим доверителям „руп на руп и сверху тулуп".

Юзу было около 55 лет, когда он прибыл в Донецкий бассейн. Крепкий, с круглым лицом, заросшим короткой бородкой, Юз сильно наседал на свои ноги, которые вогнулись внутрь, как ноги бульдога.

С молитвенником, псалтырем и книгами старого и нового завета в чемодане, как английский миссионер, высадился Юз в Таганрогском порту.

Немного нарушало цельность впечатления монтекристо в клеенчатом футляре и револьвер.

Вместе с багажом для Юза выгрузили целую свору собак: бульдогов, пойнтеров, овчарок и пуделей.

„Охотник".

„Патер".

Юз сразу обратил на себя внимание русских углепромышленников и прослыл оригиналом.

А оригинальничанье Юзу нужно было, чтобы скрыть от окружающих некоторые неудобные вопросы и секретные мероприятия. В кассе Новороссийского общества, кроме устава, подписанного сиятельными лицами, не было ничего, ведь из суммы 34.500, собранной от подписки, значительная часть ушла на гербовую и актовую бумагу, на нотариаль-

ные издержки, печатание устава и актов, на публикацию и налоги и прочие „организационные расходы"...

Пустой кошелек диктовал Юзу бережливость, скрытность. Лишнее знакомство связано было с расходами, чужой глаз может узнать о его планах, секретах.

Соперников у него было много.

Юз нанял у помещика Смолянинова одинокую хижину, заброшенную в степи, с соломенной крышей и поселился в ней со своими собаками, молитвенниками, инструментом для разведок недр и с кухонной посудой.

Неудачи царского строительства Юз основательно изучил, проанализировал проекты предшественников и концессионеров, проверил их исследованиями многочисленных научных экспедиций, работавших в Донецком бассейне.

Между молитвенниками смиренно лежали карты Новороссийского края, справочники, прейс-куранты и сочинение Ле-Пле „Путешествие по Южной России".

Несмотря на всю парадоксальность, высказывания Ле-Пле отличались меткостью. Месье Ле-Пле был тончайшим наблюдателем русской промышленности в Донецком бассейне.

Неудачи казенных строителей показывали Юзу, что ни на грушевском антраците, ни на лисичанском угле плавки ему наладить не удастся.

Район избранный строителем Петровского за вода был самым удачным.

Земли Никитовского района, богатые рудой, были давно известны. В этом районе пользовался известностью открытый графом Воронцовым Екатерининский рудник, вблизи которого 500 десятин земли было отдано под концессию Полякова.

В безводной степи вода имеет громаднейшее значение. Для завода она приобретает значение исключительное. Котлы, аггрегаты и рабочие колонии нуждаются в постоянном запасе хорошей воды. Грязная щелочная вода выводит из строя котел раньше срока и является источником различных эпидемий.

Заботы о воде, которые привели неудачного строителя первого русского металлургического завода в Донецком бассейне мистера Гаскойна к берегам Лугани, привели мистера Юза к берегам Кальмиуса, глубокого котлована, разлившегося на полтораста десятин.

В районе Смолянниновского хуторка на Казацкой стороне реки Кальмиуса промышлял хуторянин кулак, Яков Иванович Древицкий.

Зоркий, пронырливый, как степной волк, Яков Иванович обшарил балки и курганы на сотни верст в окружности, обрыскал лески и рощи, каменистые кряжи, торчащие из земли и глиняные овраги, а также черные, как сажа сланцы— выходы угольных пластов.

На сотни верст в окружности Древицкий знал открытые шахтенки, мощность пластов, размер их и угол падения.

Неграмотный Древицкий был своеобразным маркшейдером.

Юз сразу оценил Древицкого и вовлек его вкруг в своих интересов.

Юз оседлал туземного хищника для своих колонизаторских целей и об'ездил на нем угольные и железорудные источники, каменные, силикатные карьеры.

За небольшие подарки, за ласковое слово, за стакан виски, Древицкий вместе с бульдогами сопровождал Юза в его екскурсиях, доставлял ему образцы угля, камня, глин. Юз старательно записывал все сведения добытые ему Древицким в книги, наносил на карты.

Древицкий привел Юза к Кальмиусу, к котловану, казавшемуся громаднейшим резервуаром для весенней воды с широким плоским дном.

Близость еленовских железных руд, мощные угольные пласты, смежность огнеупорной глины, известняка, доломита, определили выбор места для завода.

Но Юз не спешил.

Машины, котлы прибудут из Англии, а мелких инструментов—лопат, ломов, кайл, гвоздей, тисков, клещей и много других нужно было не мало.

Везти из Англии было далеко, а русские брали дорого и изготовляли плохой инструмент. Каждый гвоздь, каждую мелочь нужно было везти на волах из Таганрога или Мариуполя.

Юз открыл кузнечную мастерскую.

Кузнецов на месте не было.

Отрезанная от железных дорог и населенных пунктов, беспредельная, бездорожная степь не имела притока рабочей силы извне.

Приход работника был исключительным явлением.

Освобождение крестьян от земли, проведенное царем, помогло созданию больших резервов рабочей силы в селах, но все же эти силы нужно было привезти, чем-то прельстить, а это стоило дорого.

Юз применял хитрость, коварство там, где дело шло о деньгах. Рабочий вопрос остро стоял во всей угольной промышленности. С развитием строительства металлургического завода он должен был стать еще острее.

Директор - распорядитель Новороссийского общества, крупный акционер, механик кузнечного производства, сбросив крахмальную рубашку, повесив на гвоздь свою бархатную куртку, в которой в одной из петель болталась золотая цепочка с компасом и взялся за молот.

2—3 помощников Юз безусловно нашел и выковал в куз-

нице тачку, Юз перед самой хижиной сфотографировал ее и двух рабочих, помогавших ему. Эффект вышел колоссальный.

Первая тачка!

Степь, вечернее, летнее солнце, одинокая пастушья сторожка, покрытая камышом, низенькая пеарня, стоявшая на пути к ней; два бородатых, высоких дядька вышли в степь и задумавшись остановились возле тачки.

„Запречься или удрать"?

Фотография должна была всех удивить оригинальностью и чудачеством.

— Чудак барин.

— Не барин, а кузнец.

— Барин. Цепочку золотую видал?

— А молотом как ворочает. Барин так не повернет.

— Барин.

— Кузнец. Англичанин.

— Кузнец—барин, кузнец—англичанин...

Юз прославился, как кузнец, английский кузнец, который приходит на работу в бархатной куртке с золотой цепочкой в петлице, обучает крестьянских парней кузнечному делу, да еще и фотографирует тех, кто отличится.

Фотография пошла гулять по степи, шахтам и усадьбам, создала легенду о Юзе-кузнеце, создала рекламу.

Юзу реклама была необходима...

Не идут мужики в шахту: страшно работать в „чертовом животе". Темно, сыро. Для того, чтобы найти свой забой или „печку" нужно было брать с собой лучину. Беда с ней. Только и знай что зажигай. Лучше б уж глиняный черепок с тряпочкой—светильник, но светильник в шахте только чадит и копотью душит. Угольная пыль, смешанная с газом, вспыхивая трещит вокруг огня, будто стреляет.

Не идут крестьяне в шахту, бабы гонят, когда возвращаешься с работы. На чорта похож!

Спускается шахтер в бадье, катится вниз, как ведро на вороте.

Оборвется, от ведра одни щепки.

Юз 10 рублей дарит мужику. Не за работу, а только за то, что спустился в шахту.

10 рублей! Спустись в шахту и поднимайся — получай 10 рублей.

За фотографией пошла гулять десятка, единственная десятка, пущенная Юзом для рекламы, для приманки, покатилась степью и как вода поплыла оврагами, ущельями, блеснула красноватым отблеском возле саманной хижины бурлака.

Красненькая!

А вслед за ней молва.

— Чего там страшного?

После воскресенья сходить разве. Да и ходу всего — верст 5—10. После воскресенья много народа толпится вокруг шахты. Кто спускается ради любопытства, а кто и поработает день-другой.

На пригорке крестьянин Науменко на заарендованной у княгини Ливен земле посеял пшеницу. Посередине на поверхности оказался выход угольного пласта. Только начали уборку пшеницы, а Юз с рабочими начал раскопки. Вытоптал часть посева. Дешева была пшеница на берегах Кальмиуса. Но Науменко запротестовал:

— Потрава!

— Правильно! За потраву получай пятьдесят рублей.

Пятьдесят рублей!

Пятьдесят рублей!

Можно было сторговаться рубля за два. Пять десятин посева мог бы купить Юз за эти деньги.

Пятьдесят рублей легендой покатились степью по крестьянским избушкам, по усадьбам, с восторгом и завистью повторяли их уста крестьян.

Вот где деньги!

Загребают люди!

За десятки верст приезжали мужики смотреть на кузницу легендарного Юза. Приезжали, молотом по наковальне стучали, а кто и нанялся на сезон.

Трудности, ощущаемые угольной промышленностью, Юз знал хорошо. Все надежды углепромышленники возлагали на металлургический завод. Выдача двух концессий на постройку завода вызвала увеличение цен на угольные участки.

Опытные дельцы знали цену поляковской концессии, знали, что он изыскивает способы отказаться от нее, но в концессию Юза верили.

Всякий ажиотаж, вызванный строительством завода, был выгоден Юзу. Другая сторона постройки кузницы—было желание скрыть от соседей шахтовладельцев темпы строительства. Постройка кузни должна была охладить всех землевладельцев, которые захотели бы повысить ему цены на землю.

Юз, мол, только лопаты кует, а копать будет когда-то. Дураки, сразу разбогатеть захотели.

Летом 1869 года Юз, казалось, был занят производством всевозможных инструментов в кузнице, но на самом деле производил организационную работу по закреплению угольных и железорудных земель. Работа в кузнице вносила в его переговоры с крестьянами характер непринужденности.

Спешить некуда.

За рубль-два аренды в год крестьяне Стылы, Каракубы, Еленовки отдавали Юзу свои десятины. Юз арендовал и

земли крестьян и их инвентарь. Он давал крестьянам преимущества при перевозках и доставке ископаемого на место строительства, и этого было достаточно, чтобы крестьяне уступали. Копейка—редкий гость в степи, за нею крестьяне тащились десятки верст в город. За копейку они возили продукты в город; пуд мяса стоил рубль и барашек рубль. Юз показал в степи копейку и имя его прогремело, имя его покорило.

С княгиней Ливен он заключил договор на эксплоатацию рудничных богатств в ее имении, раскинувшемся во все стороны на десятки верст, потому ли, что собственницу обременяли ее громадные поместья или по доверчивости к знатному иностранцу, которому протежируют великие князья, а может быть по примитивности и простоте чувств, свойственному варварам, но княгиня совершенно даром отказалась от недр в пользу Юза. Юз, правда, обещал ей арендную плату, но ее нигде точно не оговорили, ничем не гарантировали. О гарантии, как обязательстве со стороны арендующего добывать ежегодно определенное количество минералов, нигде не упомянули. Юз мог добывать, мог и не добывать и не платить, а в то же время лишал права владелицу сдавать кому-либо другому в аренду или самой эксплоатировать недра.

Срок договора определили вековой — девяносто лет.

А кроме того, княгиня отдала Юзу 150 десятин земли по его выбору под сооружение завода и для эксплоатации недр совершенно бесплатно на 30 лет. Этот подарок совершенно обесценил и те мелочные выгоды, которые Юз обещал княгине Ливен; ведь этих 150 десятин было совершенно достаточно, чтобы обеспечить будущему заводу уголь. Этот договор дал Юзу неисчерпаемые источники угля, огнеупорной глины и каменных карьеров даром. Новороссийское общество прибрало в свои цепкие руки громадные просторы подземных богатств в Донецком бассейне, не истратив ни одного фунта, кроме только оплаты гербового и актового сборов.

Одновременно с Юзовским в Сулине заложили Пастуховский завод. Юзу очень важно, чтобы его опытом не воспользовался Пастухов. Юз оттягивает свое строительство, он пускал все в ход, чтобы замаскировать свою работу. Он заложил шахту и начал исследования для железнодорожной линии от Еленовских руд к заводу. Осенью прибыли машины из Англии, прибыли и мастера, и когда степь покрылась глубоким снегом, Юз начал строить основной цех завода, начал строить домну.

Кузницу развернули в механический цех, кирпичный завод работал полным ходом целое лето, холод пригнал рабочую силу на завод.

По мере того, как вырастала домна, вырастало и беспокойство многочисленных друзей и недругов Юза.

— Родит или не родит? — размышляли углепромышленники, которым завод был нужен, как потребитель их угля.

— Родит или не родит? — рассуждали соседи-помещики, которым успехи Юза обещали увеличение цен на землю, рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов и оживление края.

— Родит или не родит? — рассуждали дипломаты и военные стратеги и не только русские.

Всем было понятно, что успех Юза приведет к подражанию.

— Не родит! — ехидно улыбаясь говорили чиновники из горного департамента, которые наблюдали понемногу за деятельностью Юза, но видели только его собак. Успех Юза был бы для них провалом, ведь тогда навсегда отбросили бы и мысль о казенном строительстве.— Не родит!.. Судьба ее будет такая же как и многих наших домен. Разве что нибудь изменилось? Уголь, руда...

— Должна родить! — кашлянул, как разозленный бульдог, крепкий, коротконогий Юз.— 35 тысяч фунтов, подаренных джентльменом из Лондона, должность несменяемого директора—неужели все это отдать обратно?

Юз оглянул степь вокруг, которая стала его собственностью, низенькие сооружения, амфитеатром расположились вокруг печи, рыжей, голой, похожей на открытый котел, рабочий муравейник, отдающий все свои силы шахтам и мастерским, и повторил — должна родить. Этот рабочий скот не английские аристократы, подбодряемые Гайлем и лордом Пальмерстоном.

24 апреля задули печь и через три дня после небольшой плавки она осела. Сквозь фурмы видно было, как начал синеть настил.

— Козел!—прокатилось вокруг.

„Козел"!—эхом отозвалось в Петербурге.

— Козел — захихикали чиновники из департамента горных дел, ибо у них воскресли надежды на казенное строительство.

— Козел! — чокаясь бокалами с шампанским, радостно выкрикивали уральские железопромышленники.—За Юзовского козла!

Елеповская руда была, как оказалось, негодная, бедна железом, местный кирпич слаб, дутье недостаточно, один уголь жирный, коксующийся соответствовал пред'явленным ему требованиям.

Криворожская руда в районе реки Саксагань в Дубовой Балке была найдена Александром Николаевичем Полем в 1866 г. и не была секретом для Юза. А. Поль подал в департа-

мент горных дел точные анализы найденных руд, отличавшихся большим процентом железа, искал капитала и предпринимателей в России и заграницей, но не находил. Поль обследовал рудоносные земли не только в своей усадьбе размером в три тысячи десятин, но и соседние помещичьи. Руда, оказавшаяся высококачественной, не нашла предпринимателей.

Земля была ценна только своей черноземной поверхностью; каменистые обрывы, меловые хребты, каолин и кварцит вызывали только сожаление у своих владельцев. Никому они не были нужны.

Юз снова оседлал Древицкого.

Потянулись длинные обозы от берегов Саксагани к берегам Кальмиуса.

Юзовские обозы вывозили железную руду на глазах у местных крестьян и никого это не касалось. Крестьяне сказали спасибо за то, что гору срывают, прокладывают путь, да и новые люди появляются, новое слово услышишь. Далеко от Кальмиуса до Саксагани, но до английского марганца еще дальше. Нажать нужно на возчиков, а еще сильнее на русскую казну, она должна заплатить за все неудачи. Не возвращать же обратно взятые акции. К еленовской руде немного прибавить криворожской и шихта готова.

Хоть и очень дешевый воловий транспорт, но доставка руды должна была превысить все коммерческие расчеты, должна была принести убытки.

Неужели Юз пойдет на такое дело?

Луганский завод, построенный Гаскойном, именно поэтому и закрыли, что дороговизна транспортных расходов лишала всякого смысла плавку чугуна на заводе. Неужели Юз возьмется?

Но Юз взялся. Он согласился на те расходы, на какие не решались итти казенные чиновники. Оплатить все расходы должен рабочий и крестьянин. Через княгиню Ливен они уже внесли аванс.

Не возвращать же аванса.

И мораль, и мудрость того общества, которое выдвинуло его вперед, были против возврата авансов. Его бы высмеяли, покрыли позором, если бы он решился сделать это. Нужно выкручиваться. Что не годится казенному строителю, то может пригодится частному. Юз решил в соответствии с этими новыми обстоятельствами составить расходную смету строительства завода.

Сооружение печи тянулось долго. Снять козел было очень тяжело. Спекшимся комком, расплавленная и не совсем сваренная масса весом в сотни пудов застыла на дне домны, как мерзлая вода в чугуне, давила на стороны и формой напоминала усеченный конус.

Бегал Джон Джонович вокруг домны, взобрался наверх и полез в середину—кое-где кокс и известняки, обожженные огнем, застыли хрупкой коркой и напоминали гриву погрузившегося в середину чугуна чорта—козла. Из Англии приехал главный директор, кавалер ордена Бани, барон Вайзман, из Петербурга кавалер Владимира третьей степени, генерал-майор Герн — оба севастопольские герои, или герои Новороссийского общества с ограниченной ответственностью. Генерал Герн в новой военной форме, ведь в провинции нужно показать могущество русского генерала. Кавалер ордена Бани в штатском, только из петлицы скромно выглядывала ленточка славного ордена. Скромность была тут не лишняя. Под стенами Севастополя герой ордена Бани был свидетелем того, как русские усачи, как будто стадо взбесившихся буйволов, растоптали, уничтожили двадцатитысячный английский десант. Барон Вайзман не успел высадиться и только поэтому случайно остался цел. За свою храбрость или счастье он получил орден.

Пожимая руку бывшего своего врага — генерала Герна, барон отворачивался от красноватого крестика и прогонял мысль, случайно проносившуюся в голове, что может быть на каком-либо фронте — на Дальнем ли Востоке, в Афганистане, или в Европейской Турции — снова придется гнать один против другого вооруженных людей.

И чугун, выплавленный в этой домне, будет вылит на голову его земляков.

— Перенести! — коротко сказал генерал Герн, заметив трудности в выемке козла и улыбнулся. Козла можно было вынуть, только разбивая его на части или взрывая порохом, но порох стоил дорого, доставать его тяжело.

— Печь?— спросил покрасневший Юз. Шутка казалась неуместной при таком большом несчастьи, угрожающем благосостоянию целого общества.

Генерал Герн очевидно не разделял отчаяния мистера Юза и раз'яснил: „Козел остался бы на месте, как опрокинутый пудинг".

— Генерал — храбрый, — едко бросил барон Вайзман.— Русский воин все переносит, англичанин не переносит.

В продолжение многих недель выбивали футуровку домны, ломали края козла и, когда он стал похож на блин, разобрали дно и спустили в вырытую под ним яму.

Похоронив козла, Юз взялся за перестройку домны или, вернее, за постройку новой, продолжавшуюся десять месяцев.

---

24 января 1872 года домну задули вторично. Она, как и предыдущая, отличалась технической отсталостью. Она стояла оголенная, как не достроенная труба, без брони,

с закрытым верхом для завалки шихты. Конуса не было. На мостике вверху приделали своеобразный ворот, как над колодцем, и он цепью поддерживал крышку над отверстием домны, закрывал ее, как заслонка трубы возле печи.

Дым и газы выходили в воздух через свечи, покрывали овраги гарью и копотью. Вытесненные шихтой и дутьем огненные потоки ринулись к рабочим, работавшим на мостиках, которые при авариях или при наименьшей неосторожности вспыхивали факелами. Жуткое зрелище представляли эти факелы. Осенью или зимой дождь льет беспрерывно, дует морозный ветер, крепкий, как морской, наверху он еще сильнее и злее, чем внизу. Лицо обращенное к печи, горит, а спина стынет. Капли пота замерзают, колят как иголками. Без одежды никак невозможно. Одежда от огня защитит, иначе волдырями покроется тело, особенно у новичков.

Смена работает за сменой, как будто все хорошо. Вагончик за вагончиком переворачивается в ненасытную пасть, превращается в огненную жидкость и растекается струями—чугун внизу, вверху шлак. Вдруг крышка от внутреннего напора подбросилась, вспыхнул огонь, усиленный снизу дутьем, охватил одежду, промасленную нефтью и насыщенную газом, охватил одного или сразу нескольких людей. Люди загорелись как факелы: обезумели от боли и ужаса. Жертва бросается узенькой лестницей вниз к воде, бежит и еще больше усиливает горение, подбежит к воде и падает обуглившимся трупом.

Жертву уберут, и на ее место станет новая.

Все строительство Юза отличалось примитивностью—единственный принцип его—дешевизна, которая давала возможность получать большие барыши. Строить дешево, тратить денег поменьше—это главная его забота. Шахту он заложил вблизи завода саженей за сто, чтобы можно было доставлят уголь вручную. Для выжига кокса он соорудил обыкновенные кирпичные стены, ввиде узкого коридора с завалкою сверху. Коридор разделен внутри деревянными балками, уголь зажигали через оконце, через которое подавали воду. Кокс был очень низкого качества, и выходило его очень мало. Гасить кокс приходилось тут же, возле самой печи, пожарным насосом, ведрами, а потом его выгребали из ямы печи, которую после значительного ремонта снова пускали в дело. Работа по выгребке коксовых печей была так же тяжела и вредна для здоровья, как и работа верхового на домне. Чтобы беспламенный коксовый огонь не сжег рабочего, другой рабочий лил на него воду, которая мгновенно превращалась в едкий пар, выедала глаза, легкие. На выгребке кокса работало обычно человек 8 и зарабатывали 12 руб. с печи. Выгребка кокса из печи длилась обычно два дня.

Коксовые печи были построены тут же возле домны, чтобы удешевить доставку; ручной тачкой подвозили кокс к домне, вагончиком просто из шахты доставляли уголь, руду и известняки привезенные на волах, выгружали рядом и все вместе создавало толкотню и тесноту возле печи. Волы, лошади, крестьяне, возчики, шахтеры и рабочие доменщики беспорядочно суетились. Крики и ругань возле печи создавали впечатление какой-то ярмарки, как будто десяток хозяев спорят за одно место, стараются захватить его.

Для доставки угля из шахты к домне Юз изобрел своеобразный способ. От шахты к домне он устроил наклонный настил. Нагруженная вагонетка просто с эстакады катилась вниз к домне вместе с рабочим Неопытному рабочему эта работа казалась самой легкой. Вагонетка сама катится вниз, рабочему тут и делать нечего. Присмотреть разве, чтобы она не опрокинулась. Но работа эта была ужасна. Разгоняясь от собственной тяжести, вагонетка развивала все большую быстроту, чем ближе докатывалась вниз. От наименьшего толчка могла опрокинуться. Перебороть быстроту рабочий мог только собственной спиной. Становясь перед вагонеткой, упираясь ногами в шпалу, шаг за шагом спускал вагонетку с горы. Поработав так час-другой, рабочий изнурялся, спина превращалась в сплошную рану. Приходилось становиться лицом к вагонетке и спускать ее „на носках". Борется с вагонеткой крестьянский парень, здоровый, высокий и изнемогает от чрезвычайно тяжелой работы. Всю тяжесть приходится сдерживать ногами, которые через час или два начинают так болеть, как будто по коленкам били палкой.

А часов бесконечно много.

К вечеру рабочий падал без чувств. Наезды на товарища, опрокидывание вагончика, ранения самого себя случаются очень часто.

У каждого рабочего развивалось сознание, что теперь или позже он опрокинется или товарищ на него наедет и искалечит.

Но эта варварская механизация ускоряла и удешевляла доставку угля. И Юз использовал ее, как крупное изобретение.

Опрокидывание вагонетки влекло за собой штрафы и увольнения. Расчеты Юз производил дважды в году — увольнение сводилось просто к изгнанию с завода. Там, где не нужна была квалифицированная сила, работали артельно. Сложность расчетов артельщика приводилась к тому, что артельный рабочий всегда был должен артели.

То задаток, взятый родными, то товарищи устроили общее гулянье — рабочий всегда был должен. Уход рабочего нес за собой месть со стороны артели, которая прибегала к кулакам, побоям.

И уходить было некуда. В родном селе ребята найдут. На каторгу разве?

В этих условиях работы даже каторга была мечтой многих юзовских рабочих.

Самая интересная юзовская механизация—это были пудлинговые печи, которыми Юз хвастал, как собственным изобретением. На этих печах железо добывали простой ковкой. Несмотря на то, что мартеновские печи были известны, Юз, верный своему принципу (дешевизна), работал на пудлинговых.

В печи с тигельным дном чугунную болванку розогревали до полужидкого состояния. Длинной кочергой рабочий сбивал болванку в круглый комок, после чего ее ковали молотом. Чугунный хлам, старое железо связывали вместе и так его свешивали, рубили на полосы, снова связывали варили в печи, ковали, а потом обжимали. После каждого нагрева и ковки чугун терял свою хрупкость, становился ковким железом.

Всю работу производили вручную. Поднимали горячую болванку пудов на десять весом также вручную. Человек десять вынимали ее из печи длинными рогачами, тянули долго, награждая проклятиями и руганью. Работа требовала громадной физической силы и Юз в этот цех набирал в большинстве здоровых и крепких людей.

Вынутую из печки тяжелую болванку, рабочий брал на себя, т. е. на плоскую двуколку, похожую на лестничку и передвигал к обжимному стану. Одетому нельзя было работать возле пудлинговых печей, так как одежда быстро сгорала и несмотря на дешевизну, не окупалась работой.

Окруженная 60° жарой, работа требовала особого проворства, быстрых движений; наименьшая задержка угрожала увечьем самому себе и товарищу рядом. Одежда мешала. Приходилось работать полураздетому, искры сыпались на голое тело, били как пули. Кожа покрывалась волдырями, ранами. Работа на пудлинговых печах была ужасна, тяжела, но она не требовала никакой подготовки. Нужна была физическая сила, выносливость. Этого именно и требовал Юз от своих рабочих.

Юзовская механизация отличалась примитивностью и была расчитана на дешевую рабочую силу, уголь, руду. Пудлинговые печи пожирали много угля и кокса, но угля у Юза было так много, что беспокоиться о нем было нечего. Юз вел свое хозяйство в высшей степени хищнически. Самое главное было выгнать барыши. Во имя этих барышей Юз по-хищнически уничтожал уголь, во имя этих самых барышей он закрывал глаза на беспорядки, которые приводили рабочих к увечью и смерти. Правда, не только Юз по-хищнически добывал уголь. По-хищнически добы-

вали все углепромышленники Донбасса, но Юз превзошел всех их.

Отношение к рабочей силе со стороны Юза было такое же хищническое, как и к углю. Угольные разработки Юза представляли собой абсолютное уничтожение угольных участков и угрожали жизни рабочих. Горный надзор был таков, что говорить о нем серьеозно не приходилось. Начальники горных разработок и окружные инженеры прежде всего старались закрепить за собой угольные участки. Финлькнер, Кепен, Летуновский, а за ними целый батальон чиновников и ученых специалистов горного департамента, как только приезжали в Донецкий бассейн, сразу прирастали к недрам, как Микула Селянинович к земле. Общность интересов окружных инженеров и промышленников диктовала общность мероприятий. Окружные инженеры были самыми жалостливыми плакальщиками о судьбе бедных углепромышленников.

Технический успех увенчал Юза ореолом славы, вокруг его имени создавались легенды. Никого не касалось то, какой ценой достиг он этого успеха.

О своих рабочих Юз не считал своей обязанностью заботиться больше, чем заботится о них сам бог. Для изувеченных, для обожженных рабочих он выделил хороший кусок земли и, верный своему принципу все иметь вблизи, он и кладбище устроил недалеко от домны, в центре своих предприятий.

Первой жертвой Юза был безродный парень, которого привлекло тепло. Почерневший на поверхности шлак казался ему застывшей кашей. Он неловко толкнул ковш — шлак вылился на него огненной массой.

— Воля божия! — говорил поп, приглашенный на похороны первой жертвы.

— Воля божия! — согласился Юз.

Задутая 24 января 1872 года домна разрешила проблему чугуна в Донецком бассейне окончательно. С каждой плавкой работа домны ставала более надежной. Юз на ходу выправлял все дефекты, которые до сих пор служили непреодолимыми препятствиями. Значительную роль сыграла криворожская руда, о которой Юз распространялся немного. Коммерческая тайна и секреты производства были тогда в ходу; секреты производства Юз охранял самым тщательным образом. Для большего маскирования их он выписывал начальников цехов и мастеров из Англии. В степях Донецкого бассейна выросла английская колония, замкнутая, живущая интересами завода. На работе разговоры велись на английском языке между англичанами и на русском — между русскими, и очень несложные разговоры между русскими и англичанами мимикой. Русских рабочих прини-

мали на неквалифицированную работу и к составлению шихты их не допускали. Обезличка русского рабочего была ужасающая. Если русский рабочий интересовался чем-либо „недозволенным“, то его немедленно прогоняли с завода. Это отразилось и на взаимоотношении рабочих между собой. Заметил рабочий какой-то беспорядок, хотел заслужить внимание мастера. Парень недавно из села, привык все замечать и докладывать.

— Не твое дело!

И если мастер не очень сердит, добавит: — я сам знаю, что делаю. Я может это нарочно. Свое дело знай и дальше не суй нос.

Но если мастер чем-нибудь недоволен, выругает и прогонит.

— На расчет!

После такой науки рабочий глаза закроет, если заметит беспорядок.

Секреты Юза были обеспечены особым договором между людьми и особенными льготами, которые Юз представлял своим землякам. Англичанам он платил щедро. Частное юзовское предприятие приобрело среди его служащих характер национального дела. Секреты Юза оберегали, как национальные секреты.

* * *

Голод бушевал по селам. Крестьянские бунты становились обычным явлением. Потравы, порубка леса, поджоги помещиков стали обычной газетной хроникой. Самодержавие цеплялось за каждый успех, укрепляющий его положение. Успех Юза был успехом российского самодержавия, и оно осыпало его своей щедростью. Вооружение русской армии, ее подвижность приобрели мощную базу. Царь становится неофициальным другом Юза, дарит ему бриллиантовый перстень, подчеркивающий интимный характер этой дружбы.

Перстень, как геральдия, как рыцарская подвязка, стал фамильной ценностью и гордостью Юзов.

Но перстень перстнем. Юз не за славой приехал в Донецкие степи, Юз коммерсант, и к тому же он имеет обязательства перед титулованным букетом акционеров в Лондоне и Юз старается перевести свой успех и дружбу с царем на фунты стерлингов.

Как только он добился удовлетворительной шихты, он сразу начал добиваться продолжения премии по полтиннику с пуда рельс, с пяти лет до десяти. 15 тысяч фунтов в год или 150 тысяч рублей должна была дать эта премия. Кроме того, Юз поднимает ходатайство о том, чтобы ему дали монополию на поставку рельс для участка Харьков—Таганрог Азовской железной дороги. Юз использует свой успех, своих высокопоставленных служащих, чтобы нажать

на Полякова. Договор Полякова с русским правительством не ускользнул из внимания Юза. Поляков ничего не сделал чтобы построить завод, под который получил пятьсот десятин богатой углем земли возле Никитовки. Юз считал себя законным наследником концессии Полякова и наследником 500 десятин земли. Но с Поляковым договориться не легко было. Полякову было выгоднее покупать рельсы, переделанные из старых заграничных у Пастухова. С Поляковым, опытным дельцом, у которого были свои благодетели и высокопоставленные служащие, бороться было не легко. Но все же Юз добился монопольной поставки рельс, правительство нажало на Полякова. Одновременно Юз добился гарантии для своих изделий.

Концессия, монополия, премия, гарантия—четыре грации окружили заботами и милостями захудалое произведение Юза и оно начало быстро расти и крепнуть.

Русский рынок был неограничен, богатства страны неисчерпаемы. Чугун, железо необходимы были стране и для того, чтобы строить железные дороги, для сельского хозяйства, для военного ведомства—в громадных размерах.

Добившись гарантии для своих рельс, Юз построил пудлинговые печи, которые с'едали много угля, много труда, несмотря на то, что мартеновское оборудование печей было известно. Гарантия дала ему сбыт для своих изделий, и он совершенно не заботился о качестве этих изделий.

Юзовские изделия с самого начала приобрели худую славу.

— Юзовские,—говорили покупатели, встречая бракованные чугунные и железные изделия. Но спрос был так велик, что приходилось покупать и юзовские.

Мерзость—говорили казенные приемщики о рельсах Юза. Но попробовали бы они отказаться принимать. Сразу поднимется крик и в министерских кабинетах, кое-кого припугнут, кое-кого подкупят.

Приемщик—чиновник, а русские чиновники начальству служат. Начальство приказало.

А Юз стремился получить продукцию как можно дешевле.

С большой настойчивостью проводил Юз этот принцип в строительстве цеховых зданий. Навес на коротких столбах, сложенных из кирпича и прокатный цех готов. Крыша в дырах, местами совершенно не покрыта—своеобразная вентиляция, изобретенная Юзом. Дым и газ устремляется в дыры, стелятся густым облаком над цехом и падают обратно мелким ржавым градом и едким дождем.

Хорошо летом. Солнце заносит в эти дыры светлый луч, а ветерок, гуляющий под навесом, хотя пылит страшно, но приносит прохладу и свежую струю в отравленные легкие. Но осенью и зимою становится невыносимо работать. Будто

черным брезентом заводской дым, густой как туча, накрыл котловину от края до края. Дыры в навесе закупорены, отравленный воздух неподвижен, газ повис над головой, и брошенная бумажка передвигается тяжело по полу, будто плавает. Будто по воде передвигаются ноги, скользят в липкой грязи на полу, небрежно настланном, где кирпичом, где булыжником.

Деньги.

Денег Лондон требует, деньги Петербург любит.

А рабочим?

На что рабочим деньги? Рабочим харчишки нужны, рабочим одеженка нужна.

Рабочий скотина. Все равно пропьет, трактирщику, лавочнику отдаст, измотает, растеряет—рабочему денег не надо платить, а то как монету получил — наутек.

Получку дать раз в шесть месяцев.

— Так и знай! — Пасха, — получка и рождество второй раз—говорили Юзовские мастера своим рабочим.

Юзу очень понравился этот способ расплаты с рабочими. За шесть месяцев состав рабочих значительно меняется. Люди уходят по болезни, по увечью, уходят из тоски к новым местам, из-за ссоры с мастером.

Юзу очень нравился этот способ расплаты с рабочими. Далеко от родины, от британских островов не только биб-лийская мораль не беспокоит, но не наседает назойливый Гайль, не тревожит джентльмен Персель *). Варварские страны управляются своими законами, своими обычаями. Оно даже звучит гордо, если цивилизованный англичанин не навязывает свою высокую культуру низшей расе, колониальной стране. Русские помещики и дворяне платят два раза в году, будет признаком джентлеменства перенести этот обычай на свои предприятия. Русские предприниматели товаром платят из своей лавочки — будет джентльменством поддержать эти устои. Юзу этот способ расплаты очень приятен. Не все ли равно, кто на рабочем заработает? Лавочка хорошая вещь, она разгружает расчетный отдел бухгалтерии. Особенно лавочка удобна для расчетов с артелью. Артель по артельщику именуется: Егоровцы, Никитинцы, Петровцы, не нужно имен, не нужны фамилии рабочих.

Пришла артель на завод человек 10, получила приемку, нужно где-нибудь харчиться.

— Староста, похлопочи.

Принес староста из бухгалтерии записку в лавочку:

„Кредитовать артель Егоровскую“...

За артель действует староста.

Бухгалтерия в руках англичанина „Х“, расчетный отдел

---

*) Вожди английских трэд-юнионов.

в руках англичанина, это не люди, а косточки на счетах— сухие и бесстрастные. Никаких отклонений от записи, никакой пощады.

Лавочка есть филиал расчетного отдела и находится в надежных руках.

— Соединить две артели в одну, да прибавить к ним несколько одиночек — заявляет лавочник артельщикам. — Счет для каждого отдельно открывать неудобно и для бухгалтерии.

— Соеденить так соеденить! — соглашаются артельщики— нам не тесно.

— Сколько хлеба будете брать?

— Фунтика по два с половиною на-человека. Работа тяжелая сами понимаете.

— Тридцать человек по два с половиной фунта — 75 фунтов хлеба в день! Так и пишу.

— Наших только десять поправлет один из старост другого.—Ваших больше.

— Без тебя посчитаем — говорит другой.

— Крупы, соли, постного масла, просола? — спрашивает лавочник.

— Как, ребята?

— По положению, — подсказывает лавочник.

— По положению, так по положению! — пыжится самый молодой из артели.

— Мясо в мясоед тоже по положению?

— Чего там спрашивать? Оно, конечно!

— Мыло, табак каждый берет?

— Оно, конечно, разору не будет!

— Так вот, ребята, внушительно говорит лавочник,— чтобы не было споров.

— Какие споры?

— Знаем же — мы вашего брата! Когда—брать споров нет, а как платить—галдеж подымаете, на 30 человек записываем, потому что 30 человек у вас всего в новой артели. Чтобы потом споров не было. Кто подпишет?

Происходит маленькая заминка. Старост было несколько, а стал один.

— Подпишитесь, кто грамотнее — предлагает лавочник. — И вы одиночки помните вашу артель.

Искалечила вальцовка Иванова или Петрова, факелом на домне сгорел Ефремов или Данилов, спился с тоски и сбежал Никитин и Гаврилин,— смотришь, через месяц половины артели уже не стало. Продуктов же староста берет столько, сколько у него по табелю числится людей, а лавочник в лицевом счете артели пишет по своему: в графе хлеба—кружечек, в графе мяса—кружечек, в графе соли—крестик, в графе просола—черточка—все по положению. А если нет посетителей в лавке и нечего делать, лавочник запол-

няет графы в лицевом счете каждой артели, чтобы не забыть. Он заранее подводит итоги, чтобы не было спешки ко времени получки. Ему дела нет, что третий день одиночки поднялись внезапно, как сорока с куста, и подались в просторы степи. И жена лавочника на помощь приходит мужу и заполняет пустые графы крестиками, черточками и кружечками.

Все по положению.

— Смотри! — командует староста — лишних харчей не бери. По табели смотри, сколько людей, столько харчей.

Крестиками, кружечками и черточками заполнены графы лицевого счета каждой артели.

Скоро получка. Гудит завод перед получкой. Нажимают рабочие на старосту, гонят в расчетный отдел проверять, все ли упряжки записаны, гонят в лавочку проверить забор.

— Перебор!..

— Как перебор? Мы все воскресенья работали!

— В лавочке перебрали — сухо, как стук косточки на счетах, заявляет конторщик расчетного отдела.

— Мы все праздники работали!

— У меня записаны все праздники. Смотрите, все клеточки в табеле заполнены.

Артель, как стая воробьев в степи, несется из расчетного отдела в лавочку. Никто не думает больше об упряжках. Срываются с работы и те, которые вышли на смену.

— Пересчитай! — кричит артель.

— Давно пересчитал, — невозмутимо отвечает лавочник — когда брал надо было считать.

— Всем пересчитай! — кричит староста из другой артели — из одной артели в другую может попало.

— На здоровье! — нагло шутит лавочник.

— Надо больше упряжек сделать! — замечает, кто-то из Юзовских радетелей.

— Дни-то где взять?

— Кончай скорей, — торопят вновь нахлынувшие в лавочку рабочие. — Пересчитать надо. — Лавочник уверен в своей силе и не сразу поддается. Он продолжает глумиться:

— Посчитай, сколько дней в календаре! — ехидно улыбаясь, говорит лавочник, подсовывая старосте большой календарь-энциклопедию, по которой просвещались верноподданные русского царя.

В нем названия всех ярмарок, всех уездных и губернских городов. Все дни престольные, все посты и праздники.

Ты безграмотный, так попроси грамотного, — кроет лавочник.

Староста по календарю ногтем отмечает, когда выбыл из артели Иванов да Петров, Никитин да Гаврилин. Количество упряжек правильно записал конторщик, а лавочник продукты на всех записал.

— Неправильно записал ты забор. Такого забора не было,—протестует артель, которая добралась до корня мошенничества.—По упряжкам забор запиши.

Лавочник деловито слушает, пересчитывает забор и поясняет артели:

— Ты в понедельник после Ивана Предтечи поступил, ну вот. От Ивана до Филиппа, от Филиппа до благовещения, от благовещения до пасхи и-дурак посчитает. Сто шестьдесят восемь дней. Хлеба по семьдесят пять фунтов в день — двенадцать тысяч шестьсот фунтов, по две копейки — двести пятьдесят два рубля и выйдет. Так и записано.

— Так... То есть записано так, но...

— И крупа, и просол, и мясо... согласно открытому кредиту написано,—торжествует лавочник.

— Да мы ж его не брали, у нас с четвертой недели половину людей выбыло. По табели посмотри. Там правильно записано, сколько людей в артели работало? Посмотри, расчетный отдел справку дал.

— Не мое это дело. Можно не работать, а продукты забрать. Может ты на водку перегонял, свою артель обкрадывал,—нагло наступает лавочник, который старается опорочить старосту, чтобы вызвать к нему подозрения рабочих.

— Да людей-же столько не было!—упрямится артель, но лавочник кроет своим козырем.

Получки нет.

— До Троицы, что ли будем здесь работать?—шумят рабочие. Полевые работы надвигаются. Домой бы, а тут перебор, все расчеты перевернул лавочник, на старосту намекает, сбежать бы от такой артели, так урядник паспорта не даст. Куда ты без копейки побежишь? Шумят рабочие, бунтуют, грозят убийством старосте, идут к мастеру, а мастер отсылает к артельщику.

Обирала лавочка артель до пасхи, обирала и после пасхи, отрабатывала артель за летний перебор зимою, а за зимний летом. Не заволжская лавочка, так частные обирали, которые открылись на „Новом свете".

Рабочему денег нельзя давать: пропьет, изведет, пойдут пьянки, драки, во имя божьего милосердия надо этих людей держать под особым наблюдением. Лавочка рабочую силу сберегает. И чтобы скрыть свою жестокость, свое хищническое лицо, Джон Джемс Джонович Юз заглядывал иногда в квартиру рабочего, отличившегося покорностью, выносливостью и самоотвержением. По случаю родин, крестин и свадьбы прийдет Джон Джонович, по праздничному одетый, в дом рабочего, расспросит о житье-бытье на далекой родине, что похвалит, что осудит, посоветует что делать, пообещает незнакомым родичам помочь, постелит мягко и в придачу приложит несколько аршин кумачу или ситцу.

— На память...
— Юз, сам Юз!..

Одураченные рабочие, усердные прихлебатели, лавочники и трактирщики раскажут и перескажут на все лады о высоких качествах Юза и его доступности рабочим.

„Англичанин, не то что наши".

„Англичане — цивилизованная нация".

★★★

Лишь бы дешевле.

И тем с большей настойчивостью проводил Юз этот принцип там, где дело касалось обслуживания рабочих.

Для себя Юз построил кирпичный особнячек с просторным собачником, коровником и конюшней. Плющ и дикий виноградник, акация и сирень служили декорацией для задымленного фасада, скрывали от нескромного взора жизнь хозяина, который в чужой стране крепко хранил обычаи своей родины.

„Дом мой—крепость моя".

Охрану Юзовской крепости несли бесчисленные его собаки.

Скромные и почернелые снаружи стены Юзовского особняка, собирали и берегли все то, что составляло особенность Юзовского рода и общественного положения. Картины, ковры, бабушкино и женино рукоделье, мягкая мебель обтянутая чехлами, собственные фотографические карточки разных размеров и разных поз в рамах круглых, четырехугольных, позолоченных и небрежно сколоченных из камыша и бамбука, украшенных раковинами и морским гравием.

Дома крепости Юз строил для англичан мастеров и механиков, правда, не особняками. Четырехквартирные дома были отгорожены друг от дружки досчатым забором и тоже создавали вид обособленности.

Для русских рабочих Юз строил на „Собачевке" длинные и одноэтажные казармы и каюты. Не отгороженные друг от друга, без служб и дворов, без всякой растительности вокруг, домики представляли собою вид случайно наметенной мусорной насыпи. Ломанная посуда, мебель и рвань горами окружали казармы.

Рабочие на заводе прибывают и убывают, быстро меняются жильцы в казармах, как на постоялом дворе, не успел один выбраться, как его место занял другой, за чистотой некому и некогда смотреть. Квартиры обрастали гнездами паразитов и превращались в рассадники эпидемий. Копоть и газ домен, чад многочисленных самодельных кухонь, смрад отбросов, помои, вонь из непокрытых отхожих, покрывали заводскую котловину отравой и превратили ее в долину смерти.

Но бараки и каюты были все-таки похожи на жилье.

Надо было быть счастливчиком, чтобы попасть не только в 4-хрублевый балаган, но в рублевую каюту. Большинство рабочих жило в землянках, вырытых в обрыве как звериная пещера, в ямах на косогоре, едва прикрытых досками и дерном. Эти ямы назывались общими казармами для артели, тут находили приют члены семьи рабочего, которым завод ничем не обязан был, тут ютились беспаспортные, которыми завод очень дорожил. Изувечит вагонетка, убьет пудлинговая болванка или сожжет шлак паспортного рабочего, редко, но приедет кто-либо из родных, или запросит письмом, присланным через волостное правление. Надо ответить, надо расчет выдать.

Убьет беспаспортного — концы в воду. Беспокойства не будет, расчета не надо.

На опасные работы Юз ставил беспаспортных.

Работа по выдаче шлака была самая опасная. На этой работе десятками горели люди и лошади. Заводской двор возле домен был весь в крутизнах в извилинах, которыми Юз пользовался, как своеобразной помощью природы. На Юзовском языке это называлось: „использовать природные особенности места". К летке, из которой льется шлак подгоняли чан лошадьми.

Налит чан до края, плещется огненная лава, трогает лошадь, — трепеща в смертельном страхе, — напирает на нее тяжесть — под гору, ей упираться надо, чаще брызгает шлак, волнение охватывает и лошадь и рабочего, который должен на ходу освободить лошадь из крючка, которым она соединена с повозкой и чаном и дернуть ее в сторону, а чан и повозку пустить под уклон. И лошадь и человек инстинктивно чуствовали тот момент, когда крючек освобождал тележку и спасались бегством. Но часто рабочий не успевал освободить крючек, лошадь преждевременно бросалась в сторону и оба они делались жертвою расплавленной лавы.

Безвестные беспаспортные шли на работу по выгрузке шлака и для них Юз имел особую казарму, в которую не смел заходить полицейский крючек. И лошадей Юз отбирал для этой работы самых старых, самых порченых. Юз жестоко штрафовал, если на выгрузку шлака запрягали лошадь без из'яна и молодую. Только рабочих он посылал на эту опасную работу без подбора.

В землянках жило по несколько артелей. Облюбовав себе угол, артель отгораживала себя от другой своими тюками, инструментом и разным барахлом.

Семейные тоже городили себе углы в общей казарме. Дети разрушали границы, проведенные отцами, перескакивали друг к другу и получали за это дело пинки и подзатыльники.

В казарме вечно стоял гул. Крики грудных детей, стоны

заболевших, храп уставших, создавали в казарме своеобразный хор, который продолжался и день и ночь. Кто стонет от боли, кто храпит со сна, кто поет спьяна, кто посвистывает лихим посвистом, ему одному понятную мелодию, а кто играет на гребенке. Кому-нибудь в этой толчее вдруг захочется танцовать. Раздвинув круг в аршин парень топчется на нем, приседает, подскакивает, хохочет, нисколько не нарушая занятий своего товарища, который тут же возле разделся голым и сосредоточенно обирает вшей со своего белья, тут же расправляясь с ними. Все делается на глазах соседа, до которого никому дела нет. Все делается на глазах детей. Частые пьянки, драки превращали казарму в вертеп. Отдыхать нельзя было в казарме из-за вечного шума, царствовавшего в ней. Изнеможенные работой люди падали в бессильи и засыпали. Если рабочие завода чем-нибудь обслуживались, то шахтеры, являвшиеся огромным большинством Юзовских рабочих никаким обслуживанием не пользовались. Счеты и расчет вел с ними десятник через артельщика, который в отличие от заводского артельщика, рядившего людей в деревнях и городских посадах, набирал все то, что выплевывали другие артели, набирал бегунов, бродяг и случайных людей. В артели люди менялись после каждой упряжки, рабочий за рабочим не мог уследить, не мог знать, с кем он состоит в артели. Власть над рабочим забирал артельщик, который, окружив себя несколькими помощниками держал в повиновении всю артель. Артельщик был неот'емлемой частью шахты и рудника. С артельщиком легче было договориться насчет неурочных упряжек, насчет непредвиденных работ, артельщику можно было обещать могарыч и он наладит артель на неотложное дело.

Юз не любил и не поощрял подрячиков, он видел в них будущих шахтовладельцев, промышленников и конкурентов, но всеми средствами поддерживал артельное начало, которое таило в себе большие просторы для произвола для обезличения рабочего перед хозяином, для обжуливания и закрепления рабочего за предприятием. За спиной артели скрывались все мошеннические проделки, которые Юз и его помощники предпринимали для удешевления продукции, которая была неимоверно дорога, через артельщика можно было достичь удлинения рабочего дня, и без того бесконечно длинного, помощью артельщика можно было вышибить из рабочего всякое сопротивление, можно было наказать непослушного и быть совершенно незамеченным на случай того, если наказание примет характер уголовного преступления. Вопросы охраны порядка и держания людей в повиновении нельзя было поручить одному лишь уряднику.

Рабочий, как зверь, побывавший в капкане, проявлял необычайную осторожность и недоверчивость. Шахтовладельцам приходилось изощряться. Пообещает рабочему набавку четвертак на упряжку и тут же предложит брать товары по высокой цене. Сойдет хищнику, пока рабочий поймет обман, а потом не пойдет на такую приманку. Надо выдумать что-либо посложнее, похитрее, но выдумать не всегда удается. Самое лучшее физическое воздействие, мордобой, членовредительство для проучки, но трудно одному да и не безопасно. На сцену выступает артель и артельщик.

Допустил рабочий неповиновение мастеру или недостаточное внимание к работе, мастер шепнул десятнику, десятник артельщику, а там свои же ребята на досуге спокойненько проучат провинившегося. Изобьют члены артели своего парня, раскровавят ему лицо, изорвут одежду на нем да белье, выбьют зубы, изгонят ободранного как „липку" вон из артели и не скажут за что. Разве намекнет артельщик, или скажет через день, когда голодный парень прийдет просить:

— Чтоб ты мастера знал.

Или:

— Чтобы ты порядков не нарушал.

Избитый, издерганный сам будет в памяти перебирать, когда он мастера забыл, или когда он порядок нарушил.

Мастер далек, а Юз еще дальше. Совершенно неожиданно вышла драка. При чем тут Юз, Юзовка, при чем тут Юзовский завод. Обычное дело.

— До пасхи получки ждать, — чешет затылок рабочий.

Рассядутся артели возле дверей своих казарм, начнут рассматривать друг друга, кто с кем в одной артели работает, перекинутся словом резким, едким, бранным с тем, кто в другую перекочевал. Скучно. Денег завод раз в полгода дает, а выпить каждое воскресенье хочется.

Горит нутро от злости, не дает покоя.

Эх жизнь-то!

Тушить злость водкой можно, но завод денег не дает. Надо ухитряться.

Как-бы там бутылочку раздобыть сверлит глазами самый молодой и молодых подмывает. Старики смирно отлеживаются. Еще артель не собралась полностью, нет еще старосты, много есть путей к этой бутылочке, но трудные и разорительные эти пути.

— Очередь чья, — спросит кто-либо из молодежи.

Оглядываются бородачи по сторонам, екает сердце. Не в бутылочке дело. Начнут конечно с бутылочки, и Волга не из Каспийского моря, а из небольшой трясинки начинается. Спустить прийдется все дочиста. И спустить можно, но де-то в далекой деревне жена осталась... отец, мать.

— Веселей, ребята, признавайся—чья очередь.

— Может моя — острит парень с расплюснутым носом, прошлым воскресеньем бывший в очереди.

— Дай носу выстояться, а то соплит — едко бросает молодой.

— За этим дело не станет—утрем нос, гладко станет.

— Молодой ты, — замечает бородатый мужик, проводя рукой по бороде.

— Погладь бороду вот так.

Бородач показывает на своей бороде и вызывает общий смех.

— Погладь, чего боишься. Молодой пыжится, безусое, безбородое лицо.

— Борода в козла, а упряжки на нем не пишут, оправившись гарчит парень.—У меня упряжек больше, чем у тебя.

— Так ты ставишь?

— Чего-то я?

Парень вскочил и звенящим голосом крикнул:

— Ребята! — поставлю, если бороду ему скосите. Такой уговор.

— Говорю молодой, а дурак еще — отыскивая кругом предмет для защиты, кричит бородач.— Ну скажи, кто праздник с драки начинает. Молодой приседает, обескураженный. Наступает тишина.

Ставим артельную, провозглашает кто-то из старших, обыкновенно опытный хоровод и заводило.

Старосту приводят к артели. Он сопротивляется, но его насильно будто заставляют. Каждое воскресенье одно и то же происходит, под каждый праздник одна и та же канитель, но староста должен фасон держать, хотя сам со всеми пьет и в драке участвует. Бутылочка артельная распита.

— Кто штаны в лавочке покупал, — спрашивает староста. Дело пошло по проторной дорожке.

— Сережка.

— Сережка, ну вали на толкучку,— говорит артельщик.

Сережкины штаны пошли на базар вместе с гурьбой рабочих, помощников, свидетелей и маклеров, чтобы лучше и скорей дело сладилось.

Одному, двум никак доверить нельзя, сами могут пропить выручку.

Сережкины штаны были только началом процедуры, как добывать водку, если нет получки и если в заводской лавке водкой не торгуют, а трактирщик в кредит не дает.

Дело пошло в открытую.

Староста пишет записку в заводскую лавочку:

„Отпустить члену артели „Имярек“ в счет заработка артели товару по его выбору на 15 рублей серебром“.

Гурьба идет в лавочку, а парень, на имя которого выписана записка, шествует торжественно впереди всех.

В лавочке толчея, десятки артелей успели уже давно проделать всю предварительную процедуру, которая ведет к записке старосты. Полки пустые, ходкие товары разобраны. На полках набросана в беспорядке сбруя, горшки, лопаты, цепи. Кое-что чернеет из мануфактуры. Ребята ищут глазами чего-нибудь легкого для продажи.

— Костюм давай — стрельнул запыхавшись — скорей.

Но лавочник не спешит. Он знает, в чем дело.

— Нет костюмов,—отсекает он. И чтобы поглумиться над парнем, прибавляет: — В следующее воскресенье придешь, только пораньше приходи.

Парень сует записку лавочнику, который ухмыляясь читает и говорит:

— Так тебе же не костюм нужен, какой тебе товар отпустить. Посмотри в полках, что есть. Остальные ребята ищут более ходкий товар, который можно было бы без большого убытка превратить в деньги. — Хомут бери,—подсказывает приказчик, который не меньше лавочника знает, в чем дело, и рад поглумиться.—Хомут — с сомнением возражает кто-то из толпы неуверенно.

— Гвозди бери, предлагает лавочник. Настроение у артели падает. Дело может расстроиться, пройдет воскресный день без выпивки, надо энергичнее действовать.

— Ребята, сбегайте на „Новый Свет" к лавочнику, может он гвозди возьмет,— шепчет один рабочий другому,—скорей.

Кто-нибудь из ребят бежит прямо через завод, через цеха на „Новый Свет" к лавочнику.

— Договорились!

— Берет,—радостно сообщает посланец.

„Новый Свет" сначала появился против обнаженной домны в виде скромной вывески над трактиром, наскоро сколоченным из тонких досок и щепы. Не успел трактир обмазаться шаманом, как появился еще один, выросла пивная одна и другая, появился лоток, коробок, лавочка, ямка, вырытая в земле,— куча лавочек. „Новый Свет" собачим грибом обсел завод. Трактирщики, пивники, лавочники и церковники роем комаров вились над потной рабочей получкой, которую Юз крепко зажал в своей пухлой руке.

— Берет — радостно повторяют ребята и навьючивают на плечи ящики гвоздей. Кроме гвоздей ничего не осталось. Пока парень прибежал с „Нового Света", другая артель забрала костюм, которого лавочник не хотел отпустить. Становясь в позу благородного рыцаря, он говорил:

— „Бракованный". Предупреждаю, ребята... пеняйте на себя, если не подойдет.

— Хитри, — думали ребята, внимательно осматривая костюм.

Еще одна артель сигары взяла.

— Сигары остались да хомуты,—насмешливо говорит приказчик,— выбирай чего хочешь.

Лавочник выписал для какого-то начальника хорошие сигары с золотым ободочком по пятаку штука.

— Давай...

Рабочие берут коробки сигар для базара, а пока что ломают одну за другой, делят пополам, чтобы самому закурить, попробовать.

Рабочие разных артелей пошли на базар сбывать свой товар, чтобы деньги превратить в водку.

Каждое воскресенье и праздник шахтеры с окрестных рудников собираются на Юзовском базаре. Полиция тоже стягивает свои силы. Она ест рабочих глазами, так бы их всех, весь этот пьяный, грязный сброд собрала бы в куль, в рогожу и в Байкал, но не дает Юз. Сброд этот упряжки делает. Рабочих и так не хватает, особенно по понедельникам. Понедельник самый тяжелый день для завода, понедельник отличается авариями и обилием несчастных случаев. Отливы и приливы рабочей силы можно установить только после понедельника.

— Арестовывать, только в праздники, — говорит Юз через мастеров.

— Позвольте!

— В Петербург напишу — коротко говорит Юз.

На базаре продавцов много, товар идет к перекупщикам. Перекупщик брак сразу обнаружит и за пиджак, который лавочка отпустила за 8 руб., предлагает трояк, а гвозди лавочник совсем отказался брать.

— 8-мидюймовые неходкие.

— Отчего раньше не говорил?

— А отчего ты раньше не спросил?

После долгих препирательств лавочник соглашается брать ящик гвоздей за треть цены.

— Набавь—не краденый ведь товар.

— Если дешево, то и краденый неси,— парирует лавочник.— Вам деньги нужны—отсыпьте мне немножко. Вам товар нужен — отсыпьте мне немножечко, на то мы торговцы.

— Пусть давится нашим трудом,—решают ребята, которым надоела вся эта канитель.

— Ладно, бери.

Обозленные и ограбленные юзовской системой расплаты, рабочие жадно бросаются на водку, но ее мало, чтобы утопить в ней свою злобу, свою ненависть.

— Мошенники, ни за что забрали нашу получку,—жалуется один другому и все вместе.

В трактире гул, похожий на хриплый вой.

— Кто с лавочником за гвозди договорился, бей его.

— Кто дырявый пиджак советывал брать — бей его.

— Кто сигары брал — бей.
— Братцы, разве я... лавочник мошенник.
— Бей лавочника.
— Бей!

Из трактира вырвался клич на площадь, охватил яростью черную, как шахту, массу. Появились женщины.

— Кишки наши мотают, кровопийцы, мотают кишки.
— Сбреют полголовы и на каторгу.
— Каторга... вот она каторга... бей ее.
— Пускай лавочку в прах.
— Разбирай, ребята, это наша кровь
— Петуха красного пускай.

Завертелся товар в лавочке, запрыгал, как соль на огне. Смешался сахар и керосин; табак, папиросы полетели в уличную грязь.

— Ни нам, ни им!

Рубали топорами ситец, рвали бумазею, дырявили железными граблями сукно.

— Наши получки — круши.

Так вышел первый бунт против Юза в 1874 году.

Н. Ледянко

ИСТОРИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ИМ. т. СТАЛИНА *)

Зная о блестящих данных инженера Свицына как администратора, Новороссийское общество приглашает его к себе директором завода.

НРО **) понимало, что старый Андерсон—консерватор, как и каждый порядочный англичанин. Он полагает, что завод может без конца работать на старых — раз навсегда установленных — основах. И когда кризис ударил металлургическую и угольную промышленность, директор Андерсон по-старому флегматически подписывал в кабинете, охраняемом полицией, разные ведомости,— как будто не он должен был создавать такую организацию работы завода, чтобы она по старому давала хорошие результаты при новых — худших — обстоятельствах.

Молодой энергичный Свицын, не раз высказывавшийся о своем уважении к американцам, их деловитости и размаху в работе — Свицын подойдет лучше Андерсона.

Американизированный директор на английском заводе... Прекрасно, — подумал сэр Монтегю Бальфур, наследник главы банкирского дома Огильви, инициатор предложения Свицыну.

Депрессия промышленности проходит, начнется новое оживление. Надо будет провести реконструкцию завода, консерватор Андерсон не придаст эсому делу нужного размаха. Вот он подал проект увеличения продукции завода без его реконструкции — на старой базе.

Акционеры НРО были предусмотрительны — в войне всех против всех выигрывает сильнейший. Что было бы с благословенной Англией если бы она до сих пор оставалась с парусным флотом?

Свицын знакомился с заводом. Заложивши руки за спину, отчего грудь подавалась вперед, а шея вытягивалась, будто директор заглядывал во что-то высокое, летал он цехами, протыкая воздух своей острой бородкой.

Двое городовых, всегда сопровождавшие директора НРО и сторожившие его кабинет, подвергались опасностям заболеть одышкой, бегая за Свицыным, как полагалось, с

*) Отрывок из второй части,
**) НРО — Новороссийское общество.

голыми револьверами. Упитанные городовые, привыкшие сидеть у дверей кабинета Андерсона, так как он почти никогда не ходил на завод, с трудом перепрыгивали через лом и карабкались по штабелям готовой продукции — Свицын хотел видеть все. Особенно перетрусили они в мелкосортной прокатке, когда директор подался напрямик через стилажи, куда вылетали обессиленные огненные змеи.

Директор знакомился с заводом...

Собственные шахты, руда и карьеры, дающие необходимый камень, собственные кирпичные заводы и другие вспомогательные предприятия.

Собственное большое имение, давшее возможность зарабатывать на сельско-хозяйственных продуктах, продавая их своим же рабочим и служащим. В имении 400 лошадей, 600 голов породистого рогатого скота и 1.300 овец и т. д. Конский завод. Паровая мельница. Всего земли у НРО 18.000 десятин...

Даже собственный пивоваренный завод. В свое время Джон Юз запретил в поселке продавать водку и пиво. Этот факт наивные люди ресценивали, как поход за трезвость, которого можно было ожидать от человека, принесшего в донецкие степи скуку английского воскресенья с обязательным чтением псалмов. Все взрослые сидели с молитвенниками и библиями, тоска наполняла котеджи.

Дело об'яснилось проще — Юз запретил водку, чтобы пили больше пива, а пиво запретил чужое. Продукция собственного пивоваренного завода рекомендовалась.

Юз создал то, что нужно. В капиталистической системе, где хищник от хищника отнимает добычу, где больший поедает меньшего, независимость от иных отраслей промышленности обеспечивает большую боеспособность в хаосе конкуренции, где все выступают против всех. Колонна войска, состоящая из различных частей, сильнее этих самых частей, взятых отдельно.

Комбинат НРО составлял мощный кулак, которым оно сбивало с ног конкурентов.

Юз обманул горнопромышленников, разрабатывал собственные шахты, рудоносная земля об'егоренного Белокрысенко обеспечивала независимость и относительно руды...

Но вырастали новые заводы с более модернизированной технической базой, и на старика-завод могла напасть одышка в стремительном беге к большим прибылям. Его могли обогнать.

В продолжение 1909 года завод выбросил на рынок:

стальных рельс	31.134.321	пуд.
балок и швелеров	1.104.449	„
заготовки и обжатой болванки	397.513	„

железа кровельн.	324.039 пуд.
„ резервуарного и котельного	427.546 „
„ сортового	2.161.534 „
осей, штанг, болтов и пр. .	97.615 „
наковальни и разн. стальное литье	20.611 „
чугуна передельного . . .	1.323.250 „
„ литейного	2.965.475 „
„ зеркального	46.650 „
„ ферро-марганца . .	115 500 „
Всего . .	11.118.514 пуд.

Кроме того, отпущено было свыше 2 миллионов красного кирпича, 45.000 огнеупорного и 67.000 пудов негашеной извести. Из большой добычи угля в 75 млн. пудов НРО собиралось продать около половины, но реализовало всего 23.125.720 пудов угля и 1.733.488 пудов кокса, так как на Новороссийское О-во пошел походом „Продуголь".

Свицын знакомился с заводом. Коксовые печи очень красиво пылают ночью. Горящий вверху газ создает капризные красные языки пламени и кажется, что они вылизывают темноту вокруг печей...

А издали красные факелы каких-то великанов. Их не видно — факелы над местом отдыха этих великанов, которые с утром двинутся в грозный поход.

Гигант-завод не спал. Мало спал и Свицын — скорее войти в курс дел!

Его не интересуют ночные виды и красные огни коксовых печей — точно так же, как и тех, кто возле них работали.

Свицына интересовала производительность печей, а работавшие возле них боялись штрафа за какую-то провинность — так мал заработок, штраф его разделит пополам...

570 коксовых печей, расположенных в четыре ряда, дают 20—25 млн. пудов кокса в год. Главная масса его идет в самый старый в Донбассе доменный цех.

Он состоял из семи печей — каждая в 23 метра вышиной. Печи отличались одна от другой размером горна, распара, колошника и числом фурм. В связи с этим производительность печей различна:

2 печи по	18 000 пудов в сутки
4 „ „	14 000 „
1 „ „	6.000 „

В 1910 году работали всего четыре печи с продукцией 45.000 пудов, причем одна печь выплавляла специальный чугун. Остальные медленно ремонтировались, так как перед тем на рынке была депрессия.

При домнах устроены вертикальные под'емники для

материалов. Дутье подавалось 18 паровыми вертикальными воздуходувками по 400 лошадиных сил без конденсации пара.

„Даром пропадает отработанный пар",— подумал Свицын.—„До сих пор турбодинамо не закончены".

Пар для воздуходувок получался из двух групп паровых Ланкаширских котлов с поверхностью нагрева в 7.000 кв. метров. Дутье направлялось для нагрева в 19 воздухонагревателей системы Каупера с поверхностью нагрева в 4.500 кв. метр. каждый.

При доменном цехе два миксера по 150 тонн каждый подавали чугунное литье мартенам.

При домнах литейные дворы. Могучим огненным потоком рвется чугун из домны, бежит приготовленным в песке руслом и наполняет формы, обнимающие и зажимающие огненную бурность.

В помощь формам воздух крадет у чугуна тепло и обращается он в холодный труп, который оживит человек, превратившись в деталь машины или орудия.

Шлаковые ковши „кукушки" отвозят в конец шлаковой горы, напоминающей мол.

Перевернутся ковши, выливается шлак, стекает огненной речкой, отражающейся в небе нежно-рубиновым цветом...

Зарево от шлака сливается с заревом от чугуна и пылает горизонт...

Кажется, сейчас взойдет солнце... Но стынет чугун, стынет шлак, еще больше чернеет ночь...

В зависимости от того, чем накормить домну, даст она литейный чугун, передельный мартеновский или бессемеровский или специальный: ферро-марганец, шпигель, ферросилиций, силикошпигель и т. д.

Когда Свицын проходит возле мастера Зеля, то вежливо с ним здоровается. Зель так же отвечает.

— Штучка видать,— будто сам к себе говорит Зель, но слышит эти слова Коробков и кивает головой.

А Волгину директор напоминает Западную Европу...

„Если бы у нас была такая демократия"...

Жарко в мартеновском. Свицына прохватил холодный сквозняк —администрация НРО экономила железо и по цеху метался холодный ветер.

Ненасытные печи — шеренга из 9— глотают шихту и запивают ее жидким чугуном, чтобы переварить все в сталь... 35.000 пудов в сутки.

К основной еде — скрапу, руде и известняку — нужен марганцевый, магнезитовый и доломитный гарнир. Мастера покрикивают на рабочих, те открывают ненасытные пасти печей и кормят их дополнительными деликатесами.

Слепящее пламя бьет в лицо, нестерпимый жар обжигает

кожу... Когда умрет рабочий, знаток, посмотревши на цвет лица, скажет:

— Это был металлист. Из горячего цеха.

В лицо и грудь бьет нестерпимый жар, а спину холодит ветер. Буйный — донбассовский — он мечется цехом, так как администрация экономит кровельное железо...

Тяжело „мартынам", поэтому обыкновенно это молчаливые и суровые люди. Они думают прямо, и когда вырвется какое-то неосторожное слово, ковшевой Чайкин Антон и формовщик Михаил Мельников извещает о нем пристава...

Огромный ковш разливает металлическое искристое литье в чары изложиц — от шести до двухсот пятидесяти пудов...

Когда остынут они, кран безжалостно хватает их, будто коршун цыплят, и несет к платформам...

Заверещит „кукушка", и серые еще горячие болванки подаются дальше — в нагревные печи рельсопрокатного или сваливаются ждать очереди...

Чугун из домен к мартенам, болванка от мартенов в рельсопрокатку. Там рельсы, балки и швеллера, а часть прокатанного продукта идет как болванка в мелкосортный...

„Никудышный цех", как старосветский кирпичный завод, большая землянка, — думает Свицын.

Предполагалось строить новый мартеновский цех из шести печей на пятьдесят тонн каждая с полной механизацией завалки, разлива и т. д. Все краны должны были быть электрические.

Два конвертора бессемеровского цеха не работали. Их сталь, главным образом, шла на рельсы, а заказов на них в этом году было мало и потребность в стали целиком удовлетворял мартен.

Свицын удивился — лучше остановить несколько мартенов. Он держался того мнения, что бессемеровская сталь лучше и дешевле мартеновской. А что бессемеры капризны, то нужно внимательно их приручать. Инженер должен быть всегда сильнее аггрегата.

На мостовой цех Свицын смотрел с большими надеждами. Только что законченный, он мог принести большую пользу НРО. Вместо того, чтобы отправлять металл на рынок, снабжать машиностроительные заводы, целесообразнее выполнять у себя разные конструкции. Металл использовывался бы на заводе, а конструкции давали бы большую прибыль. Заполнить стелажи в 10.000 кв. метров чего-нибудь да стоило...

„Копры и мосты — основное... Шахты возьмут копры, но тут не размахнешься... 800.000 пуд. может дать цех. Мосты... Нужно в министерстве путей сообщения разведать, сколько им потребуется мостов"...

Свицын улыбнулся. Если министерству не требуется много мостов, то нужно убедить, что нужно больше.

До 1913 года цех изготовил все мосты линии Одесса—Бахмач, включая огромные мосты через Днепр возле Черкасс, 524 сажня и через Южный Буг в 230 сажен, а также мосты линии Армавир — Туапсе.

Бухгалтерия НРО не раскрыла своих тайн — какие суммы убедили чиновников министерства путей сообщения, что нужно так много мостов и что они должны изготовляться именно на Юзовском заводе.

Директор Свицын был за американский размах в работе и умело использовывал российское взяточничество, не являясь исключением среди промышленников. Но часто инициативу Свицына связывала „Продамета".

В кузнечно-котельном кипят паровые молоты — десять их разного веса — от четверти до пяти тонн, шипят так, будто держит кто-то горячую вещь, печет — не выдержать.... Бросает...

За шипением глухой удар... Могучий вздох облегчения.

Пятитонный молот — послушен. Иногда его властелины бросали с полной высоты, чтобы забить пробку в бутылку, и та оставалась целой. Иногда под такие молоты клали ненавистных мастеров и останавливали их на волосок от черепа.

Молоты выполняют сложные поковки—куют, например, двух- и трехколенчатые валы с диаметром до восьми дюймов.

Уханье молотов—покрывают бесконечные, надокучливые, неумолимые миллионы ударов клепальщиков. Они отдаются в голове даже тех, что работают в другом конце цеха...

„Глухарский" цех...

На заводе и рудниках НРО около 5.400 котлов, есть что клепать „глухарям"!..

Дыропробивные станки, два станка загибать железо, сверлильные...

Массовое производство шахтных вагонеток... Костылей и болтов... Разных штамповальных частей для машин по точным чертежам... Переносные железнодорожные узкоколейные пути по системе Дольберга...

Присматриваются к новому директору Задависвечка, Рыжев, Николай, Артемчик, Иван Захаренко с партийным псевдонимом—„Черный"...

Свицын гонял из цеха в цех. Все увидеть собственными глазами, оценить, взвесить, что и как расширить. Предполагалась большая модернизация завода. Не пар должен был быть решающей двигательной силой, а электричество...

В химлаборатории директор обратил внимание на лобастого юношу.

„Вероятно из старой интеллигентной семьи... Скромный какой... Настоящий лаборант, растущий в профессора".

Федор Зайцев был принят в лабораторию мыть посуду. Заведующий оценил его внимательность и заинтересованность анализами и разрешил ему помогать лаборантам.

Глаза сосредоточенно следили за анализами, а мозг никак не мог разрешить вопрос, почему каталь и профессор служат кучке акционеров, почему ради их барышей девять его братьев и сестер погибли в младенчестве, не выживши в землянке, почему брат Петя все время болеет и очевидно останется глухим.

Отец, вымученный заводом, мечтал о легкой работе для выжившего случайно сына и устроил его в книжном магазине Червонного и Фадеева с заработком в 5 рублей в месяц.

— Любишь читать, там до гибели книг.

Но читать не пришлось—хозяин заставлял вертеться колесом перед покупателями, забегать вперед и открывать дверь, выносить покупки приехавшим в фаэтонах, разносить их по домам, а в свободное от торговли время мыть хозяйские галоши, ставить самовары и т. п. На ругань и крик обязательно отвечать:

— Что угодно-с?

Если мальчик не являлся „на носках", или просто хозяин был в плохом настроении, не раз доставались подзатыльники...

Заявить нищенски живущим родителям о том, что он хочет бросить работу, не могло быть и речи. Подросток вместо лавки стал уходить на речку, пока об этом не узнали.

Было обидно, когда дома назвали дармоедом, но итти к Червонному и Фадееву—ни за что!

Отец упрямо не хотел вести на завод:

— Высосет, как меня...

В конторе на „входящих" не удержался—о многом думал, о несправедливости, о пьянках и драках нищенствующих рабочих и делал ошибки.

В лаборатории приборы, печи, препараты... Анализы каменного угля, кокса, руды, флюсов, шлаков доменных печей, разного чугуна и стали, огнеупорных материалов, колошниковых и генераторных газов, воды, смазки и т. д.

— Как часто берете пробы угля?—спросил Свицын.

— Раз в месяц со всех шахт.

— Кокса?

— Два раза в месяц, господин директор.

— Уголь, идущий на коксование, и готовый кокс анализировать ежедневно!

И запахнув полы сюртука, быстро повернувшись, бежал дальше, не слушая возражений, что не хватит лаборантов.

Место расстрела рабочих Юзовки в 1907 году.

В механической лаборатории станки, прессы для испробывания металла и строительных материалов на растяжение, сжатие, выгибание, сворачивание и твердость. Для проб на удар в соседнем помещении оборудовали копер с электрической лебедкой.

Свицын нашел в комбинате все, что было нужно для большого размаха в работе, но всюду лежала печать скупости и опасения истратить лишнюю копейку, когда она сразу не даст 50% прибыли.

Начинался промышленный под'ем, НРО со своими методами хозяйствования — консервативными, как у владельцев английских майоратов—могло оказаться в хвосте.

Свицын подал акционерам свою оценку положения завода и соображения относительно самой необходимой реконструкции. Акционеры согласились и к сорока тысячному директорскому содержанию прибавили полпроцента прибыли завода—директор будет увеличивать производство завода, если и сам будет в этом „кровно" заинтересован.

Ведь просиживал Альберт-Юз дни и ночи возле домен, которыми ведал. Кроме акций и содержания, Альберт Джонович получал еще полкопейки с пуда чугуна—вот и старался больше его выплавить.

А доменные газы вредны. Нажил туберкулез и подался с мистрисс Юз—когда-то очаровательной пани Пташинской в Италию. Пойманный на месте преступления с чужой женой молодой Юз заплатил тридцать тысяч „за развод" и, вероятно, старался выплавить больше чугуна, чтобы покрыть непредвиденный сметой расход.

Во-первых, Свицын расширил бухгалтерию.

— Я должен знать, что у меня есть, и что дает каждый цех и агрегат.

Налаживать в конторе учет посадил инженера Белокура-Григорьева—одноглазого, закрывавшего свой из'ян темными очками. Инженер знал, что он должен учитывать и мог практически с производственной точки зрения оценивать мертвые для других цифры.

Если раньше служить в конторе могла только интеллигенция — определенная каста своих для НРО людей, то Свицын расширял штаты, набрал „демократического" элемента — опять таки производственно-грамотных рабочих, понимавших, что они считают. А во-вторых, это было начало свицынской политики максимального разложения рабочих, которые могли ожидать всяких благ, если будут покорны и старательны. Служащие в конце учетного года в зависимости от размера прибылей получали премии.

При „помощи" Свицына некоторые англичане пошли за Андерсоном. Особенно рабочие были довольны удалением мистера Стырса из литейной—чрезвычайно грубого и хамо-

ватого человека, криком, а часто и рукоприкладством покрывавшего свое неумение руководить работой. Часть своего литья, более тонкого, НРО заказывала соседнему заводику Боссе. Там работал мастером немец, который имел необходимые знания. На Юзовском заводе никогда не было англичан-рабочих. Входя в контору рабочим, сын Альбиона выходил мастером-надсмотрщиком за русской рабочей скотинкой.

Свицын сразу поднял заработок рабочих. Квалифицированные получили от 15 до 40% прибавки, чернорабочие просто по 10—15 копеек.

Чтобы иметь на кого опереться в первый момент, Свицын выписал из Брянского завода нескольких мастеров и до полсотни квалифицированных, преданных себе рабочих, которые официально должны были передавать свой опыт юзовцам, а неофициально заниматься среди них шпионажем, быть глазами и ушами господина директора.

Английским традициям разложения пролетариата Свицын придал большой размах, как и всему, что он делал.

Сэр Монтегю, лорд Бальфур почему-то сразу затосковал за доброй старой Англией. Он, последив за работой нового директора, совершенно успокоился—в его гибких и твердых руках завод будет золотым неиссякаемым колодцем для акционеров, в первую очередь для банкирского дома Огильви, где главой был Бальфур-старший.

Так уже велось—на заводе всегда был кто-нибудь из акционеров поважнее. Вместо биржевого волка когдашнего участника грабительской англо-бурской войны, приехал Ревельон, неопытный в вопросах промышленности и финансов теленок, который должен был учиться уму-разуму у Свицына. Молодой джентельмен был достойным компаньоном для Локсли в футболе, а также предпочитал развлекать своих дам сердца, которых у него от скуки было порядочно, бегом в мешке, тонкостям производства.

Свицын успокоил Бальфура, но встревожил подпольщиков. Но некоторым даже нравился — Волгину, например, Чикирисову...

„Капитализм нарочно расслаивает рабочих, чтобы сплотить с буржуазией ничтожную кучку верхушек рабочих масс. С ними стычки будут неизбежны“ (Ленин. „Доклад о деятельности СНК на III с'езде Советов“).

— С ним можно будет сговариваться. Это умный человек,— говорил Волгин.

— Простой и прямой,—добавлял Чикирисов.

Вместе с новым директором на завод пришла Европа. Если Андерсон, как и Джон Юз, был любителем лошадей, то Свицын купил себе автомобиль.

Эта машина положила начало большой карьере рабочего механического цеха Кошеленко. Мотор почему-то громко

хлопал. Кошеленко рискнул взяться за его исправление и достиг бесшумной работы.

Кошеленко попадает в орбиту свицынского внимания, становится механиком, путем самообразования знакомясь с теорией. Изобретает трехпатронный станок для расточки колес и рационализирует станок для расточки букс шахтных вагонеток. Первый станок давал 110 колес за смену в то время, как на обыкновенном токарном выходило всего 10—15.

Кошеленко рационализирует ряд строгальных и долбежных станков, что уменьшило количество получаемых из Америки.

— Смотри, Кошеленко,— пошутил раз Свицын,— смотри, чтобы тебя не убили.

— Как?

— Ты же подрываешь американский экспорт станков. Американцы — народ деловой, им дешевле будет нанять кого-нибудь тебя убить, чем терять прибыли от твоих станков. В Америке это просто...

— Так у нас же не Америка,— несколько встревоженно возразил Кошеленко.

— Но станки американские здесь и агенты фирм, которые ими снабжают, тоже.

Когда-то Кошеленко сидел в тюрьме за причастность к подполью. Теперь он „переоценил ценности", ему было не плохо, а тут Свицын пугает американскими агентами...

Свицын шутил не только с Кошеленко. Летая цехами, он частенько останавливался поболтать с рабочими. Ходил на свадьбы и на крестины или посылал своего представителя с подарками. Конечно, не ко всем...

Масса для него была покоренным зверем.

В разговоре с рабочими не раз говорил:

— Вот когда переоборудуем завод, тогда заживем...

Увеличилось количество парной воды, развозимой по квартирам, ремонт заводских квартир получше делался, своевременно... Можно было остановить директора в цеху и попросить у него кровельного железа или кирпича на ремонт собственного домика...

Директор на листке из блокнота писал выдать...

Не всем...

Если мастера за старательную службу раньше получали ежегодную прибавку к месячному жалованью в размере трех-пяти рублей, то Свицын давал десять-пятнадцать.

Казалось, каждым своим жестом директор говорил:

— Старайтесь, и мы вас не забудем...

★★★

Снижать цены в борьбе с конкурентами, давать продукцию легче и дешевле — какой смысл, если можно без хлопот загребать дивиденды.

В конце 1901 года на XXVI с'езде горнопромышленников юга России было принципиально решено об'единить в синдикат железообрабатывающую промышленность, и в следующем году создается „Продамета" („Первое Акционерное О-во для продажи изделий русских металлургических заводов") с основным капиталом в 900 тысяч рублей. Вслед за этим возникают другие общества — для продажи чугунных труб, вил, проволоки и т. п.

В 1905 году создается „О-во для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна" — „Продуголь".

Эти два синдиката сыграли колоссальную роль в развитии донецкой промышленности. „Продамета" окончательно организовалась и окрепла в 1909 году, и уже через три года в ее руках было почти все производство железа в России.

Название продукта	Всего в России на рынке	Выпущено „Продаметой"	%%
Сортовое железо	60.565.025	50.632.436	83,49
Листовое железо	17.682.556	13.448.822	81,23
Балки и швеллера	17.332 177	16.470.670	95,37
Железнодорожные рельсы . .	35 880 000	27.291.000	75,76
Бандажи и оси	2.734.821	2.734.821	100

От 75 до 95% железа, поступавшего на рынок, находилось в руках „Продаметы". Ясно, что синдикат мог регулировать продукцию и цены как хотел.

Капиталы „Продаметы" были почти исключительно заграничные. Львиная доля принадлежала франко-бельгийскому капиталу, шестая часть немецкому и двенадцатая — русскому—исключительно в отрасли сортового железа, причем была группа предприятий, где русский капитал участвовал только частично, примешиваясь к франко-бельгийскому. Исключительно в руках заграничного капитала было сконцентрировано 68,95% сортового и 77,60% листового железа, 76,60% всех балок, 68,93% рельс, 85,50% бандажей и 85% осей—из всего количества об'единенного синдиката.

К нему принадлежали крупные донецкие металлугические заводы, акции которых котировались на парижской и брюссельской биржах. Среди них и Юзовский завод, из-за которого между собой боролись английские и французские банкиры.

Поэтому лорд Бальфур, спокойный за работу завода, подался в Лондон, чтобы быть на одном из участков боя — на Лондонской бирже. Вместо послушных „тоби"—английских солдат, которых он бросал в атаку на буров, лорд

Бальфур бросал теперь в бои полки акций и других ценных бумаг. Трудно найти таких полководцев, которые применяли бы такие хитрости, как биржевые волки. Жажда наживы и азарт крупной игры заставляли мозг спекулянта лихорадочно работать, он максимально напрягался и часто рождал совершенно безумные комбинации, которые, однако, осуществлялись—мозги биржевых акул и мелкой рыбешки одинаково были отравлены тем же ядом наживы.

Биржевик боролся с биржевиком, ставки сплошь и рядом считались семизначными числами, а массы мелких вкладчиков, имевших ценные бумаги разных предприятий, являлись только лишь стадом овец, которое отправлялось на ту или иную бойню. Игра на бирже — как опиум. Не раз люди теряли последние копейки и все несли в храм биржевого молоха.

Если бы биржа раскрыла свои тайны, если бы можно было о них рассказать, получилась бы потрясающая книга, могущая конкурировать только лишь с описанием деяний Интеллижанс сервис — английской охранки, своими провокациями охватывающей большую часть земного шара.

Новороссийское общество составляло исключение — его завод не зависел от углепромышленников. Что же касается основного большинства металлургов, то они, создавши синдикат для ограбления потребителя, косились на „Продуголь", созданный с той же целью. Точно так же, как и на „Продаруд", „Продвагон".

Если два последних синдиката не развились до угрожающих металлургистам размеров, то „Продуголь" их очень беспокоил. Он регулировал добычу угля и цены. Два отряда хищников стыкались в противоположных интересах. От „Продаметы" шахтам был нужен металл, а заводам от „Продугля" — топливо.

В 1912 году из общей добычи Донбасса в 1.087 миллионов пудов „Продуголь" добывал 638.058 тысяч пудов, т. е. несколько больше половины.

Как видно, „Продуголь" был слабее „Продаметы" относительно охвата своей отрасли промышленности. Причина здесь проста — рудников больше, чем заводов, им труднее сторговаться о деле в общей добыче. В угольной промышленности, кроме больших акционерных обществ, были владельцами шахт и рудников отдельные лица — „дикие" предприниматели. Будучи малыми хищниками — пока,— они питали надежды вырасти, поэтому на ограничение их добычи „Продуглем" им было не выгодно соглашаться. Что же касается „Продугля", то ему, как щуке, не было смысла, как с равным, договариваться с каким-то там карасем — его надо проглотить.

Развитие капитализма в России переходило на высшую

ступень—все более решающую роль начинали играть банки и синдикаты. Как и в „Продамете", первые скрипки в этом угольном разбойничьем оркестре принадлежали заграничному капиталу — 81% капиталов падал на долю франко-бельгийских банкиров.

„Продамета" держала страну на голодном металлическом пайке, это самое делал „Продуголь" по линии топлива. По мнению синдиката, 20 млн. пудов угля Жилловского рудника совсем излишни, и рудник закрывается. Многим дается приказ сократить производство. Если этот приказ не выполнить и продать больше, чем обусловлено, то следовало платить „Продуглю" пеню в размере 10 копеек с каждого пуда.

Члены „Продугля" не развивают всех своих производственных возможностей. Из следующей таблицы видно, как тормозилась добыча угля (цифры за 1913 год):

	Фактическая добыча	Возможная добыча
О-во Брянских каменноугольных рудников	32,93 млн. пуд.	59,5 млн. пуд.
Голубовское О-во	42,47 „ „	51,5 „ „
О-во Государево-Байракских рудников	16,81 „ „	26,0 „ „
О-во Екатерининских рудников .	9,82 „ „	31,0 „ „
Екатериновское горнопромышленное О-во	57,86 „ „	70,0 „ „
Ирминское к.-у. О-во	21,77 „ „	22,0 „ „
О-во Коренев и Шипилов	14,65 „ „	19,0 „ „
„ Никитовских рудников . . .	15,31 „ „	24,0 „ „
„ для разработки камен. соли и угля	44,78 „ „	55,0 „ „
Комп. Прохоровских к.-у. рудников	27,87 „ „	37,0 „ „
Южно-Русское к.-у. О-во	51,00 „ „	81,0 „ „
Петро-Марьевка.	35,92 „ „	37,0 „ „
Франко-русское О-во Берестово-Кринских рудн.	26,77 „ „	38,5 „ „
Итого . . .	407,96 млн. пуд.	551,5 млн. пуд.

Только эти 13 предприятий не додали стране почти полтораста миллионов пудов в год.

„Продамета" действовала точно так же. Сразу закрывается прекрасный оборудованный отдел проката сортового

железа и балок Никополь-Мариупольского О-ва, на „Русском провидансе" уменьшается выработка листового железа и т. д. Политика синдикатов явилась причиной металлического и угольного голода в стране. Россия с ее колоссальными возможностями плелась в хвосте — капитализм имеет целью не развитие страны, а интересы прибылей.

Военный союз России и Франции обусловливал принесение миллионных человеческих жертв со стороны России на пользу французских банкиров и рантье. Казалось бы логичным, что один союзник беспокоится о мощи другого. Правда, о союзе говорилось только „высоким штилем" в выступлениях дипломатов и в прессе. А в самом деле Россия была вассалом Франции. Французские ростовщики давно купили русского белого царя займами, которые Россия никогда не могла бы оплатить—проценты росли скорее, чем государственный бюджет. Российская бюрократия, полиция и жандармерия дорого стоили стране.

Франция должна была бы беспокоиться о силе своего вассала, но банкир предпочитал считать дивиденды, а рантье стричь купоны. Дивиденды были велики и так, зачем еще беспокоиться. Пусть Россия живет по своему принципу—

— Шапками закидаем.

Устав „Продугля" — абсолютно секретный — лежал в Париже. Потребителей интересовал не так устав, как практика синдиката. Царский бюджет всегда дефицитен, поэтому управление железных дорог не могли не беспокоить цены „Продугля".

Протестовал против его политики и потребитель. Екатеринославская городская управа выступает против синдиката, всегда агрессивный буржуа Гучков беспокоится о военной мощи России. 106 депутатов Думы беспокоят Столыпина докладной запиской о синдикате, министр путей сообщения докладывает совету министров об убытках железных дорог и спрашивает, имеет ли он право поддерживать отдельные фирмы, чтобы осилить „Продуголь". Совет министров приходит к заключению, что надо как-то ограничить аппетиты синдикатов и трестов.

Но заграничные банкиры имели могучий рычаг. Когда спекуляция „Продугля" вызвала правительственное расследование, сразу упали курсы бумаг донецких предприятий. Вслед за ними упали русские государственные бумаги...

Перед угрозой финансового краха правительство должно было отступить и прекратить расследование.

Оно все же успело раскрыть интересные вещи. „Продуголь" имел самую тесную связь с хозяйственным комитетом министерства путей сообщения, и он извещал синдикат о ценах конкурентов, о заказах и т. п. Во многих учреждениях делалось все необходимое синдикату—даже задерживались

правительственные распоряжения и телеграммы, чем-либо невыгодные „Продуглю", а то и совсем исчезали.

Сам министр фон-Шауфус был на службе у синдиката...

Раскрылось бы много кое-чего, но банкиры в Париже нажали кнопки...

Финансовый капитал солитером истощал страну.

Финансовый капитал—опора империалистических войн.

Рабочие были беспомощны перед грозными синдикатами. Они диктовали цены на продукцию и на рабочую силу. Неимоверно жала чудовищная махина эксплоатации, и нигде нельзя было найти отдушины.

Она была только одна — та, что могла вырвать взрыв революции.

Эпоха финансового капитала—эпоха империализма и пролетарских революций.

Сразу после основания „Продугля" Рутченковские рудники, в него не вошедшие, были принуждены сократить свою добычу на 20% и очутились перед угрозой потери остальных своих контрагентов. Такая же судьба ожидала и Трудовские рудники. Все вблизи Юзовки.

„Продуголь" наступал на „Продамету" и, диктуя свою волю заводам, не имеющим собственной угольной базы, решил ударить и по наиболее сильному Юзовскому заводу

Углепромышленники имели давние счеты с НРО, Юз здорово обманул их аппетиты, построивши завод с собственной угольной базой, дававший также топливо на рынок.

НРО выкрало жирные угольные, лакомые, куски, и „Продуголь" решил его теперь несколько проучить. Там, где продавало свой уголь НРО, появились предложения „Продугля" — более выгодные материалы.

Но заказчики НРО имели от него не только уголь, но и металл...

Тогда „Продуголь" заходит с тыла. Он доказывает, что уголь НРО низкого качества.

Этого никак нельзя было сказать о смоляниновских жирнейших углях НРО, но разве в капиталистических странах не раз доказывали, что совершенно нормальные—но опасные люди — сумасшедшие.

Здесь же дело более легкое—уголь. Он молчит. За него говорит лаборатория, а их руководители продаются, как и все в капиталистическом обществе, начиная от государства и кончая кастрированным мальчиком, необходимым для „ангельского" хора римского папы.

Но Свицын не мог позволить разбить себя...

Морщились акционеры НРО—дорого стоят лаборанты...

Но речь шла о престиже общества. Высокий престиж дает хороший заказ—так резонно доказывал новый директор.

Свицын был прав—морское ведомство подписало с НРО

контракт о снабжении его углем Черноморского флота—это пустяки — заинтересовать пару чиновников, если анализы угля дали такие прекрасные показатели.

Этим контрактом Свицын нанес оглушительный удар углепромышленникам, которые всегда добивались получить в свои руки снабжение флота топливом. Но железнодорожный транспорт стоит дорого, и морское ведомство предпочитало для Балтики ввозить кардифский уголь, а Черноморский флот, находясь в плаваниях, больше снабжался углем в заграничных портах, чем в отечественных. Подведенный же не раз скверным качеством топлива, флот относился очень подозрительно к поставщикам и ни с кем из них не подписывал солидных контрактов.

Петр Радченко

ПЕРВЫЕ ХОЗЯЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ГОРЛОВСКОГО ШАХТНОГО РАЙОНА

Существует предание, что Петру I, во время одного из его походов к Азовскому морю, казаки из окрестностей города Лисичанска, как диковинку, преподнесли кусок каменного угля. „Этот черный камень,— говорили казаки,— горит лучше кизяка, и мы отапливаем им свои хаты и используем при ковке железа".

Тогда император промолвил: „Минерал этот, если не для нас, то для потомков наших будет полезен".

Но Петр I не оставил мысли о черном камне, который горит лучше кизяка. Черным камнем казаки пользуются при ковке железа. А железо — это пушки, ядра, ружья, пули, крайне необходимые ему для широкой колонизаторской политики.

Энергично Петр берется за дело. 23 декабря 1722 года он издает приказ: „На Дон, в казачьи городки, в „Оленьи горы" и в Воронежскую губернию к селу Белогорью для копки каменного угля и руды"—об'явил поддьячий Капустин—„из берг-коллегии послать нарочного и в тех местах того каменного угля сажня на три и больше, и накопавши пудов по пять, привести в берг-коллегию и исследовать, а чтобы легче было копать уголь и руду, губернатору Измайлову послать указ".

Петр не только ищет уголь и руду на Дону; посылает „нарочных" на Днепр „для осмотра и поисков каменного угля". А немного спустя 23 сентября 1724 года выписывает из Англии мастера для разведочных работ „буравами щупать глубину". Между тем, эти первые практические работы не привели ни к чему.

Начатое Петром дело энергично продолжал Потемкин. Он сам бывает в тех местностях, где найден уголь, отпускает средства для разведочных работ и поощряет тех, кто принимается за разработку угля.

Хотя у Потемкина звучит иной мотив, чем у „богопомазанного" Петра, мол, в Новороссийском крае совсем нет лесов, но основания для такого энергичного, даже жадного изыскания угля и руды среди пустой степи у первого и у второго одни и те же: — поживиться богатством завоеванного края, закрепить его за собой, не отдать никому.

Нюх у Потемкина, как мы видим, утонченный. Он напоминает пса на охоте, который после выстрела своего хозяина охотника, высунув язык, бешено мчится за убитым селезнем, так как знает, что ему — псу, во время сытого ужина перепадет кусок вкусного поджаренного на масле сизогрудого неудачника. И лично затраченной энергии и даже истраченных собственных средств жалеть нечего. Все сторицей оплатится.

Потемким расчитывал, что из всего богатства, найденного им в Новороссии, получит по крайней мере „львиную долю". А богатства лежали так близко, стоило только протянуть руку. Чиновники донесли Потемкину о неисчислимых богатствах Новороссийского края. В скором времени князь после осмотра южной границы, снарядил профессора Леванидова, который, возвращаясь, ему — князю „столь лестное мнение подал" о богатствах гор, расположенных вблизи Донца; тут по его словам, есть золото, серебро, железо, черный уголь, мрамор и другие камни..."

Потемкину также не повезло, как и Петру. Он умер, не дождавшись результатов изысканий богатств. Но умер полный мысли, что в завоеванном его собственными руками крае найдены в самом деле неисчерпаемые богатства.

Сообщение профессора Леванидова сразу взбудоражило дремлющий край. Степной ветер от усадьбы к усадьбе понес неожиданное известие о богатствах.

Зашевелись местные помещики. На некоторое время они перестали сосать длинные, окованные золотом и серебром чубуки — щедрые дары Екатерины Великой.

В скорости там, где бушевали ветры по бесконечным степям, колыхая ковыль, где паслись уныло блея стада овечек, где единственным голосом человека была тоскливая песнь пастуха над своей убогой долей, громадными грибами выросли курени и загоны.

Но техническая неграмотность пионеров каменноугольного дела, и невозможность в тогдашних экономических условиях закрепощенной России организовать рыночный сбыт угля, прекратили на время угольную горячку.

Патриархальные дедовские средства, применяемые помещиками для обработки своих необ'ятных полей, были совсем непригодны для такого нового дела, как разработка каменного угля. Помещики наседали на крепостных, на даровую рабочую силу, но крепостные, не будучи заинтересованы, не подняли целины, под которой веками скрывались неисчислимые богатства края.

Однако Запорожье, а после уничтожения Сечи, „Новороссийский край" постепенно населялся.

Одаренные щедрой рукой Екатерины, князья (Потемкин, Прозоровский, Вяземский и друг. получили по 100.000 де-

сятин) основали на новых землях поместья, переводили сюда крепостных из своих великорусских вотчин.

Вслед за большими вельможами, за верную службу, получило наделы офицерство по 1000 десятин, фельдфебели и унтеры по 500 десятин.

За семь лет, от 1775 по 1782 „пожаловано" около $4^1/_2$ миллионов десятин и переселено крестьян из средней России около 100 тысяч душ.

Еще до этого в Новороссию царское правительство пригласило сербов, которые оселившись основали так называемые „роты". По предположению самодержавия сербы должны были выполнять специальные задания: охранять край от набегов турок и татар, а при случае и усмирять непокорных коренных жителей — запорожцев.

Позже, из южно-славянских земель царское правительство приглашает немцев и крымских готов, называвших себя греками, и румын. Всем переселенцам обещали бесплатную землю, лес для построек и даже деньги.

Переход Запорожья от военного положения к мирному вызвал новую волну переселенцев из густо заселенных губерний — Полтавской и Черниговской. Но этих не приглашали на новые земли, как приглашали вежливо сербов и немцев, а просто погнали в Новороссию. Правда, землю переселенцам обещали дать бесплатно.

Потянулись длинные ряды подвод и людей. Беднота шла пешком с малыми детьми на руках, с легкими сумками нищенских пожитков за утомленными плечами. Богатеи ехали на возах. Вслед за возами на привязи — коровы. В тучах пыли, понурив в землю голову, плелись собаки. Верста за верстой передвигался молчаливый обоз.

— Воды, кушать, — уже не плакали, не просили, а умоляли детские глаза полные отчаяния.

Много могил, больших и маленьких, едва прикрытых комьями сухой земли, оставили на своем пути переселенцы.

Обещанные земли встретили их безлюдьем, пустотой голой степи, ветрами суховеями и потрескавшимся от зноя плодородным черноземом.

С большими трудностями заселялся теперешний Горловский район украинцами, русскими группами, молдаванами, сербами, болгарами, черногорцами, албанцами, хроатами, поляками, белоруссами. Кого приглашая, обманывая обещаниями, а кого кнутом загоняя, заселяло царское самодержавие Бахмутский уезд, куда входили теперешние Горловка, Никитовка и другие города.

Болезни от перемены климата и воды, от скученности в хатах, а бывало и от отсутствия каких-либо помещений, массами погибали новоприбывшие. Немало погибло их от крымских и ногайских татар, опустошивших в 1762 году Бахмут-

Так называемая кандидатская школа на шахте „Артем", где до 1905 года собирались рабочие, и где их обучали политике.

скую провинцию. Все это привело к тому, что попытка колонизировать край иностранцами не имела успеха. Но переселенцы положили начало некоторым селениям. Селения росли, расширялись. Урожайная степная земля и широкие сочные пастбища привлекали переселенцев.

„НА ВЕТХОМ КАНАТИКЕ"

Приблизительно около 1806 года крестьяне Щербиновских хуторов и крестьяне села Железного почти одновременно открыли на своих землях залежи каменного угля.

Черный плотный массив угля спокойно лежал почти на поверхности земли. Постепенно один за другим подходили крестьяне, ласкали его шершавыми ладонями и корявыми пальцами, растирали в пыль комочки угля. То лежала крестьянская радость. Черная, какая-то необычайная, но радость. Радость реальная, которую они могли ласкать, ощупывать руками. В глазах, в уголках рта играла улыбка удовлетворения.

Находка угля не была для них неожиданностью. Только что оселившись на новых местах, они уже знали, что в недрах их земель лежит уголь.

Сегодня крестьяне увидели уголь собственными глазами. Теперь они еще крепче будут держаться за свою землю. Даже сугубая нищета неспособна будет оторвать такого мелкого собственника от ничтожного кусочка своей земли.

Крестьяне не представляли себе как следует, что они будут делать с накопанным углем. Может быть будут отапливать хаты им вместо кизяка. Но соседи помещики и казна уже давно добывают уголь и где-то сбывают его.

И вспомнили крестьяне — приехали к ним какие-то государственные люди, чиновники, осматривают землю и расспрашивают об угле. Все это не спроста. Тогда чего же ждать? Нужно сразу брать в руки свое счастье. Потом поздно будет.

Немедленно пригласили попа, отслужили молебен. Пласт угля так неожиданно вскрытый весенней водой и ветрами, подкопали с краев, украсили снопами пшеничной соломы. На соломе лежали заступы, кирки. Ближе к попу стояла артель. Все богатеи — в праздничных поддевках, белых рубашках. Поп щедро окропил святой уголь и инструменты. К кресту первым подошел хозяин, на земле которого найден уголь. Потом, поплевав на ладони, взял кирку и с размаха рубанул пласт угля, никем еще не начатый. То же самое сделали и другие члены артели. А на следующий день „шахта" уже работала.

„При помощи вырытых на поверхности земли ям спускались к открытому пласту угля и рубили его кирками. Вырубанный уголь вытаскивали на поверхность ручными

коловоротами. Ствол такой шахты выкапывали не всегда вертикальный, а боковых стен не крепили. Поэтому очень часто земля обваливалась и добывать уголь становилось не безопасно. Если же воды, особенно весной, и земли заливали и засыпали ствол и ход, то такую шахту оставляли на произвол судьбы, начинали копать другую на новом месте. Поэтому ни одного пласта угля не только не разрабатывали, а на некоторых шахтах только успевали начать. О том, чтобы отвести воду никто и не думал, на это умения не хватало"—так описывает технику труда на Щербиновских шахтах Валкович.

Подобных шахт, „где кроме казны в каменноугольном деле работали помещики и даже крестьяне" — второй царский чиновник Ковалевский в 1828 насчитывает 23, преимущественно в Бахмутском и Славяно-сербском уездах.

Добытый таким примитивным способом уголь крестьяне или сами отвозили на соляные промыслы, или за бесценок продавали помещикам. Последние имея и своих лошадей и крепостных, отвозили и свой и скупленный уголь тоже на соляные промыслы и только незначительную часть угля оставляют себе для домашнего употребления.

Круг потребителей угля, как видим, узкий, одни только местные соляные промыслы и сомкнутый в пределах исключительно своих окрестностей. А тем временем постепенно вырастают горы добытого и не проданного угля.

Чтобы спасти себя от неминуемого кризиса, помещики и артели богатых крестьян делают попытку завоевания рынков в пределах своих окрестностей. Они делают попытку внедрить среди крестьян пользование углем для отопления хат. Но эта попытка встретила неожиданный и решительный отпор от традиционных кизяков. Поражение настолько жестокое, насколько и неожиданное. Осталась еще одна и кажется последняя и единственная попытка,— захватить соседние окрестности. Только соседние, не дальше. Так как дальше не хватит ни рессурсов, ни транспорта. Но захватить соседние окраины тоже не удалось. Соседи шахтовладельцы были настроены также воинственно, они и сами лелеяли подобную мысль и безусловно дали решительный отпор „колонизаторам".

Десятки лет продолжалась эта незаметная с первого взгляда мелкая, но упорная борьба за потребителя, за рынки сбыта. Бахмутский район стремился подчинить себе Славяно-сербский и наоборот.

Отсутствие рынков сбыта сильно тормозило развитие каменноугольного дела, но рост шатх не прекращался. Если в 1828 году в Бахмутском и Славяно-сербском уездах насчитывали 23 шахты, то теперь на одних только землях щербиновских и железнянских крестьян их больше сотни.

Остатки старой Горловки. „Базарная" улица.

Реформа 1861 года выбросила из села на рынок тысячные кадры самой дешевой рабочей силы. Голод и нищета гнали людей в поисках заработков.

Придя на рудники, крестьяне почти за кусок хлеба нанимаются к новым панам — шахтовладельцам. Не пугает их непривычная и даже не безопасная для жизни работа в шахте.

Условия жизни и работы шахтеров того времени описал корреспондент „Горного журнала" Филькнер: „Ветер, сырость и мороз — вот три обстоятельства, с которыми приходилось бороться закаленному здоровью их. Поистине следует признать, что только одна русская натура без стонов и упреков, без сетований и ропота имеет возможность перенести эти невзгоды. Может быть потому только, что русские рабочие не видели лучшего оборудования, они, так сказать, в силу привычки утратили чувство опасности и, вылив в горло добрую рюмку водки, с веселой песней, на ветхом канатике спускаются в обледеневшую шахту, между тем как в глазах немца она кажется вечной могилой.

ОТ ЧУМАЦКИХ ОБОЗОВ К ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Прозрачные капли росы засверкали далекими отблесками солнца и постепенно покрыли всю степь. С шумом, напоминающим далекий невыразительный шелест, проснулась степь — так шумит под ветром трава, сожженная солнцем. Красный круг неожиданно выкатился на небо и напомнил чумакам, что время двигаться. Догорал костер. Утренний ветер раздувал последние искорки. Волы лениво поднимались с земли, пережевывая жвачку. Они также знали время, когда нужно подставлять в ярмо шею. День будет горячий, душный. Нужно двигаться.

Медленно закивали длинными рогами волы. Медленно двинулись с места и заскрипели возы длинного чумацкого обоза. Ветер сорвал с возов тучи черной пыли, запылил и без того черные полотняные рубашки и лица чумаков.

„Гей, іде чумак, волів понукає,
Витре сльозу, долю згадає.
Везуть до Криму пшениченьку.
Безрідні чумаки, усіх сім..."

Идут безродные чумаки, погоняют волов, но везут не пшеницу, не соль, а каменный уголь, добытый на Щербиновских крестьянских шахтах.

Длинный путь лежит перед чумацким обозом — от Щербиновки до Севастополя. На кнутовище у проводника обоза, воз которого впереди всех, уже четыре пометки — четыре дня. Сегодня проводник надрезал пятую. Пятый день идет степью обоз.

Не первый год возят чумаки уголь. Несколько лет они доставляли уголь для Севастопольского адмиралтейства.

Группа старых членов ГСДРП и землянка подпольных собраний 1905 года на Щербиновке.

А во время Крымской кампании подряд на уголь взял Гаврилов—отец Бахмутского предводителя дворянства. Сколько Гаврилов положил в карман денег за подряд угля — неизвестно. Также неизвестно сколько платил он чумакам за извоз. Но зная, что за доставку хлеба из южной части Бахмутского уезда в Мариуполь (120 верст) чумаки получали по 3 рубля с четверика, можно с уверенностью сказать, что за доставку угля чумаки получали значительно меньше.

Кроме Севастополя чумаки с углем бывали в Славянске, Харькове, Екатеринославе. Чумацкие обозы с углем в Севастополь, Славянск, Харьков и Екатеринослав — это первая стычка только народившегося капитализма с отечественным бездорожьем.

Отсутствие дорог, которыми можно было бы легко и дешево сбывать добытый уголь, остро чувствуется с начала зарождения каменноугольной промышленности. Уголь находили везде, охотников разрабатывать его было много, но более или менее нормально работали шахты только там, где потребители угля были по соседству — например, соляные промыслы и казенные заводы.

Предприниматели в продолжении десятилетий сами энергично ищут путей для сбыта угля. На заре каменноугольного дела они обратили внимание на чумацкие обозы. Отважились и снарядили несколько обозов. Нет, перевозка волами очень дорога. Водный транспорт — вот что кажется забыли предприниматели. Но и рек они не забывали. Только река Северный Донец могла иметь более или менее серьезное значение, но и она была непригодна для судоходства. Первые попытки в конце 30-х годов регулярно сплавлять уголь Северным Донцом встретились с большими препятствиями на этой реке: мелководье, корни деревьев, мельницы, плотины".

И водные пути безжалостно разрушили мечты предпринимателей. Осталось одно, что до сих пор они так упрямо обходили и даже не хотели напоминать себе — это железная дорога.

Железная дорога не обманет надежд на наживу, она и потребитель угля, она и поставщик. Большие надежды возлагали углепромышленники на железную дорогу.

Уголь к этому времени как следует зарекомендовал себя в глазах русских чиновников. Не флегматичные волы, а быстроходная железная дорога должна доставлять его заводам, работающим на вооружение русской армии. Железная дорога крепким железным поясом навсегда привяжет завоеванный край великой России. Железная дорога будет быстро перебрасывать армию на юг к морям.

В 1868 году петербургские чиновники долго думали:

кому отдать концессию на сооружение железной дороги. Запрашивали и первопрестольный град Москву: может она знает кандидата? Такого кандидата нашла Москва. Это был миллионер Поляков, один из близких людей московского генерал-губернатора великого князя Сергея. После короткой беседы между Поляковым и князем Сергеем дело было почти решено. Через несколько дней кандидатуру Полякова обсуждали петербургские чиновники, а еще через несколько дней концессию „высочайше" разрешил Александр II—„освободитель". Передача концессии еврею Полякову хотя немного и удивила чиновников, знавших Александра II, как от'явленного антисемита, но Поляков оказался и их старым приятелем и другом.

— А, Самуил Соломонович? Знаем,— говорили в один голос чиновники.—Это же старый и добросовестный интендантский поставщик. Самуил Соломонович—золотое дно. С ним не пропадешь. Не таковский,—потирали руки чиновники.

В салонах тоже тепло вспоминали имя Самуила Соломоновича и шепотом передавали один другому последнюю новость гениальной изворотливости коммерческого ума Полякова. Когда великий князь Сергей выгонял евреев из Москвы в „черту оседлости", то Поляков додумался заработать и на несчастьи своих единоверцев. Евреи, желавшие остаться в Москве торговать, записывались к Полякову в приказчики—этих поляковских приказчиков было несколько сот. Не один десяток тысяч положил Поляков себе в карман за счет этих приказчиков.

Условия концессии были следующие. На пути будущей железной дороги Поляков должен был соорудить рельсовый завод и шахты. Т. е. линия железной дороги должна быть выложена своими отечественными рельсами, а шахты должны обслуживать железную дорогу своим углем. В концессии, между прочим, было сказано, что земли, необходимые на сооружение шахт и завода, даются безвозмездно из земель государства.

Условия необычные, даже неосуществимые. Кроме того, были назначены слишком короткие сроки для постройки железной дороги. Но Поляков согласился на все. Жизнь научила его понимать, что законы русские чиновники пишут совсем не для того, чтобы их выполнять. Это особого рода хитро сплетенное кружево пышных фраз, которые следует и нужно осторожно обходить. Поляков не впервые маневрировал в обходе законов. Он изучил эту несложную науку и делал это открыто у всех на глазах, обворовывая интендантство поставкой недоброкачественного товара.

Но на этот раз его простейшим образом обманули, обошли. Только взявшись за дело, Поляков выяснил, что земель на линии будущей железной дороги, необходимых

для сооружения завода и шахт в фонде государственных имуществ не было ни одного участка.

Поляков обиделся. Мошенники чиновники хотят обмануть его—комерции советника, старого зубра! Посмотрим. Смеется тот, кто смеется последним.

И не теряя времени, он скупает на правах отчуждения землю у крестьян Щербиновки, Железного и Никитовки. Быстро принимается Поляков и за основную работу — сооружение железной дороги.

Еще перед началом работ Поляков впервые встречается с Горловым, молодым и скромным инженером, приглашенным в качестве консультанта каменноугольного дела вместе с другими специалистами. Это он и посоветывал приобрести земли щербиновских и железнянских крестьян и отбирал участки наиболее пригодные, по его мнению, для будущей шахты.

Железная дорога для того времени была построена чрезвычайно быстро. Проложено 763 версты полотна меньше, чем за год. Из всех условий, под которыми Поляков подписался в концессии, он выполнил только одно — быстро построил железную дорогу. Такие бешеные темпы, каких до сих пор не видели царские чиновники, окончательно вскружили им голову. Они не досмотрели, что Поляков не только не построил завода и не заложил ни одной шахты, а даже проложил линию не отечественными рельсами, а обыкновенными дешевыми английскими.

Восторг был огромный. Восторгались все. Захлебывалась патриотическая пресса, помогая Полякову взобраться на отечественный щит и стать рядом с „истинно русскими“ капиталистами.

Поляков радовался. Концессия принесла ему огромную прибыль. Шахтовладельцы, особенно те, шахты которых находились вблизи железной дороги, радовались больше всего. В сиянии розовых надежд на неожиданное счастье, которое принесет им железная дорога, они осмеливались по приятельски пожимать руку Самуилу Соломоновичу, называя его на „ты“. Восторгались и чиновники, откопавшие такого темпераментного дельца. Теперь им было не до отечественных рельс. Чорт с ними. Чьи бы ни были рельсы, лишь бы была железная дорога. Ведь факт на лицо,— 763 версты линии построены и построены меньше, чем за год. Российскому самодержавию тоже безразлично по каким рельсам будут ходить паровозы. Ведь победа Полякова—это победа и самого самодержавия. Проложив железную дорогу, самодержавие, этим самым, навсегда закрепляет за собой завоеванный край с его неисчерпаемыми богатствами.

МОТЫЛЬКИ

„К нам на юг налетело множество мотыльков-предпринимателей, которые со своими, а кое-кто и с чужими деньгами, стремглав бросились в об'ятия каменноугольного дела, обожгли на нем свои нежные крылышки или выражаясь вульгарным языком, понесли громадные убытки, разорились и в большинстве прекратили свою деятельность".

Так красноречиво описывает каменноугольную горячку, вспыхнувшую с невиданной силой после открытия Поляковым железной дороги—очевидец Мевиус.

Мевиус издевается над неудачниками предпринимателями, злорадно хихикает. Не они старожилы — настоящие наследники угля, не его родственники и друзья обожгли свои нежные крылышки, а те, которые налетели к нам.

Еще до постройки железных дорог, как только пронесся слух о концессии, крупные и мелкие предприниматели Донецкого края навострили уши, забеспокоились. К этим старожилам, монополистам — такими по крайней мере считали себя те, кто уже имел шахты — в скором времени присоединились и мотыльки, которых занес ветер наживы с далекого севера... Из Петербурга, из Москвы, — на юг, на уголь. Не замедлили и мотыльки украинские — харьковские, екатеринославские.

В один прекрасный день, когда весна, окончательно оформившись, оплодотворила деревья, поблекли бледно-розовые лепестки цветов, проснулись заспанные улицы Екатеринослава. Миниатюрные, модные тогда в имперском стиле (в подражание Петербургу), выстроенные особняки крупных и мелких господ как-то по-новому выглядели сквозь бирюзовую листву, как будто горделивее подняли головы, стройнее подбоченились имперскими с позолоченными шапками колоннами. Чаще, чем когда-либо, открывались ворота и выезжали тяжелые рыдваны, мягко утопая в пыли и выбоинах немощеных улиц, разгоняя своим движением коз и кур.

На обширной площади с посаженными под шнур деревьями, напоминавшими чем-то шеренгу солдат, застывших после громовой команды фельдфебеля—расположилось единственное здание присутствия в стиле генерала в парадной форме с выточенной грудью колоннад, украшенных золочеными орлами.

Сегодня возле присутствия остановилось сразу несколько рыдванов.

Полицейский, взявшись за ручку дверей присутствия, чтобы пропустить важного, неуклюжего на вид барина, сразу заметил нахальную свинью, которая, опережая барина, пыталась проскочить в открытую дверь.

— Минутку подождите, ваше благородие... Сказано, свинья необразованная, — и полицейский дав хорошего тумака свинье под бок,— прогремел:

— Аччу... Прошу — открыл тяжелую дверь.

Свинья визжа пробежала несколко шагов, остановилась возле одной из колонн и долго уныло чесала ушибленный бок.

— Нашествие какое-то,—сердился полицейский, пропуская господ и следя зоркими глазами за свиньями, которые услышав визгливый голос подруги одна за одной вылезали из луж.

Пока в присутствии шло совещание, кучера в ливреях под непосредственным надзором полицейского в дверях присутствия, отважно охотились на свиней.

Через некоторое время дверь присутствия открылась и выпустила шумную и веселую толпу господ всех сортов и рангов. Последним вышел важный неуклюжий барин с мечтательными влажными глазами. Он остановился на крыльце и долго всматривался куда-то вдаль через низенькие незаметные среди зеленых бугорков хатки. Когда глазам стало больно от солнечного блеска, щедро разлитого на горизонте, перевел взор на площадь. Заметил свой, теперь одинокий, рыдван и черную грязь лужи, где ворочались громадные колоды свиней, хрюкая от удовольствия и быстро поводя пятачками.

— И этот славный прекрасный град великой Екатерины я должен оставить. Этот родной пейзаж, это величавое здание присутствия, свою усадьбу, все... все должен оставить.

На этот раз рыдван не перепугал мирных посетителей лужи. Неуклюжий барин дремал на мягком удобном сиденьи рыдвана, все далее оставляя за собой родной пейзаж на площади присутствия. Панок уже мечтал о Донецком крае, об угле, о шахтах. Он лично не знал Полякова, но несколько лет сряду слышал о нем. Теперь же была надежда при помощи своих крупных связей познакомиться с ним лично. Такое знакомство не помешает. Потом панок совершенно переключил свои мысли на географическое и геологическое изучение Донецкого края, где через несколько дней должен был поселиться там на довольно продолжительное время. Похож ли тот неведомый край на его родной Екатеринослав? Есть ли там площади с величавыми зданиями присутствия? — И невольно представлял себе лужу среди площади. А через минуту удовлетворенно улыбался. Случай с свиньей в дверях присутствия рассмешил его и одновременно обрадовал. Это хорошее предзнаменование. Это к счастью. Оно и тогда еще в образе добродушной свиньи бежало за ним, хотело опере-

НАЧАЛЬНИКЪ
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО
ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ

Декабря 20 дня 1908 г.

№ 14040

г. Екатеринославъ.

Въ дополненіе къ № 14087 по 7-му Дѣлопроизводству.

Секретно.

Вход. № 39342

ЗАКОНЧЕНО.

Доношу, что 18-го сего Декабря Военный Судъ удаудалися въ совѣщательную комнату для постановки приговора по дѣлу о захватѣ въ Декабрѣ 1905 года мятежниками линіи Екатерининской желѣзной дороги и 19-го Декабря, въ 3 часа по полудни, объявлена слѣдующая резолюція, - приговорены:

I) Къ смертной казни черезъ повѣшеніе тридцать два человѣка, въ томъ числѣ Зубаревъ-Кузнецовъ и Ткаченко Петренко и смотритель по грузнаго двора станціи Горловки С[illegible]жко.

II) Къ безсрочной каторгѣ двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ Гершъ Завадскій, убійца Капитана Карамышева. Въ моментъ совершенія преступленія Завадскому было 15 лѣтъ.

III) Къ каторгѣ на 8-мь лѣтъ шесть человѣкъ.

IV Къ каторгѣ на 6 лѣтъ двѣнадцать человѣкъ.

V) Къ каторгѣ на 4 года двадцать пять человѣкъ, въ томъ числѣ врачъ Шошниковъ и инженеръ Данчичъ.

VI) Къ каторгѣ на 2 года 8-мь мѣсяцевъ-пять человѣкъ.

Остальные оправданы, въ томъ числѣ и врачъ Клингенбергъ.

Полковникъ [illegible]

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ

№ 2 Р. С.

дить его. И Донецкий край, и уголь — будущее счастье барина — также представлялось ему в образе лужи и свиней, нежившихся в ней.

Нет более легкого способа разбогатеть, как иметь те горы угля, которые прут на поверхность из недр земли. Бери заступ, загребай его, вези железной дорогой, которую вот-вот выстроит Поляков и богатей. Только одно немного беспокоило панка — это слово шахта. Он сегодня несколько раз слышал его из уст своих коллег. А спросить, что такое шахта, не решался. Неудобно. Не мог же он, извините, показать перед всеми свою неграмотность и неосведомленность в каменноугольном деле. Шахта — это наверно название местности, где добывают уголь,— успокоил себя барин. С богом, в новый путь, на шахты — нежно пробормотал, когда рыдван остановился во дворе усадьбы.

Между тем Поляков не медлил. Он уже скупал у щербиновских и железнянских крестьян земли и одновременно развернул земляные работы.

Сначала никто не верил, что это уже начало настоящей работы, что срытые бугры — это уже линия будущей железной дороги.

— А рельсы?— спрашивали скептики.

— Пусть еще Поляков построит завод.

— Тут работы на несколько лет, не меньше.

Предприниматели не могли и не хотели верить, — как можно построить за год железную дорогу. Они привыкли к темпам чумацких обозов, они были свидетелями, когда по году, по два строили какие то соляные промыслы, не то что железные дороги. Смешно! Поляков хочет надуть мыльный пузырь. Но он неминуемо лопнет.

И только, когда Поляков через несколько недель начал подвозить рельсы, в постройку железной дороги поверили и скептики.

Теперь на строительство приезжали соседние помещики и местные предприниматели.

Возле балки остановился рыдван, запряженный четверкой вороных лошадей. Медленно вылезала из рыдвана тяжелая фигура знакомого нам неуклюжего панка из Екатеринослава и тяжело ступив несколько шагов, остановилась. Ее сопровождал моложавый панок, пропорционально подвижной по сравнению с малоподвижным существом барина. Несколько минут молча смотрели на строительство железной дороги.

— Три версты до железной дороги. Это же рукой подать. Допустим, если даже горстями носить уголь и то можно заработать. Вы счастливец, что судьба предназначила вам купить землю именно здесь. Я советую не терять времени, приступать к разведочным работам. Пока по

полотну пойдет первый паровоз, а мы уже будем иметь чем подкормить его.

Другие тузы приезжали издалека. Этим судьба предназначила оселиться за 30—40 верст от железной дороги. Они с завистью называли имена тех землевладельцев, земля которых лежала по соседству магической линии.

Но и эти не унывали. Со временем можно будет проложить к магистрали ветку. А теперь все надежды возлагали на эту железную дорогу, которая день и ночь шаг за шагом отвоевывала у степи целину, срезывала бугры, засыпала и выравнивала балки и двумя черными змеями бежала все вперед и вперед.

Большинство предпринимателей, хоть и очень хотелось им завернуть на строительство железной дороги, должны были об'езжать ее и как можно скорее спешить в ближайшие села. Их приезжало в села иногда по несколько человек в один день.

Ставили крестьянам могорычи, с азартом дипломатов доказывали им нерентабельность с несколькими гривенниками в кармане сооружать шахты. Потом спорили и больно били по рукам.

— Берешь 75!

— Нет, простите, за 75 не будем кумами.

Отдохнув, снова пили по рюмке и снова с жаром хлопали ладони. Крестьянин клялся, что земля богата, ой как богата углем. И предприниматели должны были набавлять.

Торговали и арендовали земли в большинстве сел Донецкого края, там где только находили какие-либо признаки присутствия угля. Цены росли с каждым днем. С 20—25 рублей за десятину, они за несколько месяцев возросли до громадной по тому времени цифры—100 и больше рублей. Ни продавец, ни покупатель не интересовались, имеет ли та земля, которую так рьяно торговали, уголь, или не имеет. Торговались в слепую. Товар некогда было рассматривать, щупать. Единственное желание подстегивало покупателей—купить землю обязательно сегодня, так как завтра ее купит кто-то другой.

Как мотыльки на огонь, так спекулянты, маклеры налетели на наживу. Эти спекулянты наживались исключительно на покупке и перепродаже земельных участков. Пусть себе предприниматели потеют в поисках угля. Будет ли он еще годен на что-нибудь, если даже найдут его. А маклер, между тем, не волнуясь и не забивая себе головы, наживет изрядный капиталец. Они будут только слезно просить милосердного творца как можно больше продолжить время такого урожая.

Как сгоряча покупали и арендовали земли, точно так же сгоряча принимались и за разведывательные работы.

Как только находили какие-нибудь признаки угля, сразу же закладывали шахту.

Происходило своеобразное состязание угля с железной дорогой. Железная дорога неимоверными темпами шагала вперед к финишу, предприниматели неимоверными темпами искали уголь, закладывали шахты.

Кто раньше?

Кто раньше продаст железной дороге первые пуды добытого угля?

Вихрем шумела каменноугольная горячка. Помещики, крестьяне, свои и чужие предприниматели — все охвачены этой горячкой. С севера, с юга, с востока и с запада слетались „мотыльки". Люди принадлежали к разнообразнейшим социальным слоям и рангам — все они искали уголь и жаждали наживы.

И все это бушевало вокруг постройки железной дороги, вокруг монолитной фигуры миллионера, подрядчика мошенника и представителя самодержавия Самуила Соломоновича Полякова.

Неуклюжему барину из Екатеринослава по фамилии Терещенко „чертовски везло". Это был обыкновенный среднего размаха помещик с деньгами, который благословил свои капиталы на „служение" отечественной промышленности. Землю он купил к удивлению всех предпринимателей дешево и почти рядом с железной дорогой.

Разведочными работами Терещенко руководил лично. Его тяжелая фигура не раз неутомимо обходила весь участок. Иногда останавливался на каком-либо месте. Земля на этом месте казалась отличной от той, где производят разведочные работы. Тут она как будто чернее, жирнее. Сразу брал в руки заступ и выкапывал ком земли. Долго мял в руках, рассматривал, нюхал. Казалось, будто слышит запах угля. Он должен быть тут... Тут... На этом месте. Бежал к рабочим и приказывал начинать работы на новом месте. Но и на новом месте не находили никаких признаков угля.

Три месяца Терещенко добросовестно ищет уголь. Никому не доверяет, сам ищет. Ночью прилежно бьет поклоны и выводит баланс расходов. Цифра округлилась, стала внушительной, доходила до четырех тысяч.

Терещенко ужаснулся, схватился за голову. Это был самый трагический момент в его жизни. Меркла надежда найти уголь, а с нею погибала надежда и на прибыли.

С тяжелым сердцем поднялся утром Терешенко, но это утро принесло ему радость. Нашли уголь. Первый кусочек угля бережно спрятал в шкатулку. Он должен служить ему талисманом в дальнейшей работе.

Этот талисман Терещенко показывал соседям. Но те встретили известие о найденном угле безразлично.

— Так может быть вы уже и шахту будете закладывать?— спрашивали соседи.

— Конечно. Через неделю думаю начать работы.

— Ну, закладывайте, бог на помощь.

Особенно советовали как можно скорее закладывать шахту Шейерман и Летуновский, недавно только заарендовавшие прекрасный уголь щербиновских крестьян.

Эти, превознося свой уголь, высказывали мнение, что и уголь, найденный Терещенко, будет такого же высокого качества. Ведь их участки принадлежат к одним залежам, хоть их и отделяет семь-восемь верст.

За радостью не досмотрел Терещенко хитрых улыбок Шейермана и Летуновского и злорадных огоньков в глазах других соседей.

— Завидуют, — радовался Терещенко и справлялся как подвигается постройка железной дороги.

— Еще не скоро. И вряд ли ваш уголь будет необходим железной дороге.

— Говорите...

— Нет, нет, — говорили Терещенко — не пугайтесь, мы шутим.

Через некоторое время на земле Терещенко выросла шахта. Начали проходку. Тонкий, мизерный пласт угля как будто издевался над мощными усилиями Терещенко. Несколько саженей пласт шел полого и сразу круто пошел вниз, почти вертикально. Для разработок такой пласт угля не годился.

В отчаянии Терещенко приказал проходить ствол глубже и продолжал рыть дальше хода первого горизонта. Это была последняя агония полусумасшедшего и почти разоренного предпринимателя.

— Искать и искать. Я найду, должен найти, — часто шептал про себя похудевший Терещенко.

Не хватало денег, пришлось заложить половину имения.

А Терещенко рыл и рыл землю, как крот зарывался все глубже и глубже. Нашел второй пласт угля, но еще более тонкий, еще более мизерный. А однажды, когда работы были приостановлены из-за отсутствия средств, он склонился над стволом шахты и долго смотрел вглубь.

Воздух разрезал гудок паровоза. Терещенко вздрогнул. То по вновь выстроенной линии бежал первый длинный состав, нагруженный углем. И Терещенко вспомнил, что вчера Шейерман и Летуновский грузили вагоны прекрасным щербиновским углем.

Очевидец Мевиус такими словами подытоживает каменноугольную горячку.

„Предприниматели полагались только на научные и не всегда верные указания, точных и предварительных исследо-

ваний угля они избегали, а рассчитывали исключительно на сказочные блага от Азовской железной дороги...

И совершенно закономерно, что горячка постепенно ослабевала, пока не наступила реакция, как неминуемый результат очень больших неудач. И общественное мнение начинает относиться к угольным предприятиям не только осторожно, но и с большим недоверием".

ПРИМЕЧАНИЕ: На землях железнянских крестьян сооружены шахты № 1 и № 5. На землях шербиновских крестьян была построена шахта Центральная (теперь Дзержинка).

В. Максименко

ГОДЫ РЕАКЦИИ В ГОРЛОВКЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО РАБОЧЕГО

После разгрома царским правительством революции 1905 г. была ликвидирована и всеобщая забастовка рабочих Шостенского завода, вспыхнувшая в декабре 1905 года. Эта забастовка продолжалась две недели, пока прибыл из Киева саперный полк и рота драгун. Войска разгромили народный дом (рабочий клуб), где помещался стачечный комитет, членом которого состоял и я.

С 1-го января 1906 года рабочие завода приступили к работе без удовлетворения пред'явленных требований. Были произведены массовые аресты рабочих; члены стачечного комитета скрывались от преследований в окрестных селах, члены их семей подвергались дикой репрессии со стороны полиции и жандармерии. В начале февраля появились карательные отряды, которые не щадили ни старого, ни малого, подвергали всех порке и бесчеловечному издевательству.

Приходилось оставлять семьи на произвол обезумевших царских баши-бузуков и бежать от преследования. Получив сведения от бежавших из Шостки тов. Жданова и Журавлева, что они находятся в Дружковке, я направился к ним. По пути я заехал в Конотоп в надежде застать кого-либо из членов организации РСДРП(б), хотелось получить явку в Киевский Комитет РСДРП(б), но найти никого там не удалось. Я поехал в Дружковку и остановился у тов. Эдельмана М. В., тоже из Шостки. В это время здесь был убит директор завода бельгиец, возвращавшийся с занятий на квартиру в 7-м часу вечера. Он был застрелен несколькими выстрелами, „виновник покушения" не обнаружен. Полиция и дирекция вывесила об'явление: „кто укажет виновника в убийстве директора, тому выдадут награду в тысячу рублей". Но такого охотника не нашлось. Полиция обрушилась на всех вновь прибывших лиц и начала арестовывать их. Во избежание нашего ареста тов. Эдельман направил меня и Жданова к своему свояку т. Чечелю в Константиновку, мастеру электрического цеха. Тов. Чечель, боясь рисковать, принимая меня к себе на работу, поместил меня в другой цех, на мартеновские печи, в качестве каменщика, к десятнику Матюхину. Этот Ма-

тюхин очень грубо относился к вновь поступившим, окружил себя земляками, с которыми было трудно ужиться. Но через некоторое время я стал среди них своим „артельным малым“. Связавшись с организованными товарищами неоднократно бывал ночью на массовках, в степи, за экономией Елисеева у р. Торец, где проводили собрания приезжие товарищи, раз'яснявшие нам значение царского указа о созыве Государственной думы на 26 августа 1906 года.

В день открытия первой Государственной Думы, состоялось многолюдное стечение народа, как рабочих, так и крестьян из окрестных сел. Под колокольный звон попы с хором певчих, со всем своим переносным инвентарем, крестами, иконами, хоругвями, кропилами, отслужили „благодарственный молебен“. Перед началом этой процедуры поп громогласно возвестил „неизреченную милость к своим любимым подданным“, „его высочайшее соизволение на открытие первой Государственной Думы, которой суждено будет по милости всевышнего творца положить предел всем смутам в необ'ятном великом русском государстве; отныне почиет благодать святого духа, снисходящая через помазанника божия, нашего благоверного государя императора Николая Александровича, благополучно царствующего с его великим христолюбивым воинством на благо всем подданным ему народностям, на славу великого государства российского и на страх врагам“.

Я заметил, что слушая эту поповскую ахинею многие впали в умиление. Многие возлагали на Думу великие надежды. Не всякий понимал, что она никакого облегчения не принесет, а была лишь ширмой, за которой скрывалась черносотенная сволочь во главе с Марковым, Пуришкевичем и прочими.

В ту же ночь рабочие собрались на массовку в балке. Сошлось человек 70. Решено было 1-го мая не выйти на работу и устроить революционную демонстрацию. Было предложено два варианта: первый—не выходить на работу оставаться в квартирах и в 10 часов утра, всем, сразу, выйти на площадь, начать шествие по пути к ж.-д. станции и оттуда разойтись по домам; второй — пойти в завод, там снять со всех цехов рабочих и выйти за ворота, построиться в ряды и начать шествие. Но не получилось ни то, ни другое. Быть может потому, что многие поддались на поповскую демагогию в день открытия Государственной Думы. Забастовка получилась пестрая: невышли цеха—механический, кузнечный, прокатный, строительный, а литейный и мартеновский работали. Делали попытки снять с работы, но очень слабые, т. к. по всем цехам было много полицейских, которые подметили лиц,

призывающих к забастовке. Демонстрация не состоялась. Невышедшие на работу сидели дома, ругая тех, которые остались на работе.

Каждое утро недосчитывали многих рабочих, ночью их арестовывали. Приехал из Бахмута жандармский ротмистр к нему водили на допрос арестованных рабочих. Погнали и меня, но к счастью я имел паспорт, прописанный только в константиновской полиции и на вопрос: как я поступил на работу в завод — я сказал, что я выехал с рудника Климова на заработки к своим землякам, которые работают в Екатеринославе, но у меня хватило денег на проезд только до Лозовой. Дорогой я узнал, что здесь можно стать на работу, вот я и работаю каменщиком в мартеновском цеху.

Ротмистр несколько раз осмотрел меня с головы до ног, и сурово спросил: „а зачем ты призывал к забастовке 1-го мая и снимал рабочих с работы?“ Я ответил: „ни я никого не снимал, ни меня никто не снимал, я человек семейный—посмотрите на мой паспорт там шестеро детишек да жена, они ждут от меня присылки денег на хлеб, мне надо работать.

Он еще раз пронзительно посмотрел мне в глаза, пошевелил рыжими усами, и прошипел: „Я доберусь до вас. Все вы будете меня помнить“. Я вышел в коридор, хотел было выйти на улицу, но дежурный городовой приказал обождать. Ну, думаю „втрескался“. Был первый час дня, на обед я уже не попаду. В коридоре со мной стояло человек 7 рабочих, их выводили и вводили из кабинета ротмистра, некоторые „счастливчики“ прямо выходили на улицу, других же не выпускали, как и меня. Поговорить с товарищами не было возможности, т. к. тут же, кроме городового, сидел жандармский унтер.

Время тянулось убийственно долго, тем более, что никто из нас не знал, чем кончится этот невольный „визит“. Наконец, раздался звонок и к ротмистру пошел дежурный городовой. Минут через пять он вышел из кабинета, держа в руке несколько паспортов, вызвал каждого по фамилии и сказал: „идем за мной“. Мы пришли с ним в контору, тут он велел нам обождать, а сам ушел в бухгалтерию. Через полчаса городовой дал каждому из нас расчетные талоны и сказал: „идите в кассу, получайте расчет и уматывайте отсюда, чтобы и духа вашего тут не было“.

В кассе мы получили свой заработок. Городовой настаивал, чтобы мы сейчас же „ушивались“. Я попросил унего разрешения хоть на пять минут забежать в казарму и взять там свою котомку и белье. Он нехотя согласился, с условием, чтобы я не медлил и вернулся к нему. Захватив свои пожитки, не попрощавшись с рабочими артели, т. к.

они были на работе, я вернулся. По пути на станцию городовой все время ворчал и выражал свое недовольство по поводу того, что „настала весьма неспокойная служба".

В конце концов он дал нам совет скорее выехать из Константиновки, если же останемся, хотя на один день, то нас посадят в тюрьму. Мне во что бы то ни стало нужно было повидаться с кем-либо из товарищей. Проводив глазами городового, купив хлеба и колбасы я ушел в степь, а два моих товарища взяли билеты на станцию Еленовку и уехали. Подождав до 9 часов вечера я быстро направился в поселок и пошел на квартиру тов. Афонина, он же Анохин. Поговорив с ним и получив явку в Горловку на завод к т. Палию Я. Г., я уехал из Дружковки.

В шести километрах за ст. Никитовка по левую сторону железнодорожного пути было раскинуто на двух холмах более пятисот однообразных землянок по три окна в каждой. При входе в это жилище человек выше среднего роста должен был сильно сгибаться. Полы в этих „жилищах" везде земляные, крыши толевые, изредка черепичные, но в таких жили подрядчики или десятники шахты.

Землянки рабочих выглядели значительно хуже они были разбиты на 17 линий, на каждой линии от 25 до 40 таких „каюток", а место 7—8 и 9-й линий было отведено под базарную площадь, где имелось с десяток лавок, принадлежавших бывшим коробейникам и щетинщикам. Тут же на площади ютились в два ряда харчевые ятки, крытые рогожами.

Товары были дешевы, да деньги очень дороги. Были мануфактурные, готового платья и даже часовой магазин с серебряными и золотыми изделиями, но покупать в них было не на что. Так выглядела Горловка.

Рядом с железнодорожным мостом расположилась шахта № 1, имеющая два ствола с под'емными паровыми машинами, обширное каменное двухэтажное здание, под крышей которого взгромоздился на толстых и высоких столбах деревянный копер. Шахтный двор был очень загроможден всевозможными постройками: кочегарка, эстокада, мастерские, магазины, кладовые и донельзя тесный лесной склад. Возле ворот шахтного двора были кирпичные дома почта, белый двухэтажный дом главного инженера Мономахова П. В., напротив одноэтажное, длинное кирпичное здание главной конторы. Директором шахт 1—5—8 был француз Бах. Его двухэтажный дом находился на расстоянии версты от шахты, на восток, в Янковской роще. Этот „мусью" Бах был весьма желчный человек, с рабочими он никогда не разговаривал: когда к нему обращались с какой-либо просьбой, он всегда посылал к своим подчиненным. Зав. шахтой был горный инженер Гурский, рабочие его

Тов. Максименко.

прозвали „свистуном", он имел привычку, когда выслушивал заявление или просьбу рабочего, обязательно насвистывать. Если просьба принята во внимание, он говорил рабочему: „ну, ступай". Если же нет, то кричал: „пошел прочь. Я тебя оштрафую". Вот только эти две фразы от него и слышали рабочие, и ни одного не было рабочего, который не был бы оштрафован „свистуном".

Главный инженер Фесенко Я. М. был признан слишком либеральным, за что и был уволен. Вместо него поступил Белый Г. Д., этот внешне с рабочими был ласков и добродушен, но выжимал из них соки, не прямо, а косвенно, через младших инженеров и номерных десятников, которые под руководством Белого гнули шахтеров в бараний рог.

Для более верного осуществления своих эксплоататорских целей, Белый подобрал себе двух помощников—заведующего расчетным отделом Косачева Н. Ф. и зав. шахторемонтной мастерской Логунова Ф. Р. Это „трио" заворачивало всеми работами шахты и под землей и на поверхности. Все трое образцово выполняли свои задания, зачастую целые сутки не покидали здания на шахте, но не было ни одного дня, чтобы они не п'янствовали, у Косачева никогда не сходила четверть водки с письменного стола. Белый и Логунов слыли заправскими ловеласами, и как подходящий помощник по этой части был избран подрядчик строительных и транспортных работ Шуцкий. Шуцкий имел свой дом на хуторе Стенках, возле дома сад, и в этом саду творились ночные оргии. Разговоров и суждений об этой „веселой компании" было очень много, но положить предел этим „шалостям" не было возможности.

Машиностроительный завод Бельгийского акционерного общества находился рядом с шахтой № 1, на земле крестьян Железнянской волости. Тут же имелся заводской поселок с глинобитными, двухквартирными домиками, на деревянных полах, с черепичными крышами, и одноквартирные кирпичные, обнесенные штахетом, с крохотными двориками, сарайчиками и летней плиткой, сложенной на открытом воздухе.

Директором завода был бельгиец Лоэст, оголтелый реакционер и вдохновитель расстрела рабочих в декабре 1905 года. Механиком завода был Вильмот, ярый черносотенец; рабочие дали ему кличку „клещ". При появлении его в мастерских эта кличка мгновенно передавалась от станка к станку, при чем все работали с крайним напряжением сил, и горе тому рабочему, который разогнет спину или закурит—„клещ" немедленно штрафовал. Заметив стоящего—штраф, а сидящему сейчас же давал „маленький бумашка на большой контор" для получения расчета без компенсации. Большую услугу Лоэсту и Вильмоту оказывал

переводчик Норов, который верно нес службу сторожевой собаки. При об'яснении какого-нибудь вопроса, касающегося интереса рабочего этот Норов всегда перевирал суть просьбы.

Завод изготовлял паровые котлы, паровые машины, поворотные круги для железнодорожных паровозов, вагонные оси, железнодорожные стрелки с переводными рельсами. Летом работало до 700 человек, а на зиму сокращали до 200 человек. Оставляли тех, кого можно было прижать: многосемейных и высококвалифицированных мастеровых. С наступлением осени дирекция завода обычно вывешивала такое об'явление: „В виду отсутствия заказов заводу, дирекция вынуждена произвести увольнение не менее 25% работающих в цехах, оставшиеся же работать будут обеспечены квартирой, отоплением и подвозкой питьевой воды, расходы на это контора примет на себя, а на покрытие этих расходов дирекция по соглашению с фабрично-заводским инспектором на время зимы, т. е. до 1-го апреля снижает заработок рабочим на 20%. Причем рабочий день будет продолжаться с 8 часов утра до 1 часа, час на обед и с 2-х часов до 5 часов вечера, за это время контора будет записывать $^3/_4$ дня. На эту вопиющую несправедливость надо было соглашаться, царь-голод был верным союзником Лоэста и Вильмота. Увольнение начиналось обычно месяцем позже, и так как после об'явления никому не было желательно быть уволенным, то работа велась всеми изо всех сил, что называется не покладая рук. На минуту отдохнуть бегали в уборную.

После сокращения рабочие начинали залезать в долги лавочнику Андриенко, хлеботорговцу Машур'янцу, мясоторговцу Воловину и разносчику-татарину. В семье только и разговоров было: „как бы перезимовать и дождаться весны, да скорее рассчитаться с долгами, неровен час, торговцы подадут в суд, останешься совсем без хлеба и в рваных портках". И так протекала наша рабочая жизнь из месяца в месяц, из года в год; работаешь для того, чтобы есть, а ешь для того, чтобы работать.

Никаких культурных развлечений не было. В поселке имелось две чайных Общества трезвости, „союза истинно-русских" в доме Шапошникова. В „истинно-русский" чайной по воскресным дням проводились собрания, велись патриотические беседы поповско-полицейского содержания, заправилами были тут дьякон Горковенко, Гурков, Матвеев И. К., Бухалин портной, Кузнецов содержатель пекарни, Геталор швейцар главной конторы, мясники, лавочники, извозчики и разные темные личности. В этой чайной собиралось до сотни душ, отсюда выходили и устраивали патриотические манифестации. Особенно без-

образничали в день 23-го апреля по старому стилю, это было самое главное торжество черносотенцев.

Во время их шествия необходилось без драк. В передних рядах за иконами и царскими портретами черносотенцы орали во все горло: „боже царя храни" и горе тому, кто не снимал шапку; такого „патриоты" избивали до крови. Увидя шествие, рабочие разбегались врассыпную, чтобы и их не присоединили к этой взбешенной своре негодяев.

Чайная при заводе помещалась на углу Заводской улицы и Кладбищенской, здесь имелась библиотека, газеты: „Россия", „Земщина", „Южный край" и „Сельский вестник". В книжном шкафу были соблазнительные журналы: „Русское богатство", „Современный мир", „Былое", „Минувщие годы", но эти книги держались в библиотеке для „приманки шевелящего мозгами читателя и пользоваться ими было рискованно, так как интересующегося этими журналами брали на учет. Сюда ходили для отвода глаз. Сознательные рабочие имели что читать без библиотеки, имелась нелегальная литература: „Южный рабочий", „Вперед", брошюры, издаваемые в Лондоне: „Что должен знать и помнить каждый рабочий", „Пауки и мухи" (Либкнехта) и другие. На базаре имелась лавочка с писчебумажными принадлежностями гр. Лесного, через него получалась и нелегальная литература, здесь можно было достать хорошие книги. Много было политических брошюр, изданных в 1905 году „Донской речью". Распространялась эта литература в строгой конспирации.

Летом после работы ходили купаться в пруду за домом директора рудников, после купанья шли в рощу, здесь обменивались новостями, обсуждали прочитанное. Новости приходили из Ксеньевского хутора от т. Палия Я. Г. Когда у него останавливались нелегально приезжие профессионалы-революционеры т.т. „Михаил", „Соня" и др., Палий тот же час оповещал кого следует и ночью проводились рабочие массовки. Собирались в балке за ж.-д. мостом на Байракской ветке или за станцией в питомнике. В эти места не направлялись прямым путем, а шли по одиночке и обходили стороной. По дороге к месту массовки расставлялись товарищи, они давали пароль и направляли на определенное место. Массовки собирались редко, в месяц-полтора один раз. Участвовало в массовках не более 30 человек, включая сюда и рабочих рудника 5 и 8.

Во второй половине сентября 1906 года среди рабочих распространилась весть, что после шести часов вечера нужно быстро собраться на летучий митинг у бугра возле заводской больницы. Собралось на митинг до трехсот человек. Когда я подошел, то на митинге уже говорил молодой парень в кумачевой рубашке.

В своей речи он раз'яснял рабочим действия царского правительства, проводящего свои драконовские законы через Государственную Думу. Он говорил о необходимости непримиримой борьбы со всем царским строем. „Нам всем надо сплотиться воедино и вооружиться против кровавого царского самодержавия. Организуйтесь в боевые отряды, вооружайтесь. Смыкайте теснее ряды для дружного напора на кровавого царя и его прихвостней".

Участники митинга жадно глотали слова оратора и не спускали с него глаз, толпа незаметно расширилась до 500 человек. Внезапно в толпе появилась фигура полицейского пристава Глущенко. Публика засуетилась. Кто-то громко крикнул: „Казаки едут. Стрелять будут!" Толпа бросилась врассыпную. Под'ехали четыре всадника, тем временем оратор одел темную рубаху и фуражку и скрылся с разбегающейся толпой. Попытка пристава Глущенко арестовать оратора не удалась. Полиция рыскала за ним всю ночь, но безрезультатно. На другой день горловский пристав Глущенко был смещен „за проявление халатности по службе" и по приказу Бахмутского уездного исправника Неровня, на место Глущенко назначен был из „заслуженных" урядников—Кононенко. Получивший „повышение" по службе урядник из кожи лез, чтобы оправдать себя в борьбе с „внутренним врагом", „вольнодумством" и „крамолой". На завод кроме дежурных по посту городовых еще был назначен околоточный надзиратель Чувалов; у проходных ворот помещалась его канцелярия, выполняюшая обязанности „тащить и непущать". Этот Чувалов усвоил всю „премудрость" Зубатовской политики; с рабочими был нежен до приторности, затевал „нововведения", завел при проходной витрину для писем рабочих и другие „благоустройства". Так, например, регулярно каждую субботу топили баню для рабочих завода; мыться можно было бесплатно, но со своим мылом и веником. Чувалов вел себя с рабочими „по-приятельски", часто после работы его можно было видеть у пивного склада Екатеринославского пивного завода „Ботэ", где он с мастеровыми пил пиво и разговаривал „по-душам" про „житье-бытье и рабочую нужду". Здесь он ловко выуживал „настроение", но кроме черносотенных порывов пивных завсегдатаев, он немог ничего выудить. Более передовые рабочие понимали, что он волк в овечьей шкуре. Чувалов обязательно указывал рабочим на заботу и попечение правительства в виде домов „Общества трезвости", „там тебе все удовольствия—читальня, библиотека, чайная, где можно дешево и разумно провести время своего досуга". Но его слушатели поддакивали и, глядя в глаза Чувалову, думали: „скорее бы давали получку, не одну четверть водки осушили бы в казарме",

Плохо прививалась Зубатовская агитация Чувалова. За ужином часто велись разговоры о том, что много стало защитников и печальников о нашем брате бедняке, и на кого из них не посмотришь, то или у него ворот рубахи тесен, или на пояске штанов пуговку надо перешить—тесно; все они полицейские захребетники.

Весной 1906 года организованных рабочих на заводе не было и десяти человек. Большевики были т. Палий Я. Г., Коваленко И. И., Ткачев В. С. Метельский не работал на заводе, скрывался от ареста, но на массовках появлялся; На шахте № 1 большевики: Жуков Т. М., Иванов Степан, Черкасов.

Мне было предложено заводскими товарищами перейти в завод, где нужно проводить большевистскую пропаганду. Переход в завод тянулся более месяца, пока была подыскана мне подходящая работа кочегара. Работа при котлах велась по две смены, по 12 часов, стояли вдвоем на четыре котла, т. е. по четыре топки на кочегара, мусорщиков-шлаковозов не было. В 12 часов дня во время обеденного перерыва чистили топки, вкладывали выпавшие колосники, убирали мусор, шлак и золу, сами же отвозили по 2—3 тачки с каждого котла за 40—50 сажень от кочегарки.

Обеденного времени нам не полагалось, так как во время остановки машин на обед начиналась чистка топок, самая убийственная работа кочегара, после чистки часа полтора поджилки трясутся. Все время работали без остановки, чтобы к первому гудку собрать в котлах давление пара не меньше 4 атмосфер. Эти два часа без передышки танцуешь у котлов, ешь на ходу; вкусил хлеба, хлебнул ложку супа и за лопатку. За 12 часов работы не присядешь, нет времени как следует пот вытереть с лица, а рубаха мокрая, хоть выжми.

За эту „веселую“ работу получали рубль за смену и за 2 часа обеденных получали полуторную плату, т. е. по 15 коп. в час, всего приходилось за упряжку 1 р. 30 коп.; эти тридцать копеек доставались кровавым потом. Не лучшие условия труда были и в других цехах: в литейном надо дышать едким газом сплавов, всегда идешь домой с больной головой от чада и путаешь ногами. В кузнечном цеху редко какой не с обожженным лицом работал, а руки у всех печеные. В котельном от одного стука и лязга голова кругом идет; здесь надо иметь крепкие мышцы, за день в среднем забивали по двести дюймовых заклепок, каждая берет по 25—30 размашистых ударов по оправке полупудовым молотом, таких ударов надо дать 6.000 за день. После такой работы уснешь не умывшись, как убитый; придешь на квартиру — рад месту, упадешь и не жив. Жена не добудится ужинать.

Некоторые рабочие пытались подавать заявления об улучшении условий труда фабричному инспектору и окружному инспектору Краевскому. Они вызывали жалобщиков к себе в канцелярию, толковали им закон, говорили о том, что „теперь нигде и никому даром денег не платят, везде деньги добываются упорным трудом. Ваше дело трудиться, а наше дело тоже не легкое, мы должны следить за своевременной выдачей вашего заработка и безопасностью ведения работы в ваших цехах... Идите, мирно и спокойно работайте, вам известно, что сейчас нет благоприятных заказов, заводы терпят убытки и еле хватает средств на выдачу жалования. Мы знаем, что условия работы не важны, но все таки работая вы поддерживаете свое существование. Если же улучшить условия труда и повысить заработок, это приведет к банкротству. Акционерное общество не выдержит, завод закроют, а тогда и того не будет, что вам дают теперь...".

Между тем революционное движение в рабочих массах не утихало. Не реже одного раза в месяц проводились нелегальные массовки в питомнике и в Байракском лесу за п. Ксеньевкой. Ораторы на них вели агитацию против нового столыпинского закона о введении отрубных кулацких землевладений, потому что сельская беднота попадала в кабалу к новым узаконенным обиралам. Нам давались задания вести беседы с очередными рекрутами, призывниками на военную службу, чтобы они идя на военную службу знали бы подлинного своего „внутреннего врага", мы раз'ясняли им предательскую роль „храбрых семеновцев" и „молодцов фанагорийцев"...

К весне репрессии увеличились. Началась полоса ожесточенной реакции, охранка работала во всю, подпольную работу вести надо было строго конспиративно, собрания и массовки стали собираться реже, в питомнике оперировали конные стражники. По улицам было запрещено собираться. Как завидит городовой вместе человек пять, сейчас же кричит: „Раззойдись, чего сходки собираете"?

Буржуазия подняла голову выше На заводе усилились издевательства над рабочими, мастера цехов еще произвольнее понижали расценки. Пьяниц, уличных хулиганов не преследовали, это были „свои люди", если же тебя заметят с газетой или книгой, сейчас попадешь на учет.

Недолго оставалось мне быть на воле. В ночь на 19-е августа 1908 г. в третьем часу ночи я стоял на смене у парового котла с т. Алексеевым И. Ф. Мы только окончили ночную чистку топок паровых котлов, стали поднимать пар. Я наблюдал за манометром и водомерными стеклами. В это время входит городовой, за ним жандармский унтер. Городовой указал на меня рукой, а жандарм крикнул:

Новая Горловка. Улица „Изотова".

„Максименко ты будешь? Следуй за мной". Я говорю: „Мне надо одеться". „Бери свою одежду, оденешься там в канцелярии". Я пошел за ним, а за мной городовой. У ворот завода нас поджидала линейка, меня усадили и повезли в полицейский участок. Там я пробыл в отдельной комнате, в присутствии жандармского унтера, до 9 часов утра. Тов. Алексеев сообщил жене о моем аресте, она поспешила притти повидаться со мною, но пристав Кононенко не допустил ее и мне было только передано белье и больше ничего. Мне не разрешали повидаться с семьей.

Подали крытый экипаж. Со мной рядом уселся охранник в накидке с капюшоном, на козлах с кучером уселся со своей „селедкой" и наганом городовой. В три часа дня я был заключен в Бахмутскую тюрьму. Пробыл я там до 28-го августа. В этот день меня вызвали из одиночки в контору тюрьмы и об'явили, что я по распоряжению Екатеринославского генерал-губернатора высылаюсь в административном порядке в Тобольскую губернию, в Березовский округ, сроком на три года. Тюремный надзиратель торопил меня скорее собираться. Я одел на себя единственный рабочий пиджачишко, фуражку, взял две пары белья и вышел во двор. Тут уже выстроились в ряд до 30 человек арестованных. На меня одели железные наручники и поставили тоже в ряд. Процедура приема арестованных конвоирами продолжалась с полчаса и мы под командой зашагали по шоссейной дороге к южному вокзалу. Здесь нас усадили в арестантский вагон и повезли по направлению к Харькову. На протяженни 5000 верст до г. Березова мне пришлось проведать десятки пересыльных тюрем, каторжных централов и целую вереницу этапов, заброшенных в холодной Сибирской тайге. В Березовский округ я прибыл лишь 30 ноября. Остановился в селе Самарском, где пробыл до 18 августа 1911 года, а 20 сентября я вновь прибыл в Горловку, где и нахожусь по сие время.

г. Горловка
19/II-1934 г.

Гр. Яковенко

ДИВИДЕНДЫ

ФРАГМЕНТ ИЗ ИСТОРИИ ШАХТЫ „ИЛЬИЧ" В НАДИЕВКЕ

I.

ВЕЛЬМОЖНЫЕ КОММЕРСАНТЫ

Известный русский барин, родовитый аристократ, выдающегося вельможи сын, князь Владимир Николаевич Тенишев, как ему и подобало, почти с детских пеленок значился при особе государя-императора и уже двадцати семи лет, с присущим ему достоинством, носил шитый золотом мундир придворного камергера.

„Свет" любил и уважал молодого князя. Его „светлость" был скромен, мягок и главное не злоупотреблял своею властью носителя и хранителя золотого ключика от того сугубо интимного места, „куда даже сам царь вынужден был ходить пешком".

История „славной Российской империи" богата заманчивыми примерами, когда человек, добившись счастья дежурить у дверей царской уборной, хватал свободной рукой руль правления и мощно зажимал в кулаке судьбу „святой матушки-Руси" и становился тем, чем были в свое время Бирон, Меньшиков, Потемкин и Аракчеев.

Нет, осмотрительного князя не соблазняла роль неограниченного в своей власти царского сатрапа. Понимая дух эпохи, Владимир Николаевич желал пойти иным, более верным путем.

Приобрести славу и добиться неслыханной власти можно уже было и без официального титула фаворита-„временщика". Нераздельным владельцем России все больше и больше — становится капитал. Что это значило — князь полностью давал себе отчет.

Тридцати пяти лет от роду князь сильно увлекся изучением проблемы развития горной промышленности, т. н. Юга России. Его интересовали: донецкий уголь, криворожские руды, никопольский марганец, а больше всего — размеры возможных прибылей от эксплоатации этих природных богатств.

Но князь не имел необходимого опыта промышленника, а главное не доставало ему... соответствующего капитала.

Слишком уже дорого стоило „бедному" князю каждый

раз все выше и выше поднимать свой славный род: из 5.600 десятин наследства — у него остался старый прадедовский дворец и при нем... 450 десятин заложенной в земельном банке земли.

Князь загрустил и решил развлечься на теплых водах.

Где-то в Виши или Баден-Бадене Владимир Николаевич познакомился с бельгийским аристократом бароном Де-Макаром. Но приятное общество элегантного джентельмена не принесло ему никакого облегчения..

Альфред Де-Макар прекрасно разбирался в русских делах величая Донецкий бассейн вторым американским Клондайком неисчерпаемых запасов черного золота.

Больше того. Барона просто лихорадило неудержимое желание урвать и себе хоть частицу от тех драгоценностей, какие нерадивые русские так бесстыдно игнорировали.

Однако, одного желания в коммерческих делах, как правило, было мало. Барон имел гонор, незапятнанную честь, а в дополнение к ним — трижды заложенный замок и две грядки луку при нем. Поэтому ему оставалось единственное утешение — мечтать. Что он, необходимо отметить, достаточно старательно и делал.

Князя Тенишева охватило отчаяние. Увы... даже соединив свои капиталы, они с бароном могли бы только, купить несколько листов гербовой бумаги и заплатить нотариусу гонорар за составление им документов на право эксплоатации донецких подземных богатств.

Где-то на стороне нужно было искать необходимых капиталов.

Счастливая случайность... Обоих их — и князя, и милого барона — спас лодзинский первой гильдии купец, Едуард Гербст.

Он уже об'ездил Донбасс, знал его экономическую географию так же доподлинно, как и расположение полок в своих двадцати магазинах. У него были деньги, но ему не доставало главнейшего — солидной протекции влиятельного лица.

В основу всех деловых отношений в горном департаменте были положены взятка и хорошая протекция выдающегося лица. Этого не скрывали. Об этом откровенно говорили. К сожалению, пан Гербст, купец первой гильдии, ни одной из фрейлин при царском дворе кумом не приходился.

Договорились очень быстро. Князь поставил на кон свое славное имя, свои связи в большом свете, свой золотой ключ и свою близость к монарху, а Гербст, под все это нереальное, но стоящее добро выложил на стол целиком реальные чистого золота червонцы.

Решили организовать акционерное товарищество с уста-

новленным основним капиталом и определенным количеством акционеров-пайщиков.

Едуард Гербст пригласил в товарищество Вильгельма Рау и Роберта Сюрмонда, старых своих компанионов в деле экспорта за границу дешевого русского сахару.

Уважаемые эти коммерсанты жили постоянно в Германии и были преданными подданными своего доброго кайзера, но это не представляло никакой помехи. И в России, как и везде, очень хорошо понимали, что деньги не пахнут...

Пришла и барону Де-Макару счастливая мысль привлечь в компанию своего банкира, господина Карла Делуа.

Банкир охотно согласился на предложение барона и сразу же отдал приказ клерку уменьшить долг барона на десять тысяч франков.

Благодарен был ему барон безмерно. Но взяв в руки перо, с милой улыбкой исправил ошибку банкира: вместо „десяти", — он четко вывел в приказе „пятьдесят"...

Осторожности ради, банкир Делуа взял себе в компаньоны зарекомендованных клиентов своей конторы — Георгия-Октавия Пастора и Адольфа Грейнера. Все они были добрые католики и преданные слуги бельгийского короля.

Со временем, чтобы уравновесить „национальное представительство", в состав товарищества записали дворянина Владислава Александровича Ляского.

Почтенный этот шляхтич растранжирил свое имение, пропил приданое жены, проиграл в клубе теткины ломбардные билеты и в то время существовал с того, что исполнял при особе князя Тенишева обязанности... камердинера.

Но его двоюродный брат как раз возглавлял ту институцию, от которой зависела судьба товарищества. Ляскому предложили пол акции и двадцать пять рублей единовременно. Уважаемый дворянин подписал устав товарищества и поклялся на второй же день отправиться к „негодяю" и болвану Жоржику и если тот сразу же не утвердит устава, расправиться с ним „по гвардейски".

Господин Ляский энергично выполнил свое обещание, а князь Тенишев, помогая ему, в полной степени использовал магическую силу порученного ему золотого ключа.

И неслыханное дело... За каких-нибудь два месяца (18 XII. 1884) появилось на свет новое „высочайше" утвержденное Южно-Русское Днепровское Товарищество, поставившее себе целью добывать и эксплоатировать природные богатства Донецкого бассейна. Основной его капитал в сумме пять миллионов рублей должен был разделиться на десять тысяч акций по пятьсот рублей каждая. Первичный взнос основоположников должен был составлять пятьсот тысяч рублей.

Так по крайней мере писалось в „высочайше" утвержден-

ном уставе товарищества и так буквально должны были понимать его соблазнительный параграф будущие держатели акций, стоимостью в пятьсот рублей каждая.

На деле же господа фундаторы расщедрились лишь на каких-нибудь двести тысяч, необходимых для того, чтобы открыть себе в одном из петербургских банков текущий счет.

Достаточно было и того. Громкое имя князя Тенишева, двора его величества камергера, обеспечивало им полное доверие промышленных кругов, а главное расчищало им путь к неограниченному кредиту государственной кассы.

Значение Донбасса возрастало. Все свои силы направляло правительство на развитие горно-заводской и металлургической промышленности, т. наз. Юга России. Фундаторы нового товарищества получили солидную субсидию при утверждении устава, а еще со временем им любезно была выдана, больших размеров, безвозвратная ссуда.

Фундаторы, конечно, не отказывались, а правительство не знало границ своим щедростям.

Обедневший князь, великосветский авантюрист-барон и кучка бесстыдных, лакомых к наживе негоциантов полными пригоршнями хватали из государственных сундуков пахучие, добытые миллионами трудящихся рубли и с ангельской невинностью записывали их себе в дивиденд.

Барон де-Макар имел потом возможность поселиться в Париже. И когда его спрашивали, что именно представляет собой тот сказочный Донбасс, он авторитетно, с полным пониманием дела, пояснял:

— Донбасс, уважаемые мсье?... Это второе Эльдорадо, плюс неоценимая русская глупость.

Мечта князя Тенишева осуществилась. Не имея ни полушки за душею, он стал во главе одного из сильнейших промышленных предприятий т. н. Юга России.

Товарищество владело Днепровским металлургическим заводом, кривоворожскими и городищенскими железными и марганцевыми рудниками, анненскими, лидиевскими и максимовскими угольными шахтами, а в 1904 году прибрало к своим рукам, на особых условиях с Алмазнянским акционерным товариществом, еще и Кадиевскую группу каменноугольных шахт и металлургический завод при ст. Алмазной.

К той Кадиевской группе принадлежала и шахта „Карл" (Карл Делуа подарил ей свое имя), которой пролетариат Донбасса присвоил теперь бессмертное имя великого Ильича.

Золотой ключ сделал князя Тенишева главой эксплоататоров. Товарищество покорило себе земли, воды, леса; товариществу принадлежали неисчислимые богатства глубоких недр. Власть товарищества была безгранична, священна

Дом директора рудника „Карл". Двое городовых днем и ночью охраняли „священную" личность господина директора.

и не подлежала никакому контролю. Тысячи, десятки тысяч людей, клейменных номерами, обязаны были послушно благоговейно выполнять волю могущественного товарищества — акционеров.

Труд этих существ, — их пот и кровь целиком принадлежали товариществу; жизнь, счастье, смерть — все это зависело от высшей воли господ-акционеров.

Лучшею частью Юга России завладел русско-бельгийско германский капитал. Эксплоатация трудящихся в этом благословенном крае приобрела утонченнейшие формы. Размеры ежегодных дивидендов помрачали разум господ акционеров. И они... и они требовали от своих директоров и управителей... добиться повышения ренты на их капиталы по крайней мере еще на сто процентов.

Требования эти повторяло каждое общее собрание участников обжорливого товарищества.

Рента...

Рента — вещь высшего порядка; она бестелесый дух, незримо витающий где-то в надземных высотах и животворящей силой своею оплодотворяющий жизнь.

Рента...

Ей противны раздор, злоба, ненависть; тот, кому выпадает счастье питаться щедротами святой ренты, тот есть существо вполне совершенное, лишенное абсолютно всяких страстей.

Рента есть единая движущая сила жизни.

Так думали и в этом были уверены господа-акционеры.

Генрих Коперс (Ессен-Рур, Германия) Джон Пик (Шеффильд, Англия)и директор Кадиевской группы шахт доказали на практике, в деловых своих взаимоотношениях непоколебимость принципа:

Интересы держателей акций — выше всего...

II.

ВЫГОДНАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ

Договор имел четырнадцать печатных страниц; он вмещал в себе несчетное количество пунктов, примечаний и предупреждений; составили его опытные, высокооплачиваемые юрисконсульты Днепровского металлургического товарищества, а на немецкий язык перевели присяжные переводчики; договор широко трактует права и обязанности каждого участника великого промышленного гешефта и точно намечает путь его развития и окончательного завершения.

29 января 1911 года Генрих Коперс (Ессен-Рур, Германия) обязался перед Южно-Русским Днепровским металлургическим товариществом построить для него за свой собствен-

Клуб, где веселилась рудничная аристократия, и куда обыкновенным рабочим входить строго воспрещалось. Теперь клуб шахты „Ильич".

ный счет и своими собственными средствами 240 коксовых печей с рекуперацией и регенерацией, а также рекуперационный завод для переработки побочных продуктов коксования и завод серной кислоты.

При чем как печи, так и заводы должен был Коперс оборудовать так, чтобы они выдавали для товарищества 39 миллионов пудов доброкачественного металлургического кокса ежегодно, или 106.950 пуд. в сутки при нормальной, а не форсированной работе.

Со сьоей стороны, товарищество обязалось засыпать коксовые печи такого качества углем, какое имело бы в себе от 18 до 24% летучих веществ и влажности до 11%.

160 печей из общего числа 240 печей условились построить на том месте, где стояли старые печи товарищества. Коперс обязался разобрать старые печи товарищества своими средствами, а товарищество отдавало ему за это бесплатно весь пригодный строительный и огнеупорный материал из разобранных печей.

Выполняя поставленное перед ним требование, Коперс обязался построить и передать товариществу первые две группы печей (по 40 печей в каждой) вместе с газовыми каналами и дымовыми трубами, газопроводами, башнями для угля и транспортерами, а также и жилищные помещения для рабочих — не позже 1 апреля 1912 г.

Одновременно с первыми двумя группами (дивизиями) коксовых печей Коперс должен был построить оба завода — для рекуперации побочных продуктов коксования и производства серной кислоты. Поэтому Коперс должен был передать их товариществу не позже 1 апреля 1912 г.

Остальные (160) коксовых печей Коперс выговорил право строить и передавать товариществу постепенно: 80 — 1 января 1913 года; 40 — 1 октября 1913 года; последние 40 — 1 июля 1914 г.

Все расходы Генриха Коперса на эти сооружения представляли собою довольно солидный капитал и вряд ли кто-нибудь иной, кроме него, отчаялся бы заключить с акционерами Днепровского товарищества подобный договор, финансовый эффект от которого был достаточно проблематичным.

Так думали в компетентных кругах, знакомых с донецкою промышленностью. У многих же были еще и другие причины сочувствовать „бедному" Коперсу.

В кругу членов биржевого комитета деятельность Днепровского товарищества получила вполне недвусмысленную оценку.

Таких сутяг, таких бесстыдных плутов и воротил, какими были господа директора-распорядители товарищества (Ясюкович, Делуа Емиль, сын фундатора Карла

Улица быв. „Коккериль", где в удобных особняках жила администрация рудников.

Делуа, Кислянский) — трудно было найти среди уважаемых промышленников.

„Несчастные" акционеры Алмазнянского товарищества, которые на горе себе попали в лапы днепровских пройдох, могли бы много чего интересного рассказать об их „деятельности" и тех странных способах, какими они нагоняли сумасшедшие дивиденды своим акционерам.

Конец Генриху Коперсу... Плакали его „кровные" денежки... Честное слово, пустят его днепровцы с сумою под окна... Глупый немец... Сумасшедший немчура...

Но Генрих Коперс не испугался днепровцев-разбойников. Построив собственными средствами Днепровскому Товариществу 240 печей и два завода, он удовлетворился очень скромною подачкою. Генрих Коперс не гнался за большими прибылями.

На покрытие вложенных Коперсом капиталов Днепровское Товарищество обязалось передавать бесплатно в полное пользование Коперса на протяжении восьми с половиной лет, абсолютно все продукты, которые будут отходить, при выпале на 240 коксовых печах, тридцати девяти миллионов пудов металлургического кокса ежегодно.

Рекуперационный завод и подсобный при нем завод серной кислоты на протяжении всех восьми с половиной лет или даже до тех пор, пока товарищество не сожжет в построенных 240 печах 298 млн. пуд. кокса (по 39 млн. пудов ежегодно) — оставлялись в бесконтрольное владение Коперса.

На них-то и предполагал он окончательно перерабатывать все выброшенные амониаковые продукты на твердые амониаковые соли, а также превращать жидкую смолу в твердую и соответствующие минеральные масла.

Вся выручка от продажи рекуперированных побочных продуктов и коксования шла в пользу одного лишь Коперса. И это право сохранялось за ним на протяжении всех восьми с половиной лет. И только после этого срока, и печи, и заводы и все оборудования, все сооружения и даже все жилищные строения для рабочих переходили в полную собственность Днепровского Товарищества.

Генрих Коперс должен был оставить Кадиевку с одним лишь чемоданом в руках...

Ему искренно сочувствовали, его предупреждали и советовали не бросать денег на ветер. Бедный гер Коперс... Эти изворотливые дельцы из Днепровского Товарищества сделают из вас, честного наивного немца, банкрота, нищего...

Генрих Коперс молча благодарил добрых советчиков и с грустью, положив руку на сердце, отвечал:

— Их подписаль контракт... Поздно...

Но... Именно в том кармане, который прикрывал собою все сердечные переживания бедного Коперса, именно там

сохранялась у него тоненькая записная книжка, исписанная длинными строками загадочных цифр. И цифры те оживали, двигались и символами высшего утешения приникали к его пораженному сердцу.

Да, бедный, наивный Генрих, да... Ты выберешься из Кадиевки после восьми с половиной лет тяжелой работы с одним лишь пустым чемоданом. Тебе может быть и на извозчика прийдется занять у кого-нибудь из добрых советчиков...

Между тем... чемодан тот будет наполнен чековыми книжками на текущие счета в немецких, английских, французских банках и, на всякий случай, в Шанхайском и Токийском отделах известного американского банкирского дома. Выведенные в записной книжке цифры убедительно доказывали, что достаточно будет двухгодичной выручки за те скромные амониаковые соли, смолы и минеральные масла, чтобы с лихвой покрыть все его „рискованные" издержки и на печи и на заводы.

А шесть с половиной лет... Их несчастный Генрих Коперс разумно использует на то, чтобы набить чемодан билетами государственной кассы, сертификатами и разноцветными чековыми книжками.

Сроки выдержаны. Рядом с шахтою „Карл" выросли длинные ряды новых коксовых печей с шестью высокими трубами, просторные цеха и лаборатории двух заводов. Коперс добросовестно работает, чемодан его быстро беременеет.

Почему так быстро... Директор Кадиевских рудников с недоумением подсчитывает количество вагонов с рекуперированными продуктами коксования, отправленных агентами Коперса на станцию Алмазную... Что-то их слишком уже много... Если будет так итти и дальше, то достаточно будет господину Коперсу еще какого-нибудь года, чтобы возвратить затраченный капитал...

В Петербург на имя директоров Правления поступила из Кадиевки соответствующего содержания докладная записка, с двумя-тремя хитроумными советами. Однако, принимать какие-либо меры против Генриха Коперса уже не пришлось. Хорошая „свинья", которую готовились ему „подложить", осталась жить только в детально разработанном проекте.

Война 1914 г., как это ни странно, положила конец скрытой враждебности и сделала интересы Коперса кровно близкими для управителей Днепровского Товарищества, которые готовились было проглотить уважаемого Коперса вместе с его переработанными минеральными мастилами.

Генрих Коперс, как известно, был одним из подданных „доброго" германского кайзера. Русское правительство

секвестрировало его предприятия, передав их во временное пользование дирекции Кадиевских рудников.

Пророчества некоторых членов биржевого комитета осуществились полностью.

„Бедный" Генрих Коперс отправился на станцию Алмазную с казенным литером до германской границы и одним единственным чемоданом в руке...

Конец несчастному Коперсу...

Капут... Крышка...

Поезд тронулся. Коперс улыбнулся и с удовольствием потер руки. Устроившись удобно около окна, он достал записную книжку и на третьей странице вывел: „Джон Пикк (Шефильд, Англия)".

Имя этого уважаемого джентльмена Коперс впервые вспомнил во время длинного и секретного разговора с прибывшим в Кадиевку главным директором Днепровского Товарищества господином Ясюковичем.

Разговор длился далеко за полночь и закончился обоюдным подписанием небольшого, но суто конфиденциального документа. Содержание подписанного договора условились не оглашать впредь, пока один из корпусов доброго немецкого кайзера не продефилирует вдоль Невского Проспекта. А, что это должно было случиться самое большее через три-четыре месяца, в том оба „высокие" договорные стороны нисколько не сомневались.

Все хорошо, все прекрасно. Чтобы то там ни случилось, а его, Коперса. интересы не потерпят в России ни малейшего вреда. Об этом побеспокоятся, во-первых, господа акционеры Днепровского Товарищества, а во-вторых, уважаемый Джон Пикк (Шеффильд—Англия).

Возвращался на родину вышепоименованный Коперс Генрих успокоенный и вполне счастливый.

III.
ГЕНРИХ КОПЕРС ЛЮБИТ ДОБРЫЙ НЕМЕЦКИЙ НАРОД

В Южно-Русском Днепровском Металлургическом Товариществе, как известно, преобладал германско-бельгийский капитал. Дальнейшая участь русского отечественного капитала в эксплоатации захваченных товариществом богатств Донецкого бассейна ограничилась присутствем на общем собрании акционеров роскошного камергерского мундира русского аристократа, князя Тенишева и ежегодной выдачей ему довольно солидного вознаграждения, как „основателю" Товарищества.

Князь Тенишев и дворянин Лясский, которые значились среди основоположников Товарищества, служили акционерам визитными карточками, перед которыми открывались

неприступнейшие двери и теми универсальными ключами, с помощью которых они хозяйничали в государственных кассах, получая кредиты и безвозвратные займы.

На этом и ограничилась промышленная „деятельность" яснейшего князя и его старшего лакея г. Ляского.

Спустя несколько лет после организации Товарищества господин Ясюкович Игнатий Игнатьевич, поляк по национальности, присоединил свои свободные средства к бельгийско-германскому капиталу и стал вскоре главным директором-распорядителем правления, продержавшись на этом посту с 1905 до 1914 года.

Старые кадиевские шахтеры кадровики еще и до сих пор с лютой ненавистью вспоминают Ясюковича. Гоноровитый шляхтич и бешеный шовинист, он признавал людьми только благородных поляков; русские, украинцы, белоруссы значились у него под общим названием „нестоящего быдла". Кадиевский директор, управляющие отдельных шахт, инженеры, штейгеры, десятники, конторщики, счетоводы—все были поляки по происхождению, всех их повыписывал г. Ясюкович с милой ему Речи Посполитой.

Многолюдная польская колония в Кадиевке жила замкнуто, обособленно, заселив определенные улицы, развлекаясь в своем закрытом клубе, посещать который простому „быдлу" строго воспрещалось.

Обращалась польская гонористая администрация с подведомственным ей рабочим населением Кадиевки, как приличествовало то английским или французским капиталистам с укрощенными туземцами Мадагаскара или Ямайки.

По инициативе дирекции шахты в Кадиевке долгое время существовали магазины, т. н. „Общества Потребителей Русских" с достаточно солидным оборотным капиталом. Как на самом деле магазины „потребиловки" обслуживали „русских потребителей", видно хотя бы из того, что, скажем, за аршин ситцу с русского или украинца брали 15 копеек, а с поляка 10 копеек.

За одинаковую работу в шахте поляк получал примерно 1 руб. 20 копеек за упряжку, а не поляку платили только... 80 копеек. Протесты были ни к чему. Они всегда служили лишь основанием к увольнению с работы и принудительному выселению наглого протестанта за территорию колонии.

Во главе Кадиевского круга представителей зоологического национализма и жгучей ненависти к подчиненному „быдлу" стоял в свое время Иосиф Михайлович Дворжанчик, известный по шахтинскому процессу, как один из главнейших руководителей группы инженеров-вредителей.

Иосиф Дворжанчик был воспитанником господина Игнатия Ясюковича; он вырос и выбился в „люди" под его властной рукой.

Колония польской технической интеллигенции в Кадиевке считалась образцовой. Господа акционеры Днепровского Товарищества, которому она преданно служила, не имели никаких оснований в чем-нибудь упрекруть своих наемников. Они старались, ночей не досыпая, стерегли интересы своих хозяев. Дивиденды росли ежегодно и размерами своими сбивали с толку самих держателей акций.

Милость удовлетворенных хозяев могла разнежить черствейшие сердца. Щедрой рукой раздавало правление своим верным слугам всяческие тантьемы, вознаграждения, премии. Больше всего их, конечно, приходилось на долю директора Кадиевских шахт и заводов, господина Кржижановского, достойного заместителя Иосифа Дворжанчика. Назначенные ему за „труды" 3% из общей суммы чистых прибылей от Кадиевских шахт и заводов доходили в некоторые годы... до 100 тысяч рублей.

Однако, хозяева все-таки оставались только хозяевами— не больше. Тот же матерый высокооплачиваемый слуга Кржижановский чувствовал это на собственной спине.

Господа акционеры были обыкновенными плутами, прекрасно понимающими секреты „двойной" бухгалтерии и составляющими себе из этого искусства источник доходов. „Бедного" Кржижановского они об'егорили за два только года на 203.752 руб. 79 коп.

Вместе с Кржижановским под действие „двойной" бухгалтерии подпало также и „несчастное" Алмазнянское Товарищество, с которым днепровские акционеры должны были по-братски делиться чистой прибылью от предприятий Кадиевской группы. Но это обстоятельство ни в малой мере не утешало тогда г. Кржижановского. По крайней мере жалобы его в коммерческий суд были составлены далеко не в шутливом тоне.

Случай с Кржижановским—случай совсем не исключительный. Господа акционеры, как правило, пользовались всяким предлогом для того, чтобы прилично по-отцовски вытащить каждую копейку из кармана своих верных слуг.

С особенным же искусством уважаемые патроны стригли высшую часть своих слуг—директоров и различных управляющих, видя в них, и не безосновательно, будущих конкурентов в погоне за высокими дивидендами.

И это так. Не проведи они, скажем, директора Кржижановского сразу на двести тысяч, этот душей и телом преданный интересам Товарищества инженер-специалист быстро заделался бы собственником двух-трех шахт. А купить их и притом почти задаром у крестьян соседних сел не было сложным делом. Относительно этого существовал богатый опыт, и им пользовались как только могли.

Так называемый „Народный Парк", в котором веселилась и отдыхала исключительно верхушка рудничной администрации.

Крестьянские „ямы" и „збайки" многих и многих выдвинули в первые ряды солидных капиталистов.

Понятно, что обманутые директор и управляющие не оставались в долгу. Как и чем могли, возмещали они причиненные им мошенничеством акционеров убытки. Средств достигнуть этого было множество. Выбирали, конечно, самые прибыльные и безопаснейшие.

Уменьшить, например, в годовом отчете добычу угля на каких-нибудь сотню, вторую вагонов и перепродать накладные на этот скромный груз агенту соседа-шахтовладельца не составляло никакого труда и считалось делом вполне „законным".

Последним директором Кадиевской группы шахт и заводов был инженер-технолог Михаил Иванович Семашко, ласково прозванный шахтерами за свой мягкий характер... „собакой".

Человек больших коммерческих талантов, Семашко за непродолжительное время своего директорствования успел потихоньку купить где-то на Донщине порядочный кусок земли с шахтами на ней. Но шахты требовали капитального ремонта и переоборудования, а денег на это не было. Дело спас один из „талантов" Семашко.

На станцию Алмазную в адрес Управления Кадиевских шахт прибывали десятки вагонов с лесом, рельсами, цементом, листовым железом, машинами и проч. Полноправным хозяином их был директор Семашко. По его приказу часть этих вагонов с рельсами, лесом, цементом переадресовывалась на станцию Таганрог с дубликатом на „пред'явителя". И нечего рассуждать по поводу того, что пред'явителем этих дубликатов был штейгер самого господина Семашко...

Директор и управляющие, даже конторщики и счетоводы бессовестно расхищали доверенное им имущество, а уважаемые собственники, зная об этом, на каждом шагу и при всяком случае безжалостно стригли и брили своих верных слуг. Мошенничество приобретало обоюдный характер и стало, наконец, служить основанием добрых взаимоотношений хозяина со слугою.

Существовала своеобразная этика: „Ты меня, я — тебя, но выносить сор из избы, боже сохрани..."

Строго придерживаясь правил этого требования, и большие и малые жулики находили путь к мирному сотрудничеству и быстро понимали способы полюбовной ликвидации конфликтов, которые бывало временами возникали на почве слишком уж неприкрытого и наглого „хапуна".

Чего ради, собственно, ссориться им и портить хорошие деловые взаимоотношенья... Ведь источник этих благ был один и тот же—труд рабочих.

Принимались соответствующие меры. Усиливались при-

теснения и репрессии, увеличивались штрафы и наказания; снижались расценки оплаты труда; внедрялся т. н. „мертвый“ режим; на дело технической безопасности тратились мизерные копейки—угроза неожиданных обвалов и взрывов тяготела над сотнями и тысячами шахтеров.

Когда же высосанных таким образом денег становилось недостаточно, тогда обращались в Правление казенной железной дороги и сбывали ему двух-трехгодичные запасы никудышнего, забракованного покупателями угля. В правлении железной дороги сидел целиком „свой“ человек. Угольный мусор шел за высококачественное минеральное топливо, которое имеет в себе каких-нибудь 12% зольности.

Результаты подобной деловой „операции“ вскоре давали о себе знать.

Лопались котлы, паровозы, отапливаемые „высококачественным“ топливом, сериями выходили из строя, долгими рядами стояли они на паровозном кладбище.

Настал год 1914. Империалистическая война с ее экономическими и политическими сдвигами и осложнениями ни в какой мере не изменила отношения акционеров с верхушкой своих испытанных прислужников. Ничего нового не прибавило это историческое событие и к установленной системе эксплоатации труда и средств обогащения капиталистов высокими дивидендами.

Во главе Кадиевской группы шахт и заводов стоял тогда не раз уже упомянутый Кржижановский. Как и раньше, так и теперь он руководил доверенными ему предприятиями. Дивиденды росли, акционеры не жаловались.

Правда, с об'явлением войны и дачей заказов на оборону, методы борьбы с непокорными рабочими несколько модифицировались. Власть директора, усиленная чрезвычайными законами военного времени, стала неограниченной, диктаторской.

Уменьшены расценки, увеличены нормы добычи. Об'яснялось это особенностью момента и потребностью жертв на „алтарь возлюбленной родины“. Ежедневно возникали одиночные конфликты, количество же групповых протестов и общих забастовок, не взирая на строгость режима, даже увеличилось по сравнению с предыдущими годами.

В тоне и содержании требований чувствовалось нечто новое, до тех пор неведанное — страшное и неслыханно наглое. „Бог, царь, нация, многострадальная наша родина...“ об этих высоких вещах громко трактовалось не иначе, как с примесью красочных примеров из жизни и „подвигов“ Распутина.

Вместо того, чтобы сажать закованных в кандалы бун-

тарей и „предателей родины" в тюрьмы, дирекция десятками отправляла их на фронт, подальше на передовые позиции под пули „супостата".

Но на свободное место в забое или к печам необходимо было кого-то поставить. Тогда господин Кржижановский отправлял агентов на Дальний Восток, и те присылали в Кадиевку эшелоны китайцев. А если и их не хватало, спускали под землю и ставили у печей плененных „врагов": немцев, австрийцев, мадьяр.

Предприятия работали бесперебойно, полным ходом.

Что же касается предприятий Генриха Коперса, обыкновенного в то время немецкого подданного, то беспокойство о них со стороны Днепровского Товарищества приобретало какой-то особенный характер...

В архивах найдены исключительной ценности документы. Их содержание представляет в достойном освещении высокие патриотические чувства господ владельцев Кадиевских шахт и заводов и лишний раз подчеркивает „их безграничную преданность „многострадальной родине".

Не мало отрадного рассказывают они и о добродушном некорыстолюбивом Генрихе Коперсе, который больше всего уважал своего воинственного кайзера и безумно любил свой добрый немецкий народ.

Заводы его в Кадиевке секвестрировало военное министерство и, пока что, передало их во временное управление Кадиевской дирекции. Генрих Коперс не пал духом, спокойно покинул Россию. Это и была первая жертва пред алтарем возлюбленной родины.

Но...

Но упомянутые документы дерзко приподнимают завесу и показывают нам добродушного Генриха Коперса за секретным ночным разговором с господином Ясюковичем, главным директором-распорядителем Днепровского Товарищества: милая беседа эта состоялась накануне изгнания Коперса из России и отличительное содержание ее теперь уже легко передать. Не составляет труда определить в ней особое место и Дж. Пикк (Шеффильд—Англия)...

Документы вещь уважаемая... Хоть имеем мы всего пять-шесть писем, но их достаточно. Они дают нам возможность восстановить долгую и упорную борьбу Днепровского Товарищества с военным министерством за непарушимость интересов Генриха Коперса, а также и интересов самого Товарищества, прочно связанных с заводами Коперса. Предложенные ему условия работы на защиту родины ни в какой мере не удовлетворяли сумасшедших аппетитов акционеров. Только соответствующей тактикой они могли заставить военное министерство подписать с Товариществом такой договор, какой продиктует оно само.

Шахта № 1 „Кара", в 1924 году ей присвоено имя „Ильич".

Со временем тактика Товарищества блестяще себя оправдала.

Вообще же документы ставят нас перед тем фактом, что Днепровское Товарищество считало для себя малейшие расходы, связанные с защитой страны, тяжелым несправедливым наказанием, а потому и открещивалось от них всеми возможными способами.

Комитет Защиты организовал на Орловско-Еленевском руднике (в 7 клм. от Кадиевки) центральную районную мастерскую для производства пушечных снарядов. Ставя в известность об этом радостном событии директора Кадиевских предприятий, правление сообщало ему о своем постановлении освободить его от участия в издержках на оборудование этой мастерской. Хватит, мол, и того, что оно устроило аналогичную мастерскую на своем Днепровском заводе...

Заводы Коперса (рекуперационный и серной кислоты), секвестрированные правительством, сразу же после об'явления Германией войны и до декабря 1916 года находились в бесконтрольном владении Кадиевской дирекции. От этого, известно, Генрих Коперс ничего не потерял, ибо заводы работали бесперебойно и приносили ему сказочные прибыли.

Не мало уважаемых лиц перебывало за два года в Кадиевке. Приезжал туда, между прочим, и штабс-капитан Ли-

совский, которому был поручен контроль выполнения заводами заказов на взрывчатые припасы и серную кислоту. Все его попытки продвинуть вперед дело участия заводов Коперса в защите отчизны не имели никакого успеха. Выехал он из Кадиевки сильно рассерженный.

Артиллерийское ведомство, использовывая право секвестра, намечало себе, во-первых, завладеть заводом серной кислоты с тем, чтобы всю его продукцию использовать на нужды защиты, а во-вторых, переоборудовать агрегаты рекуперационного завода под производства абсолютно необходимого бензола.

Но планы оставались планами на бумаге до того времени, пока в Кадиевку не приехал „сам" генерал-майор Ипатьев, председатель комиссии при главном артиллерийском управлении в деле заготовки взрывчатых веществ.

Товарищество принуждено было уступить, но не раньше, чем генерал Ипатьев согласился платить ему за кислоту из такого расчета за пуд: себестоимость, включая в нее и расходы на покупку уральского колчедана, издержки на оплату рабочей силы и плюс от 10 до 15% чистой прибыли.

Этот гешефт давал господину Коперсу при всех дополнительных комбинациях неслыханный заработок.

История приезда в Кадиевку генерала Ипатьева очень

сложна и, как это ни странно, вызвана не так его доброй волей и природным для него чувством патриотизма, как неотложной необходимостью любой ценой ликвидировать неприятный инцидент, который приобретал характер международного скандала. А не случись этого, вряд ли Кадиевке пришлось бы лицезреть импозантную особу уважаемого воина.

Приезду генерала Ипатьева предшествовало такое необычайное происшествие.

Леонид Федорович Давыдов—член Правления Днепровского Товарищества спешно выехал из Петрограда в Кадиевку. Правление поручило ему встретить там с надлежащим уважением комиссию французских военных инженеров, которые интересовались делом изготовления Донецкими заводами взрывчатых припасов для нужд действующей армии. Было известно, что господа французы ехали в Кадиевку с определенными инструкциями и должны были поставить дирекции совсем недвусмысленный вопрос: когда же в конце концов Кадиевские заводы Генриха Коперса начнут работать на защиту союзного государства... И второе—какие именно причины мешали дирекции прийти на помощь родине еще два года тому назад...

Встретили союзники господина Давыдова очень и очень неприветливо. Разговор был слишком короткий, но острый и до жути неприятный. Давыдов растерялся и послал правлению тревожное письмо с намеком на генерала Ипатьева.

Давыдов информировал, между прочим, правление, что у французской комиссии, как лично заявил ему о том господин Градье, один из членов ее—сложилось такое впечатление, что кадиевская администрация не очень охотно встретила их пожелание, как можно быстрее построить бензоловый завод. И больше того, это уже пахло настоящим скандалом. Комиссия заметила в администрации явную тенденцию слишком уже ретиво оберегать интересы Коперса.

Паника, испуг. В правлении только теперь раскусили, наконец, что Генрих Коперс, собственно говоря,—представитель враждебного государства. Разве же допустимо было оберегать, да еще и „слишком ретиво“, интересы заклятого врага...

Нужно было спасать хорошую репутацию честного товарищества.

Сам председатель правления отправился в военное министерство и там на свое счастье в вестибюле поймал генерала Ипатьева. Христом богом просил он его немедленно выехать в Кадиевку и принять от дирекции эти „проклятые“ заводы Коперса. Разумеется, все издержки гене-

рала и обычные и необычные—правление охотно принимает на свой собственный счет.

Только благодаря „злостным интригам" французского инженера Гравье, генерал Ипатьев очутился 6-го декабря 1916 года в далекой Кадиевке, а добрый Коперс неожиданно попал в число злейших врагов „дорогой отчизны и возлюбленного монарха".

С тех пор заводы честного германского промышленника Коперса начали ускоренно работать на нужды защиты Российской империи. Изготовляемыми на его заводе газами и взрывчатыми припасами „русское православное воинство" давило и уничтожало дорогих ему хороших немцев.

Коперс грустил, Коперс погибал от тоски. Ужасная вещь...

Приходила в голову безутешному Коперсу одна важная деталь, и он сразу успокаивался. Дело в том, что в родной Германии он имел точно такие заводы, как и в России. Слава богу. Выходит, что изготовляемыми на них снарядами и газом храбрые немецкие солдаты безжалостно уничтожали „грязных русских свиней..."

Но радость бедного Коперса была быстропроходящей. Вспомнилась сразу ему миниатюрная Бельгия... Пресвятой бог... Таким образом и все его Бельгийские заводы работают сейчас на защиту этой враждебной его нации страны. Его собственными снарядами, снарядами фирмы Генриха Коперса бельгийский король попадает просто в трон доброго германского кайзера.

Кто поймет всю глубину душевной трагедии несчастного капиталиста...

Чортово колесо... Генрих Коперс безнадежно махал рукою и с наслаждением доставал с полки тяжелый гросс-бух. Только аккуратно разлинеенные странички этой своеобразной семейной библии фирмы „Генрих Коперс" могли утешить его окончательно разбитое сердце.

Страница тридцать вторая. На этой заветной странице Генрих Коперс собственноручно с присущей ему точностью заносил, когда именно и какими суммами переводили ему русские и бельгийские коллеги-акционеры надлежащие ему прибыли от его секвестрированных предприятий.

... Дж. Пикк (Шеффильд—Англия)...

Директор Ясюкович честно выполнил обещание. Прибыль от Кадиевских заводов Коперс получал хоть и небольшими частями, однако достаточно аккуратно. И странная вещь... Деньги переводило ему само правительство империи, то правительство, которое секвестрировало его предприятия и сделало их своею собственностью вместе с прибылями от них.

Делалось это очень просто. Дирекция Днепровского Товарищества обращалась с письмом в особую канцелярию

кредитной части министерства финансов и „покорнейше“ просила перевести на имя, примерно, фирмы Дж. Пикк (Шеффильд — Англия) 16.880 английских фунтов стерлингов в уплату стоимости заказанных товариществом 20 врубовых машин. К требованию присоединялся билет о внесении на текущей счет особой канцелярии указанной суммы в русской валюте. И все.

Что касается Дж. Пикка, старого клиента известной фирмы „Генрих Коперс“, то ему совсем не приходилось морочить себе голову вопросом, что делать с перечисляемыми из России суммами.

Инструкции господина Коперса, согласованные с правлением Днепровского Товарищества, не оставляли места никаким сомнением и кривотолкам. Регистрируя „заказы“ из далекой России, уважаемый Дж. Пикк кривил губы и не без злого успокоения думал:

— Еще один заказ на 20 врубовых машин системы „Гарди-Патент“... Эти варвары жаждут лучших марок... Во всяком же случае „механизация“ донецкой угольной промышленности проводится усиленными темпами и... и... очень положительно отражается на активе господина Коперса.

Кадиевка.
Декабрь 1933 г.

С. Радугин

„ЗИБЕНЮ-ФРИЦИС" *)

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА-ШКОЛЫ **)

„Рабочим всячески мешают соединяться: либо прямым и зверским насилием в таких странах, как Россия, где нет политической свободы, либо отказами брать на работу таких рабочих, которые проповедуют учение социализма, либо, наконец, обманом и подкупом".

(*Ленин*, Избр. произв. в 6 том., 1933, том I, стр. 473).

Было еще совсем темно. Двадцатилетний токарь Иоганн Паллас разбудил своего младшего брата:

— Вставай, Фридрих, пойдем со мной на завод! Я покажу тебе такую штуку, какая нашему деду и не снилась.

Фридрих был на двенадцать лет моложе брата. Но по вечерам, когда брат, вернувшись с завода и пообедав, возился у своего верстака, он, не сводя глаз, следил за его работой.

Первые годы ученичества Иоганн проходил у отца на берегу Двины. Там, против старинной статуи Лелайс Кристапа ***), по преданию переправлявшего через реку, была судостроительная верфь. Отец Иоганна работал кузнецом. Туда же вместе с матерью, приносившей обед, приходил и маленький Фридрих. Строили буксирный пароход. Фридрих подходил к отцу, и глаза его, синие, как волны Даугавы ****), не отрываясь, глядели на руки отца, сильные, загрубелые от работы, ловко орудовавшие тяжелым молотом.

Отец с братом Иоганном мыли руки в Даугаве и садились за обед. Потом, когда мать брала Фридриха за руку, чтоб итти домой, он все оглядывался на работавших отца и брата Иоганна. Ему не хотелось уходить.

---

*) Так прозвали в Риге электриков. В переводе на русский язык — „Фриц-Молния".

**) Харьковский Электромеханический завод-школа (ХЭМЗШ) возник в 1916 году на основе эвакуированного из Риги в 1915 году завода „Всеобщей Компании Электричества", бывшего Акционерного Общества „Унион".

***) Большой Кристап.

****) Латышское название Двины.

Фридрих думал о том, когда, наконец, он вырастет большим, как отец, или хотя бы как брат Иоганн, и научится так же ловко владеть молотом и делать из полыхающего железа ровные, будто аккуратно выточенные, предметы.

„Какая-нибудь новая машина“...—думал Фридрих, идя рядом с братом.

Когда они пришли на завод Фельдзера, там еще почти никого не было. Все было, как обычно, только с середины потолка свешивался огромный пузырь из матового стекла в форме яйца.

Постепенно цех наполнялся людьми. Кроме рабочих машиностроительного и литейного завода Фельдзера, пришли токаря, слесаря и кузнецы с Балтийского вагоностроительного. Они спешили протиснуться вперед, торопясь к себе на работу. Рижские краутеры*) закрыли с утра мастерские и вместе со своими подмастерьями и учениками пришли сюда. Были и просто любители технических новинок, начиная от парикмахеров и кончая зубными врачами. Всем интересно было посмотреть на чудо.

Было еще рано. В цеху стоял полумрак, рассеиваемый одинокими газовыми рожками. Вдруг рожки потухли. Фридрих расширил глаза от изумления. В стеклянном пузыре что-то затрещало, появились искры, ярко обозначились два обращенных друг к другу остриями уголька, напоминавших толстые цветные карандаши, и между ними сверкнул ослепительный свет.

Фридрих чуть не вскрикнул от восторга. Неменьший восторг охватил и всех присутствующих. На дворе только рассветало, сквозь закопченные окна едва проникал слабый свет. А в цеху было светло, как в полдень, даже еще светлее... ого, конечно, светлее!

Когда гости вдоволь налюбовались зрелищем, их повели в машинное отделение и показали привезенную из заграницы динамомашину мощностью в сто лошадиных сил.

Большое впечатление произвела лампа и на рабочих Фельдзера. Молча смотрел на ее немигающий свет, стоя у станка, токарь Иоганн Паллас, и в задумчивых светлых глазах его роились новые, ею рожденные мысли.

Большой выдумщик, изобретатель, токарь Иоганн Паллас очень интересовался техническими усовершенствованиями. По вечерам у самодельного домашнего верстака он подолгу корпел, забывая об отдыхе, над своими конструкциями. Электрическая машина словно глаза раскрыла Палласу. С этих пор его внимание направилось в сторону электротехники.

Кто привез из заграницы динамомашину, так никто и

---

*) Цеховые мастера.

Группа рабочих бывш. „Русско-Балтийского электротехнического завода“ (1900 г.). Крайний справа во втором ряду — Пауль Ленерт. Первый справа в нижнем ряду — Карл Калнин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

не помнит. Кто знает, может быть, и здесь не обошлось без участия оптика Деттманна, сыгравшего впоследствии известную роль в развитии электропромышленности в старой императорской России.

Владелец оптической мастерской на Герренштрассе*) Генрих Деттманн имел деловые связи у себя на родине, в Швейцарии, с электротехнической фирмой „Эрликон“. Предприимчивый оптик угадал в электричестве растущую силу, почуял начало новой эры в технике и быстро сообразил, что в подобных случаях зевать не следует. Правда, он не был электротехником. Ну, что же, почему не заняться этим делом, если на нем можно хорошо заработать? Фирма „Эрликон“ выпускала удивительные конструкции электрических машин. Стоит установить хотя бы в одном месте такую машину, и слава о Генрихе Деттманне разнесется по всей Риге. За ним будут бегать, ему не дадут покоя:

— Гер Деттманн, когда вы установите у нас динамо-машину? Гер Деттманн...

Деттманна станут разрывать на части. Его мастерская не в силах будет выполнять бесчисленные заказы. Он примет новых рабочих — десятки, сотни рабочих. Он станет

*(Господская улица.

Тов. С. И. Покко („Генерал"), с 1914 г участник революционной работы на ВЭК'е. В 1916 г. сослан за организацию забастовки. Один из руководителей борьбы в 1917 г .г., член Горсовета и Петинского райпаркома.

хозяином огромного завода. Он будет выполнять заказы для всей Риги, для всего Прибалтийского края, для всей России, даже для Германии. Имя Генриха Деттманна прогремит по всей Европе. И отовсюду к нему потекут деньги...

Такие и им подобные мысли не давали покоя жадному до наживы предпринимателю. В один из серых рижских дней Деттманну поручили установить электрическое оборудование в городском немецком театре.

Это был знаменательный день. Сам городской голова пожал ему руку. Городской голова любил поговорить, любил блеснуть красноречием:

— Гер Деттманн,—сказал он,—керосин и газ не могут уже удовлетворить возросшие потребности нашего культурного общества. Вы, конечно, слышали: в Париже, в Опорто, в Вене сгорели театры. То же самое, может быть, ждет и нас. Прекрасное здание, роскошные декорации, над которыми трудились лучшие, талантливейшие художники, в один вечер могут превратиться в пепел. Мало того... Вы знаете, что такое толпа. А знаете ли вы, что такое паника? Во время хода действия где-нибудь в углу раздается дикий пронзительный крик: „Пожар!" И вдруг загрохотали стулья, поднялся крик, вой, визг, сотни людей бросаются к выходу... Мужчины, сильные мужчины, широкоплечие, с мускулистыми шеями, давят детей, ста-

рух, топчут их ногами... О, гер Деттманн, разве вы не знаете, что такое людское стадо? Сотни людей могут погибнуть, и не найдется ни одного, кто крикнул бы: „Спокойствие! Времени очень много... Вы все спасетесь до последнего, если не будете думать каждый только о себе, если подумаете о том, что не вам одному нужно жить и наслаждаться жизнью"...—Городской голова передохнул и перешел к делу:—Гер Деттманн, мы возлагаем на вас большие надежды. Театр нашего славного старого города должен иметь образцовое электрическое оборудование Сцена его должна сверкать огнями. Когда нужно будет для хода действия, на сцене должна быть лунная ночь, а через мгновение, если это необходимо автору пьесы, должен заняться яркий солнечный день. Тогда мы сможем сказать, что наша старая Рига имеет настоящий европейский театр, и иностранные консулы, пребывающие у нас, смогут сравнить наш театр со столичным театром в Мюнхене, и, клянусь, мы не ударим лицом в грязь. Вся надежда на вас, гер Деттманн!

Генрих Деттманн внимательно слушал речь городского головы, и почтительная улыбка не сходила с его губ. „В этом деле,— думал Деттманн,—есть, конечно, определенная доля риска. Оборудовать театр — это гораздо сложнее, чем ремонтировать медицинский прибор. Но где сказано, что Деттманн должен произвести эту работу своими силами? Зачем ему брать на себя такое рискованное дело? Какое дело рижскому магистрату, кто будет устанавливать машины в городском театре: сам Деттманн, силами своей мастерской, или монтажная группа какой-либо заграничной фирмы? Он, Генрих Деттманн, берет на себя ответственность за успешное окончание работы в срок—вот что важно!"

Установка электрического оборудования в рижском городском театре стоила Деттманну больших хлопот. Зато когда Деттманн сидел в первом ряду партера, в том же ряду, где сидел „господин полицеймейстер" города Риги, и смотрел на сцену, где переливались огни разноцветных лампочек, молниеносно превращающих реальнейшую будничную действительность в волшебную феерию, в фантастическую сказку, он думал о том, что, кроме автора и артистов, публика обязана своим удовольствием, о котором говорит ее детский восторг и несмолкающие аплодисменты, еще и ему, оптику Генриху Деттманну. И вслед за этой мыслью пришла другая: с этого момента начинается его успех: отныне оптик Деттманн начинает вырастать в купца Генриха Деттманна, а в недалеком будущем—и фабриканта.

Электрическая станция в городском театре была своего рода пионером электрификации старой Риги. Она давала энергию для освещения других общественных зданий. В

высокоторжественные дни, пользуясь ее энергией, устраивали в городе иллюминацию. Рижские мальчики, да и великовозрастные пашпуйки *) взбирались на столбы и, осмелев, прикасались к разноцветным лампочкам.

— Что ты делаешь: убьет!—кричали снизу.

— Вот так штука!—восклицали в восторге рижане: — и не горит и светит...

Генрих Деттманн не ошибся в своих ожиданиях. После успеха с оборудованием городского театра его осаждали заказами.

Это было время своеобразной кустарной электрификации. Тут и там в кварталах старой Риги, в домах состоятельных обывателей устанавливали динамомашины, и роскошно обставленные квартиры и лестницы заливались ослепительно-ярким светом. При машине, приводимой в действие керосиновым двигателем, работал всего один человек. Расчетливые домовладельцы охотно передавали за определенную плату пользование энергией своим соседям. В пределах квартала это допускалось, не разрешалось только протягивать провода через улицу.

В жизни старой Риги возникло дотоле небывалое явление — новый профессиональный тип. Это был „Зибеню-Фрицис“ („Фриц-Молния“). С неожиданной быстротой он появлялся всюду, где требовался свет, лазил по столбам, по крышам домов, устанавливал кронштейны с блестящими белыми изоляторами, натягивал провода.

Где-нибудь в сарайчике, на черном дворе, он устанавливал керосиновый двигатель, прилаживал динамомашину в две лошадиных силы, и возникала домашняя, кустарная электростанция. Стоило повернуть выключатель на мраморной доске, и мигом засверкают окна во всех этажах дома, на лестницах, в передних, во дворе станет светло, как днем, и видна будет каждая соринка. И все это оттого, что в сарайчике, на черном дворе, чуть слышно пыхтит маленький двигатель и бесшумно вращается ротор динамомашины.

„Зибеню-Фрицис“—электрик—стал героем дня. Чем были в сравнении с ним старые цеховые мастера и подмастерья. Узкие специалисты, отправляющие свои ремесла, как сотни лет тому назад, неспособные создать что-нибудь новое... Не то что он, человек-молния, рождающий молнию и сам уподобившийся ей по быстроте и подвижности, с которой всюду появлялся, делал свое дело и уходил.

В такой период всеобщего увлечения электричеством нетрудно было развить свое дело ловкому и предприимчивому человеку, на практике знакомому с техникой, каким являлся Генрих Деттманн.

---

*) Пашпуйк — по-латышски „свой парень“.

Старейшие производственники ХЭМЗШ'а, герои труда и краснознаменцы.

Ленивая русская промышленность, кормившаяся казенными заказами и дотациями в центрах императорской России, не спешила с проникновением на окраины. Прибалтика с ее немецкой культурой, господством немецких баронов не привлекала русских Кит-Китычей.

Зато Германия в поисках рынка для своей растущей индустрии не могла обойти Прибалтийских губерний. Территориальная близость, удобные морские пути сообщения, господствующий немецкий язык,— все это в огромной степени облегчало проникновение в Прибалтику немецкого капитала.

Немецкие фирмы создали в Риге свои представительства. Они снабжали рижскую полуремесленную в то время промышленность машинами на выгоднейших условиях. Мало того, что машина давалась в кредит на длительные сроки,— кредитующие фирмы принимали все меры, чтобы облегчить выплату долга. Чего только ни делали они, стремясь завоевать рынок!

Первое время машины доставлялись в собранном виде. Но когда русское правительство обложило ввоз готовых металлических изделий высокими пошлинами, положение изменилось, и вместо готовых машин стали ввозить детали.

Это дало толчок развитию промышленности в городах

Прибалтики. Стали возникать промышленные фирмы. И часто под громкими вывесками почти ничего не было: какое-нибудь предприятие, именовавшееся машиностроительным заводом, на самом деле. только собирало полученные из заграницы детали и ставило на машине свою марку. Число рабочих на таком заводе исчислялось, в лучшем случае, десятками. Специалисты, технические руководители предприятия, даже рабочие высокой квалификации присылались из заграницы.

В промышленности господствовал в то время принцип „свободной конкуренции". Европейские банки охотно оказывали кредит предпринимателям, которые по надлежащей всесторонней проверке оказывались кредитоспособными. Под видом помощи они опутывали своих клиентов тысячью нитей и ставили их в полную зависимость от себя. Фабрикант, кичившийся своей фирмой, оказывался попросту приказчиком одного из германских банков.

Это было по существу. А по внешности владелец предприятия казался солидным деловым человеком, самостоятельным и независимым.

Обогащение, нажива — вот что было основным стимулом деятельности этих людей. Вино и женщины—вот что было украшением и содержанием их жизни. Эти свойства вместе с ловкостью и предприимчивостью соединял в себе и Генрих Деттманн.

— Бабник и пьяница...— говорили о нем близко знавшие его рижские предприниматели.—Ну что ж! Так оно и должно быть: энергичному и деловому человеку как не позволить себе маленькую шалость? Для всего время найдется... — снисходили добрые соседи к чужим, а заодно и к своим слабостям.

Первый успех — оборудование городского театра—имел большое значение для Деттманна. С того времени он начал работать самостоятельно, рассчитывая на силы своей мастерской.

Вскоре засверкал огнями „Гевербеферайнзаль ин Рига" — зал ремесленного общества. Затем Деттманн установил электрическое освещение на ремесленно-промышленной выставке. Это было в 1883 году.

Почтенные краутеры, выросшие в капиталистов, держали в своих руках городское самоуправление в Риге. Деттманн был среди них своим человеком. И нет ничего удивительного в том, что Деттманну, оборудовавшему городской немецкий театр, осветившему зал ремесленного общества и павильоны ремесленно промышленной выставки, на этой же выставке „за усердие и крупные успехи" была присуждена медаль.

Деттманн не обольщался наградой. Он прекрасно понимал семейный ее характер: сегодня наградили его, а завтра

он вместе с другими наградят еще кого-нибудь. И тем не менее медаль доставила ему радость. Она словно закрепляла его позиции. На торговых бланках, в прейскурантах, на вывеске будущего завода,— рядом с фирмой будет красоваться медаль с гербом города Риги. Это неплохо! Не помешает... Обеспечено доверие заказчиков, кредит банков и поставщиков сырья...

★ ★ ★

Мелкие предприятия вырастали в заводы и фабрики. Цеховые мастера частью превращались в крупных хозяев. Первое время они сохраняли еще патриархальные традиции, и можно было наблюдать на семейном торжестве за столом у хозяина десятка три-четыре рабочих. Понемногу картина менялась. Место цехового подмастерья занимал фабричный рабочий.

Старые обычаи, сложившиеся в мастерских цеховых мастеров, переходили вместе с людьми в крупные предприятия, вытеснявшие ремесленников. То же четырехлетнее ученичество у мастера, те же подзатыльники. И только по окончании учебы ученик становился равным в рабочей семье. Чтобы получить знание подмастерья, он должен был выполнить пробную работу. Это был решающий момент в его жизни. „Пробу" обязательно надо было вспрыснуть. Товарищи ученика и подмастерья во главе с мастером нанимали извозчиков и направлялись в загородный ресторан.

В конце Александровской улицы, при в'езде в город, стояли старинные Александровские ворота. Кто знает, кто и когда их построил, ибо название получили они уже после долгих лет своего существования. За воротами начиналось Петербургское шоссе. С левой стороны шоссе, где впоследствии вырос вагоностроительный завод „Феникс", помещался ресторан Лерха под названием „Аркадия", с правой— „Эльдорадо". Здесь молодой человек держал вторую пробу: он должен был показать, что он уже мужчина: умеет выпить, не жалеет денег на угощение товарищей.

Таким же вспрыскиванием сопровождалось поступление на новую работу. Плохо приходилось тому, кто отказывался угостить товарищей. Ему не было житья на новом месте: мастер, товарищи по бригаде — все принимали меры, чтобы выжить новичка, и рано или поздно это им удавалось. Эти обычаи, занесенные, может быть, еще из средневековья, от первых цеховых мастерских, были перенесены и на крупные предприятия, одно за другим возникавшие в старой Риге.

Невдалеке от „Эльдорадо" в направлении станции „Александровские ворота" Риго-Псковской железной дороги, на

Рабочие, вернувшиеся из ссылки после Февральской революции.

участке земли, принадлежащем купцу Августу Форбеку, стояла небольшая фабрика сапожных гвоздей.

Двадцать девятого октября 1885 года купец Август Форбек внес на утверждение строительной комиссии при Рижском магистрате проект пристройки к фабрике одноэтажного каменного фабричного здания для производства кровельного толя при том же паровом двигателе и удлинения сарая для устройства котельного помещения.

Через два года земельный участок вместе с построенной на нем фабрикой был укреплен Рижским магистратом за торговым домом „Братья Камарины“ — владельцами фабрики свинцовых белил—на углу Суворовской и Перновской улиц, больше известной под названием „Фабрики смерти“.

В помещении фабрики стоял вечный свинцовый туман. Свинцовая пыль до того гибельно отражалась на организме рабочих, что там нельзя было проработать больше двух недель подряд, не рискуя жизнью. Никаких мер борьбы с ужасными условиями на производстве хозяева не принимали. Зачем им было тратить деньги на оборудование, когда за воротами завода стояли всегда наготове „саулес-брали“ *)— безработные, готовые две недели глотать свинцовую пыль, чтобы просуществовать затем некоторое время впроголодь, пока не удастся поступить опять на работу, может быть, на ту же „фабрику смерти“. Позже, когда стало развиваться рабочее движение и по Риге пошли гулять „черные списки“, к „саулес-брали“ присоединились рабочие, увольняемые с заводов за участие в забастовках. Их нигде не принимали, кроме „фабрики смерти“. Здесь не разбирали: что может сделать за какие-нибудь две недели самый лучший агитатор среди пестрых, меняющихся каждый день кадров работающих? Самое большее — это, уходя с работы, послать проклятие ненавистным владельцам „фабрики смерти“, ни во что ставящим здоровье и самую жизнь рабочего.

Двадцать второго января 1888 года тот же участок на Петербургском шоссе от братьев Камариных перешел во владение Генриха и Арнольда-Энгельберта Деттманнов.

Генрих Деттманн умел находить нужных ему людей. В новом деле это было особенно важно. Заказы росли, а специалистов электротехников в Риге не было.

Высокий светловолосый токарь Иоганн Паллас возился со своими конструкциями. Электрические машины, обладательницы скрытой, непонятной энергии, приковывали его внимание. Для Деттманна он был самым подходящим человеком. Серьезный, непьющий, интересующийся делом,— что

*) „Солнечные братья“. Так называли в Риге безработных, имевших печальную возможность непрерывного общения с солнцем.

может быть лучше для прозорливого, знающего толк в людях предпринимателя?

В тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году Фридрих Паллас проходил еще учебу у старшего брата на заводе Фельдзера, а спустя полтора года Иоганн Паллас встретился с Деттманном.

— Гер Паллас!— сказал Деттманн. — Я хочу предложить вам выгодное дело.

Паллас посмотрел на Деттманна своими светлыми спокойными глазами.

— Я хочу предложить вам место у себя на заводе,— продолжал Деттманн:— вы будете зарабатывать больше, чем у Фельдзера, и к тому еще вы сделаете блестящую карьеру. Электротехника—дело новое, и толковый человек, каким являетесь вы, много может успеть... Что же, вы согласны?

Электричество давно не давало покоя Палласу. Не будет преувеличением сказать, что он только и ждал такого приглашения, можно сказать, мечтал о нем, и потому он коротко ответил:

— Согласен.

В механической мастерской Деттманна была тогда всего какая-нибудь пара станков. Маслобойни, лесопильни, частные дома — такова была в первое время клиентура Деттманна. За одним из станков стал токарь Иоганн Паллас. Дело пошло веселее.

Деттманн был щедр на обещания. На деле оказалось не совсем так. „Щедрый“ хозяин назначил Палласу за одиннадцать часов ежедневной работы всего двенадцать рублей в неделю. Вместе с аккордными работами это составило в первую получку ноября 28 рублей 36 копеек. Во вторую получку Палласу причиталось 22 руб. 16 копеек, но он получил ровно двадцать два рубля; чья-то бухгалтерская рука, подводя баланс, округлила сумму, переделав 53 копейки за аккордную работу на 37, и 16 копеек остались в кассе „Русско-Балтийского Электротехнического завода“. Таким образом, месячный заработок Палласа вместе с приработком составлял рублей 50. Это была самая высокая плата для рабочих завода Деттманна. Якобсон, опытный монтер, зарабатывал и того меньше. Младший монтер Фогель получал в месяц рублей двадцать. Столяр Годе — рублей до тридцати пяти. Плотник Драбше еще меньше. Что уж говорить об учениках! Евгений Виш, Оскар Беразинг, Альфред Литтеманн, Иоганн Вильцин и Гринфельд за шестьдесят шесть часов еженедельного труда получали всего по пятидесяти копеек. Казалось бы, что может быть меньше одной копейки в час, при общепринятой часовой оплате, но и с этой жалкой суммы хозяин, „отец и благо-

детель", путем того же округления умудрялся снимать каждую неделю по шестнадцати копеек.

Деттманн не ошибся в своих расчетах: Иоганн Паллас был для него ценнейшим человеком. Каждая новая машина увлекала любознательного толкового токаря. Не было такого поручения, которое заставило бы его призадуматься. С июля 1890 года Паллас был уже назначен „веркфюрер" — заведующим производственной частью. Это было связано с некоторым повышением оклада. Теперь Паллас получал шестьдесят рублей в месяц. Это была высшая ставка на „Русско-Балтийском Электротехническом заводе". Правда, предшественник Палласа Эльцен добился повышения до семидесяти пяти рублей в месяц и, кроме того, получил гратификацию *) в сумме двадцати пяти рублей. Но, кто знает, может быть, это и послужило причиной его ухода. Паллас был скромнее: каждый месяц в графе „кредита" его личного счета неизменно фигурировала одна и та же цифра.

Дело росло. Деттманн часто ездил по делам заграницу: закупал материалы, договаривался о необходимых для выполнения заказов кредитах. И каждый раз перед его от'ездом в квартире Иоганна Палласа появлялась подвижная приземистая фигура хозяина.

Иоганн Паллас не пил, но для почтенного гостя у жены его в буфете всегда была припасена бутылочка, и рюмка хорошего вина облегчала распорядительному хозяину преподание инструкций остающемуся на время его отсутствия главным лицом на заводе Палласу.

Иоганн Паллас был правой рукой Деттманна. Это было удивительное сочетание: толстяк Деттманн, добывающий кредиты, материалы и заказы — типичный рыцарь наживы,— и сосредоточенный, ушедший в себя, молчаливый токарь Паллас, которому спать не давал неугомонный гений выдумки. Не зная отдыха, он вечно корпел над своими конструкциями, как ребенок, радовался каждой новой машине, новой электрической установке.

Стол от ножной швейной машины с вертящимся колесом Иоганн Паллас приспособил под станок и по вечерам, придя с завода, подолгу возился за ним. Трудно было оторвать его от этой работы.

— Иди, Иоганн, кофе простынет! — звала его жена ужинать.

— Сейчас, сейчас! — отвечал Паллас и неизменно выпивал кофе уже холодным.

Заграницу Деттманн ездил часто. И когда он возвращался, в мастерских чувствовалось оживление. Подбавлялось материалов, появлялись новые солидные заказы.

---

*) Вознаграждение.

Получалось впечатление, что настоящий хозяин завода не здесь, на Петербургском шоссе, а где-то там, заграницей, а Генрих Деттманн—только уполномоченный его, доверенный его фирмы по делам в Риге.

Когда Деттманн уезжал, Иоганн Паллас оставался полным хозяином, ходил по мастерским, распоряжался.

А хозяйство было немалое. Дом Деттманна в немецком стиле, выкрашенный в серую краску, выходил к Петербургскому шоссе. За домом был раскинут аккуратный небольшой садик. Из ворот длинный узкий двор вдоль забора, отгораживавшего сад, вел в обширный двор, где был расположен завод.

Вместе с Деттманном в усадьбу на Петербургском шоссе пришли каменщики и плотники. Плотник Ратнек пришел даже раньше—в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году, работал на постройках у Форбека и дождался Деттманна. С тех пор началась для строителей горячая пора. Фабрика сапожных гвоздей, а затем кровельного толя должна была превратиться в завод электрических принадлежностей.

Денег у Деттманна было мало. Но ждать нельзя было,—дело не стояло на месте. Первое время он производил небольшие работы по внутреннему оборудованию. Установил станки. Набрал рабочих. Вблизи станции „Александровские ворота" вырос „Русско-Балтийский завод электрической аппаратуры".

По существу, завод мало чем отличался от мастерской в городе. Но Деттманн уже видел будущие пристройки, новые корпуса, которые должны были на этом месте вырасти. Ведь пока, в старом здании, можно было только собирать полученные из заграницы машины и, сбив заграничную марку, вывести большими буквами на станине полукругом: „Русско-Балтийский Электротехнический завод в Риге".

Но это еще не делало погоды. Тем более, что пошлины на металлические изделия росли, и надо было от сборки по чертежам привезенных из заграницы деталей переходить к производству машин по тем же заграничным чертежам собственными силами. Пришлось строить свою меднолитейную. Четвертого апреля 1890 года купец Генрих Деттманн подал в строительную комиссию Рижского магистрата проект сооружения фабричного здания для устройства литейной и формовочной.

Видно, частые поездки заграницу подкрепляли ресурсы предприимчивого фабриканта. Он беспрерывно строился, пристраивал, перестраивал. И вместе с расширением завода росла и крепла уверенность его в своих силах.

По мере того, как росло дело и богател Генрих Деттманн, росло благоговение перед ним семьи токаря Иоганна Палласа. Хозяин, по твердому убеждению жены Палласа,

вывел мужа в люди и даже хотел послать его заграницу учиться. По этому поводу между ними происходил, примерно, такой разговор:

— Гер Паллас!

— Я вас слушаю, гер Деттманн!

— Знаете, что мне пришло в голову?

— Не могу знать, гер Деттманн!

— Мне пришло в голову, что из токаря Иоганна Палласа вышел бы совсем неплохой инженер-электрик.

— Весьма возможно, гер Деттманн.

— Но для этого вам необходимо поехать учиться в Берлин.

— Вполне понятно, гер Деттманн.

— Вы знаете, дело мое выросло. Мне нужны технически образованные руководители. Вот я и думаю отправить вас заграницу.

— Как вам будет угодно, гер Деттманн.

— Конечно, при первой возможности...

Время шло, а возможность все не представлялась. От времени до времени разговоры эти в разных вариациях повторялись, и, по странной случайности, как раз тогда, когда Иоганну Палласу, к тому времени уже шефу монтеров, поручалось особо трудное и ответственное дело, иногда связанное с длительной отлучкой из города.

Генрих Деттманн был подлинным представителем своего класса. Правда, он не склонен был к откровенно-грубым методам эксплоатации, которые он считал признаком культурной отсталости. Но зато он знал другие, более действительные средства. Он умел задобрить, обласкать, обнадежить, пообещать что угодно — золотые горы, чтобы легче покорить человека, сделать его своим послушным орудием. Обещания можно и не выполнить--обещание не вексель: в суд не потянут; когда нужный человек будет использован до конца, можно от него освободиться, для приличия отделавшись необременительной для дела подачкой. Эти методы, усвоенные и проверенные им в оптической мастерской на Герренштрассе, Деттманн целиком перенес на завод.

* * *

Всякий раз по возвращении из командировки Паллас находил изменения. Он ходил по мастерским, останавливался у станков. Все привлекало его внимание, заставляло его удивляться. Казалось, все происходило на его глазах, и, однако же, как быстро рос завод... Он вспоминал, как поступил к Деттманну в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году. Тогда это был маленький заводик электрических принадлежностей. Два токарных станка с трудом поспевали изготовлять приспособления для привозимых

ХЭМЗШ. Демонстрация в день 1 мая 1917 г.

из заграницы динамомашин. Это было все, что можно было делать при том жалком оборудовании, которым располагал в то время Деттманн. Но за несколько лет завод расширился, вырос. Сейчас уже было пять токарных станков, своя литейная для изготовления медных деталей.

Первого января тысяча восемьсот девяносто третьего года в жизни „Русско-Балтийского электротехнического завода“ произошло событие большой важности. В этот день завод приобрел в собственность два патента на изготовление динамомашин новой конструкции.

Самое изобретение произошло раньше. Еще шестнадцатого октября тысяча восемьсот восемьдесят девятого года был выдан патент № 11534 на идею волнообразной обмотки, а двадцать девятого мая тысяча восемьсот девяносто второго года—второй патент за № 6535—на построение тихоходных динамомашин с колесообразным якорем.

Имя изобретателя, впервые сконструировавшего динамомашину в технически отсталой императорской России, вскоре было забыто. Кому нужно было это имя? Кого интересовал человек, не имевший никаких средств, никаких возможностей для применения своей конструкции на практике?

Генрих Деттманн не был изобретателем электрических, да и каких бы то ни было иных машин. Но зато Генрих Деттманн был достаточно изобретателен по части овладения и использования чужих мыслей и открытий. Да к тому же у него были все возможности для применения новой конструкции на практике. Правда, его завод был еще небольшим предприятием, но все же он имел свою кузницу, свою литейную. Он располагал несколькими десятками человек, работавших в мастерских его завода, и группой опытных монтеров, во главе с шефом монтеров Иоганном Палласом, человеком, на которого он мог положиться, как на самого себя. К тому же Деттманн располагал тем, чего не имел изобретатель тихоходной динамомашины с колесообразным якорем и волнообразной обмоткой,—Деттманн имел деньги и кредит в русских и заграничных банках, а это давало ему возможность с небольшими затратами сделать чужое изобретение своей собственностью с такой же легкостью, с какой он делал своим послушным орудием обманутых им людей.

Собственная конструкция давала сильнейший толчок развитию завода. Новая машина была запатентована в Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии, Австро-Венгрии, Соединенных Штатах Северной Америки, Англии, Швейцарии и Дании. Никто во всем мире не имел права изготовлять тихоходную динамомашину с колесообразным якорем и волнообразной обмоткой системы „Русско-Балтийского электротехнического завода в Риге“.

Мечты Деттманна сбывались. Веселый толстяк, чревоугодник, больше всего в жизни думавший о себе, о своей фрау Деттманн и детях, обставивший себя всеми удобствами в доме со службами на Петербургском шоссе № 19, на окраине Риги, становился важной персоной. Машины его завода должны были пойти на мировой рынок. Из ловкого дельца, умеющего наживать состояние на сборке и продаже иностранных машин, Деттманн станет крупным промышленником, делящим владычество на мировых рынках с крупнейшими электротехническими фирмами. Отныне он не станет уже униженно кланяться в поисках кредита перед иностранными банкирами и заводчиками. Напротив, он сам будет диктовать им свою волю...—Так думал Деттманн.

Он сам ходил по заводу, наблюдал за работой, отдавал распоряжения мастерам, следил за отправкой заказчикам машин и аппаратуры и думал о том, как все это разрастется, как будут суетиться сотни и тысячи людей, выполняя его волю—волю купца и фабриканта Генриха Деттманна, как именовался он в строительных проектах, то и дело представляемых им в строительную комиссию при Рижском магистрате.

В тысяча восемьсот девяносто четвертом году Деттманн выпустил на прекрасной бумаге об'емистый проспект своих машин и аппаратуры. Плотная зеленая художественная обложка с изображенными на ней медалями и названием фирмы вызывала представление о большом заводе, но гравированное изображение на первой странице до смешного не гармонировало с общим впечатлением. В расположенном горизонтально яйцеобразном овале было изображено несколько домиков, и только длинные хвосты дымовых труб должны были свидетельствовать о грандиозности производственных процессов, совершавшихся внутри.

Но стоило войти внутрь, и грандиозные представления рассеивались, как дым. Пять токарных станков—это было совсем немного для мирового рынка... Разделение труда было проведено слабо. Слесарь, собиравший электрические машины, сам ставил катушки, сам обтачивал шкивы, сам строгал и сверлил. Большая часть из этих операций производилась вручную. Ручное сверло приводилось в действие натягиванием обыкновенной пеньковой веревки, о которой до сих пор еще вспоминают старейшие кадровики завода.

Нельзя сказать, чтобы Деттманн не видел этого и не учитывал должным образом. Но он не унывал. Он верил, что все это не надолго, что скоро его завод вырастет и догонит крупнейшие заводы Германии.

Над овалом была фирма, а вплотную к нему примыкала рамка с надписью на немецком языке: „Специальность—**динамомашины**".

Главное место в проспекте было уделено подробному описанию новой конструкции и наставлениям, как ею пользоваться, как обеспечить чистоту помещения, предотвратить порчу машины от внешних влияний, как смазывать и чистить. Описание было дано на немецком и русском языках и снабжено рисунками и таблицами чертежей.

Тут же в проспекте была помещена фотография, изображавшая электрическую станцию с четырьмя такими же динамомашинами общей мощностью в шестьсот двадцать лошадиных сил. Дальше был приведен перечень электрических установок до момента выпуска проспекта, всего сто десять установок в различных городах, на предприятиях, в магазинах и частных домах.

Еще дальше — таблицы с изображением и описанием электрической аппаратуры. Здесь были: лампы накаливания и оправы для них, штепселя и кнопки, грушевидные металлические и деревянные выключатели с украшениями, выключатели на камне, коммутаторы, однополюсные выключатели с рычагом, сейчас называемые рубильниками, патроны Эдиссона, полный ассортимент для работы „Зибеню-Фрицис — „Фрица-Молнии".

Здесь были измерительные приборы: вольтметры, амперметры, гальваноскопы, морские вольтметры для кораблей, автоматические регуляторы напряжения, предохранители, коммутационные доски, дуговые лампы и реостаты, чугунные столбы для дуговых ламп, кронштейны и люстры, под'емные приборы, угли, стеклянные абажуры, тюльпаны и отражатели, арматурные части для ламп, бра и подвесы, стоячая арматура для ламп, установочный материал, провода для электрического освещения, кабели, аппараты для аккумуляторов, самые аккумуляторы.

Конечно, далеко не все это изготовлялось на „Русско-Балтийском электротехническом заводе", но все решительно брался доставить заказчику по первому требованию завод.

И в конце проспекта, чтобы не оставить уже никаких сомнений в том, что, связавшись с заводом, не придется ни о чем беспокоиться, приводились рисунки паровых машин „Вестингауз-Стендарт" и „Вестингауз-Компаунд". И паровой двигатель для электрических установок готов доставить завод по первому требованию своему клиенту...

★ ★ ★

Когда слесарь Пауль Ленерт ушел с завода Рихарда Поле и поступил к Деттманну, „Русско-Балтийский электротехнический завод" был в периоде самого быстрого роста. Стали делать крупные машины, установили динамомашину на „Балтийском вагоностроительном заводе", две динамо-

машины по сто пятьдесят киловатт на фабрике резиновых изделий „Проводник“ и на заводе бывшем Фельдзера.

Вскоре после поступления к Деттманну Паулю Ленерту представился случай применить свой опыт, приобретенный еще у Рихарда Поле. Динамомашины приводились в действие керосиновыми двигателями. Эти двигатели получались из за границы, и на „Русско-Балтийском электротехническом заводе“ не умели еще подходить к ним, как они того требовали. Старый механик долго возился, стремясь пустить двигатель, но так ничего и не добился.

В первый раз Ленерта позвали к хозяину. Он немного смутился от неожиданности, не понимая, зачем он понадобился Деттманну. Деттманн смерил его взглядом с ног до головы — Паулю было тогда всего двадцать три года — и сразу определил, что Ленерт принадлежит к разряду тех людей, которые ему полезны, и из которых он может выжать все, что ему нужно, без особых затрат и без всякого риска с его стороны. Прищурив глаза, он сказал:

— Ленерт, говорят, что вы умеете обращаться с двигателями. Это правда?

— Конечно, гер Деттманн, — оживившись и почему-то покраснев, ответил Ленерт, — ведь я имел с ними дело у Рихарда Поле...

— Прекрасно,—с удовлетворением заметил Деттманн,— тогда вы для нас—настоящий клад: ведь мы уже думали выписывать специалиста из заграницы. Ну-ка, покажите свое искусство! Если удастся, мы вам этого не забудем... Примитесь за дело, работайте, если понадобится, день и ночь: мы вас не обидим. Только бы был результат...

Ленерт принялся за работу. Дело было в понедельник. Ленерт разобрал двигатель, тщательно почистил отдельные части, вновь составил и пустил. Двигатель работал выше всякой похвалы. Ленерт недоумевал, почему с ним так долго и безрезультатно возились... В субботу дело было закончено, и Ленерт, никому не сказав ни слова, ушел домой.

В понедельник, когда он пришел на работу, шеф испытательной станции Максгаузен вызвал его:

— Послушайте, Ленерт, герр Деттманн вами очень недоволен,—вкладывая в свои слова все их значение, сказал он:—с вами договорились, что вы не оставите работы, пока не приведете в действие двигателя. Неужели вы не понимаете, что могли погулять в другой день? Или ваш пастор запрещает вам работать по воскресеньям?.. Гер Деттманн пришел вчера в мастерскую, чтобы посмотреть, как идет у вас дело, и не нашел вас на месте...

Намеки Максгаузена были более чем прозрачны: Ленерт не выполнил обещания, не оправдал надежд хозяина, и значит... ничего хорошего ожидать не приходится.

— Но, гер Максгаузен,—ответил Ленерт,—я совершенно не понимаю, чем я подал повод к недовольству... Я кончил свою работу и ушел домой. Разве мне еще что-нибудь было поручено? Но тогда извините, я не имел об этом представления...

— Двигатель пошел в ход? – нетерпеливо бросил в ответ Максгаузен.

— Конечно, гер Максгаузен, — удивляясь, что его об этом спрашивают, ответил Ленерт,—иначе я не закончил бы в субботу и работал бы еще и в воскресенье.

— Чего же вы молчите?—рассмеялся Максгаузен.—Ведь в этом все дело...—И Максгаузен бросился к Деттманну.

Спустя несколько минут Деттманн вместе с Максгаузеном и Ленертом осматривали двигатель. По требованию Деттманна Ленерт пустил его в ход. Двигатель работал прекрасно.

— Ну, молодой человек,—сказал Деттманн,—вы показали себя хорошим, полезным работником. Генрих Деттманн очень ценит хороших мастеров: примите от меня этот маленький подарок,—протянул он Ленерту пять рублей,— а деньги за проработанные сверхурочные часы получите в конторе.

Ленерт поблагодарил хозяина. Его радовали деньги, но еще больше радовало, что его знание и опыт, повидимому, оценили по достоинству на новой месте. Кто знает, сколько раз вернулись эти пять рублей, записанные в дебет личного счета Ленерта, как „поощрение", в кассу „щедрого" хозяина!

Дела Деттманна шли неплохо. Успех подталкивал в спину и без того подвижного предприимчивого оптика. Он проводил время в раз'ездах. Ездил заграницу за материалами, и у него их был достаточный запас. Он не жалел высококачественной меди на коллекторы для своих машин — ведь затраты с лихвой окупались за счет заказчиков,—и машины часто превосходили указанную мощность и долго работали без ремонта. Он ездил по России и заводил новые деловые связи, новую клиентуру. В условиях так называемой „свободной конкуренции" это была необходимая функция для успеха капиталистического предприятия.

В технические вопросы Деттманн вникал мало. Он умел подбирать людей: люди конструировали и делали машины. Если эти машины были хорошего качества, их легче было сбывать. Если машины были неудачны... ну, что же, без этого нельзя... У Деттманна достаточно „делового опыта", чтобы повысить их качество в глазах клиента, хотя бы ценой понижения критических способностей у последнего. Для этого в старой Риге было достаточно средств.

Машины постоянного тока в двести пятьдесят киловатт

ХЭМЗШ Митинг на заводе 14 августа 1917 г.

для морского ведомства, неудачно сконструированные инженером Гагеманом, были из рук вон плохи. Подшипники быстро нагревались, и машины часто выходили из строя. Но Деттманн умел сдавать продукцию своего завода.

Приемщиков морского ведомства, прибывших в Ригу, на вокзале встретил гостеприимный толстяк Деттманн, который повез их в своем экипаже, запряженном хорошей парой лошадей, прямо в отель „де-Ром“, против немецкого театра. Там они сели за обед, и следовавшие одно за другим блюда, увлажняемые лучшими винами, заставили их забыть о цели приезда. Не успев отдохнуть от обеда, они сели за ужин. Чем занимались после ужина верные слуги его величества, неизвестно, но когда они на утро, не выспавшиеся после обильных возлияний, с тяжелой головой приехали на завод принимать машины, руки не слушались их. Как можно было усумниться в качестве машин после такого радушного приема? Оставалась небольшая формальность: надо было поставить клеймо на машинах.

— На, ставь!—заплетающимся языком сказал представитель морского ведомства Паулю Ленерту, слесарю, собиравшему машины.

И Пауль Ленерт, поощряемый хозяином, взял в руки клеймо и молоток и засвидетельствовал ими пригодность недоброкачественных машин для судов военного флота его императорского величества.

Представители морского ведомства, выполнив с честью свои обязанности, сели в экипаж и в сопровождении любезного хозяина направились обратно в отель „де-Ром“ — завтракать.

Что было делать механикам морских судов флота его величества? Им оставалось только посылать недвусмысленные „приветствия“ по адресу конструктора негодных машин, владельца завода и господ офицеров.

Был случай, когда внимание со стороны Деттманна сослужило Ленерту службу. Однажды при расчете табельщик, заметив, что Ленерт неплохо заработал, тут же снизил расценку.

— Что вы делаете? — закричал Ленерт. — Ведь это мои заработанные деньги! Мой кровный труд... Если я работаю лучше, так ведь это моя прибыль, моя награда. Зачем вы накладываете руку на мой труд?

И Пауль Ленерт пошел к Деттманну жаловаться. Он волновался, не сумел все рассказать, как приготовился по дороге. Деттманн слушал, склонив голову, не глядя на него, чтобы не увеличивать его смущенного состояния. Казалось, он обдумывал, как ему поступить в данном случае. Пауль Ленерт принадлежал к числу людей, которыми Деттманн дорожил. На него в случае затруднений можно было опе-

реться. Ленерт ему предан. Табельщик перестарался, и на это ему надо указать. Когда Пауль кончил, заикнувшись на полуслове, он посмотрел ему прямо в глаза и спокойно сказал, отчеканивая каждое слово:

— Не волнуйтесь, молодой человек, я вашего не хочу: идите и пришлите сюда сейчас же табельщика.

Ленерт вернулся в мастерскую и с видом победителя, заранее предвкушающего свое торжество, склонив голову набок и, прекомично жестикулируя, сказал:

— Прошу вас, гер табельщик, гер Деттманн требует вас к себе.

Когда табельщик вошел, Деттманн, сидевший за письменным столом, велел ему плотно закрыть дверь.

Разговор продолжался довольно долго. И к концу его табельщик полностью усвоил „золотое правило" хозяйского подхода к рабочим: срывать, не стесняясь, можно с тех, кого легко заменить в случае ухода стоящими наготове за воротами. С таких рабочих, как Ленерт, надо снимать осторожно, незаметно, так, чтобы это не портило их отношений с хозяином.

Деттманн не ошибался в своих расчетах. Рабочие, вчерашние цеховые подмастерья, исполняли все требования хозяина. Когда нужно было выполнить срочный заказ, они работали целые ночи напролет.

★★★

„Патриархальным" отношениям, простиравшимся, конечно, лишь на высших квалифицированных рабочих, рано или поздно должен был наступить конец. С одной стороны, ухудшались дела Деттманна. Германские фирмы имели уже в Риге и в других крупных городах России своих представителей, сбывавших на русском рынке, может быть, не всегда добротные по качеству, сделанные с экономией дорогого металла, но зато более дешевые машины, к тому же на условиях самого широкого кредита. Деттманн не мог в такой же мере кредитовать своих клиентов. Ему нехватало для этого оборотных средств. Чем сильнее была конкуренция, тем больше ощущал этот недостаток в средствах Деттманн. Ему нехватало уже денег не только для того, чтобы давать своим рабочим для „поощрения" пятерки на чай, но и для выплаты причитающегося им заработка. И в дни получки случалось подолгу ожидать после работы, пока Деттманн с бухгалтером Рейнеке принесут с Кауфштрассе, из магазина оптических принадлежностей, не менее нужные и там для оборота деньги.

Это не всегда удавалось. Арнольд-Энгельберт Деттманн еще в тысяча восемьсот девяносто третьем году уехал из

Риги. Рижский ли климат не понравился ему, или ему трудно было ладить с братом Генрихом, не любившим делить с кем бы то ни было барыши, но с 1893 года земельный участок на Петербургском шоссе № 19 и оптический магазин на Кауфштрассе, куда он перешел вместе с мастерской из прежнего помещения, остались в единоличном владении Генриха Деттманна. Магазином заведывал младший брат, добродушный толстяк Пауль, в противоположность Арнольду быстро акклиматизировавшийся в Риге, живший в свое удовольствие и своим легкомысленным отношением к делу доставлявший немало хлопот старшему брату Генриху.

С другой стороны, пришли новые времена. Рабочие были уже не те. В те годи в Риге были довольно широкие по тому времени круги революционной интеллигенции, группировавшиеся вокруг легальной газеты „Дейнас-Лапа“ и руководимые такими крупными впоследствии деятелями-марксистами, как Стучка, Янсон-Браун и другие. Кружки об'единялись под общим названием „Яуна-Страва“ („Новое течение“) и состояли, главным образом, из студентов, учителей, гимназистов и реалистов и частью из сознательных рабочих. По воскресеньям в зале Малого Верманского парка, в клубах культурно-просветительных обществ „Аусеклис“, „Ионатан“ и других устраивались „вечера вопросов“ на социально-политические темы, охотно посещаемые членами обществ, рабочими рижских заводов. В Риге по крупным заводам медленно нарастало рабочее движение. Мастер-хозяин, „отец и благодетель“, уходил в прошлое. По мере того, как наиболее крупные мастерские превращались в небольшие фабрики, а мастер становился фабрикантом и втягивался в полный борьбы и конкуренции рынок, он терял связь с прежними своими рабочими и приучался смотреть на них, как на рабочую силу, которую при случае не мешает заменить более дешевой и более послушной, а пока надо заставлять работать побольше и подешевле. Трудно было при таких условиях рассчитывать на добропорядочность, на совесть хозяина. Рабочие приучались к сознанию, что надо зорко следить, как бы хозяин не содрал лишнюю копейку, прислушивались к тому, каков заработок на других заводах.

Волна забастовочного движения, прокатившаяся в середине девятидесятых годов по крупнейшим промышленным центрам царской России, доплеснула и до Риги. В 1896 году на пробочной фабрике Кригсмана вспыхнула забастовка.

Может быть, волна забастовочного движения обошла бы небольшой завод на Петербургском шоссе. Но там была группа рабочих, особенно живая и подвижная. Это были монтеры. Их то и дело перебрасывали с одного конца города на другой, с предприятия на предприятие. Они всюду

Красногвардейцы ХЭМЗШ (б. ВЭК).

поспевали, эти „Зибеню-Фрицис“, все разузнавали и, конечно, из всего делали для себя соответствующие выводы.

В числе монтеров был и Якобсон, работавший у Деттманна с основания завода, и шурин Иоганна Палласа, брат его жены, слесарь Иоганн Аустрин. Средний заработок монтеров достигал девяноста копеек в день. Деттманн не довольствовался тем, что поручил руководство работами на „Фениксе“ своему шефу монтеров Палласу, и сам от времени до времени приходил на завод, наблюдал за ходом монтажа. Однажды утром Иоганн Паллас, приходивший обычно раньше всех, был порядком изумлен поведением монтеров. Вместо того, чтобы приступить к работе, они собрались в кружок, стали закуривать и, как ни в чем не бывало, перекидываться ничего не значащими фразами о качестве папирос, о том, кто сколько выкуривает в день...

— В чем дело?—подойдя, спросил Паллас. — Почему вы не работаете?

— Гер Паллас,— сказал один из монтеров, — мы полагаем, что мы ничуть не хуже других.

— Ну, конечно, не хуже! Но какое это имеет отношение к делу?

— А такое, гер Паллас, что мы несогласны работать на прежних условиях. Прибавьте нам по три копейки в час, и мы станем на работу.

— Но ведь я не хозяин...—ответил озадаченный Паллас.

— Как я могу вам прибавить?

— Тогда передайте это геру Деттманну!

Паллас вышел из ворот „Феникса“, перешел через улицу и, пройдя мимо дома Деттманна, вошел в контору. Деттманн был уже там.

— В чем дело, гер Паллас? — спросил он, удивленный ранним посещением Палласа.

— Гер Деттманн,— развел Паллас руками,—я должен вас огорчить: — монтеры отказались работать и требуют прибавки трех копеек в час.

— Как?—вскочил с места Деттманн. — Они недовольны своим заработком? Требуют прибавки? Выходит, что я еще плохой хозяин... или, может быть, я богаче других?

— Гер Деттманн! Они говорят, что на „Фениксе“ слесаря зарабатывают на сдельной работе по два рубля пятьдесят, по три рубля в день.

— На „Фениксе“? А вы не спросили их, где был „Феникс“, когда я дал им работу и хлеб, и что б они делали до тысяча восемьсот девяносто пятого года: ждали бы на улице, пока откроется „Феникс“? Идите, гер Паллас, и велите им приступить к работе: я не могу им прибавить ни одной копейки.

Паллас вышел из конторы.

„В сущности,—думал он,—Деттманн неправ: что такое лишних три копейки в час на человека? Деттманн не обеднеет от этого, а монтеры будут довольны прибавкой, и работа пойдет быстрее. Пожалуй, Деттманн еще выиграл бы от этого".

Но сказать это Деттманну Паллас не осмелился. И, вернувшись на „Феникс", передал монтерам:

— Гер Деттманн отказался дать вам прибавку и велел приступить к работе на прежних условиях.

— Отказался? Велел приступить к работе?..—загудели монтеры.—Ну-ка, пойдем к нему! Неужели он нас так дешево ценит?

Когда монтеры вошли к Деттманну, он, не вставая с места, поднял на них глаза, в которые стремился ворваться гнев, и, словно не зная, в чем дело, спросил:

— Что такое? Почему я вас вижу здесь, а не на месте вашей работы?

— Гер Деттманн,—сказал один из рабочих,—гер Паллас передал уже вам, что мы просим прибавить три копейки... Вы сами знаете, жизнь дорога... работаем мы хорошо. Вы никогда не выражали недовольства нашей работой...

Деттманн смотрел на монтеров и думал о том, что выгоднее: отказать категорически в прибавке означало озлобить против себя рабочих, что вряд ли хорошо отзовется на деле. Если они и сдадутся сегодня, то завтра и в ближайшие дни поодиночке уйдут на „Феникс" или на другой завод: ведь хорошие слесаря нужны всюду. Где взять новых людей? Пожалуй, он рискует на некоторое время остаться без монтеров... И это теперь, при выполнении срочного заказа! Пойти на уступки, дать незначительную прибавку—это значило сохранить свой авторитет среди рабочих и предотвратить возможность повторения таких неприятных разговоров в будущем. И Деттманн остановился на последнем. Он прибавил копейку, и монтеры, прогуляв час, стали на работу.

Трудно себе представить возмущение Деттманна, когда спустя всего три месяца монтеры опять пришли к нему в контору и потребовали прибавить три копейки в час. Деттманн почувствовал приближение чего-то нового. „Если это явление будет повторяться, с ним придется повести организованную борьбу"...—подумал он. Он изощрялся в красноречии, убеждал, доказывал, что ему грозит разорение от непомерных требований рабочих. Наконец, волновался, кричал... Но все было напрасно. Монтеры в один голос утверждали, что на прежних условиях работать не могут. И опять ссылались на „Феникс". Истощив все свое красноречие, Деттманн с налившейся кровью апоплексической шеей опустился в кресло и согласился набавить копейку в час. Когда монтеры вышли, Деттманн посидел с

минуту неподвижно, о чем-то раздумывая, затем снял с письма тяжелое пресспапье, крепко стиснул в руке и, наконец, положив его у чернильного прибора, продолжал писать.

★ ★ ★

После одного из очередных разговоров с Палласом о командировке заграницу Деттманн перешел к главной теме.

— Гер Паллас! - сказал он после небольшой паузы.

— Я вас слушаю, гер Деттманн!

— Нам предстоит серьезная работа...

Деттманн устремил взгляд на Палласа. Тот слушал, с почтительной готовностью склонив голову.

— Мы взяли подряд на электрическое оборудование строительства военного и коммерческого порта в Либаве. Работаем мы там, как вы знаете, уже не впервые. Сейчас идет речь о расширении, о большом масштабе работ. Вы понимаете значение этой работы для нашей фирмы?

— Понимаю, гер Деттманн.

— Так вот, вы, конечно, понимаете, что никому, кроме вас, я этого поручить не могу. Вам придется поехать с группой рабочих и выполнить эту задачу.

— Слушаю, гер Деттманн!

Деттманн знал, что слово Иоганна Палласа так же точно, как устанавливаемые им машины. И потому он был совершенно спокоен.

На строительстве порта в Либаве работал и младший брат Иоганна Палласа Фридрих. Развернувшиеся работы производили сильное впечатление на обоих братьев. И в самом деле, масштаб работ был грандиозен. Надо было соорудить мол. Для этого огромные глыбы камня опускались в пасть камнедробилки, которую на стройке называли „нускнаккер" *). Захватываемые стальными челюстями, они с грохотом разгрызались на части и выбрасывались в виде мелкого щебня. Издали можно было подумать, что на стройку забежал из лесу огромный кабан и оглашает всю площадку строительства громким хрюканьем.

Фирма Деттманна не только взяла на себя поставку и монтаж электрического оборудования, но и руководство всеми работами, связанными с применением электрической энергии. Иоганн Паллас с утра до вечера проводил на стройке, руководил работами, давал указания и советы в затруднительных случаях. Все энергетическое хозяйство на огромном строительстве Либавского порта велось под его руководством и наблюдением. Он жил и дышал им. Когда он видел, как мощный кран подымает на воздух бетонный массив величиной в комнатку, в которой жил Паллас в Ли-

*) Щипцы для орехов.

баве, чтобы погрузить его в шаланду, ему казалось, что это не рычаг крана, а его протянутая, удлиненная рука подымает огромную тяжесть.

И все же он мечтал уже о большем: теперь, когда он вернется в Ригу, Деттманн, наверно, найдет возможным отправить его заграницу учиться.

Работы продолжались около двух лет. Когда Иоганн Паллас вернулся в Ригу, Деттманн радушно встретил его и, перекинувшись с ним парой фраз, касавшихся его здоровья и условий путешествия из Либавы, сделал небольшую паузу и перешел к главной теме.

— Гер Паллас,—сказал он,—я имею вам нечто предложить.

„Командировка в Берлин"...—обрадовался Паллас и стал уже думать о том, как сказать жене о неизбежном вторичном от'езде.

— В ваше отсутствие,—продолжал Деттманн,—мне было очень трудно обходиться без руководителя монтажными работами, и я вынужден был предложить должность шефа монтеров геру Максгаузену.— Деттманн сделал паузу и наблюдал впечатление, которое произвели его слова на Палласа. Но в глазах Палласа он не прочел ничего и потому продолжал:—Я был уверен, что вы не станете возражать... Двухлетняя работа в Либавском порту, вдали от дома, без заботливого ухода со стороны жены вас, наверно, порядком утомила, и вам полезно будет перейти на более спокойную работу. Я хотел предложить вам место заведующего складом.

Деттманн не ошибся: ненормальный образ жизни, напряженный труд, плохое питание в ресторане — все это плохо повлияло на Палласа, привыкшего к домашнему столу и внимательному уходу. Но ведь с его прежней работой были связаны все его мечты: разве Деттманн не обещал послать его заграницу? И потом: ему с его опытом и знаниями заведывать складом!..

Если бы на его месте был младший брат Фридрих, разговор принял бы такой оборот:

— Данке зеер! *) —сказал бы с легкой улыбкой Фридрих.

— Битте шен! **) — вежливо ответил бы Деттманн.

— Ауфвидерзеен! ***) — сказал бы, сняв шляпу, Фридрих.

И это был бы последний их разговор.

Но не таков был Иоганн Паллас. Ему очень не хотелось совсем порывать с заводом. За годы своей работы он успел порядком к нему привыкнуть. Уйти обратно к Фельдзеру или еще куда-нибудь у него не было никакого желания. Годы его детства, домашнее воспитание, ученичество на заводе приучили его к покорности.

---

*) Очень благодарен! **) Пожалуйста! ***) До свиданья!

„Что же,—подумал он,—не мы распоряжаемся в жизни. Это—дело сильных мира сего"...

Паллас прекрасно понимал, что во всем этом деле немалую роль должна была сыграть фрау Деттманн, которой Максгаузен приходился родным братом. И все же Паллас ответил:

— Ну что же, я согласен!

Так Деттманн и не отправил Иоганна Палласа в Берлин. „И в самом деле,—рассудил расчетливый фабрикант,—зачем тратиться на обучение в течение ряда лет своего работника заграницей, когда из Германии он может получить уже готового специалиста? А затем.. ведь Паллас нужен ему на заводе: где найти такого точного, аккуратного, такого преданного фирме заведующего складом, как Иоганн Паллас?

С тех пор Паллас стал возвращаться по вечерам с толстыми книгами подмышкой. За этими книгами он просиживал целые вечера. Стол от ножной швейной машины забросили на чердак. Дети забирались туда и, нажимая педаль, приводили в движение колесо. Колесо вертелось вхолостую. Когда расшалившиеся дети врывались в комнату, жена Иоганна Палласа сердито обрывала их:

— Тише, отец работает...

Условные обозначения оживали в воображении Палласа. Он видел, как продвигаются электрические машины по железным дорогам Западной и Центральной России, по шоссейным путям, как покачиваются они на спинах верблюдов в караванах, идущих по степям Юго-восточной России, Средней Азии. Он движется вместе с ними, встречает пестреющие разноцветными халатами толпы туземцев. Случалось, что в этих мечтах он так и засыпал за книгами, и жена будила его:

— Проснись, Иоганн! Разденься и ложись спать. Довольно уже на сегодня.

★ ★ ★

Первые забастовки в Риге, на пробочной фабрике Кригсманна, на „Русско-Балтийском электротехническом заводе"—отзвук классовых боев середины девятидесятых годов в промышленных центрах царской России—были только началом. Настоящие классовые бои в крупнейшем промышленном центре Прибалтики развернулись позже—в тысяча восемьсот девяносто девятом году, когда вспыхнула забастовка на Джутовой фабрике, и рабочие „Феникса" и „Униона" (бывшего завода Деттманна) с кольями в руках кинулись выручать арестованных джутовских работниц. Но об этом еще впереди.

Арк. Григорьев

ПУТЬ К ПЕРВОЙ МАЕВКЕ

ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ ХПЗ

Этот очерк был написан к первомайским дням текущего года и издан для ХПЗ отдельной брошюрой. Автор ставил перед собой задачу, в связи с первомайскими праздниками, рассказать рабочим завода о знаменитой Харьковской маевке 1900 г. и показать путь рабочих ХПЗ к этому первому массовому революционному выступлению. Разумеется, что этот очерк не является еще ни главой, ни отрывком истории, а именно очерком из истории ХПЗ.

В начале заводской брошюры помещена статья В. И. ЛЕНИНА, написанная им, как предисловие к брошюре „МАЙСКИЕ ДНИ В ХАРЬКОВЕ", изданной „Искрой" в 1901 году. Без этой статьи Владимира Ильича невозможно понять характер, значение и уроки этих событий в Харькове.

Документы, приведенные в очерке, извлечены из арх фонда ХТЗ, хранящегося в Харьк. Обл. Историческом Архиве.

I.

Вдалеке от пыльного и грязного Харькова, на городском выгоне, среди болот и свалок в 1895—6 г.г. был построен завод „Русского Паровозостроительного и Механического Общества".

В 1900 году на Паровозостроительном заводе работало уже три тысячи четыреста рабочих; больше, чем на крупнейших Харьковских заводах „Бельгийского общества", „Гельферих-Саде" и железнодорожных мастерских, вместе взятых.

Этот самый молодой и самый крупный в тогдашнем Харькове завод сразу внес в жизнь торгового, мелко-промышленного и ремесленного города новые черты заводского центра. По тому времени завод был гигантский. Таких заводов было немного и по всей России. Даже в те годы быстрого роста капиталистической промышленности они насчитывались единицами. И завод с 3.400 рабочих был необычным явлением и для капиталистов и для рабочих.

К началу 1900 года завод выпустил свыше 300 паровозов и до двухсот станков. Каждый паровоз принес не меньше шести тысяч и каждый станок не меньше одной тысячи рублей прибыли господам акционерам и сотенные премии администрации завода.

Хозяева получали в среднем семьдесят пять тысяч рублей прибыли за паровозы и станки, которые они видели

только на фотографиях в приемной Правления в Петербурге. Рабочим же заводская контора выплачивала около шестидесяти тысяч рублей в месяц.

Но капиталистический барыш выколачивался из рабочего не только в цеху. Из пищи и одежды, отдыха и сна, из веры в бога выколачивалась прибыль. И к рабочему карману потянулись за барышом, налогом и взяткой купцы и чиновники, попы и кабатчики, адвокаты и домовладельцы. Из города, за Конную площадь полезли к заводу кабаки и пивные, ларьки и харчевни, деревянные халупы и ползучий базар. А вдоль немощеной дороги были расставлены столбы и городовые. Город потянулся к заводу.

Господа акционеры выгоняли на заводе высокие прибыли, но и видели в нем грозную опасность. Шуточное ли дело, изо дня в день собирать больше трех тысяч рабочих! Это ведь не мастерская, или заводик какой-нибудь, где можно было „крамольника" и „бунтовщика" немедленно изловить, посадить, а остальных припугнуть. Среди трех тысяч могут найтись десятки „бунтовщиков", и спаянных заводом тысячи людей запугать нелегко. А времена наступили для хозяев страшные, в России уже развивалось массовое рабочие движение.

В самый год основания завода в Петербурге прокатилась небывалая доселе волна стачек. Небольшая группа революционеров, об'единенная в „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса", под руководством молодого Владимира Ульянова сумела поднять на стачку тысячи рабочих и работниц столицы империи, вынудить хозяев на уступки, и даже столичная полиция ничего не могла поделать.

Хозяева паровозостроительного завода хорошо видели опасность, которую им несет заводской гигант. И они по-своему учли эту опасность. Директор завода Риццони с самого основания обратил особенное внимание на подбор рабочих и административного персонала. Рабочие местных старых заводов принимались со строгим отбором. Когда на новый завод захотело перейти несколько десятков рабочих из мастерских Курско-Севастопольско-Харьковской железной дороги, Риццони категорически отказал им в приеме. Потом только он стал принимать их на завод, в силу крайней нужды в квалифицированных мастеровых. Директор считал этих рабочих „испорченными" и „развращенными". Они уже кое-что понимали в эксплоататорской механике, они прошли уже небольшую школу рабочей солидарности, они начинали чувствовать свою силу. Риццони боялся, что эти мастеровые разнесут крамолу по всему заводу.

Высококвалифицированная сила привозилась на завод главным образом из других мест. При чем это делалось

так: с какого-нибудь завода переманывался мастер, и ему же поручалось отобрать на этом заводе лично ему знакомых, наиболее „благонадежных“ рабочих. Эти специально отобранные и привезенные рабочие ставились мастером в наиболее выгоднее положение, получали высшие расценки, вселялись в заводские квартиры и становились опорой своего „благодетеля“ в цеху. Так, мастером паровозостроительного цеха Гороховым была привезена с Брянского завода группа рабочих, которых он особо подкармливал и на которых опирался. Горохов давал им зарабатывать от 80 до 100 рублей в месяц, в то время как месячная заработная плата других квалифицированных рабочих колебалась от 35 до 50 рублей. Эти „брянцы“, как их называли рабочие, долго выполняли роль „степенных“ хозяйских холуев.

Очень охотно принимались на завод разорившиеся ремесленники и их подмастерья. Тут тоже был свой расчет Недавние ремесленники были надежнее, покорнее рабочей „голытьбы“. Они были воспитаны в строгом благочестии и уважении к начальству; в каждом из них жил еще хозяйчик, каждый шел на завод с тайной надеждой по спинам „голытьбы“ „выбиться в люди“. Из этой группы тоже вербовались „благонадежные“. Кое-кто из них ценой смиренного послушания и угодливого наушничества выбивался таки в унтер-офицеры капиталистической эксплоатации, а остальные терпеливо ждали хозяйского „благоволения“.

Выросшие с детства в маленьких мастерских, забитые и замученные хозяйским „попечением“, ремесленные подмастерья шли на завод с радостью. Завод казался им освобождением от душной конуры кустарной мастерской, от бесконечного хозяйского понукания и „ежевых“ рукавиц, от тяжелого труда за „харчи и сапоги“. Только со временем завод воспитал в этих разобщенных и темных людях сознание и чувство классовой солидарности и готовность к революционной борьбе.

До тысячи рабочих нового паровозостроительного завода были связаны с селом. Эти люди уже навсегда пришли в завод, но им казалось, что это временно. Разоренные помещиком и растущим кулаком, они видели в этом разорении временное бедствие и пришли на завод, чтобы добыть немного денег, а там — даст бог!—и землицу можно будет выкупить у помещика, и долг вернуть кулаку, и коняку купить у цыгана на базаре. Первое время завод был им чужд. Как только раздавался гудок, они толпой бежали к Балашовскому вокзалу или плелись на городскую станцию, чтобы зайцем проехать в Мерефу, Карачевку, Дергачи, Тарановку, Борки, к себе, домой, на село, к „хозяйству“.

Сначала они проходили на завод только на зиму—хозяйство не поднималось, деньги уходили на новые поборы,

Потом они оставались на целый год—хозяйство не поднималось, деньги уплывали кулаку. А когда „хозяйство" вконец разорялось, они собирали его остатки и навсегда переселялись в город. Заводские люди называли этих сельских жителей „муриками". „Мурики" первое время были по сельскому робки, необщительны, безмолвно покорялись мастерам, мало интересовались рабочей жизнью и все оглядывались на свое „хозяйство". Но через два-три года многие из них целиком поглощались заводом и они же называли своих односельчан-новичков на заводе „муриками".

Многих рабочих дирекция завербовала в Польше. Это делалось по двум причинам. Во-первых, в Польше уже сформировалась более или менее крупная промышленность, и там можно было найти высококвалифицированных рабочих, и, во-вторых, дирекция рассчитывала, что национальная пестрота в составе рабочих будет препятствовать слиянию рабочих в единый коллектив.

А ведь главной заботой хазяев было именно то, чтобы всячески помешать этим 3.400 рабочим об'единиться, ибо такое об'единение неминуемо принесет грозу. Главной заботой было всячески разделять, дробить эту огромную массу; подкормить небольшую кучку „степенных" и противопоставить их тысячной „голытьбе", посеять неприязнь между коренными уже „развращенными" рабочими и пугливыми „муриками", разжечь вражду между русским, украинцем и поляком, собрать вокруг мастеров „земляков брянцев" и натравить их против „земляков орловцев"— все сделать, всем воспользоваться, чтобы не дать этой страшной силе собраться в кулак.

Господин Рицдони до того боялся своих рабочих, что опасался даже их селить вместе. Когда Правление Общества задумало построить несколько жилых домов и среди них один большой для ста семейных рабочих, директор завода завопил. 26 июня 1896 года Рицдони писал председателю Правления Общества, полковнику Иванову:

—*„...Что же касается постройки одного большого каменного здания, специально на сто человек рабочих, то считаю необходимым, в силу веских причин, не одобрять подобного проекта... Такой дом в скором времени превращается просто в вертеп и подобное скопище небезопасно и в отношении охранения порядка на заводе. Если в Петербурге и существуют такие громадные дома около некоторых фабрик, то заводы там, благодаря усиленной полицейской власти, находятся в несравненно лучших условиях, чем наш завод, находящийся в совершенно беззащитном состоянии на далеком расстоянии от города.*

...Если Правление уже постановило построить одно большое здание, то покорнейше прошу не отказать доложить Правлению о необходимости постройки нескольких домов меньшего размера для рабочих".

Правление Общества вняло мольбе испуганного директора. Для рабочих было построено в заводской колонии несколько домиков, и с расширением этой колонии решено было не спешить. Пусть лучше рабочие после работы разбредаются по городу и ближайшим селам. Так будет спокойнее...

Но важнее было то, что заводские рабочие двенадцать часов в сутки находились на заводе, и их нужно было „держать в руках". Риццони тщательно подбирал цеховой командный состав, который сумел бы, „обращаться с людьми". Это должны были быть верноподданные зубры и находились они не сразу. Так был найден мастер Горохов с его „брянцами" и посажен начальником основного, в те времена, паровозостроительного цеха; в машиностроительный цех начальником был посажен черствый швед Энгблом в модельный—украинский кулак Иван Масло, в котельный—Шилов, инструментальный—немец Гарнунг и т. д.

Это были люди, особо проверенные и соответственно рекомендованные. Вот, к примеру, одна из рекомендаций. 4 ноября 1897 года начальник Нижне-Днепровских вагонных мастерских писал Риццони:

„Уважаемый Павел Павлович.

Рекомендую Вашему вниманию кузнечного мастера Константина Александровича Иванова, который принужден теперь по независящим от него обстоятельствам оставить занимаемое им место. Главной причиной этому послужило крайне скверный и испорченный элемент рабочих, которого здесь, к крайнему сожалению, немало. Рабочие были страшно распущены старым мастером и поэтому не хотели подчиниться требованиям нового, который желал водворить порядок в мастерской и требовал более добросовестного отношения к исполняемым работам.

Всегда готовый к услугам (подпись)".

Попросту говоря, рабочие Нижне-Днепровских вагонных мастерских забунтовали против оголтелого держиморды Иванова и выгнали его вон, а начальник мастерских, боясь, как бы этот „испорченный элемент рабочих" не взялся за него самого, скрепя серце, скорчил любезную

мину и передал это свирепое сокровище своему приятелю Риццони. Благодарный Риццони с радостью направил Иванова в кузнечный цех. Так формировался заводской командный состав.

II.

Но этого было еще мало, чтобы „держать в руках" тысячи рабочих. Нужно было обеспечить постоянство состава рабочих, особенно квалифицированных. Завод создавался в короткие годы промышленного под'ема, быстро растущие фабрики и заводы нуждались в рабочей силе; квалифицированного рабочего тогда еще старались „беречь". Первое средство для удержания рабочих было вскоре найдено. Еще в 1896 году Риццони предложил дирекциям всех Харьковских заводов заключить взаимное соглашение, по которому они обязываются не принимать к себе на работу рабочих, „если они бросят работу против желания дирекции". Такое соглашение было заключено. Но это не помогало; рабочие бросали выросший на свалках и болоте завод. До 1900 года они могли еще позволить себе такую роскошь — уйти на другой завод.

Тогда Риццони изобрел новое средство для удержания наиболее нужных рабочих. Это были заводские квартиры. 17 октября 1897 года по заводу полетел циркуляр:

„О назначении общественных квартир достойным рабочим.

Так как общественные квартиры в колонии предназначаются исключительно для рабочих, которые своей работой и поведением заслуживают внимания, и удержать которых на работе лежит в интересах завода, покорнейше прошу господ начальников цехов иметь ввиду эти соображения при назначении впредь рабочим квартир в колонии, а также дать знать конторе завода о тех рабочих, занимающих общественные квартиры, которые своим поведением (пьянство, манкирование работой и проч.) должны быть лишены сих квартир.

Директор Риццони"

Под „прочим" господин директор подрозумевал, конечно, „бунтовщиков".

И вот началось в колонии вселение „достойных" и выселение „недостойных". Начальники цехов и мастера, получив в свои руки новое средство для прижима, воспользовались им в полной мере. В первую очередь в списки

„достойных“ были вставлены верноподданые „земляки“, а затем просто „достойные“. Заводская квартира была приманкой, на которую шли очень охотно. Но малейшая непочтительность к мастеру или попытка заговорить о низких расценках немедленно вызывала перевод в разряд „недостойных“ и лишение квартиры. Но что это были за квартиры?

Квартиры были хорошие: три комнаты с кухней, а можно и две комнаты с кухней. Таких квартир уже к 1897 году было построено больше ста. Но когда эти первые квартиры еще строились, Рицдони в письме Иванову уже высказывал опасение, как бы „квартиры остались незанятыми“ (29 июля 1897 г.). Господин директор имел основания опасаться.

Дело в том, что квартира из трех комнат с кухней стоила четырнадцать рублей в месяц, из двух комнат с кухней—12 руб., а в деревянных домиках из одной комнаты с кухней—8 рублей. Квалифицированный же рабочий получал от 30 до 45 рублей в месяц и отдавать одну треть своего заработка за квартиру он, конечно, не мог.

Но выход был найден и очень простой. В заводские квартиры стали селиться по несколько семей. Директору завода осталось только распорядиться: „каждому нанимателю разрешается держать в своей квартире жильцов, но только исключительно из числа рабочих нашего завода“.

Как жили в этих кватирах, можно себе представить по заявлению, поданному 22 мая 1898 года директору группой жильцов заводской колонии:

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ ХАРЬКОВСКОГО ЗАВОДА РУССКОГО ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Занимая в квартире нижних этажей корпусов № 1 № 2 по одной комнате, мы имеем сильную нужду в недостатке необходимого помещения для жизненных продуктов, а также и топлива. Помещая топливо в жилой комнате, что вредно относится на здоровье, заражая воздух. Что же касается до жизненных продуктов, мы не можем запастись в более удобное время года, а потому не имея помещения на онное должны переплачивать за все вдвое дороже, и тем входим в крайне безвыходное положение. Имеем честь покорнейше просить Вашего Высокоблагородия, не найдете ли Вы возможным разрешить построить хоть небольшие погреба и чуланы и тем устранить наше безвыходное положение.

Рабочие завода: Федор Углицкий, Иван Епифанов, Тимофей Корыстылев, Егор Синюков, Егор Велитченко, Илья Калинин, Леонтий Захаров, Павел Деревянкин. Войцех Петрушак, Антон Борщиховский, Иван Вороптанский, Петр Чечерин.

Господин директор „не нашел „возможным" удовлетворить эту просьбу. А ведь это были уже самые „достойные"! Недостойные жили на селе, а большинство ютилось за несколько километров от завода на Холодной и Лысой горах. Редким счастливцам удавалось нанять конурку поближе к заводу на Петинской или Змиевской.

Работа начиналась в 6 часов утра. Следовательно, рабочий, живущий на противоположной окраине города (таких было большинство), должен был подняться не позже, чем за два часа до гудка, и в зимнюю стужу, или по непролазной грязи пешком итти на завод. Сельские жители должны были вставать еще раньше, чтобы успеть к поезду и пройти от вокзала до завода. Рабочих поездов тогда еще не было. Была только переписка о рабочих поездах. По городу ходила только унылая конка, но для рабочего это была слишком дорогая роскошь и добиралась эта конка только до Конной площади. В шесть часов вечера рабочие проделывали то же путешествие обратно. Таким образом, время рабочего, сутки его жизни распределялись так: двенадцать часов на заводе, четыре часа в пути и восемь часов, так сказать, „личной жизни".

III.

Что это была за „личная жизнь", мы уже немного знаем по заявлению рабочих, удостоившихся жить в заводской колонии, дальше мы с ней познакомимся подробнее, а сейчас посмотрим, как первому поколению рабочих ХПЗ работалось на самом заводе. Вот приказ, который директор издал 10 ноября 1899 года:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ НА ХАРЬКОВСКОМ ЗАВОДЕ Р. П. и М. ОБЩЕСТВА.

Рабочий день на заводе считается с шести часов утра до шести часов вечера, по субботам до пяти часов вечера, с перерывом для обеда на полтора часа (от 12 до $1^1/_2$ часов пополудни). Ночная смена работает с шести часов вечера до пяти часов утра с часовым перерывом для отдыха (от 12 до 1 часу ночи). Еженедельно с понедельника смена меняется.

Кроме того на заводе производятся сверхурочные работы вечером и в праздничные дни. Если эти работы производятся поденно, то восемь рабочих сверхурочных часов считаются за день четыре часа—за полдня и два часа—за одну четверть дня; если же сверхурочные производятся задельно, то за онные никакой увеличенной платы не полагается.

Для дежурных по заводу, как-то: сторожей, машинистов, кочегаров, рабочих при печах и на прочих работах, требующих по техническим условиям беспрерывного действия, рабочий день длится двенадцать часов.

Директор завода Риццони.

Каждая минута рабочего дня приносила хозяевам вожделенную прибыль, и они строго следили, чтобы эта минута не пропала даром. Из ограбленного у рабочего труда и составлялась 75-тысячная прибыль в месяц. Поэтому—ни одной пропущенной минуты!

И от рабочего требовали не просто ежедневной работы, а работы изо всех сил. В этом и заключалась главная обязанность Горохова, Энгблома, Масла и прочих—выколотить, выжать из рабочего наибольшую пользу для хозяев. В этом и заключался весь смысл „Правил внутреннего распорядка". За малейшее опоздание, ослушание, нарушение правил—штраф! Весь заводской аппарат, начиная от директора и кончая фельдшером, был подчинен задаче: взять с рабочего как можно больше и дать как можно меньше. Условия работы меньше всего интересовали Правление. Экономили даже на отхожих местах. Вопрос об отхожих местах для рабочих специально обсуждался на Правлении Общества—нельзя ли и здесь что-нибудь сэкономить?—и 15 июля 1896 года Иванов по телеграфу разрешил Риццони запроектировать „одно очко на сорок человек".

Охрана труда, здоровье рабочего очень мало заботили Правление и дирекцию. То-есть администрация всячески старалась проявить свою трогательную „заботливость", но делалось это так, чтобы эти заботы, опять таки, как можно меньше стоили хозяину и больше—самим рабочим.

Вот, например, охрана труда. „Заботы" господина директора об охране труда за весь 1896/7 год выразились в таком единственном приказе: „В тех случаях, когда работа представляет опасность для глаз, рабочие обязаны одевать предохранительные очки. Директор завода Риццони" (9 ноября 1896 года).

Где взять эти самые предохранительные очки, в при-

казе не сказано. Само собою разумелось, что рабочий должен приобрести их где угодно и за свой счет.

Между тем, завод буквально каждый день калечил людей. Только с 1 июля по 27 августа 1897 года на заводе произошло 88 несчастных случаев. По заведенному порядку о каждом несчастном случае заводской врач, цеховой мастер и околоточный надзиратель в присутствии двух свидетелей из „достойных" составляли протокол. Самым важным пунктом этого протокола было: по чьей вине произошло несчастье. И эта троица неизменно „устанавливала",что несчастье, конечно, произошло по вине самого рабочего. Так, в этих 88 случаях она признала, что 85 из них произошли „по собственной неосторожности пострадавшего", а 3... „по непредвиденным случайностям". Во всяком случае администрация здесь была „не виновата"; она не могла быть виновата—за это заводской доктор и цеховой мастер жалование получали, а околоточный надзиратель — взятки.

Заводской врач Беллин и фельдшер Клейнер вообще не столько лечили рабочих, сколько по-латински удостоверяли, что администрация не виновата. В заводском приемном покое им дела было мало: в 1898 году на 3.000 рабочих было пять коек и то, как писал Рицпони Иванову— „не для лечащихся больных, но лишь для временного их помещения от времени получения повреждения или поранения до времени отправки их в городскую больницу" (2 июля 1898 года). Если же городская больница, как обычно, была переполнена, и рабочие вынуждены были оставаться дома, то и от этого у заводских медиков работы не прибавлялось. Еще 8 ноября 1896 года Рицпони разослал извещение:

„ГОСПОДАМ МАСТЕРАМ.

Довожу до сведения господ мастеров, что медицинская помощь на дому больным рабочим или членам семейств может быть подаваема заводским медицинским персоналом лишь в том случае, если больные живут на расстоянии от завода не далее Конной площади.

Директор завода Рицпони".

Короче говоря, живешь дальше Конной площади—околевай!

А ведь дальше Конной площади жило громадное большинство рабочих. И заболевали рабочие страшно. Даже верный слуга своих хозяев доктор Беллин иногда осмеливался почтительно напомнить господину директору о

страшных заболеваниях среди рабочих. Так, например, 8 февраля 1898 года он позволил себе написать:

„Уважаемый Павел Павлович!

Ежедневно у меня бывает 5 – 10 человек из медно-котельного с отчаянными катаррами легких от пребывания в тяжелой, вредной атмосфере. Не примете ли Вы какие-либо меры для устранения таких условий.

Ваш преданный Беллин".

Этот „преданный Беллин" хорошо знал, что лезет не в свое дело, поэтому у него и хватило смелости только на робкий вопрос. „Преданный Беллин" и его помощник фельдшер Клейнер, максимально разгруженные от лечебных хлопот, отлично знали свои истинные обязанности и выполняли их с большим рвением. Это ревностное служение хозяевам доходило до откровенного холуйства. 19 июля 1897 года во время работы умер слесарь машиностроительного цеха Александр Трубецкой. В протоколе об этом случае преисполненный раболепной угодливости фельдшер Клейнер собственноручно засвидетельствовал: *„Скоропостижно умер от внутренних причин, не имеющих ничего общего с эксплоатацией".*

Клейнеру, видите ли, это было доподлинно известно: решительно „ничего общего с эксплоатацией"!

Этим свидетельством фельдшер освобождал хозяев от необходимости платить хоть какое-нибудь пособие семье умершего. Так служители „общечеловеческой" „высокогуманной" медицины становились служанками хозяйского барыша.

Но пособие рабочим все-таки давали.

Риццони хотел прослыть милостивым. Но это была не нормированная, обязательная выдача рабочим, а, именно, милостыня от хозяйских щедрот. Заболел, к примеру, рабочий или у него в семье умер кто-нибудь. Лечиться нечем, хоронить не на что... Вот этот рабочий и должен был припасть к хозяйским стопам. При чем это делалось не просто: выдайте, мол, господин директор, какое-нибудь пособие. Нет. Для этого писались особые прошения, которые начинались так: „Осмеливаюсь покорнейше", или „всепокорнейше", или „нижайше просить Ваше Высокоблагородие..." и кончались так: „Утешаю себя надеждой" или „Остаюсь с надеждой на Бога и еще единственно на Вас, господин директор". Сами рабочие сочинять такие прошения не могли, конечно; их писали, за соответствующую мзду, конторские служащие.

Получив прошение, директор запрашивал цехового мастера — достоин ли?— и, судя по заключению мастера, выдавал или не выдавал пособия. Так в течение целого года с июня 1899 по июнь 1900 г. дирекцией было выдано 69 больным и увечным рабочим, проболевшим в среднем по 5 недель каждый, всего 649 рублей; в среднем на каждого пришлось по 9 рублей 40 коп. Таким образом больной рабочий должен был лечиться и прожить с семьей на 25 копеек в день. Но директорские „милости" простирались еще дальше. Они простирались и на „личную жизнь" рабочего. За то же время 19 рабочих получили на погребение 20 детей 140 рублей; по 7 рублей на умершего ребенка. Больше всех получил слесарь машиностроительного цеха № 1672 Константин Лукьянский; ему выдали сразу 15 рублей на похороны двух дочерей. Кроме того, семьи 6 умерших в том же году рабочих были дирекцией „облагодетельствованы" пособием в размере 85 рублей; по 14 рублей на семью. Такое пособие считалось редким счастьем; ведь дирекции наверняка известно было, что все рабочие умирали „по причинам, не имеющим ничего общего с эксплоатацией". Об этом даже доктор Беллин имел честь неоднократно докладывать.

Но хозяйские щедроты все же имели предел. Милости, мол, милостями, а баловать рабочих не следует. Поэтому господин Рицони долго торговался с рабочими за пособие. И если пособие выдавалось, то уже окончательно, в полный расчет, особенно увечным рабочим. Потерявшему трудоспособность, зажатому голодом и холодом увечному рабочему хозяйская дирекция, после долгих торгов, бросала подачку и лишала его права и возможности добиваться еще чего-нибудь. На заводе установилась особая форма прошений увечного рабочего, которая была не столько прошением о пособии, сколько распиской в том, что рабочий весьма удовлетворен этим пособием и беспокоить администрацию больше не будет. Вот характерное прошение такого рода

ПРОШЕНИЕ.

Находясь на службе в сборном цехе во время работы 7 июля 1899 года, я получил увечье пальцев на левой руке, а поэтому имею честь покорнейше просить о выдаче мне единовременно в полное удовлетворение за полученное мною увечье тридцать (30) рублей, получением означенной суммы я сочту себя навсегда вполне удовлетворенным Русским Паровозостроительным и Механическим Обществом.

Харьков, 10 августа 1899 года.

Евграфий Васильев Гусаков.

Получай 30 рублей за пальцы и не смей больше пикнуть! Будь доволен и не просто доволен, а „навсегда удовлетворен".

Это было не пособие, а расправа.

IV.

Итак пособия выдавали. Дирекция была „милостива". Но... эти „милости" хозяевам ничего не стоили. Ни полушки. Дело в том, что эти щедроты черпались из особого капитала, и назывался этот капитал „штрафной", а составлялся он из штрафов, содранных с рабочих же цеховыми драконами Гороховым, Энгбломом, Масло, Шиловым и прочими. Это издевательство было освящено законом.

У слесаря машиностроительного цеха № 1672 Константина Лукьянского заболело двое детей. Они лежат в конуре и сгорают на его глазах. Слесарь Константин Лукьянский живет на Лысой горе, заводской врач к нему не придет. Слесарь Константин Лукьянский, прибежав с работы в 8 часов вечера, отправляется к частному врачу. Частный врач отказывается итти так поздно в такую даль. Частный врач предлагает слесарю Константину Лукьянскому приехать за ним на „ваньке" завтра утром. Чтобы не опоздать на работу, слесарь Константин Лукьянский приезжает за доктором в 5 часов утра. Возмущенная горничная заявляет, что доктор еще „спят", нужно подождать. Слесарь Константин Лукьянский ждет. Уже прогудели все утренние гудки, и слесаря Константина Лукьянского на завод уже не пустят. А доктор еще спит. Наконец, слесарь Консантин Лукьянский привозит доктора к детям. Доктор говорит, что девочки смертельно больны, они нуждаются в тщательном уходе, кормить их нужно куриным супом и лечить дорогими лекарствами. Слесарь Константин Лукьянский почтительно благодарит, неуклюже сует доктору в руку рублевку, провожает до „ванька", платит и этому полтинник и возвращается к детям. Собрав все последние гроши, слесарь Константин Лукьянский посылает жену в аптеку и до утра остается с детьми.

В четыре часа утра он отправляется на завод. В цеху его встречает мастер. Не вынимая трубки изо рта, Эгнблом произносит страшное слово: штраф! Слесарь № 1672 оштрафован в размере двухдневного заработка. Он и не пытается оправдываться: это бесполезно. Усталый, взволнованный и рассеянный слесарь Константин Лукьянский роняет напильник, и инструмент ломается. Он снова штрафуется и снова в двукратном размере.

Во все дни болезни детей слесарь Константин Лукьянский то опаздывает на работу, то теряет инструмент, то в сердцах грубит цеховому начальству. Штраф, штраф, штраф...

Уже иссякли все деньги и продано все, что кто-нибудь купит. Детям все хуже и хуже, а лечить их не на что.

Слесарь Константин Лукьянский ждет получки. Но вместо получки ему выдают грошовый остаток после вычета всех штрафов. Этих денег хватает на три дня, и дочери слесаря Константина Лукьянского умирают.

Что поделаешь—на то, мол, воля божья!—надо хоронить и по христианскому обычаю с попом и поминками. А денег нет. Слесарь Константин Лукьянский идет с прошением к мастеру Энглому: „к вашей милости... 25 рублей...“ Мастер Энглом, не вынимая трубки изо рта, произносит: „20“ и подписывает прошение. А Рицпони, рассмотрев эту „всепокорнейшую“ и „нижайшую“ просьбу, пишет: „Выдать слесарю № 1672 из штрафного фонда 15 рублей“.

У слесаря Константина Лукьянского ограбили его заработок, когда нужно было лечить детей.

Это был закон.

Слесарю Константину Лукьянскому вернули часть ограбленного у него заработка, когда нужно было уже хоронить детей.

Это была хозяйская милость.

Но источник этих щедрот — „штрафной капитал“ стал со временем отставать от потребностей в милостях. Количество увечий, заболеваний, смертей рабочих с каждым днем возрастало, и как ни старались господа мастера каждый день пополнять „штрафной капитал“, его уже стало не хватать даже для самых мизерных милостынь. Дело дошло до того, что дирекция вынуждена была давать пособия уже из заводских сумм. Это совершенно нетерпимо!—и господин Рицпони 8 августа 1897 года написал в Правление:

> ... *„Вопрос о страховании рабочих на случай их смерти, увечья или временной неспособности к труду вследствие повреждения, полученного на работе, я считаю неотложным и таковое страхование необходимо и, в то же время, для нашего Общества выгодно. В настоящее время, несмотря на все возможные предохранительные меры* (господин Рицпони имел ввиду уже известные нам очки), *случаи тяжелого увечья рабочих происходят почти ежедневно, иногда по несколько случаев в день... Происходящие увечья вызывают довольно значительные расходы завода по воспомоществованию увечным, кои в течение трех лет превысят, вероятно, расходы по уплате премий страховому Обществу. Ввиду изложенного я покорнейше прошу вопрос о страховании рабочих не откладывать и застраховать их неотлагательно... ибо каждый день влечет за собою ряд увечий, материальный ущерб по коим падет непосредственно на счет завода“.*

В Правлении Общества быстро сообразили, что Риццони прав; если уж платить, то лучше страховому обществу. Это выгоднее по двум причинам: во-первых — дешевле, а во-вторых — это совсем снимает с завода заботу об охране труда рабочих...

И вот началась подлая комедия страхования.

Дело тянулось очень долго; Правление приценивалось в разных страховых обществах. Эти общества именно тем и промышляли, что выколачивали барыш из увечий и смертей рабочих, поэтому старались сорвать премии покруннее. Правление Паровозостроительного Общества долго торговалось и, наконец, договорилось таки со страховым обществом „Россия". Договорились они вот на чем: страховое общество согласилось снизить стоимость премии (ежегодных взносов), но Паровозостроительное Общество обязалось помогать страховому как можно дешевле рассчитываться с рабочими. Такие условия были для Паровозостроительного Общества вполне приемлемы. Председатель Правления военный инженер полковник Иванов давно уже решил итти на всякие сделки со страховым обществом, но только за счет рабочих — это был принцип господина Иванова. Еще до заключения договора с Обществом „Россия" 1 декабря 1897 г. его высокоблагородие поучало Риццони:

„... С каким бы обществом договор заключен ни был, при определении вознаграждения пострадавшему мы должны быть солидарны с этим обществом. Основной принцип должен быть тот, что каково бы ни было вознаграждение, рабочему выгоднее не получать увечия, повреждения и т. д. Иначе, согласитесь, к чему работать?"

Его высокоблагородие подозревало, что, соблазнившись страховым вознаграждением, рабочие начнут нарочно ломать себе руки и ноги и даже умирать.

Страховое общество, со своей стороны, разделяло „основной принцип" полковника Иванова. 26 марта 1898 года инспектор страхового общества писал Иванову:

„Многоуважаемый Виктор Михайлович.

... Александр Александрович (это директор страхового общества) *просил меня передать Вам, что он считает рабочих Харьковского завода застрахованными с 1 ноября прошлого года по 1 апреля сего года на все три случая* (т. е. *смерть, инвалидность, временная нетрудоспособность*) *и просит, чтобы все расчеты по 1 апреля были окончены господином Риццони, по его*

усмотрение. При этом, Александр Александрович полагает, что вряд ли будет желательным для Общества, а также и для завода баловать рабочих, удовлетворив их несоразмерные требования, во всяком случае было бы желательно окончить все расчеты миром, если же Павел Павлович (Рицони) найдет нужным какую-либо просьбу рабочих не удовлетворить и таковой доведет дело до суда, то Правление после 1 апреля возьмет на себя ведение такового дело по суду"...

Так была заключена эта сделка двух капиталистических банд, сделка, основанная на крови и смерти рабочих.

И изувеченный рабочий вынужден был брать, что ему бросали. Некоторые пытались сопротивляться, они обращались за защитой в суд. Но что значило обратиться в суд, описал сам Рицони: *„Этот способ удовлетворения рабочего* — писал он Иванову 2 апреля 1898 года — *отражается очень неблагоприятно на самом рабочем, вследствие ужасающей судебной волокиты по таким делам (имеем один случай, длящийся уже третий год и высокой оплаты присяжного поверенного истца, доходящей до 50% с присужденной пострадавшему суммы"*. Нет, в суд лучше было не обращаться, и рабочий приходил к Рицони, чтобы „кончить миром". „Давно бы так — приговаривал Рицони и по доверенности страхового общества платил за оставленные на заводе пальцы — 30 рублей.

Для полноты „благоустройства завода" нехватало еще ссудосберегательной кассы. Рицони давно уже заметил этот недостаток и просил правление прислать на завод проект устава. Познакомившись с этим уставом, Рицони передумал — лучше такой кассы не создавать: как бы она не стала источником крамолы. Но потом он нашел выход: ведь можно не пустить рабочих в кассу и сделать ее органом заводоуправления. И касса на заводе будет, и крамола будет предотвращена. Так Рицони и сделал. 7 июня 1897 года в директорский кабинет были вызваны как „представители трудящихся" на заводе: главный бухгалтер Яблонский, помощник директора Зелиг, начальник технической конторы Кан, главный инженер по электричеству Фирсов, секретарь заводоуправления Витковский и все начальники цехов. Этому почтенному собранию директор предложил рассмотреть проект устава сберегательной кассы. Почтенное собрание рассмотрело и вынесло такое решение:

„Приглашенные господином директором для обсуждения проекта ссудосберегательной кассы пришли к единодушному соглашению просить Правление Р. П. и М. Общества о введении в Харьковском заводе ссудо-

сберегательно-вспомогательной кассы, основанной на принципе, выраженном в проекте устава, присланном Правлением... Но со следующими основными изменениями.

1) Касса учреждается при заводе и находится в непосредственном ведении заводоуправления.

2) Вычеты служащих и взносы Правления поступают в оборотный капитал завода...

3) Участниками заводской кассы Харьковского завода могут быть исключительно служащие Харьковского завода и Правления Общества.

Мотивами к означенному нашему решению послужили:

1) Упрощение ведения кассы и гарантия о целости капитала кассы.

2) Однообразие в управлении делами кассы, особенно в случае распространения кассы и на рабочих, которые при выборном и самостоятельном правлении кассы легко могли бы, по многочисленности своей, получить нежелательный перевес в заведывании делами и операциями ее...“

Этого „нежелательного перевеса“ боялись пуще всего. Так было с отворено еще одно „благодеяние“.

V.

Но все это — буденная жизнь, а бывали, ведь, и праздники на заводе. Вот, например, 27 декабря 1897 года дирекция устроила праздник по случаю выпуска первого паровоза. К нему долго готовились. Риццони испросил у Правления для устройства праздника специальный кредит. Правление разрешило истратить три тысячи рублей „для молебствия и приема“. Но Риццони решил урвать из этих трех тысяч пару сот рублей и распространить праздник на рабочих. Все же оные тоже имеют некое отношение к паровозу. Да и, помимо сего, хорошо бы, знаете, встретиться администрации с „братцами-рабочими“ и вместе, слившись в одну семью, отпраздновать выпуск первого паровоза. Обрадовавшись этой счастливой мысли, Риццони распорядился выписать из Москвы от Трехгорного Товарищества несколько бочек пива, а потом сел за стол и написал:

„ЕГО БЛАГОРОДИЮ
ГОСПОДИНУ ПРИСТАВУ ПЕРВОГО УЧАСТКА

27 декабря сего года в 11 часов утра имеет быть торжественное молебствие на Харьковском заводе по случаю выпуска первого паровоза, после чего рабочим завода будет предложено угощение.

Доводя о сем до Вашего сведения, прошу отрядить на завод полицейский наряд.

Директор завода Риццони".

Обеспечив, таким образом, все условия для наиболее близкого единения с „братцами рабочими", Риццони принялся рассматривать список официальных лиц, приглашенных на завтрак в директорском доме и обед в ресторане.

В день праздника первыми на завод прибыл полицейский наряд во главе с подтянутым, вычищенным и выглаженным, нарочито распорядительным приставом Анищенко. Он был чем-то расстроен; сегодня он особенно сердито покрикивал на городовых: „поторапливайся"...

На заводском дворе было непривычно тихо, чисто и безлюдно. Анищенко расставил своих тяжеловесных церберов у ворот, в паровозосборном цеху, по двору и отправился на квартиру к директору почтительно поздравить, доложить и хлопнуть рюмочку.

Широкоплечие и толстоусые городовые — цвет губернской полиции!— вросли в землю. Их черные шинели придавали заводскому двору какой то зловещий вид. Праздник начался.

Понемногу стали сходиться рабочие. Они шли медленнее, чем обычно, и в руках у них не было кошелок с пищей. Это было уже празднично. Некоторые одели праздничные узкие долгополые пальто и широчайшие фуражки. Большинство же было одето, как обычно, только сапоги наваксили, да из-под старых пальто были видны чистые воротники новой или выстиранной ситцевой рубахи.

В цеха не пускали. Непривыкшие к безделью на заводе рабочие скучно слонялись по двору, а потом разошлись под стены в ожидании.

У паровозосборного цеха, особняком от прочих, столпились ревностные „брянцы" и прочие „степенные". Эти вырядились, „как приличествует случаю", в бережливо неношенные пальто, узкие брюки, блестящие штиблеты; многие были даже в котелках и „при галстуке". Если один из них вынимал часы, то остальные сдержанно спешили извлечь и свои — знай, мол, наших — и держали их нарочито дольше. Когда из проходной конторы появился поп с причтом, они поторопились к нему навстречу и почтительной стайкой проводили до директорского кабинета.

Уже давно минул одиннадцатый час, с'ехалось почти все начальство и приглашенные, но молебна не начинали; еще не прибыл господин полицмейстер. Сегодня именно он должен был представлять высшую государственную власть, так как губернатор Тобизен изволили отбыть в Таганрог.

У ворот полицмейстера встретил с рапортом встревожен-

ный Анищенко. Но его превосходительство, не дослушав рапорта, проследовал дальше. Это было плохое предзнаменование, бравый Анищенко совсем приуныл.

Полицмейстер очень холодно ответил на приветствие Риццони, сугубо официально поздравил господина директора, дал ему понять, что все это его очень мало интересует, повернулся к директору спиной и скучно заговорил с городским головой.

Удрученный Риццони распорядился начать молебен и попросил всех пожаловать. Анищенко был рад наступившей, наконец, возможности скрыться от ужасных взглядов начальства. Полицмейстер смотрел на пристава пустыми глазами, как будто пристава первого участка Анищенко нет на свете.

Анищенко коршуном вылетел из кабинета. Вот сейчас он покажет, что пристав первого участка Анищенко еще существует на свете. Сейчас он проявит такую распорядительность, что ледяное сердце полицмейстера растает, и в его глазах зажжется огонек восхищения бравым приставом. Этот огонек так часто согревал Анищенко...

Анищенко коршуном вылетел из конторы.

— Чего поставали!? Ма-а-ар-р-ш на молебен! Поторапливайся!!— и пристав прошипел сквозь усы добротную матерщину.

Городовые, как будто их буря из земли вырвала, бросились приглашать рабочих на молебен и угощение. Это делалось так: левой рукой шашкой пониже спины, а кулаком правой по затылку.

Промерзшие рабочие и сами рады были согреться. Со всех сторон к паровозостроительному цеху бросились люди. Впереди, конечно, заводские мальчишки. Они не хотели пропустить ни одной минуты, ни одного звука. Они слыхали, что будет музыка.

У дверей образовалась свалка. Воспользовавшись толчеей, заводские мальчишки стали мять „степенные“ котелки, начался крик.

Анищенко совсем рассвирепел.

Пристав врезался в толпу и стал приглашать шашкой по затылку.

Наконец, все приглашенные втиснулись в цех. Мальчишки, конечно, впереди. Многие из них повесили носы; они не нашли, чего ждали.

Посредине цеха стоял новенький, четырехосный товарный паровоз. Он был глупо увешен елочными гирляндами. Над трубой повис, как намокший, флаг Российской империи. Спереди из рамы выглядывал щуплый император, а рядом с ним строгая императрица.

Ближе к паровозу пробрались и мастеровые паровозо-

сборного. Они безмолвно поглаживали паровоз, как родного перед расставанием, и словно жалели, что его так нелепо вырядили. „Брянцы" тоже стояли у паровоза, но не касались его — как бы не запачкаться.

В дверях показалось начальство. Впереди полицмейстер вел мадам Рицпони. Анищенко бросился отгонять рабочих от паровоза, но они и сами ушли. Полицмейстер пустыми глазами глянул на пристава. Расстаравшийся Анищенко вдруг гаркнул:

— Шапки долой!! — хоть все рабочие давно уже сняли шапки.

Начался молебен. Поп запевал, причт подхватывал, а „степенные" благообразно подтягивали. Толпа рабочих щедро и широко крестилась. Начальство небрежно вскидывало к плечам кисти рук. Полиция крестилась, как по команде: городовые вслед за приставом, пристав — вслед за полицмейстером.

Молебен кончился. Началась вторая часть праздника — угощение рабочих.

Из начальства в цеху остался только секретарь завода Витковский, начальник паровозосборного Горохов и Анищенко. Витковский взлез на паровоз и сказал такую речь:

— Братцы, в ознаменование выпуска первого паровоза дирекция приглашает вас разделить скромную трапезу. Подходите по одному вон туда, в угол. Только уж, пожалуйста, без скандалов...

Выполнив поручение Рицпони, Витковский слез с паровоза. Ему надо было спешить на директорскую квартиру, чтобы тоже „разделить скромную трапезу".

В углу цеха стояло несколько бочек пива и огромные цинковые корыта с хлебом и ломтиками колбасы.

Толпа тронулась с места не сразу: несколько минут она топталась на месте. Потом из нее выделилась группа „степенных" и вышла из цеха, дав понять, что они очень благодарны за угощение, но они сыты.

Были и такие, которые дали понять, что они, хоть и голодны, но угощаться не желают.

— Пошли вы с вашим угощеньем... — и токарь Нехорошев с силой распахнул калитку цеха.

— Опять бунтуешь?! — завопил Горохов — и стал искать глазами Анищенко. Пристава в цеху не оказалось.

Часть толпы двинулась к бочкам. Там каждому отцеживали кружку пива и совали в руку кусок хлеба с ломтиком колбасы. Понукаемые сзади товарищами, они захлебывались пивом и, набив рот хлебом, говорили Горохову:

— Покорно благодарим...

— Покорно благодарим...

Горохов не отвечал. Праздник кончился.

Завод понемногу опустел. Анищенко снял посты и направился на директорскую квартиру. У ворот его ждала группа мальчишек.

— Дяденька, а музыка будет?

— Вот тебе музыка!

И пристав с размаху ударил мальчика по лицу.

Если товарищу, которого ударил тогда Анищенко, попадет в руки эта книжка, он поймет, почему Анищенко так свирепо ответил на вопрос о музыке. Именно музыка, эта неслыханная затея Рицдони пригласить на завод оркестр,— принесла так много неприятностей приставу и самому директору. Вот письмо, которое нам об'яснит, и почему музыки не было, и почему полицмейстер был так холоден на празднике, и почему Анищенко рассвирепел. За два дня до праздника, 25 декабря 1897 года, пристав писал Рицдони:

Многоуважаемый Павел Павлович.

Вчера вечером господин полицмейстер вызвал меня к себе и показывал присланный на его имя бланк паровозостроительного завода, под каким то еще и номером, подписанный Вами, в котором Вы уведомляете его, что во время угощения рабочих 27 декабря будет играть оркестр военной музыки, вследствие чего Вы просите его уведомить Вас о неимении препятствий к сему. На это господин полицмейстер приказал мне передать Вам, что ни по каким вообще вопросам он не сносится ни с кем из частных лиц, а для этого существует известный порядок при удовлетворении просьб от частных лиц, определяемый его служебным положением. Ввиду чего о разрешении в данном случае иметь музыку для рабочих в стенах завода, где предвидится скопище народа, Вам необходимо обратиться к нему формальным прошением и не на бланке завода, о разрешении оркестра в этот день; о чем в своей резолюции он даст знать мне, как местному приставу; без этого же музыка не под каким видом не может быть разрешаема администрацией завода. А о прошении относительно разрешения музыки я вчера же Вам лично говорил. Присовокупляя свою просьбу при этом прошу Вас за этим обратиться заранее, дабы и я не получил неприятного за это.

Уважающий Вас Н. Анищенко.

Музыка на заводе, да еще и обращение не по чину! Да это же „потрясение основ"!!

Нет, „не может быть разрешаема". „Ни под каким видом"!!

Праздник обошелся без музыки. Вернемся к будням.

Следующий день принес рабочим две вести: большую и маленькую.

Большая весть, в виде об'явления, висела на стене конторки мастера. Ее повесили в обед. Обедавшие на станках и козлах, у кранов и верстаков, а то и на корточках под стеной, рабочие оставили свои кошолки и красные платки с пищей и столпились у об'явления. Как обычно, впереди— цеховые грамотеи. Они долго и медленно что-то шепчут. Задние торопят. Потом выделяется самый бойкий грамотей и читает об'явление вслух. Это было не обычное об'явление. Хорошее отношение господина директора к братам-рабочим распростерлось так далеко, что он решил познакомить их даже со своей личной перепиской. Рабочим была представлена честь прочитать письмо самого председателя Правления к директору завода.

„Дорогой Павел Павлович!

Правление получило Ваше приглашение на заводской праздник и поручило мне искренне поблагодарить Вас и об'яснить Вам совершенно правдиво и просто, почему правление считает лучшим разделять радостное и торжественное настроение всех трудившихся на заводе, оставаясь все же в Петербурге. Если б было возможно, то праздник следовало бы устроить правлению где-нибудь даже вне завода и пригласить на него всех, весь завод, начиная с Вас и ближайших Ваших сотрудников, и кончая последним рабочим, если только есть последний в деле, в которое каждый полагал свое знание, свой опыт, свою душу. К сожалению, этого сделать нельзя и завод сам празднует свое торжество, доставшееся ему упорным, настойчивым и нелегким трудом, во время которого были и сомнения, и раздумье, и тревоги. Пусть же этот праздник и остается заводским праздником, в котором никто даже на минуту, даже намеренно не мог бы отнять внимание и значение вполне подобающее истинным, настоящим виновникам торжества. Я пишу это по поручению правления и обращаюсь не к Вам одним, а ко всем сотрудникам и деятелям завода, как бы ни было относительно скромно занимаемое положение кем-либо в общем ряду заводских тружеников.

Пусть мне простят и извинят, что я не называю никого по имени. Называя Вас, я обращаюсь и что каждого из потрудившихся для успешного выпуска первого паровоза, что всегда будет составлять гордость

общества. Позвольте, поэтому, просить Вас принять и передать всем и каждому из деятелей завода, не исключая и рабочих, искреннейшее поздравление правления с успехом и праздником так счастливо совпавшим с великим праздником Рождества Христова, а также пожелание успеха и всего лучшего в наступающем Новом Году.

Искренне уважающий Вас В. Иванов".

Господин председатель Правления отлично знал, что рабочие завода не очень будут обеспокоены отсутствием его высокоблагородия на празднике.

Эти подлые, насквозь лицемерные завывания матерого хищника имели другую цель. Риццони, когда читал письмо, понимающе осклабился:—„умеет же, однако, Виктор Михайлович завернуть!"—и распорядился вывесить письмо по цехам „на один день".

Риццони, очевидно, понимал, что держать эту гнусную похабщину в цеху дольше—небезопасно: а вдруг „братцы-рабочие" сорвут или напишут какую нибудь „пакость". Ведь как ни оберегал господин директор завод от „развращенного элемента", он на заводе все таки „завелся". Это письмо и писалось и вывешивалось именно „для успокоения умов". Господин полковник думал этим своим высокопарным словоблудием „внушить" и „предостеречь".

„Братцы-рабочие" отнеслись к письму по-разному: одни отошли, не дослушав—слыхали, мол; другие дослушали до конца,—может дальше что-нибудь дельное будет; а „степенные" слушали благоговейно и делали вид, что они, как люди серьезные, очень, очень польщены и вполне понимают важность каждого слова господина председателя. Многие из них действительно понимали суть и цель письма и именно поэтому приговаривали: „Золотые слова! Истинная правда!" и поглядывали на мастера—слышит ли?

Маленькую весть сообщили мастера.

— В ознаменование, так сказать, радостного для заводской семьи события из жалованья рабочих производится вычет в размере однодневного заработка. Недоумевающим было немедленно раз'яснено, что это вычет за вчерашний день. За праздники завод не платит. „Сами понимаете". А впрочем:

— Поговори у меня!..

VI.

Господин Риццони ошибся. Завод был сильнее своего хозяина. Господин Риццони всячески старался не дать проникнуть „этому развращенному элементу" извне, а он не только проник, но и возник на самом заводе, изнутри воз-

ник. Немногие пришли на завод „бунтовщиками“, но многие становились ими. Тот же завод, который давал огромные прибыли хозяину, воспитывал, выращивал, закалял боевые революционные силы. Постепенно свершалось то, чего хозяева больше всего боялись: огромная масса заводских рабочих сжималась в кулак. Это началось с отдельных, незначительных, казалось бы, вспышек и перекатывалось из цеха в цех, охватывая все больше и больше людей.

Первые признаки массового недовольства стали проявляться в 1897 году во время получек. День получки был особым днем в жизни завода. Его ждали рабочие, к нему готовилась администрация. Никто из рабочих не знал наверняка, сколько он получит; даже грамотный рабочий, могущий самостоятельно подсчитать свой заработок, очень редко мог хоть приблизительно угадать, сколько ему причитается, сколько у него вычтут и что ему останется. У хозяев была своя арифметика. И самые скупые предположения оказывались выше, чем действительные расчеты.

Дирекция была заинтересована в том, чтобы получка была выдана в самое короткое время.

Получай и отправляйся! Получай и проваливай!

Это нужно было для того, чтобы во время получки толпилось как можно меньше людей. Вопрос о получке не должен становиться предметом обсуждения толпы. Первые месяцы получка проходила сравнительно спокойно. Получали, что выдавали. За 45 минут все расчеты были окончены.

Потом время получки стало растягиваться. Рабочие начали задавать вопросы — почему, мол, столько, а не столько?— Со временем начались и открытые протесты, настойчивые требования перерасчетов, при чем один уже поддерживал другого. Защита получки становилась общим делом.

Во второй половине 1897 года цеха уже гудели во время получки по два три часа. 9 августа Риццони строжайше приказал бухгалтеру сократить время получки. Но бухгалтерия тут уже ничего не могла поделать.

В сентябре 1897 года в кузнечном цеху вспыхнула стачка молотобойцев. Первая на заводе стачка. Ее зачинщиком был Иван Новомоднов. Он не был агитатор. Этот безграмотный рабочий только высказывал вслух то, что он думал. Иван Новомоднов знал свой тяжелый молот, и он знал, что обязан махать им по десять с половиной часов в день и получить за это 70 —80 копеек. Если Иван Новомоднов хотел получить рубль, он должен был отмахать еще два часа. Если же Иван Новомодов, обессиленный работой, неучтиво отвечал на окрик мастера, то он должен был возвратить этот рубль хозяину. Штраф! Иван Новомоднов старался наверстать потерянный день и отобранный заработок, и он целый месяц работал сверхурочно. И вот приходит день

получки. Иван Новомоднов получает на три рубля меньше, чем он заработал. Мастер посылает к табельщику, а табельщик к мастеру. Что мог думать и говорить Иван Новомоднов? Он мог говорить, что расценки низки, что завод грабит его заработок, что правила внутреннего распорядка — каторжные, что нужно бы вырвать хоть один час в неделю и сократить рабочий день в субботу.

Разве в этом нужно было убеждать других молотобойцев?

Нет, Иван Новомоднов говорил вслух то, что они думали.

И когда в сентябрьскую получку 1897 г. их всех, как и Ивана Новомоднова, обсчитали, они окружили мастера и заявили, что не станут на работу, пока им не вернут их заработок.

Что мог ответить Иван Новомоднов на грозный окрик начальника цеха Попелло?

Он ответил, что „я тебе, кровопийце, молотом голову разобью".

Это был уже бунт!

Попелло бросился к Риццони. Риццони вызвал Анищенко. А Анищенко подождал в проходной конторе, пока к нему приведут Новомоднова.

Молотобойцы простояли полдня. Это нарушило работу всего цеха. На молотобойцев насели „степенные". В цеху появился Анищенко.

С обеда молотобойцы стали на работу. Первыми поддались „мурики". Их было среди молотобойцев много. Они не столько бастовали, сколько ждали, когда же исправят эту явную несправедливость с получкой.

Анищенко поговорил с Попелло и вызвал в конторку двух перепуганных „муриков". Они подтвердили, конечно, предположение господина пристава, что Иван Новомоднов „был главным подстрекателем". Попелло писал в донесении Риццони, что „на это указывали сами молотобойцы". Иван Новомоднов на завод больше не вернулся.

Так завод, не успев еще выпустить первого паровоза, выпустил уже первого бунтовщика.

Риццони думал, что стачка молотобойцев это случайный эпизод. Но господин директор ошибся. 11 декабря 1897 года произошла новая вспышка уже в модельном цеху. Там „людей держал в руках" мастер Иван Масло. До сего времени все его проделки сходили гладко, но на этот раз дело закончилось новым „бунтом", и обнаружился новый „элемент".

Модельщики Зеленов и Передерий получили долгожданную сдельную работу. Им было дано изготовить модель за 190 руб. Модельщики горячо взялись за работу. Им хотелось, понятно, сделать ее как можно скорее. Они хо-

тели в месяц заработать по 95 руб. каждый! Они работали по 15—16 часов. Они позволяли себе потратить на обед 10—15 минут. Заработать такие деньги за месяц удается не всегда. Нужно воспользоваться счастливым случаем.

И вот, за два дня до окончания модели, мастер Масло заявляет, что модель испорчена. Модельщики пытаются робко протестовать. Мастер Масло, не дослушав, твердит: „модель испорчена".

— Иван Онуфриевич, может быть переделать что-нибудь надо? Мы переделаем. Не испорчена ведь модель... Дайте нам ее докончить.

— Нет, модель испорчена, я сдаю ее другому модельщику.

— Иван Онуфриевич...

— Ну, ладно, я запишу вам 20 руб.

— Как 20 рублей! Ведь целый месяц вдвоем работали... Это же разбой!

— Ларик, проверь-ка модель!

И Масло уходит. К модели, не глядя на модельщиков, подходит „степенный" Ларик, закадычный собутыльник мастера. Ему, конечно, и без проверки ясно видно, что модель „испорчена". Он прикидывает „на глазок".

Взбешенный Зеленов бросается на Ларика и избивает его. Передерий сдерживает товарища.

Масло возвращается к модели. Передерий разражается руганью:

— Я найду на тебя управу,— угрожает Передерий,— я знаю, чего ты хочешь!

— Завтра за расчетом — бросает Масло и снова удаляется.

Передерий и Зеленов уходят из цеха. Они пишут заявление директору: „Мастер... хочет отдать модель родственнику, который недавно испортил модель пресса... Просим вас назначить экспертизу".

Какая там экспертиза! „Уволить модельщиков № 3521 и № 3527 за грубое отношение к мастеру и нарушение правил".

Стачка молотобойцев и увольнение двух модельщиков стали известны по заводу. Большинство живо интересовалось этими случаями, многие расспрашивали о подробностях, каждый про себя одобрял „бунтовщиков", но не каждый осмеливался сделать то же. Это нарастание скрытого протеста против хищнического произвола толкнуло некоторых прибегнуть к способу безымянных угроз. В проходной конторе стали находить письма с угрозой расправиться то с каким-нибудь мастером, то с самим директором. Эта наивная попытка запугать начальство очень обеспокоила администрацию. Рищони стал направлять к Анищенко „об'явление, подброшенное сегодня рабочими во время прохода толпой

через проходную контору. Об'явление это было вложено в конверт без подписи" (25 февраля 1898 года).

Испуганный ростом брожения среди рабочих, Рицпони бросился к полицмейстеру с просьбой „отрядить из штата Харьковской городской полиции двух городовых для ближайшего в районе завода надзора" (31 января 1898 года).

Но вскоре господин директор получил возможность убедиться, что двум постоянным городовым у ворот не остановить роста брожения на заводе.

Вскоре обнаружился целый бунтарский цех. Таким надолго стал машиностроительный. В этом цеху собрался наиболее бывалый народ, и швед Энглом не мог подобрать себе большого количества „земляков". В этом цеху чаще всего во время получки раздавались протесты против штрафов, вычетов и расценок. Плохо говоривший по русски Энглом поручал вести все переговоры с рабочими своему помощнику монтеру Серикову. Этот держиморда опирался на незначительную группу своих приверженцев и свирепствовал так, что даже Энглому приходилось его иногда сдерживать.

И вот вечером 14 марта за несколько минут до шабаша Сериков придрался к токарю Петецкому за то, что он слишком, мол, долго задержался в отхожем месте.

— Гудка дожидался, лодырь!

Больной Петецкий, обычно спокойный и уравновешенный мастеровой, ни слова не говоря, огрел монтера ключом. Сериков взревел и набросился на Петецкого.

Вмиг на монтера накалились соседи Петецкого. Сериков был основательно помят. Пошабашившие рабочие других цехов пришли на шум и заполнили цех. Прибежал и Энглом.

— Кто бил?

— Все!

— Зубков, я спрашиваю тебя — кто бил?

— Все.

— Казаченко, кто бил?

— Все.

Толпа замерла. Энглом приказал немедленно очистить цех. Толпа двинулась к выходу. В это время кто-то крикнул:

— Мы еще возьмемся за вас, шкуродеров!

Из толпы понесся оглушительный свист. Энглом и не пытался узнать, кто это крикнул.

Когда цех опустел, он побежал к директору на квартиру. Рицпони немедленно позвонил к старшему инспектору Гнедичу, рассказал ему о происшествии и условился завтра утром представиться по этому поводу губернатору. Тобизен принял их 16 го, сделал все „нужные распоряжения" и приказал полицмейстеру лично посетить завод.

На следующий день полицмейстер в сопровождении Рицции обошел завод и, решив, очевидно, что одного его появления достаточно для успокоения — уехал. Что было дальше, мы узнаем из письма, посланного директором губернатору 20 марта 1898 года.

„16 сего месяца я, совместно со старшим фабричным инспектором Гнедичем, имел честь представиться Вашему Превосходительству по поводу беспорядков, происшедших 14 марта в машиностроительном отделе Харьковского Паравозостроительного завода. Вы изволили распорядиться, чтобы подвергшийся насилию монтер Сериков неотлагательно подал на рабочих Казаченко, Петецкого и Зубкова, проявивших главнейшее участие, жалобу мировому судье, которым эти лица на другой же день должны были быть привлечены к водворению в тюремное заключение. Согласно Вашего Превосходительства указанию, Сериков в тот же день подал мировому судье жалобу, который ему заявил, что рассмотрение ее будет назначено на 24-е число будущего апреля месяца. Вследствие изложенного обстоятельства, названные рабочие, оставаясь на свободе, продолжают пребывать около завода и подговаривать других рабочих к выражению неудовольствия, требованию увеличения платы и проч. Таким образом, постановка вопроса об ответственности виновных в происшедших беспорядках получила совсем неожиданный, очень опасный оборот в смысле поддержания порядка в заводе посредством привлечения рабочих к законной ответственности. Убедившись, что после посещения завода высшими чинами полиции и после тщательного разбора дела никаких мер взыскания не принято, рабочие видят лишь косвенное одобрение их поступков и это внушает им смелость и уверенность в безнаказанности в будущем“.

Не трудно догадаться, что Козаченко, Петецкий и Зубков были взяты, посажены в тюрьму, а потом высланы из Харькова.

Таковы были первые взрывы рабочего негодования и протеста. Но дело было не только в них самих. Сами по себе они не представляли еще очень большой опасности для хозяев. Огромное значение этих первых выступлений рабочих против эксплоататоров заключалось в том, что они поднимали, сплачивали весь завод, они подсказывали каждому рабочему необходимость борьбы, они звали его на борьбу.

Эту опасность учуял господин директор. Потому-то он так и заметался, что дело приняло „совсем неожиданный

очень опасный оборот в смысле поддержания порядка на заводе". Недаром господин директор подсказывал губернатору, что растерянность полиции и недостаточная, по его мнению, решительность в борьбе с „беспорядками", „учиненными рабочими, внушает им смелость и уверенность в безнаказанности в будущем". Господин директор предостерегал городские власти и указывал им на это страшное „будущее". А оно неминуемо надвигалось.

VII.

То, что происходило на Харьковском паровозостроительном заводе, не было частным явлением. Во всей России, на всех фабриках и заводах, на каждом предприятии по-своему происходило то же самое. В России вырастал рабочий класс, как единая сила, которая единственно способна начать и довести до конца борьбу с царско-помещичьим строем, с капитализмом. И во главе этой силы уже тогда, в первой половине девяностых годов, становился великий Владимир Ульянов-Ленин. Уже тогда он начал создавать авангард рабочего класса — его партию.

Еще в 1894 году, будучи молодым человеком 24-х лет, Владимир Ильич в брошюре: „Что такое „друзья народа", и как они воюют против социал-демократов?" писал:

„Раздробленная, единичная, мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности об'единиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплоататором, об'единяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой до-

рогой открытой политической борьбы К ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ".

Тогда же Владимир Ильич ставил перед рабочими ближайшей задачей „организацию социалистической рабочей партии".

В конце 1897 года Владимир Ильич написал брошюру „Задачи русских социал-демократов", в которой он указал пути создания такой партии. Он писал тогда:

„Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к об'единению, к социализму, к борьбе против своих эксплоататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность „процветает", торговля идет бойко, фабрики работают вовсю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием" промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские с.-д. должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более об'единенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих, — способным выступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ".

В этой брошюре Владимир Ильич указывал на необходимость упрочения связи социал-демократических кружков с рабочими массами, на необходимость перехода от замкну-

той пропагандистской работы в узких кружках к широкой политической и экономической агитации в рабочих массах, к развернутой практической деятельности по созданию боевой рабочей партии. В той же брошюре Ленин писал:

„Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!“

Первый социал-демократический кружок в Харькове возник в 1892 году. Он об'единял небольшую группу интеллигентов и вел замкнутую „школьную“ жизнь. Первые социал-демократы в небольшом кружке изучали Маркса, вели теоретические споры „о судьбах капитализма в России“ и пытались выработать в этих спорах свое мировоззрение. Впоследствии харьковские социал-демократы в шутку называли этот первый кружок „социалистической академией“. Этим подчеркивался учебный, замкнутый характер кружка. Этот первый кружок не имел каких-нибудь связей с рабочими Харькова.

В 1895—96 годах в Харькове уже было три-четыре кружка, об'единенных центральным кружком. Все эти кружки тоже вели замкнутую внутреннюю учебу и пополнялись, главным образом, за счет студенчества и редких одиночек-рабочих. При активном участии этих рабочих организации удалось в городском ройоне создать ряд кружков среди печатников, наборщиков, картонажников, белошвеек, ювелиров, конвертниц, конфетниц, табачников и друг.

Открытая массовая агитация среди рабочих считалась еще „преждевременной“.

В те же годы организации удалось связаться с одиночными рабочими в заводском районе. Зимой 1895—6 года в организацию вошли рабочие железнодорожных мастерских, Семенов и Матросов. Одновременно рабочие Давыденко и Зоткин организовали в тех же мастерских кружок из молодых рабочих-учеников.

Попытка проникновения социал-демократического кружка на паровозостроительный завод началась с приходом туда на работу тов. Семенова, в конце 1896 года.

Семенов долго присматривался к товарищам по паровозостроительному цеху. Из опасения быть раскрытым, Семенов настолько конспирировался, что не вел агитационной работы среди рабочих, а выискивал одиночек для привлечения в замкнутый кружок. Стихийное нарастание недовольства и протеста среди рабочих, стихийные вспышки против заводских порядков и заводской администрации прошли мимо Семенова. Он не сумел первое время собрать, сплотить вокруг себя наиболее активных рабочих, не сумел на основе недовольства рабочих заводскими порядками, на основе их разрозненных экономических требований начать и политическую агитацию. Семенов тоже считал это „преждевременным".

Работа слишком замкнутого социал-демократического кружка отставала от растущего брожения в рабочих массах.

Со временем это начал понимать и Семенов. Он начал понимать, что замкнутая, не ведущая работы в широких массах социал-демократическая организация может превратиться в мертвую секту. Он начал понимать, что на заводе зреют силы, которые социал-демократическая организация, если она хочет быть боевой, революционной организацией, должна об'единить, возглавить, направить.

Семенов пришел к этому выводу по собственному опыту.

Он узнал о стачке молотобойцев, когда об этом говорил уже весь завод.

Он видел, как рабочие машиностроительного цеха стеной стали против заводской администрации.

На его глазах завод выделил таких людей, как Новомоднов, Зубков, Петецкий, Казаченко.

На его глазах завод вырастал в грозную силу, которая переполошила уже администрацию и городские власти.

Когда Семенов это продумал, он потребовал от центрального кружка перехода к широкой социал-демократической агитации.

По настоянию Семенова в 1898 году организация выпустила свой первый листок к харьковским рабочим.

Этот отпечатанный на гектографе листок впервые раз'яснял рабочим необходимость сплочения, призывал к стачечной борьбе за экономические требования и политические права. Листок был подписан „группой социал-демократов". Как и прежде, социал-демократический кружок уделял главное внимание железнодорожным мастерским, поэтому из небольшого количества этих листков большинство было распространено там. На ХПЗ попало только несколько листков.

Рано утром, перед началом работ, Семенов рассовал по ящикам у станков и верстаков паровозостроительного цеха несколько листков. Он видел, как рабочие вынимают

листки, сначала недоуменно разглядывают их, а потом поспешно прячут в карман.

Потом они стали выходить. По нужде, мол. Некоторые из них по пути подталкивали локтем товарища:—Пойдем-ка, дело есть... И возвратившись, они очень старались показать, что ничего не произошло.

В обед к Семенову подошел токарь Артемий Нехорошев.

— У меня к тебе дельце завелось... Пойдем что ли, покурим.

Покурить можно было только в отхожем месте, но Нехорошев увел Семенова мимо. Артемий несколько минут мялся. Семенов помог ему заговорить.

— Тут листочек один нашелся... Может, возьмешь почитать?

Семенов заинтересовался. Нехорошев дал почитать.

— Только не рви, еще пригодится...

Семенов возвратился в уборную, а Нехорошев в цех.

В цеху Нехорошев и Семенов старались не глядеть друг на друга.

Кто-то из „брянцев“, прочитав найденный у себя листок, а потом еще раз, сделал подобострастно-озабоченное лицо и побежал к Горохову. Мастер всей пятерней хватил листок.

— Читал ты это?

— Нет, как же, кто его читать станет...

— Найдутся... Иди и помалкивай.

„Брянец“ петушком убежал и за работой строго оглядывал цех.

После шабаша Нехорошев догнал за воротами Семенова. Несколько минут они шли молча. Заговорил Нехорошев.

— Ну, как?.. Дельная, ведь, бумажка?

— Справедливо написано.

— Ты мне ее отдай. Спрячу.

— Зачем прятать? Может дать кому-нибудь...

— Нет, уж я сам дам.

Семенову это и нужно было.

В тот же вечер Нехорошев показал бумажку своему соседу, слесарю машиностроительного цеха Александру Коробченко. Он еще раз прочитал ее вместе с соседом и оставил у него. — „С нашим Гороховым и его братией много не начитаешь...“

Утром листок пошел по машиностроительному цеху. И пошел так, что даже Сериков не узнал о нем.

Так пришла на завод первая социал-демократическая листовка. Кто читал первую, ждал уже вторую. Но она долго не появлялась. Как ни настаивал Семенов, кружок,

лишенный элементарной техники, не сумел ее выпустить вплоть до 1899 года.

До этого времени социал-демократическая организация не сумела еще проникнуть на завод, не смогла превратить этот гигант в свою опорную базу, не могла его охватить более или менее постоянным и организованным влиянием.

Первая маевка в городе состоялась в 1898 году. Но она охватила только несколько десятков рабочих, связанных с кружками, главным образом из железнодорожных мастерских, и не затронула широких масс завода. Да и не могла их затронуть. Широкие массы ничего еще не знали о великом дне. И городская социал-демократическая группа не сумела еще предпринять сколько-нибудь важных шагов к тому, чтобы об'единить массы рабочих в организованном выступлении.

Весть о первом мая широко разошлась среди рабочих только в 1899 году. К этому времени группа окрепла настолько, что смогла выпустить листовку, специально посвященную этому дню.

Тысяча рабочих впервые узнали о своем празднике. Прокламация раз'ясняла им его значение. Первое мая становилось памятным днем в календаре рабочих.

Листовка снова появилась на заводе через Семенова, но теперь уже в большем количестве экземпляров и распространена она была более широко.

Семенов принес на завод еще и картинку. Она называлась „Майская картина". На ней был изображен рабочий с красным знаменем, пришедший в кузницу звать товарищей бросить работу.

Кто видел эту картину, рассматривал ее пристально и долго, как будто она изображала не только этот эпизод, а люди ожили на ней и они действуют, и вот смотрящий следит за тем, как они действуют.

На заводе заговорили о прокламации и картине, заговорили о 1 мая. Нехорошев в беседе с Семеновым стал говорить, что хорошо бы забастовать и нам. Семенов с ним согласился. Но как это сделать? Как поднять эти тысячи людей? Этого Семенов еще не знал.

Городской организации стало известно, что рабочие поговаривают о забастовке. Но и в этом году она не смогла еще поднять сколько-нибудь значительного числа рабочих. 1 мая 1899 года снова ознаменовалось только несколькими загородными собраниями, в которых приняло участие по десятку рабочих. Но как незначительны ни были эти первые маевки, они все же имели огромное значение. В широких рабочих массах стало известно, что маевки уже происходят, что какие-то рабочие принимают в них участие. В сознании рабочих маевка становилась непреложным фактом.

О последней маевке разнюхала и жандармерия. По городу, на заводах прокатилась первая волна обысков и арестов. Охранники искали прокламаций, того, кто их распространял, и даже того, кто их читал. Но эта полицейская вылазка не принесла им большого успеха. Основные силы организации остались нетронутыми.

Вторая половина 1899 года принесла ряд событий, имевших огромное значение в упрочении революционных настроений среди рабочих ХПЗ. Осенью, без призыва и руководства со стороны социал-демократической организации, на почве экономических требований вспыхнула забастовка на соседнем заводе „Бельгийского Общества". Уже после ее возникновения организация обратилась к рабочим этого завода с листовкой и сумела поддержать забастовщиков тысячей рублей, собранной среди сочувствующих в городе. Забастовщики держались стойко. Хозяева завода вынуждены были пойти на уступки.

Вслед за этой забастовкой на некоторых небольших Харьковских заводах возникло движение за сокращение рабочего дня с $11^1/_2$ часов до $10^1/_2$ часов, как это было на крупных заводах. Эти требования рабочих были удовлетворены. Хозяева и городские власти испугались стачки.

Успех первых забастовок укрепил в сознании рабочих уверенность в силе стачек и возможности победы. Эти первые забастовщики вынудили хозяев на уступки. Кто-то забастовщикам помогает. Стачка тоже становилась непреложным фактом. Так среди сотен рабочих завода нарастала внутреняя готовность к стачке, когда она начнется.

VIII.

Между тем на паровозостроительном заводе, как и во всей промышленности, свершалось то, что пророчески предвидел и к чему готовил русских социал-демократов Владимир Ильич.

Период кратковременного „процветания" кончился. Наступала полоса затяжного кризиса. Завод подходил к окончанию правительственного заказа на паровозы. Сжимаемые кризисом заводы-потребители прекратили заказы на станки. И хозяева по-своему готовились к кризису.

12 марта 1899 года Иванов послал директору завода первый сигнал: „*...кризис наступит рано или поздно*,—писал Иванов,—*и надо заранее быть подготовленным к довольно разнообразному выходу из затруднений*".

Рицдони отлично понял, что значит этот „довольно разнообразный выход". Хозяева приказывали ему свалить издержки кризиса на рабочих. Прибыль не может быть снижена. За капиталистический кризис должны расплачиваться рабочие. И Рицдони начал осуществлять „выход".

Первым из этих „довольно разнообразных выходов“ было снижение заработной платы. Уже в апреле 1899 года средний заработок в машиностроительном цеху с 1 р. 30 к. снизился до 1 руб. 11 коп.; в чугунолитейном—с 1 р. 46 к.— до 1 рубля. 30 коп. и т. д. В то же время Гороховским брянцам, этим хозяйским приспешникам среди рабочих, заработная плата была повышена. С рабочего стали сдирать по двугривенному в день, чтобы сохранить хозяйские сотни тысяч.

...о выход должен был быть „разнообразным“— приказал Иванов,— и Рицдони вскоре нашел еще один способ: ликвидировать постоянные расценки, установить порядок, при котором мастера в каждом отдельном случае договариваются с отдельным рабочим о расценке.

Мастер вызывал к себе рабочего и говорил ему: даю за работу 10 рублей. Рабочий пытался сопротивляться. Ему нужно было работать для этого две недели. Еще в прошлом месяце он за эту же работу получал 15 рублей. Вот, мол, господин мастер, и в расценках написано: за эту работу полагается 15 рублей.

— Постоянных расценок на заводе больше нет. Получай, что дают, или не дам и этого. Завод лодырей не держит. Можешь подавать на расчет.

А это было самое страшное. Перейти на другой завод уже нельзя было. Квалифицированных рабочих уже не „берегли“. Их выбрасывали за ворота пачками. Вскоре это самое страшное началось и на паровозостроительном заводе. 9 ноября 1899 года была выброшена первая группа рабочих: 24 кузнеца и их молотобойцы.

Сама администрация постаралась, чтобы это стало известным по всему заводу. Угроза безработицы была самой сильной угрозой в руках хозяев. Оплата за сдельную работу стала ниже прежней поденной. Поденная плата была фактически ликвидирована. Литейщик номер 2517 Москалев, имея в книжке обозначенной поденную плату в размере 1 руб. 50 коп., был переведен, как и все другие, на сдельную и стал вырабатывать только по 80 коп. Рицдони нашел еще один способ „довольно разнообразного выхода“.

Но кризис все возрастал. 4 декабря Рицдони уже сообщил правлению: „...Если завод будет продолжать работу в полном об'еме, то паровозосборному цеху хватит работы лишь до апреля месяца включительно... На июнь месяц работ для котельной пока еще не имеется...“ И тут же директор сообщает о „выходе“: — „С 1 января заявлен расчет 35% рабочих кузнечного цеха“.

Так на заводе совершалось то, что предвидел для всего российского капитализма Ленин. Наступил крах, и капита-

листы, пожинавшие гигантские барыши, начали сваливать убытки на рабочих.

Но Ленин предвидел не только это. В 1894 году Ленин предвидел, что этот крах „поставит перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим".

Вскоре началось и это. На заводе стали накопляться взрывные силы. Даже фабричный инспектор господин Кошечкин это заметил. Кошечкин засуетился. Кошечкин стал робко убеждать Риццони, что, мол, законы Российской империи, „Устав о промышленности" дают капиталистам достаточно возможности для эксплоатации и обеспечивают им довольно высокие барыши, зачем же понадобилось господину директору нарушать эти, и без того хорошие, законы. Господин фабричный инспектор стал чаще появляться на заводе и аккуратно записывать в книгу „замеченные мною недостатки". Но господин директор плевал на господина инспектора, и господин инспектор терпеливо вытирал эти плевки. Когда дело стало заходить слишком далеко, и Кошечкин увидел страшную опасность для своих хозяев, он 2 марта 1900 г. написал Риццони:

Секретно.

„Считаю долгом предупредить Вас, милостивый государь, что по некоторым данным можно предположить о возрастании неудовольствия среди рабочих Харьковского паровозостроительного завода, которое может повести к печальным последствиям; что главнейшими причинами неудовольствия являются:

а) понижение заработка, б) его неравномерность и в) неимение определенных всем известных и законом требуемых расценков, и что вследствие сего рост неудовольствия среди рабочих может быть приписан упорному неисполнению заводом законных требований фабричной инспекции.

С совершенным почтением фабричный инспектор КОШЕЧКИН".

Письмо возмутило Риццони. Куда он лезет, этот Кошечкин. Или он забыл кому служит? Что он суется со своим законом, когда дела Общества идут плохо! Прибыль!—вот высший закон, и фабричный инспектор должен это знать. Риццони и сам знает о неудовольствии среди рабочих. Пусть Кошечкин сделает так, чтобы этого „неудовольствия" не было; для того и поставлен. И 4 марта Риццони написал Кошечкину издевательский ответ:

„В отношении Вашем от 2 марта за № 105 Вы по некоторым данным устанавливаете предположение о возрастании неудовольствия среди рабочих вверенного мне завода, которое, по Вашему мнению, может повести к печальным последствиям...

Вследствие вышеуказанного имею честь выразить Вам искреннюю благодарность за сделанное Вами указание, к какого рода последствиям, по Вашему мнению, может привести предполагаемое неудовольствие. Мне было бы еще приятнее, если бы имеющиеся у Вас данные позволили бы более определенно раз'яснить печальность указываемых последствий. То-есть более точно указать самые последствия, без каковых дополнительных раз'яснений я не в состоянии представить себе этих предполагаемых последствий...“

Так Рицдони в весьма вежливых выражениях сказал инспектору: — пошел прочь, остолоп! Не лезь не в свое дело!

Кошечкин поджал хвост и побежал жаловаться к старшему фабричному инспектору Быкову. Быков, хоть и был с Рицдони в очень хороших отношениях, но взял своего чиновника под защиту. Павел Павлович — решил Быков,— очевидно, не понимает, как далеко зашло дело. Массовое брожение началось среди рабочих всего города. Нужно, по возможности, конечно, хоть на время, ослабить нажим. Иначе это брожение действительно приведет к весьма печальным последствиям. Лучше сейчас немного уступить, чтобы потом не потерять большего. И 14 марта Быков написал Рицдони:

— *„... Приближение весеннего времени, часто весьма беспокойного для промышленных заведений, вынуждает меня настойчиво просить Вас в возможной полноте исполнить все требования устава о промышленности и согласные с ним замечания фабричной инспекции и лишний раз указать, что уклонение от установленных требований в деле расчета с рабочими может повлечь иногда крайне нежелательные последствия.*

Вместе с тем, честь имею покорнейше просить Вас, милостивый государь, незамедлительно сообщить мне о всех замеченных администрацией завода признаках неудовольствия среди рабочих“.

Указывая неосмотрительному Рицдони на опасность, Быков в то же время успокаивал его: в случае, мол, чего— позови меня... Рицдони не ответил Быкову. Он и сам стал убеждаться, что брожение на заводе действительно огромно, и что ни он, ни мастера с „земляками“ уже не смогут „удержать в руках“ тысячи рабочих. Рабочие уже вырываются из хозяйских рук.

IX.

В 1900 году социал-демократическая организация сумела развернуть более широкую подготовку к 1 Мая.

Уже 22 апреля за Ивановкой, неподалеку от пивного завода, собралась первая сходка, посвященная подготовке к 1 Мая. На сходку сошлось свыше 100 человек рабочих, в подавляющем большинстве из железнодорожных мастерских. Эти мастерские остались основной базой социал-демократической организации; здесь были сосредоточены лучшие силы и создано рабочее ядро. Остальные заводы, в том числе и паровозостроительный, попрежнему не были охвачены руководством этой организации. На паровозостроительном попрежнему действовали одиночки, которых мы уже знаем. На этой сходке от паровозостроительного завода присутствовал, вероятно, только Семенов.

Сходка наметила план забастовки 1 мая. Центром демонстрации была намечена Конная площадь. Сюда должны были сойтись все заводы и отсюда общей демонстрацией двинуться в город.

Семенов в тот же день виделся с Нехорошевым. Артемий убежденно заговорил, что завод 1 мая бросит работу. Он уверен в успехе. Он готов немедленно начать агитацию. Семенов поручил ему поговорить об этом только с некоторыми рабочими.

Нехорошев сейчас же пошел к Коробченко.— Как ты смотришь на это? Коробченко ответил, что за машиностроительный цех он ручается. Этот цех не подведет. В цеху появились боевые парни. Коробченко стал их перечислять: Марченко, Володин, Квитченко, Рыболович, Калмыков. Все это новый народ на заводе. Все они пришли только в прошлом году. Но Коробченко знает цех и он убежден, что эти ребята не подведут.

Во вторник, 25 апреля, на заводе появились листовки и брошюрки о 1 Мае. Они были заготовлены организацией и привезены из Екатеринослава еще в начале апреля. На этот раз листовок было уже свыше двух тысяч. Сколько можно было принести с собою — Семенов принес. Но этого было мало. Теперь уже никто не недоумевал, когда находил у себя в ящике листовку; теперь уже многие сами заглядывали в ящик: нет ли, мол, там чего-нибудь такого, должно бы быть...

В среду вечером, 26 апреля, перед шабашом у заводских ворот все было, как обычно. Грузно похаживали городовые и бойко тараторили торговки. За несколько минут до гудка у завода появилась группа мальчишек. Это тоже было обычно. Эти „арапы"—как тогда называли мальчишек—часто приходили к заводу перед гудком, чтобы раздать рабочим об'явление о „дешевой распродаже" какого-нибудь предприимчивого

торговца. После гудка, когда рабочие стали выходить из дверей проходной конторы — „арапы" раздали им свои бумажки. Необычно было только то, что мальчишки делали это очень поспешно, и рабочие рвали у них об'явления из рук. Когда у мальчишек об'явлений уже не стало, они мигом скрылись.

Нам не трудно догадаться, что это были не об'явления, а прокламации. Но об этом трудно было догадаться городовым. Анищенко устроил им свирепый нагоняй и приказал „глядеть в оба".

В четверг городовые были бдительнее. Городовые уже специально ждали „арапов". Они долго не появлялись. Но как только из проходной стали выходить первые рабочие, мальчишки появились как из-под земли. И у каждого в руках была огромная пачка желтых листовок. Городовые бросились за „арапами". Они хватали их за воротники и трясли так, что мальчики посинели.

— Ой, за что, дяденька?

— За что бьете? За что бьете мальчишек, архангелы?! И вокруг городовых столпились рабочие.

— За дело — ответил один из вспотевших архангелов и стал складывать отобранные у мальчишек листовки в кучу.

— Да ты посмотри, что это! — и один из рабочих ткнул городовому под нос желтое об'явление весьма уважаемой даже господином полицмейстером торговой фирмы „Пономарев и Рыжов".

Рабочие подняли оторопелых стражей на смех. „Арапы" смеялись сквозь слезы.

В эту минуту за толпой началось какое-то движение. Когда толпа рассеялась, городовые увидели проехавшую уже мимо пролетку, за которой бежали рабочие. На пролетке сидел человек и бросал за спину листовки. Это были именно те листовки, которых ждала полиция. Пролетка умчалась, и рабочие живо расхватали прокламации. Городовые бросились их отбирать, но отобрать у рабочего листовку было нелегко. Пока городовые возились с двумя-тремя рабочими, остальные разошлись.

Анищенко обрушил на архангелов все громы преисподней.

Листовка широко разошлась по заводу. Ее читали почти открыто.

Эта прокламация и брошюра рассказывали рабочим историю 1 Мая, раз'ясняли его значение; они призывали рабочих к борьбе за политические права; они выдвигали лозунг 8-часового рабочего дня и раз'ясняли его международное революционное значение; они призывали к сплочению и забастовке 1 мая; они призывали рабочих всех национальностей к классовому единению. Заканчивалась прокламация так:

„Мы требуем:

1. Свободы союзов, стачек, собраний, слова, печати, неприкоснóвенности личности и участия в издании законов.

2. Установления законом 8-часового рабочего дня для всех рабочих без исключения.

3. Отмены сверхурочных работ.

4. Восстановления праздников, запрещенных законом 2-го июня 1897 года.

5. Распространения фабричных законов и инспекций на казенные и ремесленные мастерские.

6. Обязательного государственного страхования рабочих и ответственности хозяев за несчастные случаи

Итак, товарищи, вперед, за нашу свободу, за наши права, за лучшую жизнь. Пусть беснуется наше правительство, пусть грозит нам штыками, пусть бросает в тюрьмы, ссылает нас в Сибирь, мы не остановимся перед этим. Мы заявим себя членами той великой рабочей семьи, которая искоренит на свете неправду и зло, воцарит на земле братство, равенство, свободу. — Мы не будем работать в этот день, мы посвятим его собраниям и сходкам, нашему общему делу.

Да здравствует 1 Мая!

Да здравствует международная социалдемократия!

Да здравствует Российская Социалдемократическая Рабочая Партия!

Товарищи, полиция, чтобы иметь повод послать на нас войска, постарается вызвать нас на беспорядки. Но мы не поддадимся на удочку, мы мирно и спокойно, без буйств и насилия отпразднуем день 1 Мая!

ХАРЬКОВСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ".

Типография „Южного Рабочего".

Листовка проникла в самую гущу рабочих. Для огромного большинства она была впервые услышанным революционным словом. И понятно, что это огромное большинство еще не поняло, не осознало всего значения выдвигаемых прокламацией политических лозунгов и требований. Им понятно было одно: листовка указывала способ и срок для протеста против зверских порядков на заводе, против хозяйского грабежа, против тяжелой жизни. Именно это об'единило тогда тысячи людей. Политические требования были поняты еще только небольшой группой передовых рабочих. И в те времена это имело огромное значение. Голос токаря паровозосборного цеха Артемия Нехорошева, требовавшего

конституции, прогремел тогда на всю Россию. На этот голос откликнулся великий Ленин.

29 апреля на Лысой горе собралась вторая сходка. Сошлось около 40 человек. Они приняли окончательное решение 1 мая забастовать и разработали окончательный план демонстрации. Этот план в полной мере отражает в себе слабость тогдашней социалдемократической организации, отсутствие связи с широкими рабочими массами. План сводился к следующему: забастовку провести под чисто политическими лозунгами; никаких экономических требований не выдвигать. Социалдемократическая организация настолько не знала действительных настроений рабочих масс, что на этой второй сходке было решено сузить забастовку против первоначального плана; решено было забастовку закончить к 8 часам утра.

Как рассказывает в „Летописи Революции" один из руководителей тогдашней забастовки, рабочий железнодорожных мастерских товарищ Матросов, окончанием забастовки в 8 часов утра они хотели „показать начальству нашу готовность к борьбе за празднование и за 8-часовый рабочий день, но не начинать самой борьбы".

Последующие события „неожиданно" далеко перехлестнули этот план.

Основные силы социалдемократической организации были попрежнему собраны в железнодорожных мастерских; здесь был сосредоточен „главный штаб". На этой сходке Семенов с Матросовым условились поздно вечером сходить на Чайковскую улицу и в условленном месте получить для распространения новую листовку, написанную в духе решений, принятых на этой сходке.

Поздно ночью они встретились в условленном месте. Чайковская улица была тогда еще заросшим диким кустарником пустырем, среди которого сутулились одинокие домики. Они много передумали и о многом переговорили в эту тихую ночь. Листовок так и не принесли. С рассветом Семенов ушел на завод.

Завод уже знал, что готовится забастовка. Об этом не говорили вслух, но это знал каждый. Пришел день, когда нужно было решать, что делать завтра. И решали по-разному.

Степенные „брянцы" побаивались забастовки. Они оказались между молотом и наковальней. Они поглядывали на начальство и хотели у него почерпнуть уверенность, что забастовки не будет. Они поглядывали на молодежь и видели, что забастовка неминуемо будет.

Последние дни Горохов ходил мрачный, как туча. Он не очень был уверен в силе своих „брянцев". 30 апреля он вызвал к себе в конторку наиболее „степенных" Карасюка,

Бренчугина, Проскина и Титаева. Горохов не говорил им о том, чтобы они не смели бастовать. Это само собой разумелось, что они не посмеют.

— Завтра — сказал им Горохов — не пускать чужих в цех и не выпускать своих из цеха. Понятно?

— Понятно, Егор Макарович...

И „брянцы" ушли. Они были совсем удручены.

„Мурики" тоже знали, что будет забастовка. Многие из них решили совсем не выходить; то есть не то, чтобы забастовать, а просто уйти от греха подальше и пересидеть этот день дома. Остальные из них порешили выйти на работу: мастер предупредил, что шкуру сдерет. „Мурики" удивленно поглядывали на своих односельчан, уже переставших быть „муриками". До чего, мол, изменились люди...

В машиностроительном цеху большинство решило про себя бастовать. Но все-таки: „Посмотрим, как другие"... Это выжидательное настроение было общим для всего основного ядра рабочих.

В модельном цеху, во время обеда, вдруг заговорил обычно молчаливый и необщительный Анисим Петруха. Он заговорил о самом важном, о чем в эту минуту думали одни, или пытались не думать другие. Не переставая есть и ни на кого не глядя, Петруха сказал как бы себе самому:

— А надо бы забастовать... К чертовой матери...

И этого было достаточно. Никто Петрухе не ответил.

После вечернего гудка 30 апреля толпа выходила тише обычного. Старались не говорить друг с другом. Только мальчишки шушукались.

Риццони созвал начальников цехов и до поздней ночи с ними совещался.

X.

Ночью по улицам рабочих окраин и у завода зацокали конные раз'езды. Во многих домиках до рассвета горели лампы. Ранним утром жены и матери рабочих, выпроводив своих на завод, собрались по дворам в горстки и ожесточенно шушукались.

— Мой не вышел — говорила какая-нибудь и заглядывала в глаза соседкам; это, мол, очень благоразумно — но все-таки как вы на это посмотрите?

— И правильно сделал — отвечали ей соседки, но дали понять, что „наши" не такие трусы.

Не выйти на работу до начала забастовки, значило упрятаться в кусты. Это понимали и жены рабочих.

По пути на завод рабочие еще успели видеть три красных флага. На них было большими белыми буквами написано: „Помни, рабочий, завтра Первое Мая". Высланные приставом городовые сняли флаги и попытались их унести

так, чтобы никто не заметил. Но все это видели. И флаг, сорванный городовым, стал еще значимее.

У завода расположились полицейский наряд и казачий раз'езд. Рабочие входили в завод, как в тюрьму. У ворот стали Нехорошев и Коробченко. Они не говорили речей и ничего не провозглашали. Они только на миг задерживали небольшую группу идущих в завод и быстро говорили:— Помни, ребята, бастовать,— так дружно.

В шесть часов утра Риццони сообщили, что на работу вышло немного больше половины рабочих. Огромное большинство живущих на селе и часть „степенных" на работу не вышли.

Рабочие разошлись по цехам. Но никому не работалось. Все ждали, когда это начнется, и никто не знал, как это начнется. Мастера суетились, покрикивали, делали вид, что они заняты обычными цеховыми делами и вот пытаются наладить дело, но им это не удавалось.

В механическом цеху за работу совсем и не принимались. Рабочие толпились и ждали. Сериков упрятался к Энглому в конторку и боялся показываться. Энглом счел свое появление в цеху тоже бесполезным.

В семь часов утра на завод прибыл Кошечкин. Он нарочито озабоченно поздоровался с Риццони. Он дал понять директору, что вот, мол, не послушались меня, а теперь мне же нужно расхлебывать эту кашу. Но, ничего, сейчас он все это уладит; фабричная инспекция среди рабочих популярна.

Риццони посоветывал Кошечкину сходить в машиностроительный цех. Это „самый развращенный цех", оттуда все может и начаться. Кошечкин в сопровождении помощника директора Зелига пошел в машиностроительный цех.

— Здравствуйте, братцы...

— Ага! Доброго здравия...

Кошечкин не знал, как продолжать. Рабочие встретили инспектора явно недоброжелательно. Помявшись, Кошечкин стал спрашивать, почему не работаете?

— Боимся, господин инспектор. Городских рабочих боимся. Они ведь не работают?

Слесарь Усов подождал ответа; ему нужно было выпытать у инспектора, началась ли забастовка у „городских" рабочих. Глуповатый Кошечкин не сообразил, в чем дело.

— Ну и ответят за это! По всем строгостям закона ответят!

— Вот мы и боимся, чтобы они нас не побили.

В разговор вмешался Зелиг. Он понял, что это уловка и постарался сыграть на ней. Он стал доказывать явную нелепость такой боязни, да еще под защитой вооруженной силы.

В это время возле цеха стала собираться группа мальчиков. Они слишком долго собирались. Пристав успел разгадать их намерение разбежаться по цехам и бросился с городовыми их разгонять и ловить. Начался крик и свист. Токарь Марченко выглянул из цеха.

— Чего там разговаривать? Выходи, ребята!

Он увлек за собою несколько десятков человек. Анищенко бросился в цех. Пристав оттеснил не успевших выйти и приказал двум городовым никого не выпускать, а сам побежал за вышедшими. Оставшиеся стали требовать, чтобы их выпустили: нас побьют, мол. Они так насели на Зелига, что ему осталось только „разрешить" им выйти из цеха. Для того, чтобы это носило характер именно разрешения, Зелиг заявил:

— На сегодняшний день штрафовать вас не будем. Но завтра на работу явитесь.

Его почти никто не слушал.

Вырвавшись из машиностроительного цеха, толпа бросилась к паровозосборному. Тысяча пятьсот человек этого цеха решали успех забастовки. Толпа ворвалась в паровозосборный с криками — бросай работу! Долго кричать не пришлось. Паровозники стали складывать инструмент и одеваться. Вдруг у выхода появился Горохов. Вокруг него собралась кучка „брянцев". Горохов завопил:

— Куда? Гоните, братцы, бунтовщиков-христопродавцев!

„Брянцы" бросились на пришедших. Особенно старались Карасюк, Бренчугин и Проскин. Во время свалки паровозник Трунов оттянул Горохова от двери, и часть толпы протиснулась из цеха. Горохову удалось удержать только половину своих рабочих. На дворе образовалась большая толпа. Мальчишки разлетелись по остальным цехам.

— Началось! Бросай работу!

Из котельного, кузнечного, модельного и других цехов стали выходить сначала одиночные рабочие, а потом группы.

Некоторое время огромная толпа топталась на дворе. Потом раздались крики: выходи на улицу! — и из толпы выделилось до трехсот человек. Они раскрыли ворота и вышли на улицу. Многие из оставшихся стали расходиться в одиночку. На заводском дворе осталось до тысячи человек. Они не знали, что делать. К ним вышел Риццони. Директора почтительно окружили „степенные".

— Выпустите нас, Павел Павлович. Сами видите — работы не будет...

Риццони распорядился выпустить всех из завода.

В половине одиннадцатого завод опустел.

Вырвавшаяся ранее группа безмолвно двинулась в город. Впереди шли Семенов, Нехорошев и группа мастеровых машиностроительного цеха.

По пути они остановились у завода „Бельгийского Общества". На этом заводе, как будто, работали. Из толпы понеслись крики:

— Открывай ворота! Бросай работу!

За воротами началась беготня. Через несколько минут из завода вышла толпа в пятьсот человек.

Их встретили радостным „ура".

Отсюда все вместе двинулись к заводу Штейна. Из этого завода тоже вышли рабочие. Таким образом, собралось до 2 тысяч человек. Только теперь над ними появилось, на высоком шесте, красное знамя.

Впервые эти люди об'единились под своим знаменем. И каждый почувствовал, что в его жизни свершился какой-то перелом. Такие минуты в жизни рабочих никогда не забываются.

— Куда дальше?

— Пойдем снимать Гельферих-Саде!

На Конную!

И толпа двинулась к Гельферих-Саде, чтобы оттуда пойти на Конную. Они шли почти молча. В те времена революционная песня еще не об'единяла тысяч рабочих. Рабочие не знали этих песен. Кто-то пытался затянуть услышанную от студента-демократа некрасовскую „Укажи мне такую обитель". Но и эту песню знали только немногие, да и чувствовалось, что песня не та. Этой мерно шагающей двухтысячной толпе рабочих, которая сейчас встретится с казаками, нужна была другая песня.

Толпа двигалась в суровом молчании. Не дошла она еще до завода Гельферих-Саде, как из переулка с гиком и свистом вырвались казаки.

— В нагайки-и!

Казаки пошли в нагайки. Лошадиный храп, взлеты нагаек, крики, и толпа заметалась. Через несколько минут рабочие рассеялись. Казаки успели окружить только 80 человек. Их повели в город.

План соединения рабочих на Конной площади, разведанный властями, не удался. Рабочие железнодорожных мастерских, двинувшиеся навстречу заводам, тоже были разогнаны у Кузинского моста. Там казакам удалось арестовать до 180 человек. „Все движение было разбито на отдельные ручьи".

Рабочих, арестованных у завода Гельферих-Саде, повели на Холодную гору в каторжную тюрьму. Когда их повели по улицам города, за ними последовала толпа, во много раз большая, чем количество арестованных. Из этой толпы стали все чаще и чаще раздаваться крики об освобождении. Это вселяло в арестованных уверенность, спокойствие, смелость и гордость. Это люди впервые шли в тюрьму, как

герои. Они знали, что за них есть кому постоять. Чем больше приближались они к Холодной горе, тем больше возрастала толпа. Кроме студентов и служилого люда, в толпе стали появляться рабочие, жены и матери.

Женщины пришли искать своих. Многие находили. И тогда женщины пробирались ближе к своему. Сначала они плакали. Потом ругались. Срамили. Угрожали. Казаки старались их не слушать. Но женщины не отрывались от стремян. Многие из арестованных впервые увидели, что его жена или мать такая смелая женщина.

Эта толпа, сопровождавшая арестованных, была для властей не менее страшна, чем забастовщики. Когда арестованные приблизились к под'ему на Холодную гору, в казаков полетели камни. Некоторые из казаков, по приказанию офицера, бросились в толпу. Снова крики, нагайки и новые аресты.

После того, как за рабочими закрыли тюремные ворота, толпа не разошлась. Вскоре привели еще большую группу арестованных у Кузинского моста. Их сопровождала новая толпа. Эти пришли с песней. Они пели „Дубинушку“ и „Заповит“. Только поздно вечером казакам удалось разогнать толпу у ворот тюрьмы.

XI.

Пришла первая ночь в истории Харькова, когда город ощутил, что в нем накопились новые, невиданные силы и что эти силы впервые расправились.

Город студентов, ремесленников и служащих, город мелкобуржуазной демократии откликнулся на события широкой волной сочувствия и — все же — некоторого испуга. Мелкобуржуазная демократия успокаивала себя на том, что, мол, эта сила нуждается именно в ее руководстве и опеке. В эту ночь не один либеральный адвокат мнил себя во главе этих сил и примерял уже живописный плащ „народного вождя“. Не один мелкобуржуазный юнец выступал за вечерним чаем в столовой с речью о том „как бы он поступил“. Эти рабочие — по его мнению — губят себя своей опрометчивостью; не слишком ли они размахнулись?

Город чиновников и торговцев, фабрикантов и банкиров, официальной науки и православной церкви сжался и ощетинился. Он взирал на губернатора. Он ждал и требовал от него более решительных действий, немедленного прекращения этого неслыханного бунта.

Губернатор, подписав все телеграммы в Министерство Внутренних дел, начал действовать; из Чугуева был вызван полк драгун, а через час и пехотный полк; с 11 часов утра 2-го мая город об'является на военном положении; доступ в город прекращен; ночное движение запрещено.

На рабочих окраинах стало необычно тихо; топот казачьих патрулей и редкие свистки городовых только подчеркивали эту тишину. Рабочие окраины подводят итог: вот забастовали, вышли на улицу — а дальше что? Тем и кончать? Так и оставить в тюрьме несколько сот товарищей? Снова вернуться на завод с теми же порядками, тем же грабежом, теми же мастерами, с тем же проклятым даровым трудом?

Жестокость расправы с забастовщиками вызвала озлобление даже у тех, кто еще оставался в стороне.

Второго мая на завод вышло больше народу, чем вчера, но далеко еще не все. После гудка на заводе собралось 2.150 человек.

Многие из пришедших — жители сел — думали, что все уже кончено, большинство „степенных" — тоже. В основных рабочих массах господствовало убеждение, что на этом дело кочиться не может и не должно. Всем уже стало известно, что завод „Бельгийского Общества" и железнодорожные мастерские продолжают забастовку. В полдень на завод пришла радостная весть о том, что рабочие железнодорожных мастерских вынудили губернатора освободить арестованных.

Социалдемократическая организация и в последующие дни не укрепила руководства на заводе, и он был фактически предоставлен собственным стихийным силам.

За работу взялись неохотно и почти не работали. Машиностроительный цех совсем за работу и не принимался. Там горячо обсуждали итоги первомайских событий и порешили работы не продолжать, а пред'явить администрации ряд экономических требований. О настроениях в машиностроительном цеху узнал весь завод. В остальных цехах стали ждать сигнала к продолжению забастовки.

В 9 часов утра Риццони из окон своей квартиры увидел группу в 20—30 человек, вышедших из модельного цеха. Их вывел Анисим Петруха. Эта группа направилась к машиностроительному цеху. Риццони попытался их остановить. Но он не смог этого сделать. Они уже успели пробежать через машиностроительный цех с криком: бросай работу! и оттуда в паровозосборный. Риццони приказал Зелигу с Кошечкиным отправиться в машиностроительный, а сам пошел успокаивать модельный.

В машиностроительный цех снова пришли Зелиг и Кошечкин.

— Почему не работаете?

К начальству подошла группа молодежи. Они требуют повышения расценок и сокращения рабочего дня.

Кошечкин снова заговорил о законе. Зелигу это надоело; он решил запугать рабочих.

— Кто сейчас же не станет на работу, будет сегодня рассчитан!

Это возмутило цех.

— Бросай, ребята, работу! Пусть попробуют рассчитать весь завод!

Зелиг и Кошечкин были оттеснены, и цех вышел во двор. Испуганное начальство побежало докладывать директору. Они застали его в модельном цеху, уговаривающим рабочих не бросать работы. Модельщики его не послушались, и никто в цеху не остался. Завод собирался в паровозостроительном цеху. Здесь стояла густая пыль, из толпы раздавались крики. Никто этим собранием забастовавших рабочих не руководил.

Риццони приказал немедленно очистить цех. Его приказание ни к чему бы не привело, если бы Горохов со своими „земляками“ не стал выгонять рабочих. Толпа двинулась за ворота.

После обеда у ворот завода собралась тысячная толпа. Поодаль расположилась казачья сотня.

В редкие праздники Петинская улица была так оживлена. Улица запестрела радостной толпой. К паровозостроительному заводу стали подходить рабочие других заводов.

Риццони приказал всей администрации выйти в толпу. Он пытался уговорить наиболее „благоразумных“ рабочих войти в завод. Толпа уже начала расходиться, как произошла неожиданная стычка с казаками.

Мимо завода проскакал маленький отряд казаков, а кто-то из мальчиков бросил в казаков несколько камней. Унтер-офицер, командовавший казаками, приказал отряду возвратиться, и они остервенело набросились на толпу. Толпа заметалась. Силой напора был свален забор, и придавлен сидящий на нем мальчик, ученик паровозосборного цеха. Десятки рабочих бросились искать камней и обрушили их на казаков. Несколько рабочих было ранено; некоторые казаки оставили в толпе свои пики.

Казачий налет вызвал страшное озлобление.

После обеда на заводе осталось только тысяча шестьсот человек.

XII.

3 мая утром по заводу прошли слухи, что забастовка окончена. Даже в машиностроительном цеху как будто начали работать. Вскоре однако завод узнал, что забастовал „Гельферих-Саде“. С обеда машиностроительный цех работу прекратил. Туда снова явились Зелиг и Кошечкин. Кошечкин предложил рабочим выбрать депутацию для переговоров с дирекцией завода и фабричной инспекцией. Рабочие вначале отказались.

— Депутатов посылать не будем. Мы знаем, как вы с депутатами разговариваете!

Кошечкин стал убеждать рабочих „честным словом", что депутаты будут неприкосновенны. Машиностроительный цех выделил группу в десять человек, среди которых были Коробченко, Володин, Рыболович, Марченко и другие.

Завод узнал о посылке машиностроительным цехом депутатов и стал ждать результатов переговоров.

Риццони очень любезно принял рабочих, рассадил их по креслам своего кабинета, всячески пытался показать, что вот сейчас они миром уладят все дела. От депутации заговорил Коробченко.

— Рабочие требуют увеличения расценок, сокращения рабочего дня с 10½ часов до 10 часов; накануне воскресных и праздничных дней работать 8 часов; выплаты в получку производить в рабочее время.

В это время в кабинете Риццони появился старший фабричный инспектор Быков. Он первым стал отвечать рабочим. Он находит их требования незаконными. Он советует рабочим отказаться от этих „бессмысленных требований".

Риццони отвечал иначе. Директор заявил, что машиностроительный цех уже давно не оплачивает себя. Машиностроительный цех приносит Обществу убытки. Дела Общества идут плохо. Он может предложить рабочим немедленное увольнение.

Депутаты прекратили переговоры и ушли от директора.

Завод узнал, что переговоры с дирекцией ни к чему не привели, но все же некоторые цеха попытались выделить и свои депутации. Риццони поручил мастерам сообщить рабочим, что никаких депутаций он больше не принимает.

После гудка рабочие разошлись, не зная, что будет завтра.

Риццони был недоволен поведением фабричной инспекции и городских властей, Риццони требовал от них более решительных действий. 3 мая он писал в Правление.

— „... *Вообще должно заметить, что местные власти не проявляют должной силы и не внушают рабочим уважения к дисциплине. С рабочими разговаривают и совещаются и этим растягивают в длину смутное время. Предполагавшаяся однодневная забастовка растянулась и взволновала умы рабочих на долгое время*".

Директор требовал от власти казачьей расправы.

4 мая возбуждение среди рабочих не улеглось. В машиностроительном цеху нарастала решимость возобновить забастовку. Риццони предложил мастерам сообщить по заводу,

что на заводе „Бельгийского Общества“ всем рабочим заявлен расчет. В то же время в цехах стало известно, что рабочие железнодорожных мастерских добились от губернатора обещания удовлетворить все их экономические требования.

После обеда на заводе снова началась забастовка. Группа рабочих в количестве свыше 100 человек, взявшись за руки, закрыла доступ рабочим в завод. На заводе осталось только около 600 человек, не вышедших на обед. Рицони, Быков и Зелиг снова попытались обратиться к толпе с увещанием. Небольшая группа „степенных“ под прикрытием начальства попыталась пройти в завод. Но из толпы в них начали бросать камни и освистали.— „Это был момент, когда были необходимы казаки для воздействия на толпу шашками; но их не было“— сожалел Рицони в письме Иванову.

Рабочие, находившиеся в заводе, бросили работу и стали требовать у директора выпустить их за ворота. Рицони распорядился их выпустить, но не через главный выход, а через ворота, ведущие в поле.

Толпа у завода не расходилась. Растерявшийся Быков несколько раз повторил вопрос — чего вы хотите? В ответ понеслись различные экономические требования.

К Быкову подошел ближе Артемий Нехорошев. Он подождал, пока толпа утихнет, и потом громко крикнул, обращаясь не столько к Быкову, сколько к толпе:

— Мы требуем 8-мичасового рабочего дня и заграничных прав для рабочих!

Толпа на минуту замерла. Впервые от ее имени потребовали политических прав.

Быков вышел из себя и обрушился на рабочих ругательствами. „Баранье стадо“! „Дурачье“! „Кого вы слушаете?“

Толпа не оставила этого без ответа. По адресу Быкова закричали:

— Взяточник! Накачался у директора шампанским! Ругаться пришел с пьяных глаз!

Быков должен был скрыться. Ему на смену пришел окружной фабричный инспектор Гнедич. Он попытался успокоить толпу и предложил тут же выделить несколько человек, которые сформулировали бы требования рабочих. Из толпы вышли Годоцкий, Есин, Михайловский, Развалинов, Коробченко, Бабкин, Малов и другие.

Они повторили требования машиностроительного цеха и добавили к ним еще два пункта: избрание из среды рабочих и администрации комиссии, которая бы разрешала в будущем недоразумения, возникающие между рабочими и заводской администрацией, и более человечное обращение мастеров и монтеров с рабочими. Гнедич записал все

эти требования и, упрятав в карман, пообещал их совместно с администрацией рассмотреть. Толпа постепенно разошлась. Тогда еще немногие догадывались, что их депутация через пару дней будет арестована, а требования так и останутся у инспектора в кармане.

Вечером у Рицони собрались губернатор, начальник жандармского управления, дивизионный генерал, Гнедич и Быков. Посовещавшись, они решили оставить на заводе крупный отряд казаков и в их присутствии пропускать на завод всех, кто пожелает выйти на работу. Если на заводе работа не возобновится, то решено было об'явить о закрытии завода и расчете всех рабочих.

Начальник жандармского управления и полицмейстер настаивали на высылке всех иногородних рабочих. „Но я— писал Рицони Иванову — им заявил, что завод против этой меры, ибо самый лучший, самый спокойный элемент рабочих это суть именно иногородние, на коих держится все благосостояние завода. Бунтовщики же суть местные рабочие... Иногородних рабочих мы пожертвовать не можем ни в коем случае, ибо, лишившись их, мы так расстроим завод, что в течение года нам не поставить его на ноги". Господин директор боялся лишиться своей опоры среди рабочих — „брянцев" и других „земляков". Что было 5-го мая, мы узнаем из письма Рицони к Иванову.

— „Сегодня, 5-го мая, в 5 с половиной часов утра собрались на улице около нашей проходной конторы я, господин Зелиг и все начальники цехов, для предупреждения образования около входа партии рабочих (нашего и чужих заводов), препятствующих входу в завод. В некотором отдалении стояли драгуны.

В завод прошло 2.400 человек. Внутри завода около отхожих мест поставлена мною полиция для воспрепятствования образованию в отхожих местах сходок.

В обеденное время будет от нашего завода до переезда железной дороги расставлено войско для оттеснения посторонних рабочих, приход коих с целью агитации мы ожидаем со стороны Бельгийского завода, который закрыт со вчерашнего дня, и где сегодня рассчитывают поголовно всех рабочих в количестве 500 человек.

В течение всего обеденного времени будем стоять около проходной конторы со стороны улицы я, г. Зелиг и начальники цехов для обеспечения свободного прохода рабочим, желающим работать. Тем не менее за послеобеденную работу я не ручаюсь, и весьма возможно, что работа снова не состоится. Харьков находится на военном положении".

Это был последний день забастовки. Во время обеда группой рабочих Бельгийского завода была сделана еще одна попытка призвать паровозников не итти на работу. Но окруженная казаками эта группа вынуждена была разбежаться. После обеда на работу стало 2.400 человек.

Риццони просил губернатора продержать войска у завода до 8 мая. Губернатор удовлетворил просьбу директора.

На рабочих окраинах прошла волна арестов: 6 мая дирекция издала приказ об увольнении с завода рабочих машиностроительного цеха: Марченко Константина, Усова Василия, Виниченко Ивана, Володина Александра, Развалинова Михаила, Квитченко Тихона, Середы Федора, Куприянова Никифора, Коробченка Александра, Есина Ефима, Бабкина Петра, Калмыкова Павла, Рыболовича Марцелия, Малова Михаила, рабочих паровозосборного цеха: Нехорошева Артемия, Трунова Александра, рабочего модельного цеха Петруху Анисима. Все они были высланы из Харькова.

Жандармерия предприняла разгром социалдемократической организации. По городу было арестовано свыше 100 человек. Среди арестованных был и Семенов. Большинство из них было сослано в Вятскую губернию. Так первое массовое выступление харьковских рабочих было подавлено. Но борьба еще только началась.

Завод вступил в новый период роста классового самосознания и сплочения рабочих, период зарождения большевистской организации и подготовки к баррикадам 1905 года.

Путь к победам указал великий **Владимир Ильич Ленин.**

„ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА И. НАДЕЖИНА".

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА В ДОКУМЕНТАХ

ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ РОГОВИКА, УЧАСТНИКА РАБ. АВТ. ГРУППЫ ХПЗ

1908 год. Разгул черной реакции. Едва оправившиеся после бурного революционного взрыва 1905—07 г.г. капиталисты переходят в наступление. На заводе господствует полицейский террор. Обнаглевшие хозяева предпринимают массовое увольнение и снижение расценок.

Большевистская организация в глубоком подполье укрепляет авангардные силы для нового наступления. Реакции не удается окончательно подавить революционную энергию рабочих масс. Увольнения и снижения расценок встречают упорное сопротивление со стороны рабочих. К этому периоду относится и „Дело о покушении на И. И. Надежина", яркий эпизод из истории завода в период реакции. В документах этого „Дела" вскрывается провокационная тактика хозяев из „Русского Паровозостроительного и Механического Общества".

Суть дела в общих чертах состоит в следующем: Обозленный троекратными увольнениями рабочий Василий Васильев избил начальника Паровозосборного цеха Надежина. Заводская администрация вкупе с полицией раздувает этот случай в громкое „Дело о покушении на Надежина". Провокационная тактика дирекции завода и Правления Общества заключалась в том, чтобы, воспользовавшись этим „покушением", сломить сопротивление рабочих снижению расценок.

Последовательное развитие этого эпизода из истории завода достаточно ясно показано в нижеприведенных документах, извлеченных из архива завода. Примечания и комментарии приводятся после каждого документа петитом.

С. Р.

Июля 1-го дня.

Г. ФАБРИЧНОМУ ИНСПЕКТОРУ 1-ГО УЧАСТКА
Харьковской губернии.

ЗДЕСЬ.

Настоящим имею честь уведомить Вас, что сегодня около $2^1/_2$ час. дня в своем кабинете в

конторе Паровозосборного цеха ранен в голову одним из рабочих Начальник этого цеха И. И. Надежин.

Кац

КАЦ — заместитель директора завода.

Июля 2-го дня 1908 г.

Г. ФАБРИЧНОМУ ИНСПЕКТОРУ 1-ГО УЧАСТКА
Харьковской губернии.

ЗДЕСЬ.

В дополнение к письму моему за № 8 от 1-го сего Июля при сем препровождаю копию об'явления от вчерашнего числа, вывешенного вчера на заводе.

(*подпись*)

Копия об'явления в деле не сохранилась. Его содержание становится известным из последующих документов.

Июля 2-го дня 1908 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Вчера 1-го с/м. около $2^1/_2$ час. дня Начальник Паровозосборного цеха И. И. Надежин в своем кабинете в конторе цеха был ранен в голову одним из рабочих своего цеха.

Произошло это при следующих обстоятельствах: г. Надежин, сидя за письменным столом, вел переговоры с группой рабочих своего цеха о понижении расценок и делал записи об этих понижениях в книжках. Рабочих в его комнате было в это время, по его словам, около 12—15 человек. Около $2^1/_2$ часов, когда он разговаривал с рабочими, один из стоявших в комнате рабочих нанес ему железным прутом, длиною около 1 арш. и диаметром не менее 1 дюйма (весит $10^1/_2$ фун.), удар в правый висок, чем причинил рану, проникающую до кости и имеющую длину около 5 сантиметров.

Затем, очевидно, был нанесен еще второй удар, попавший на правое плечо и лопатку.

Г. Надежин поднялся из-за стола и направился в соседнюю комнату цеховой конторы, но по дороге упал от сильного кровоизлияния и боли. Из бывших в кабинете рабочих никто не задержал преступника и не оказал помощи г. Надежину, а все они выбежали из кабинета после нанесения удара. Г. Надежин заметил и назвал потом в больнице преступника. В заводскую больницу Надежин был отведен сторожем цеховой конторы и одним из рабочих, случайно находившимся в цеховой конторе.

В больнице г. Надежину была сделана дежурным персоналом перевязка, а затем был вызван из города врач,

который нашел, что рана в голову не угрожает опасностью жизни. Степень ушиба плеча и лопатки нельзя точно определить, вследствие сильной болезненности.

Около 9 час. вечера г. Надежин был перенесен из больницы на квартиру.

Ранивший г. Надежина рабочий № 2144 молотобоец Василий Васильев работал в паровозосборном цехе временно с 13-го марта с/г., причем он был взят на определенный срок, который и окончился 1-го с/месяца. Раньше Васильев постоянно работал в Кузнице и 5 февраля с/г. был уволен в 3-месячный отпуск за неимением работы. Во время этого отпуска в Сборном цехе потребовался молотобоец и туда 13 марта с/г. был взят означенный Васильев, как временный рабочий на определенный срок, т. е. на 1 месяц, каковой ему продолжался 3 раза.

Заявленное понижение расценок в Паровозосборном цехе Васильева не касалось, так как его работа в этом цехе окончилась и 1 июля он должен был вернуться в свой прежний цех, т. е. в Кузницу, а в случае недостатка работы в Кузнице, ему пришлось бы опять числиться в отпуску.

Как уже указано, рабочие, бывшие в момент покушения в кабинете г. Надежина, не оказали никакого содействия к задержанию преступника, хотя последний, по сведениям, полученным Полицейским Надзирателем Завода, не убежал тотчас после покушения из завода, а скрывался в заводе до 6 час., когда и вышел в толпе рабочих. Не смотря на принятые полицией меры, преступник до сих пор не найден. Вчера вечером был опрошен Следователем г. Надежин, указавший фамилию преступника.

Произведенный Полицейским Надзирателем опрос некоторых рабочих, бывших во время покушения в конторе Паровозосборного цеха, показал, что рабочие не содействуют раскрытию преступления и не дают правильных и ясных показаний.

Для скорейшего выяснения этого преступления и его причин я вчера вывесил об'явление с требованием, чтобы все рабочие, бывшие в момент покушения в кабинете г. Надежина, явились бы в течение сегодняшнего дня к Полицейскому Надзирателю для дачи показаний, предупредив, что, в случае неисполнения этого требования, завод будет закрыт.

В течение сегодняшнего дня к Полицейскому Надзирателю явились всего лишь 3 человека, бывших в момент покушения в кабинете г. Надежина, показания которых не дали никакого пояснения этому случаю. Все эти свидетели говорили, что они не видели самого нанесения удара и кто это сделал. Затем, по их словам, они все испугались и

выбежали из комнаты. Показания эти очень неправдоподобны, так как трудно предположить, чтобы из 15 или даже более человек, находившихся в маленькой комнате, никто не видел самого нанесения удара и не заметил, кто именно его сделал.

Я сегодня был у Губернатора и доложил ему об этом факте и о вывешенном мною об'явлении. Предположенную меру закрытия завода Губернатор признал целесообразной.

По заключению врача, рана опасности не представляет, но о последствиях ушиба пока ничего определенного сказать нельзя.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам вчера:

„Сегодня половине третьего дня конторе сборного цеха время переговора рабочими понижении расценков ранен голову железным прутом Надежин. Рана серьезная, но опасностью жизни, по заключению врача, не угрожает. Ранивший рабочий временно работал сборной и сегодня был уволен за истечением срока найма. Понижение расценок не касалось этого рабочего. Сегодня об'явлением потребовал чтобы все бывшие время покушения кабинете рабочие явились Полицейскому Надзирателю, угрожая противном случае закрытием завода", что настоящим подтверждаю.

О дальнейшем ходе этого дела и о состоянии здоровья г. Надежина я буду уведомлять Вас своевременно.

С совершенным почтением

Кац

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ

Из Петербурга

На телеграмме штамп:

**Харьковский завод:
Р. П. и М. О.
Получено 3/VII—908 г.
№ 84.
Отвечено 3/VII—908 г.
телегр.**

НЕ ОТКАЖИТЕ ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАДЕЖИНА. ПРАВЛЕНИЕ

На телеграмме резолюция:

„Ответить. Кац.

3/VII—08 г."

Телеграмма Правления Русского Паровозостроительного и Механического — Общества.

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ ДИРЕКТОРУ ЗАВОДА

ХАРЬКОВ ЛУГАНСКА 197,10, 3, 11,40.

На телеграмме штамп:

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 3/VII—
1908 г. № 83
Отвечено 3/VII—
1908 г. телегр.

КАК ЗДОРОВЬЕ НАДЕЖИНА
БОГДАНОВ РУСАКОВ ТУНИК

На телеграмме резолюция:

**„Собщить, что здоровье Надежина лучше.
3 VII—08“.**

Кац

Богданов, Русаков, Тунин — администрация завода Гартмана в Луганске.

СРОЧНАЯ

ПЕТЕРБУРГ ПАРОВОЗНОЕ

Рабочие, бывшие кабинете Надежина время покушения, не явились вчера Надзирателю не исполнив моего требования. Точка. По обсуждению начальниками цехов нахожу необходимым временно закрыть весь завод, предупредив рабочих за две недели течение которых работа будет продолжаться. Губернатор личных переговорах нашел закрытие целесообразным. Точка. Ваше решение срочьте.
3/VII 908 г.

Кац

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ

ХРК Петербурга 1355, 71/72,11,36.

На телеграмме штамп:

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Полччено 4/VII—908 г.
№ 137 Отвечено

Возмутительный поступок рабочего относительно уважаемого Ивана Ивановича Надежина глубоко огорчил Правление оно утешается лишь

отчасти мыслью, что гнусное насилие было сделано рабочим непринадлежащим к постоянному и старинному составу завода Правление вполне одобряет ваши распоряжения по этому случаю прошу вас для выгоды самих же рабочих напомнить их обещание через депутатов не допускать никаких насилий на заводе неужели же они хотят чтобы я не верил их словам.

Председатель правления

На телеграмме надпись: „КАЦ. 4/VII—908 г."

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ 769, 31, 16, 9, 24

На телеграмме штамп:

Харьковский завод.
Р. П. и М. О.
Получено 4/VII 1908 г.
№ 102 Отвечено

В таком случае завод может и должен быть закрыт на три дня, как это имело место у Гартмана. Телеграфьте Бинцруегген должен ли я медленно возвращаться. Рицциони.

На телеграмме подпись: „КАЦ. 4/VII·908 г."

Рицциони—директор завода, находившийся в то время в Германии. Незадолго до „покушения на Надежина", на луганском заводе Гартмана в связи с революционным выступлением рабочих был об'явлен локаут. Рицциони в этой телеграмме предлагает повторить „опыт" дирекции завода Гартмана. Здесь приведен русский перевод с немецкого текста телеграммы.

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ХРКВ ПБРГ 1735, 13, 3, 6, 22

На телеграмме штамп:

Харьковский завод.
Р. П. и М. О.
Получено 4/VII-908 г.
№ 139 Отвечено

416 СЛУЧАЕ НЕИСПОЛНЕНИЯ РАБОЧИМИ ВАШЕГО ТРЕБОВАНИЯ ЗАКРОЙТЕ ЗАВОД

ПРАВЛЕНИЕ 5

На телеграмме две пометки:

„5/VII вывешено об'явление о закрытии завода через две недели".

5 VII сообщили Правлению срочной телеграмой и письмом, что сегодня вывесили об'явление о закрытии завода через две недели“.

Подпись: „КАЦ 4/VII-908 г.“

ТЕЛЕГРАММА.

СРОЧНО ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ХАРЬКОВ ЛУГАНСКА 321, 89, 4, 11, 30

На телеграмме штамп:

Харьковский завод.
Р. П. и М. О.
Получено 5/VII-908 г.
№ 161 Отвечено.

Ваше четвертого виду происшедшего 28 февраля 1907 паровозном и 2 марта 1907 прокатном насилия вывоз на тачке двух рабочих другими рабочими а также вывоз на тачке 5 марта 1907 начальника паровозной кузницы и виду нежелания представителей рабочих выдать виновных завод 7 марта был закрыт все рабочие рассчитаны путем особого об'явления котором указана причина закрытия точка специального указания закона не находили и об'явлении ссылка на какой-либо закон не делали точка расчет выдан был по 7 марта и за две недели вперед не платили.

ГАРТМАШИНА.

На телгерамме пометка:
„5 VII благодарили К. К. Хржановского письмом“.
Резолюция: „Благодарен. КАЦ. 5/VII-908 г.“

Эта телеграмма от дирекции Луганского завода является ответом на запрос дирекции Харьковского завода: как в Луганске был проведен локаут? Яркий пример „обмена опытом“ между капиталистами.

„Вывоз на тачке двух рабочих“ относится, очевидно, к провокаторам.

ТЕЛЕГРАММА.

СРОЧНО ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ПРВ ХАРЬКОВ ЛУГАНСКА 335, С РЧ 21, 5, 9, 26

Наша четвертого вместо слов выдать виновных следует читать виду нежелания представителей рабочих согласиться на расчет виновных.

ГАРТМАШИНА.

На телеграмме подпись: „КАЦ. 6/VII-908 г.“
и пометка: „К вх. № 161, 5/VII-908 г.“

Июля 5-го дня 1908 г.

Г. СТАРШЕМУ ФАБРИЧНОМУ ИНСПЕКТОРУ

Харьковской губернии.

ЗДЕСЬ.

При сем имею честь препроводить в 2-х экземплярах копию вывешенного в нашем заводе об'явления от сего числа о закрытии, согласно распоряжения Правления Нашего Общества, завода, с расчетом всех рабочих через две недели от сего числа, вследствие произведенного 1-го с. м. рабочим паровозосборного цеха В. Васильевым покушения на убийство начальника паровозосборного цеха И. И. Надеждина.

Завод будет работать по 18-е число сего июля месяца включительно и затем закроется на неопределенное время.

Кац

Копии об'явления в деле не сохранилось.

Июля 5-го дня 1908 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

Подтверждая срочную телеграмму мою от 3 с/м. за № 16: „Рабочие, бывшие кабинете Надежина время покушения не явились вчера Надзирателю, не исполнив моего требования. Точка. По обсуждению Начальниками цехов, нахожу необходимым временно закрыть весь завод, предупредив рабочих за две недели, течение которых работа будет продолжаться. Губернатор личных переговорах нашел закрытие целесообразным. Точка. Ваше решение срочьте".

и полученную в ответ на нее Вашу телеграмму от 3 с/м. № 5:

Случае неисполнения рабочими Вашего требования, закройте завод.

Уведомляю, что мастеровые и рабочие, бывшие в кабинете г. Надежина в момент покушения на него, как я уже сообщил Вам письмом моим № 16 от 2 с/м., не исполнили моего об'явления от 1 с/м. и не явились к Полицейскому Надзирателю для дачи показаний.

Из всего дальнейшего поведения рабочих ясно видно их в высшей степени равнодушное отношение к совершившемуся факту насилия. Ни в одном цехе никто не выразил ни сочувствия пострадавшему, ни своего возмущения этим фактом насилия.

Явились к Полицейскому Надзирателю и еще несколько рабочих, кроме указанных в моем письме № 16, но такие,

которые были у г. Надежина за 7 — 10 минут до покушения и которые, конечно, ничего полезного не могли сообщить.

Обсудив вчера положение дела с Начальниками и Мастерами цехов, нашедшими необходимым закрыть завод вследствие такого возмутительного факта покушения на убийство Начальника Цеха и отношения всех рабочих к этому факту, я решил, что завод необходимо закрыть через две недели, считая от сего числа, с расчетом всех рабочих, о чем сегодня вывесил об'явление, 2 копии коего при сем прилагаю.

Г. Директор П. П. Риццони, уведомленный мною о всем происшедшем, телеграфировал мне, что он считает необходимым закрыть завод.

Произвести закрытие завода без 2-хнедельного предупреждения и без уплаты рабочим полученного заработка за эти 2 недели мы не можем, во-первых, вследствие существующих на этот счет правил, а во-вторых, такое спешное закрытие крайне неудобно для нас по многим внутренним, хозяйственным причинам. Местный завод Т-ва М. Гельферих-Саде, на котором в прошлом году был точно такой же случай поранения в цехе Управляющего заводом инженера Реймонда, был закрыт также с предупреждением за две недели, в течение коих работа продолжалась вполне тихо и спокойно.

Подробности выдачи мастеровым и рабочим расчета будут мною разработаны и сообщены Вам.

Время открытия завода сейчас определить невозможно.

О закрытии завода мною уведомлены сегодня Полицей-мейстер и Фабричная Инспекция. Работа у нас закончится 18 с.м. и с 19 с.м. завод уже будет закрыт.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам сегодня:

„Здоровье Надежина заключению вчерашней консультации удовлетворительно; опасности нет. Предусмотреть осложнения нельзя".

Преступник до сих пор еще не задержан полицией, хотя, по циркулирующим слухам, он вчера еще был в Харькове.

Здоровье И. И. Надежина, по заключению бывшей у него вчера консультации 4 врачей (хирурга, окулиста, отиатра и нашего заводского врача), удовлетворительно и опасности никакой для жизни в настоящее время нет. Что же касается появления каких-либо осложнений, могущих явиться в виде последствий сильного удара в голову, то таковых теперь предусмотреть нельзя. Лечение г. Надежина будет вести наш младший заводской врач, при участии специалиста хирурга.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам сегодня: „Здоровье Надежина заключению вчерашней консультации удовлетворительно; опасности нет. Предусмотреть осложнения нельзя",

что настоящим подтверждаю.

С совершенным почтением **КАЦ.**

ПРАВЛЕНИЮ РУССКОГО ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО ОБ-ВА.

ОТ РАБОЧИХ СБОРНОГО ЦЕХА

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Будучи в большинстве врагами насилий с какой бы стороны они ни происходили, мы уполномочены от мастеровых и рабочих Паровозосборного цеха заявить перед Вами наше глубокое презрение и порицание произведенному насилию над личностью Ив. Ив. Надежина 1-го сего Июля рабочим Васильевым и выражаем наше глубокое сочувствие Ивану Ивановичу Надежину и желаем ему скорейшего выздоровления; пораженные таким преступным фактом покушения и отлично зная, что такими мерами положение рабочих не улучшается, полагали, что репрессий со стороны Правления Общества не последует.

Об'явленное 1-го сего Июля предупреждение Г. заместителя Директора Я. А. КАЦ, что в случае неявки к полицейскому надзирателю мастеровых и рабочих, присутствовавших в момент покушения, завод, по распоряжению Правления Общества будет закрыт, понималось, как побуждающая мера к явке в полицию очевидцев события.

Предупреждение по мнению рабочих не могло быть приведено в исполнение, так как преступник известен пострадавшему, и что преступление совершено не на общей, а на личной почве.

Рассматривая об'явление от 5-го июля о закрытии завода и его мотивах, констатируется факт огульного обвинения всех рабочих завода в происшедшем, упуская из вида, что у рабочих нет средств и способов взаимодействия, препятствующих к индивидуальным выступлениям, приносящих вред промышленности, промышленникам и рабочим.

Решением Правления О-ва закрыть завод обрекается на ужасы нужды полудесяток тысяч лиц (принимается в расчет семья), а некоторое число на вечный невольный голод, со всеми ужасными последствиями, решение не могущее исправить произведенного и окончательно предотвратить подобные факты в будущем.

Если было известно Правлению Общества (а местной администрации это известно), что в 1905 году при заба-

стовках политических и экономических рабочие фактически защищали целость имущества и неприкосновенность административных лиц завода (тогда рабочие имели возможность взаимодействовать в этом направлении), то такового крутого решения оно не приняло бы, тем более, нравственно тяжело, если это известно Правлению. Правлением не принято в соображение, что в настоящее время каждый из рабочих предоставлен сам себе решать возникающие конфликты, и что за проявлениями индивидуальных в дурную сторону склонностей установлена на заводе специально, в обилии, всякого рода охрана.

В виду вышеизложенного просим Правление Общества снять с рабочих Сборного цеха подозрение в равнодушном отношении к возмутительному факту покушения на убийство Нв. Нв. Надежина и в солидарности с преступником (так как он и известен - то только может быть десятку лиц данного цеха) и об'явленный расчет всему заводу отменить за отсутствием у рабочих об'единяющего органа.

Если же закрытие завода неминуемо, то принять при открытии всех мастеровых и рабочих на прежних основаниях.

Уполномоченные от рабочих сборного цеха:

Подписи: Н. Никитин, А. Беланок, К. Воронин, М. Дегтев, Ф. Кубранов, С. Белецкий, А. Рыбкин, Н. Зверев, И. Григорьев, Г. Бондарович, Петр Васильев, Иосиф Максименко.

Это холуйское обращение никем не уполномоченной группы мастеров сборного цеха к Правлению Общества с просьбой о милости представляет собой яркий образец линии поведения буржуазной агентуры в рабочем классе — меньшевиков и эсеров. Дальнейшими документами будет вскрыта действительная подоплека предпринимаемого капиталистами локаута и в свете этих документов холуйская роль меньшевистско-эсеровских предателей предстанет со всей полнотою.

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА № 3672

На телеграмме штамп:

Харьковский завод.
Р. П. и М. О.
Получено 8/VII-903 г.
№ 276 Отвечено

Не откажите пригласить к Надежину лучшего врача не жалейте средств для восстановления его здоровья все лечение относите на счет общества.

ПРАВЛЕНИЕ

На телеграмме пометка: „8/VII копия передана И И. Надежину" и резолюция: „1) Сообщить Правлению, что все сделано согласно этой телеграммы.

2) Копию этой телеграмты послать Надежину.

КАЦ. 8/VII-8 г."

Как мы увидим дальше, эта трогательная заботливость Правления о здоровьи Надежина продиктована далеко не „гуманными чувствами". Избитый рабочим Васильевым Надежин просто нужен был Правлению, как орудие для наступления на рабочих.

ТЕЛЕГРАММА.

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ

На телеграмме штамп:

Харьковский завод:
Р. П. и М О.
Получено 12/VII-998 г.
№ 443 Отвечено.

В уважение просьбы Ивана Ивановича Надежина Правление согласно не закрывать завода при условии согласия рабочих на новые расценки если же на изменение расценков согласия не последует к назначенному вами сроку то закройте завод.

ПРАВЛЕНИЕ 9.

На телеграмме подпись: „КАЦ. 12/VII-908 г. 4".

В этой телеграмме вскрывается вся суть провокационной тактики Правления Русского Паровозостроительного и Механического Общества.

Никакой просьбы об отмене закрытия завода Надежин, конечно, не возбуждал. Совершенно ясно, что во всем этом деле хозяев завода меньше всего интересовала судьба Надеждина. Но они решили провокационно сыграть на нем, чтобы добиться основного — снижения расценок. Этой телеграммой Правление подсказало дирекции завода дальнейшую тактику: прикрываясь Надежиным, во что бы то ни стало добиться снижения расценок, не останавливаясь даже перед закрытием завода.

Июля 12-го дня 1908 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

Подтверждая получение телеграммы Вашей от 11-го с/м за № 9, имею честь сообщить, что на основании этой телеграммы я сегодня вывесил в заводе об'явление о том,

что, согласно Вашему распоряжению, назначенное 18 с/м. закрытие завода отменяется и что завод закрыт не будет.

Копию означенного сегодняшнего об'явления при сем прилагаю.

Как Вы усмотрите из прилагаемого об'явления, я не обусловил отмену закрытия завода согласием всех рабочих на понижение расценков и не грозил закрытием завода в случае их несогл сия, так как в настоящее время пониженные расценки приняты уже тою половиною рабочих Паровозосборного цеха, коим успели сделать заявление до 5-го с/м. и всеми остальными цехами, т. е. с 5 с/м были прекращены заявления и записи пониженных расценков ввиду предстоящего закрытия завода. Теперь же, по отмене закрытия завода, в Паровозосборном цехе будет продолжена запись пониженных расценков, каковая и будет окончена в назначенный моим об'явлением от 30 пр/м., см. мое письмо № 2289 от 30 июня срок, т. е. 15-го сего июля.

Если же среди рабочих Паровозосборного цеха, коим теперь будет заявлено понижение расценков, окажутся такие, которые не согласятся на это понижение, то я их уволю на основании моего об'явления от 30 пр/месяца.

Угрожать закрытием всего завода, в случае несогласия на пониженный расценок некоторого незначительного числа рабочих, я не нахожу удобным, так как в настоящее время громадное большинство рабочих уже приняло понижение расценков и новая угроза закрытием завода была бы совершенно излишняя и даже вредна, вызывая собою лишь раздражение.

Согласно изложенному я телеграфировал Вам сегодня:

„Основании Вашей 9 сейчас об'явил отмену закрытия завода, не обусловив ее принятием пониженных расценков, ибо понижение принято половиною Сборного цеха, которой успели заявить до пятого, и всеми остальными цехами. Точка. Если окажутся несогласные таковых расчитаю основании моего об'явления от 30 июня. Грозить закрытием согласившимся нахожу неудобным",

что настоящим подтверждаю.

С совершенным почтением **КАЦ**

Из этого письма заместителя директора завода Правлению Общества видно, что дирекции уже удалось под предлогом „покушения на Надежина" добиться перелома в сопротивлении снижению расценок. Таким образом отпадала необходимость в локауте.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Начальник Паровозосборного цеха И. И. Надежин обратился через меня в Правление Общества с ходатайством об отмене распоряжения Правления о закрытии Завода по причине произведенного на него покушения.

Правление Общества нашло возможным уважить это ходатайство И. И. Надежина и согласилось не закрывать Завод, о чем, в отмену об'явления моего от 5-го с/м., настоящим сообщаю мастеровым и рабочим.

За Директора Завода КАЦ.

Июля 12-го дня 1908 года.

Дело сделано — расценки успешно снижаются. Теперь можно снова сыграть на Надежине и „уважить его ходатайство". Это об'явление представляет собой яркий образец циничного лицемерия капиталистов.

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ

Из Петербурга № 003265

На телеграмме штамп:

Харьковский завод
Р. П. и М. О.
Получено 14-VII — 908 г.
№ 509
Отвечено

67 Поступили правильно это обстоятельство меняет сущность писем посланных мною сегодня вам и Рицциони

ИВАНОВ

На телеграмме надпись: **„КАЦ. 12/VII—903 г."**

Иванов — генерал-лейтенант, председатель Правления Русского Паровозостроительного и Механического Общества. Воодушевленный похвалой начальства Кац продолжает нажим.

ТЕЛЕГРАММА.

2 АДРЕСА КОПИЯ ПАРОВОЗНОЕ КАЦУ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА № 0075

На телеграмме штамп:

Харьковский завод:
Р. П. и М О.
Получено 15-VII — 908 г.
№ 587
Отвечено

Сегодня получена от уполномоченного рабочих Баланова телеграмма о согласии на 10% сбавку расценков вместо предлагаемых Кацем 20% сбавки просят командировать уполномоченного правления для мирного решения вопроса ждут ответа до понедельника правление уполномачивает вас решить вопрос на месте

БУНГЕ ГРУБЕ ЕНАКИЕВ

На телеграмме надпись: **„КАЦ“.**

Бунге, Груббе, Енакиев — директора Правления. „Уполномоченный решать на месте“ господин Кац „решает“, как это нужно капиталистам.

ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНЫЙ
ЦЕХ

На письме штамп.

Харьковский завод
Р. П. и М О.
Получено 15/VII № 617
Отвечено

15 июля 1908 года.

Г-ну ДИРЕКТОРУ ЗАВОДА

Сегодня окончены записи в задельные книжки мастеров о понижении расценок на строящиеся паровозы, начиная с № 1605 и отобраны от мастеровых на особых бланках их расписка. О чем имею честь Вам донести.

За начальника Паровозострои. цеха (подпись).

На письме пометка и резолюция:

„Уведомить Правление. КАЦ. 15 VII—98 г.“
„16/VII—908 г. Сообщено Правлению“.

Июля 16-го дня 1908 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

В дополнение к письмам моим от 30 пр/м. и 12 с/м. за №№ 2289 и 85 увеломляю, что вчера, 15 с/м , в Паровозосборном цехе были окончены заявления и записи в заделные книжки пониженных расценков на товарные паровозы типа 4/5 У., каковые расценки приняты всеми рабочими Паровозосборного цеха, с выдачей особых расписок, за исключением нескольких человек, не бывших 14 и 15 с/м. на работе.

Рабочими остальных цехов означенные пониженные расценки также приняты всеми.

Таким образом понижение расценков на вышеуказанные паровозы принято, согласно объявлению моему от пр/м. (см. мое письмо № 2289) Паровозосборным цехом и всеми остальными цехами.

С совершенным почтением Кац

Так закончился этот яркий эпизод из истории ХПЗ в 1908 г. Провокация удалась. Оружие провокации—Надежин получил 500 рублей пособия на лечение. Ловкий исполнитель хозяйской воли господин Кац получил от Правления многообещающую благодарность. Избивший Надежина рабочий Василий Васильев был осужден на каторжные работы и освободился только после революции. Рабочие ХПЗ извлекли из этого дела урок классовой борьбы и рассчитались с хозяевами полной мерой в Октябре 1917 года.

Сергей Роговик.

ЗАВОДЫ ПЯТИЛЕТКИ

Владимир Юрезанский

ИЗ ИСТОРИИ ПРОЕКТА

ПРОБНЫЙ ОТРЫВОК

... Александр III не любил инженеров, боялся сложных ходов технической мысли, с подозрительностью относился ко всем носителям непонятных для него технических знаний. Когда однажды ему сделали представление о назначении на должность министра путей сообщения видного инженера, профессора-транспортника, он раздраженно отмахнулся:

— Кого угодно, только не техника.

Эта подозрительность к инженерам перешла по наследству и к Николаю II. В 1909 году он назначил министром путей сообщения Рухлова, не имевшего никакого отношения к железнодорожному делу,— его взяли из главного тюремного управления. В молодости Рухлов служил помощником смотрителя Летичевской тюрьмы, благодаря случайности попал в сферу внимания влиятельных сановников и через графа Сольского вошел в доверие к великому князю Александру Михайловичу, который был одним из интриганов придворной камарильи. Принадлежность к союзу русского народа и рекомендация великого князя оказались сильнее всяких дипломов и знаний,— Рухлов в течение восьми лет бессменно состоял министром путей сообщения. Угодливый и малокультурный чиновник, преклонявшийся перед малейшими желаниями Александра Михайловича, соглядатайствовавший в совете министров в пользу самых черных закулисных сил царской фамилии, он был скуп в хозяйстве своего огромного ведомства и чужд инициативы. При нем министерство отвергло шесть проектов Днепровского строительства. Из-за его недальновидной скаредности подвижной состав железных дорог дошел до такой степени изношенности, что когда грянула война, транспорт оказался в катастрофическом состоянии. Об этом косном помощнике тюремного смотрителя в должности министра будет написано несколько страниц в „Истории Днепростроя".

... Нетитулованный князь старой русской промышленности, знаменитый петербургский заводчик и председатель правления Азиатского банка Алексей Иванович Путилов слушал доводы французских инженеров и все больше убеждался, что мощью Днепра на порогах можно творить чудеса для металлургических предприятий. Он знал, что предста-

Дамба „Дурная“ и новый мост через Днепр.

вители предприимчивых французских и бельгийских капиталистов, владевших крупными заводами на юге царской России, сияя шелковыми цилиндрами, подкатывали в новеньких автомобилях к мрачному зданию министерства путей сообщения на Фонтанке. Они представляли какие-то эскизные наброски будущих Днепровских сооружений, показывали цифровые подсчеты стоимости работ, при чем все у них выходило значительно дешевле, чем предполагалось по проектам Максимова и Графтио, Рундо и Юскевича и даже по последнему проекту Киевского округа путей сообщения, где главными авторами были Юргевич и Розов.

— Позвольте, почему у вас такая низкая расценка земляных работ? — удивлялись в министерстве.

— Очень просто. Закончилась постройка Панамского канала, освободилось много специальных машин, которые требуют дальнейшего приложения к какому-нибудь делу. Вот и весь секрет нашей дешевизны,— откровенно улыбались вылощенные и выутюженные до последней складочки представители денежных тузов.

Но эскизные наброски иностранцев не могли конкурировать с серьезной работой Юргевича и Розова,— они признавались неудовлетворительными, браковались,— и настойчивый интерес к проблеме Днепра, шедший из заграницы, не получал поощрения.

Тогда Путилов решил поставить дело солидно, чтобы перед всеми поспешными соискателями получить несо-

мненное преимущество. Он предложил французам — профессору Шаппюи и инженеру Голье — разработать подробный проект, который обладал бы тщательно продуманной технической убедительностью. В 1912 году Шаппюи и Голье подали в управление внутренних водных путей три отдельно выполненных варианта, которые вопрос овладения Днепром разрешали посредством двухплотинной системы сооружений.

Главная работа по оценке этих проектов была поручена Юргевичу и Розову. Розов проверил инженерную часть, Юргевич, как крупный путейский генерал, явился докладчиком,— он умел складно говорить и обладал способностью показать световую и теневую сторону любой мысли. Все три варианта за чопорным зеленым столом инженерного совета были отвергнуты.

Но идея использования энергии Днепра кружила Путилову голову, возможность получения несметных выгод от дешевого электрического тока, который может развить река, не давала ему покоя. Неудача с Шаппюи и Голье его не остановила. Желание получить концессию на могучий старый Днепр, способный добывать из заводов золото, росла. Он заказал новый проект молодому профессору Петербургского политехнического института Бахметеву, имя которого в гидравлике стояло весьма высоко. Бахметев отнесся к заказу, как к научной задаче, и в 1913 году закончил оригинальный проект, решающий проблему Днепра тремя плотинами. Проект оказался самым сильным из всех

предыдущих и произвел впечатление. Он задевал, почти оскорблял чванное высокомерие путейских чиновников:

— Кто такой Бахметев? — спрашивали друг друга действительные статские советники в министерстве.— Он же не путеец. Чужой человек. Путилов при желании мог бы найти специалистов из нашей ведомственной среды. Способы ему известны... И кроме того — это частная затея. Кто знает, как еще посмотрит на нее Государственная Дума?

И проект Бахметева был отклонен почти без указания причин. Те из возражений, какие делались для соблюдения формальных приличий, носили курьезный характер.

— Может, предложить все-таки Бахметеву поработать по заданию Управления внутренних водных путей? — заикнулся один из членов совета, не обладавший непреклонностью кастового чувства.

— Что вы, что вы?— замахали на него руками.— Разве у нас своих людей нет?

Министерство вызвало Юргевича и Розова, занятых в то время шлюзованием Дона.

— Надо произвести на Днепре дополнительные изыскания. Государственная Дума выделила особую комиссию для рассмотрения проблемы. Составьте новый проект, но так, чтобы не было одностороннего увлечения только энергетической частью. Путилов мечтает о грандиозных заводах, ищет наживы, а мы должны помнить и о судоходстве.

Когда Юргевич и Розов уезжали из Петербурга, председатель инженерного совета Калинин говорил им на прощанье:

— Имейте в виду, ваш проект должен быть во что бы то ни стало лучше Бахметевского.

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Стараться придется довольно усердно. Вы должны определенно превзойти этого выскочку.

Задача была не из легких, что отлично понимали оба выдвинутых министерством инженера.

Весной и летом 1914 года в районе порогов работали две изыскательские партии: от села Верхний Кайдак до Ненасытца под руководством инженера Белоконя и от Ненасытца до города Александровска под руководством инженера Воронцова. Кроме топографических работ они производили бурение по оси предполагаемых сооружений и широко развернули зондировку залегания скал по берегам. Результаты докладывались Розову, который постепенно все дело подготовки будущего проекта сосредоточил в своих руках. Юргевич страдал запоем и большей частью сидел у себя на Дону.

Одной из основных трудностей для изыскательских партий явилась оценка приднепровских земель, подлежащих

Днепрострой и плотина.

затоплению под'емом воды после постройки плотин. Надеясь поправить новым строительством свои пошатнувшиеся дела, помещики заламывали совершенно сумасбродные суммы. Берегами Днепра от Александровска вверх до Екатеринослава владели в большинстве лица, имевшие крупные связи при дворе: генерал Синельников — потомок екатерининского наместника Новороссии, помещица Малома, ведшая свою родословную от гетмана Данилы Апостола, граф Стенбок Фермор, граф Коскуль, граф Воронцов-Дашков и другие. В своде законов Российской империи была статья об отчуждении земель для постройки железных дорог, но ничего не говорилось о праве государства пользоваться земельными участками для проведения водных путей и вообще для гидравлических целей, чем сейчас же начали беззастенчиво спекулировать сиятельные и несиятельные владельцы.

Когда инженер Белоконь явился в имение Стенбок-Фермора, граф вынес ему из покоев дарственную грамоту Екатерины II — плотный голубоватый документ с висящей на шнурах огромной сургучной печатью. В грамоте затейливыми завитушками было написано, что графу даруется в вечное потомственное владение „земля, вода и воздух" обмежеванной определенными столбами, канавами и урочищами территории.

— Ну, хорошо, насчет земли мы еще как-нибудь с министерством договоримся,— снисходительно сказал граф.— А вот относительно права владеть энергией, заключенной в воде, дело будет сложнее.

— То есть как?— не понял сначала Белоконь.

— За воду придется тоже платить.

— За Днепр?

— Ну, да. Вы же видите, в грамоте государыни совершенно ясно сказано: „земля, вода и воздух". Если министерство изобретет и захочет поставить на моей территории какие-нибудь заводы, использующие воздух, я буду требовать вознаграждения и за воздух. Старые помещики правы, когда говорят: „Против моего имения и небо мое".

Война скомкала исследовательские работы — их пришлось спешно закончить и весь добытый материал отправить в Петербург. Там Розов засел за проект. Это был знающий, аккуратный, толковый инженер, обладавший большой работоспособностью.

— Звезд с неба не хватает, блестящих мыслей не имеет, но на работу мастер,— говорили о нем.

Юргевич к тому времени вынужден был от проекта устраниться совсем. Однажды он приехал с Дона в сильном подпитии и прямо с Николаевского вокзала направился в Государственную Думу. Обыкновенно близкие люди встре-

чали его на вокзале и заставляли сначала проспаться, прежде чем ездить на лихаче по делам. Здесь же появление Юргевича почему-то прозевали, и он, как был „под мухой", так и ввалился в комиссию Думы,— возбужденный дорогой, мутный от недовольства, дерзкий, по-стариковски злой. Он наговорил членам Думы генеральских резкостей, которых потом ему никогда не могли простить.

К 1 февраля 1915 года проект Розова был закончен. Инженерный совет его одобрил и представил в Государственную Думу. Летом 1916 года Дума приняла законоположение о шлюзовании Днепровских порогов. Оставалось получить утверждение царя, открыть кредиты и приступить к делу. Но бюрократическая машина государства Российского двигалась медлительно, а Рухлов не спешил,— министерство никак не могло решить, кого назначить начальником работ. Кандидатура Юргевича отпадала сама собой.

— Пусть пьет на Дону цимлянское.

— А Розов?

— Розов слишком молод еще. И честолюбив не в меру.

— Но он обидится.

— Зачем же так делать? Послать его сейчас начальником строительства Кондопожской гидростанции на Онежское озеро. Будет доволен. А затем, уже без него, произвести назначение на Днепр.

Пока министерство путей сообщения делило места, пришла Февральская революция. Тогда вспомнили профессора Бахметева. Но было уже поздно. Бахметев бросил гидротехнику и, очертя голову, ринулся в совершенно чуждую ему область — политику. Временное правительство назначило его послом в Вашингтон.

1 апреля 1917 года новый министр путей сообщения Некрасов подписал приказ о назначении на должность начальника работ Днепровского строительства не гидротехника, а мостовика — Виктора Леопольдовича Николаи.

Однако и этот сделал не больше, чем его предшественники.

ШЛЮЗ

ГЛАВА I

Левый берег Днепра. Возле самого Запорожья легло село Вознесенка, мозаично пестря красными и серыми черепицами крыш. Глубоко, на дне каменистого оврага притаился хутор Завидный. А степь развернулась просторно и весенне ярко. Мрачно застыл над водой изрытый расселинами бурокрасный гранитный берег. Днепр, вспученный коричневой весенней мутью, минуя ряд скалистых островов, — „Большой" и „Малый", „Кресло Екатерины", „Два брата",—рассекался Хортицей на два рукава. Новый и старый Днепр обручем охватывал Хортицу. Соединяясь у Запорожья вновь, Днепр раздавался вширь сочными зелеными плавнями, стремясь к Черному морю. К левому берегу нового Днепра, загородив наполовину течение, серыми громадами высились скалы „Дурная" и „Сагайдачный".

Прорвав бледное предутро сверкающими клиньями, вонзилось в небо солнце.

Ленивая степная сонь взбудоражена шумом и звуками работ.

Далеко вдоль Днепра простерлись разработки камер шлюза и подходов к нему. Грабари лопатой и ломом глубят дно разработок, подбираясь к гранитным пластам. С утренней и до вечерней зари копошится муравейник землекопов. Засыпаются глубокие извилины оврагов, сглаживается площадь, возводятся длинные железнодорожные насыпи. Окрики грабарей, глухой стук лопат, скрипы и визг колымаг распластались над степью.

Прораб земляных работ Мелисинов на участке. С ним его немногие помощники. Техник и три десятника, весь штат.

Грабарит олько начинают с'езжаться. На раскинувшейся степи белеют стройные ряды геодезических колышек, показывая линию будущих железнодорожных путей.

Мелисинов глянул на разбивки. Ясно и живо развернулась в воображении картина будущих работ. Раз'езды, стрелки, будки. Переплелись блестящие линии рельс. Вот они окружили об'екты работ. Вот ожили пути. Мчатся черномазые паровозы, составы, груженные камнем, фермами, бревнами, металлом, бетоном. Гордо ползут, громыхая, длинноносые краны.

А сейчас пустота и степь.

К зиме 1927 года нужно вынуть на участках шлюза 400.000 кубометров земли. Необходимо разворачивать работу.

Обходя участок Мелисинов раз'яснял:

— Работа грабарей требует четкости и непрерывного течения подвод. Затор, сутолока — враг. Умей управлять грабарями—большие и сложные работы не страшны. Для машины есть пути запретные, для грабарей — доступно многое: в самые трудные места, словно козы, заберутся.

Десятки лет работает Мелисинов с грабарями: в Сибири, на Украине, в Белоруссии. Глубокое знание грабарского дела, вера в него чувствуется в его словах.

— А какова очередность работ, Василий Григорьевич?— задал вопрос десятник Бурышев.

Мелисинов указал перед собой рукой.

— А вот разработаем эти земляные громады, начнем скальные работы: рвать, крошить и выбирать гранит. Будем придавать шлюзу проектную форму.

Гранит берегов и Днепровского дна — высококачественный. Это большое достоинство. Для плотины, шлюза и станции это клад. Фундамент будет надежный. Снятый со шлюза камень пригодится на засыпку ряжей, на бетон.

— А каков об'ем гранита, который вынуть намечено?— полюбопытствовал техник.

— По всем об'ектам шлюза предположено вынуть 600.000 кубометров скалы.

— А методы разработки какие будут применены?—снова задал вопрос Бурышев, вспомнив работу на Волхове и не ожидая ответа, продолжал:

— Вот на Волхове землю на тачках вывозили. Один рабочий за ручку держит, другой, крючник, помогает тащить тачку проволокой. Только в разгаре работ деревянные дерики и экскаваторы появились. Громадное дело сделали. Прямо революцию техническую учинили. А грабарей там почти не знали.

— Ну, при наших размахах голыми руками не возьмешь— Мелисинов указал на грабарей. Днепрострой — это девять Волховов. Чтобы намеченные задачи выполнить, нужны машины — экскаваторы, перфораторы, бурильные станки и дерики. Они заказаны в Америке. Но эти чуда техники прибудут только к осени.

— А как канал шлюзовой пойдет, Василий Григорьевич?

— Собственно шлюз — это три камеры; три колоссальные ступени. Высекутся они в граните, бетоном выложатся. Каждая камера ляжет в длину на 240 метров, в ширину охватит до 20 метров, а в глубину метров 17. Цифры эти не окончательные. Еще обсуждаются. Размеры во всяком

Американский бурильный станок.

случае будут немалые. По величене наш шлюз будет первым в Европе.

— Плотина—как вам известно, поперек Днепр разделит и подымет воду на 37 метров. Этот громадный перепад во время проведения через шлюзы судна разделится по камерам, с перепадом воды по уступам на каждую камеру — 12,5 метров. От Днепра и друг от друга камеры массивными, двухстворчатыми воротами защищены. Наполняться водой камеры будут через особые трубы водопроводной галлереи, заложенной в боковых стенах шлюза, с выходами в середину камеры.

— Легкий поворот рычага в будке управления — вода Днепра врывается в камеру. Камера полна; уровень воды сравнялся с Днепром и судно можно впускать. Снова поворот рычага. Ворота раскрываются — добро пожаловать, судно входит в камеру. Перед первой и третьей камерой поставят из бетона причальные пирсы для пришвартовывания судов.

Мелисинов глянул вдаль, на скалу „Дурную", своим большим телом отвлекшую Днепр в сторону. Рядом с „Дурной", на левом берегу стройно высилась скала „Сагайдачный". Между ними узкой полоской проскользнул Днепр.

Взрыв скалы.

— Представьте,— продолжал он, — выйдет судно из камер шлюза, а дальше стой, „Дурная“ не пускает. Значит, судовой ход надо просечь, срезать скалу и углубить дно. Гранит крепок, и рвать его нелегкое дело. Судовой канал займет до двух с половиной километров.

Волнующая картина предстала перед глазами Бурышева: четкие серые камеры шлюза, стройные стены пирса, вода из труб, бурля и вздымаясь, наполняет камеры. Широко, словно радостно протянутые руки, распахнулись гигантские ворота навстречу пароходу.

Откуда-то выскочила каверзная мысль: а построим ли? Ведь рабочих нет. Нет механизмов. Громадина-то какая!

— А Волхов как начинали? И разве не окончили? - тотчас же успокоил себя Бурышев.

Новая партия грабарей прибыла,— сказал Мелисинову подошедший десятник Миронов.

— Хорошо. Принимайте и разбивайте новые резервы.

Бурышев пошел отметить для грабарских работ новый замер.

Продольно камерам шлюза возводится грабарями земляная насыпь под пути.

Между шлюзами и путями — косогор. Его надо срезать.

Широкое лицо Бурышева, красное и сухое от непрерывных ударов ветра и солнца, озабочено.

Бурышеву предстоит разрешить новую для него и трудную задачу. Как вычислить на косогоре разбивку выемок? Как сосчитать кубатуру этой длинной пирамидообразной громадины? Начал вычисления.

— Проклятые курсы,—ругнулся вслух.

Пробежали в памяти: восемнадцатый год, демобилизация, Ленинград, землемерные курсы и слова преподавателей: зачем вам алгебра, тригонометрия? Лишнее это, стоит ли этим забивать себе головы?

Поздно разобрались в обмане. А до армии где мог постичь эту грамоту? В темном селе Попадьине Ленинградской области? Хотелось учиться, но нужда погнала скитаться плотником по необ'ятным просторам России.

После армии и курсов пошел на Волхов рабочим. Рыл котлованы под шлюз и плотины, и хотя ушел с Волхова десятником, но тайну планировки и вычисления земляных работ так и не постиг. Но знания кое-какие расспросами да на курсах десятников взял. И когда в 1926 году знакомый прораб предложил проложить ветку железной дороги за Ленинградской заставой,—струсил сначала. Пугала самостоятельность. Потом решился.

Пришлось засесть за учебу. Упорствовал днем и ночью, одолевая горы формул и сложные правила строительства. Постиг сокровенное, вскрыл тайну инструментов.

Трудности не исчезли и в ходе строительства, но ветку все ж построил.

Развалисто и твердо подошел артельщик грабарей.

— Чому, Иван Васильевич, защитали мало кубов за пятнадцатый резерв?

— Ведь нечего там выбирать было. Вода сама за вас в Днепр землю смыла.

— Иван Васильевич, не ждал от тебя этого. Стоит ли во внимание мелочь эту брать?

— Полагается.

— Эх, и скуп ты, добрей будь и прибыльнее булет обом нам. Не твое, ведь. Воротишься от меня ты, Иван Васильевич. Зашел бы когда, раздавили бы бутылочку. Разом не день, ведь, работать...

— Незачем, начинайте — перебил Бурышев отходя. Подумал: — ну и шельма же. Ишь покупает.

★★★

Грабарский поселок. Крохотные землянки, словно приклеенные к скалам.

Под деревянным навесом обедают грабари. Обеденное время приходит к концу.

Грабари в камере

— Бач, нарыли, — худощавый старичок показал вдаль на широкий коридор первых камер шлюза.

— А для чего?

— Шлюзу делать будут, чув я, рабочие на путях так говорили, — пояснил молодой рабочий.

— Що за шлюза?

— Та прорижемо мы канаву й буде пароход нею ходить.

— По загранышному, значить, — залился смехом старик.— В такой крепости прорыть? Не камень, а зализо.

— Чего смеешься,—обиделся молодой, — а сам хвастался, що був в Амерыци канаву рыли громаднишу.

Старик покачал головой.

— Та хиба можно нам ровняться до Америкы? То Америка, а то мы. Америка та й то казали лит с тридцать строила. Все начинали та кидали: и хранцузы и нимци и амерыканци А куда вже нам. Пусте дило. До кинця свита копаться будемо.

— Немало лет работали мы там, та тилько повернулось нас мало. Лихорадка пожерла. А заробиток — ой, пусти кышени домой попривозили.

Старик вздохнув продолжал:

— Та хай наши выгадывают. Нам що, абы заработок был, а там...

— Заработаешь—зло перебил молодой.—Не заработок, а недоидки от хозяинов маешь. Восьмеро тут нас, а кони свои только в пятьох. Сам ты звешься членом артили, а коняки своей не имеешь. Чья она? Хозяйская. Генерал ты без солдат. Опустив глаза, старик молча слушал.

— Пожаловаться, а кому,—с сердцем воскликнул молодой грабарь. — Бач, рабочие на путях так в союзе. А мы?

— Тыхше, дурной,—испуганно оглянулся старик.—Крый боже, хозяин почуе.

★ ★ ★

С каждым днем на берегах Днепра вырастали все новые и новые штабеля досок, сосновых бревен, четкие квадраты шпал. Громыхали груды рельс. С нового раз'езда „Шлюзовой", задорно горланя и пыхтя, двигались на новых путях паровозы. К легкому запаху степных трав примешался острый запах соснового леса и смолы. Лихорадочно велись вспомогательные работы: постройка складов, жилищ, сооружения железнодорожных путей и раз'ездов. Строилась временная силовая станция, опалубочные, механические мастерские, лесозаводы.

Все сочнее, все гуще и смелее становилась песня работ. Перезванивалась сталь топоров, пели пилы. Все громче и шире заполняли степь человеческие голоса.

Биржа труда Запорожья, Кичкасский пункт учрабсилы ежечасно бросали на строительство новые партии рабочих. Из разных концов страны тянулись на Днепрострой люди: орловские каменщики, ярославские плотники, тульские костромские, черкасские землекопы, кременчугские камнеломы. В плотниках, каменщиках, штукатурах для разворота жилищных работ сейчас особая нужда. Днепрострой к рабочей волне не готов. Строительство остро переживает жилищные трудности.

Техник Чинов так рассказывал о том, как он с товарищами добывал себе жилье:

— Приехали мы, каменщики, из Горловки. Смотрим, живут рабочие в неоконченных бараках, под наспех сбитыми навесами из досок, а многие прямо на скалах со своими сундуками. Стали мы присматриваться. Решили сами себе барак подыскать.

Как-то, после работы, с товарищем на поиски пустились. Ходили между неоконченными постройками. Слышим из одного барака наружу рвутся песни, гармошка. Заглянули. Барак почти готов. Ничего не сказав, назад за товарищами. Эх, мать честная, что будет. На захватничество пойдем. Пришли. Все разом в барак ввалились. Суматоха поднялась.— Кто вы? Чего надо? Вон! Чуть до драки не дошло. Окончилось тем, что полбарака мы все же заняли.

Жилищные работы форсировались. Несказанно быстро, в две недели вырос Мелисиновский поселок. Жилищная лихорадка слабела.

★ ★ ★

Обескровил, иссушил свирепый июльский зной траву, степные цветы. Хлеба за Вознесенкой в золотых переливах. Они налились солнечной силой, набухли радостным плодородием. Ветер слегка качает, их и они поют смело и шумно.

Блестят на солнце коричневые тела обнаженных до пояса грабарей, землекопов, путевых рабочих. Душно.

Все шире и гуще опутываются участки степи и берега железнодорожными линиями. Все глубже и дальше идет канал камер шлюза. Длинными косыми террасами широкими извилинами тянутся по бокам стен спуски, ведущие ко дну шлюза. В вечном движении цепи грабарей.

Все выше, стройнее и величественнее растет насыпь моста через камеру шлюза.

Земляные работы по шлюзу и верхнему подходу идут форсированными темпами. Грабари подбиваются уже к гранитным пластам. Вглубь вгрызается шлюзовый канал. Все чаще звенят лопата и лом, ударяясь о скалу, о черепа валунов. Скоро откроются солнечному свету гранитные

Бригада каменоломов карьера „Дурнэя".

пласты. Скоро заговорят гранитные скалы взрывами динамита и аммонала.

Ярко сверкают в руках грабарей острия лопат. Ловки и ритмичны движения рук.

Длинной цепью взбираются на горы и спускаются к забоям шлюза колымажки. По мягким пухлым откосам насыпей оврагов шурша скатываются ко дну груды земли. Громадными темносерыми облаками повисла пыль над участками работ.

Грабари, нагружая колымажки, с любопытством посматривают на группу незнакомых людей, обходящую с Мелисиновым об'екты работ.

— Не по нашему белькочут.

— Амерыканци, мабуть.

— А тот передний, какой же он. Бач—ножкы коротеньки та тонстеньки, а живот и сам — наче бомба. Не идет, а перекачуется.

Человек, которого так критически встретили грабари, был полковник Купер, глава Американской консультации Днепростроя. Осматривая работы,— он удивленно остановился, наблюдая работу грабарей.

Брезгливо отплевывался:

— С такой азиатской механизацией далеко не поедешь. Варварские приемы. Лошаденки—и мировая станция. Нужны экскаваторы.

— Да, нужны.—Спокойно говорил сопровождавший его Мелисинов,—но их нет сейчас. А мы пока и лошаденками постараемся справиться.

Простое лицо Мелисинова с чуть косым разрезом пытливых глаз невозмутимо спокойно.

Купер долго стоял, следя за четкой работой грабарей. Ироническая улыбка играла на его губах.

★★★

Пронзительный свист ударил в уши грабарей.

— Эге, хлопци, артельщик знак подает, ухо остро держи, что-то есть,—и старичок насторожился.

Издали приближался кто-то незнакомый.

Бросив лопаты, подошли грабари со стороны.

— Работается как? От рабочего комитета узнать пришел. Не имеете ли обиды какой от артельщиков?

Не ожидали грабари, растерялись. Сверлящим взглядом осмотрел артельщик на грабарей.

— Говорите, чего молчите?

Старичок прервал молчание:

— Чего там, все як слид.

Разбойничьим свистом скован рот.

— Так что же, все в порядке?

— А яки там жалобы?—рукой махнул старик и пошел к коню. За ним медленно поплелись и остальные.

— Что же ты,—напустились на него грабари.

— А вы шо? Чего, словно репяхи к хвосту прицепились? Скажешь—выгонит.

Власть артельщиков над грабарями велика. Получая деньги за работу, они сами расплачивались с грабарями, сами принимали грабарей, выгоняли нежелательных. Особенно тяжело было безлошадным, работающим на чужих лошадях. Контроля над артелями еще не было никакого. Артельщики широко пользовались этим в своих интересах.

★★★

К ноябрю вскрыша земли первых двух камер шлюза была закончена. В условиях осенней непогоды работы были особенно тяжелы. Вода, размывая и отваливая откосы, неслась с высоты грязными потоками, на дно глубокого корыта камер, в котлованы верхнего и нижнего подходов.

В грязной холодной квашне работали грабари. Тяжелая полужидкая земля стекала с лопат, просачиваясь между досками колымаг. Вгрузали колеса подвод, вязли и скользили ноги лошадей.

Земляные работы подходили к концу.

Окончание крупных земляных работ, намеченных по плану Главинжа, повлекло за собой массовый раз'езд грабарей.

Начали раз'езжаться и сезонники строители. Напряжение работ резко упало.

Надвигались холода, а к концу месяца внезапно ударили морозы.

★★★

Веденеев подошел к окну кабинета и широко открыл штору.

В правом протоке плотники кончали рубку ряжей, замыкая в кольцо перемычки участок Днепра. Вагонетками, целыми поездами подбрасывается камень для засыпки ряжевых пустот.

Взгляд Веденеева скользнул по неспокойной темной поверхности Днепра и остановился на противоположном берегу.

Сооружение перемычек в левом протоке еще не начато, а уже осень, и ждать больше нельзя, — думает главный инженер.

Высокий и немного сутулый опустился в кресло.

— Если задержимся с работой и упустим конец строительного сезона,—год будет потерян, и срок выполнения работ по плотине не будет выдержан. Виной всему—невыполнение иностранными фирмами торгового договора.

Надо искать выход, допустить срыва сроков работ нельзя.

Веденеев погрузился в мысли, подводя итог многонедельной напряженной работе, тщательно продумывая, детально анализируя предложение фирм — немецкой Сименс-Бауннон и американской Х. Купера. Он осторожно разбирал, тонко сопоставлял свои методы работы с предложенными проектами иностранных фирм, учитывая все моменты предложенных планов.

Немцы думают начать работу одновременно с двух берегов. В среднем наиболее глубоком протоке они предполагают построить перемычку с донными отверстиями, возводя в левом и среднем протоке отдельно стоящие бетонные быки с закрытием промежутков между ними стальной шандорной стеной.

Для этого сейчас же необходимо иметь специальное оборудование, пловучие буровые станки, балки Грея, необходимо наличие бетонного и дробильного заводов.

Все это очень сложно, это оттяжка начала работ,—это недостатки. Достоинство — ведение работ одновременно с двух берегов, это ускорит окончание сооружения плотины,

Экскаватор.

Купер же предпочитает вести работы способом ряжевых перемычек. Этот прием показал уже свою успешность при сооружении Волховской станции. Он проще и дешевле.

Веденеев склонил над вычислениями седеющую голову.

— Это сэкономит от $1^1/_2$ до 2-х миллионов рублей. Это плюс — но предусмотрено выполнение этих работ на год позже—ввиду предложения Купера вести их только с одного берега,—это плохо. Время ведь пред'являет уже счет.

— Надо работы вести одновременно с двух берегов и испытанным методом ряжевых перемычек. Все необходимое налицо. Есть лес, есть плотники, каменоломы. Шлюз и „Дурная“ дадут камень.

Винтер *) в Москве. Веденеев взял чистый лист бумаги.

— Необходимо мнение Александра Васильевича.

★★★

Наступили тяжелые дни: надо немедленно приступить к сооружению перемычки в левом протоке Днепра. Таков приказ главного инженера.

Вечером в кабинете старшего прораба земельно-скальных работ состоялось первое расширенное заседание инженерно-технического персонала.

Совещание вопрос о подготовке камня разрешило быстро. Руководитель взрывных работ Сухаревский и руководитель буровых работ Писаренко добычу нужного коли-

*) Начальник строительства.

чества скалы находили вполне возможной, так как костяк бурильщиков и подрывников есть, а краткосрочные курсы на месте пополнят ряды специалистов. Бурение вручную может быть широко использовано. Запасов взрывчатки — хватит.

Но при разрешении вопроса о транспортировке камня с карьеров прорабы разошлись в мнениях. 30.000 кубометров скалы! Как и чем их перебросить с шлюза к перемычке?

Посыпались предложения: устроить насыпи и подавать камень вагонетками, проложить широкую колею для паровозов, доставлять камень канатной дорогой. Наконец, взял слово Мелисинов. Говорил не спеша, вопросами.

— Сейчас пути к перемычке со скальных карьеров — стоит прокладывать? — Нет. Это с'ест уйму времени и средств. Да паровозов и платформ в достаточном количестве нет.

Механизмы — экскаваторы, краны есть? — Тоже нет. Только первыми ласточками прибыли „Марионы".

Прорабы с интересом уставились на Мелисинова.

— Скажите мне, нам пути нужны?—Зима к нашим услугам. Словно по заказу проложила чудесные дороги.

— Механизмы?—Есть грабари.

Многие прорабы заулыбались.

— Что вы, Василий Григорьевич, 30.000 кубометров за два месяца грабарями?

— Да, да грабарями. Иных средств у нас не имеется, да откровенно говоря в настоящий момент и не надо. Незачем заниматься механизацией ради механизации. А грабарики себя оправдают.

Посыпались упреки, обвинения, шуточки.

— Пора нам отходить от грабарей.

— Мы к технике, а вы нас назад тащите.

— В консерватизме заклякли вы, Василий Григорьевич.

Мелисинов, пощипывая клинок рыжеватой бородки, невозмутимо продолжал.

— Я не против механизмов, но ведь их сейчас нет. Из пальца их не высосешь.

Старший прораб присоединился к предложению Мелисинова.

Расходясь все же многие уносили с собой недоверие: что же, так как нет ничего лучшего, попробуем и грабариками.

★★★

Разнуздался декабрь. Гулял лихими метелями. Душил морозами, исступленно бросался снегом.

Начались работы по установке ряжевых перемычек и засыпке их скалой в левом протоке Днепра. Группы водолазов, артели плотников, чернорабочие устанавливали ряжи,

Добыча скалы охватила первую камеру шлюза, остров „Черный", скалы „Дурную" и „Сагайдачный".

Напряженно работали бурильщики, подрывники, каменоломы, вызванные телеграммой грабари.

Словно на фронте, громыхали взрывы, кромсая морозный воздух и несясь навстречу вьюге.

Удары ломов и гремеров, звон долот, пулеметный бой перфораторов — сплелись в один стройный, необычайно мощный оркестр.

Дробили великаны валуны, разбивали гранитные лысины, снимали ржавчину—жорству, покрывшую гранит. На обоих берегах Днепра рыли котлованы камнедробильных заводов.

В утренние и вечерние зори, в обеденные перерывы на берегах Днепра тяжело и грозно перекидывались громы, идущие из глубоких скальных недр. Сотрясался Днепрострой. Дребезжали, трескались стекла бараков и домов.

В берега Днепра вонзились, рыча и отплевываясь гранитной пылью, стальные сверла перфораторов. В мельчайшей каменной пыли, в гуле, огне и дыме закалялись работники буро-подрывного отдела. Они заставили заговорить и раскрыться гранитные заповедники.

Каменоломы разрабатывали раскрошенные взрывами гранитные пласты. Долбили кирками мерзлый грунт. Клином, зубилом насекали ямки в гранитных кусках и раскалывали их тяжеловесными гемерами на более мелкие части. Измельченный до нужной величины камень складывают в штабеля.

Километрами тянулись грабарские колымажки к левому берегу Днепра.

Начинался конский путь со скальных карьеров, проходил ледяной дорогой через Днепр.

Лошади, напрягаясь и хватаясь копытами за малейший выступ и шероховатости дороги, взбирались по дощатому настилу со льда к ряжам и, пройдя мимо них, с опорожненными телегами снова возвращались к скальным разработкам.

Громадные деревянные ряжи, разбитые на многочисленные квадраты и опущенные в широчайшие проруби, жадно глотали тысячи кубометров скалы. Ряжевые колодцы верхней и нижней перемычки стояли поперек течения. Черные бурлящие воды Днепра набрасывались на ряжи, стремились их опрокинуть. Но ряжи тяжелы и устойчивы.

Между работой грабарей и каменеломов — полная согласованность. Но такая связь не только между ними. Во всей работе органичность, неразрывность. Каменотес связан с каменоломом, каменолом с подрывником. Затормози работу одно кольцо, и круг прорван, ход работы нарушен. И не только это. Успех выполнения задания — дать к па-

Команда подрывников.

водку перемычки — зависел от своевременной установки ряжей гидротехническим отделом.

Каждый отдел, каждый участок — напрягал все силы, чтобы не отставать, не быть тормозом, не нарушать общего хода роботы в установке перемычек в левом протоке Днепра.

А в заготовке скалы действительно отстали, а февраль на исходе, и паводок ждать себя не заставит.

Мелисинов подтягивал десятников.

Член рабочего комитета Голтелов на участках работ, в сушилке, в обеденные перерывы, после смен проводил летучие собрания, беседы, об'ясняя важность своевременного окончания перемычек, организовывал рабочих на ликвидацию отставания.

— „Не дать камень—сроки сорвать, плотину во время не окончить. Приналяжьте, ребята, весна близка и грозна",— говорил он, обходя участки работ каменоломов.

Каменоломы подтянулись, скала пошла.

Ежедневно точно к девяти часам, пересекая Днепр, проходил к работам Веденеев.

Крупный и стройный, медленно обходя участок, он наблюдал, тихо расспрашивал, просто давал нужные советы. Его слова, сказанные мягко и как бы застенчиво, были за-

коннее приказа. Они были продуманы, глубоки, технически безошибочны.

В широкой ясной голубизне глаз иногда чувствовалось беспокойство.

— Ну, что? Успеете засыпать эту штуку к ледоходу?

— Будьте покойны, Борис Евгеньевич, сделаем.

Верхняя и нижняя перемычки, набухшие и отяжелевшие, набитые до верху камнями — прочно легли в левом протоке двумя широкими грядами от берега к острову „Черному". Между ними широкое спокойное озеро. Участок озера предстоит уже разработать после паводка. Вдоль ряжей уложены на каменной, свеже насыпанной дороге зигзаги рельс. Бегают паровозы, за ними новые самоопрокидывающиеся платформы-думпкары.

Важно задрал кверху черную стрелу кран „Индустриал". Рабочие стальным тросом прикрепляют к гаку металлическую, тяжелую „бабку" для забивания стальных шпунтов. Шпунты укрепляют перемычку, делают ее неприступной для стихии Днепра.

Небольшая группа грабарей заканчивает засыпку последних ряжей.

К Голтелову, отделившись от группы, несмело подошли два грабаря: сухенький старичок и краснощекий крепкий молодой.

— Вот, товарищ рабочком,—начал старик, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну говори, дед, чего замолчал?

— Кажи, дед Василь, а то я,—молодой ступил вперед.

— Нет стой, Грицько, я буду говорить,—и дед, волнуясь, рассказал Голтелову о непорядках в артели, об артельщике.

— Вы вже, товарищ, накажить его,—просил старик. Годи ему наживаться на нас. А я досыплю ряжи та домой поеду. В колхоз вступаю, гуртом будем работать.

— Ладно, дед, все разузнаем, приубавим аппетит, свяжем руки.

— А ты тоже уезжаешь?—спросил Голтелов.

Григорый весело крутнул головой.

— Нет, остаюсь тут. На пути рабочим иду.

★ ★ ★

Срок для установки и засыпки перемычек главным инженером был дан двухмесячный. Строители сократили этот срок. За семь недель бросили в ряжи 34.000 кубометров скалы.

Один из американских инженеров, на глазах которого начинались и окончились работы по засыпке и установке ряжей, вынул изо рта свою вечную трубку.

— На тощих лошаденках, впряженных в жалкие, смешные тележки, выполнить такую работу! На это способны только русские.

— Большевики — поправили днепростроевцы.

Год спасен, задание выполнено. Стихия Днепра побеждена. Первые успехи воодушевили, ободрили. Они дали возможность смело у бесстрашно смотреть в будущее.

Первый экзамен днепровские строители выдержали. В этой работе днепростроевцы получили первую закалку — это было собирание сил для будущей тяжелой, технически сложной и многообразной работы.

Яков Башмак

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Перевод с украинского

VI РАЗДЕЛ V ГЛАВЫ ИСТОРИИ ДНЕПРОГЭСА

28 марта и 16 апреля 1932 г.— исторические даты на Днепрострое. Первая дата знаменуется укладкой последнего кубометра бетона в гребенку. Это дало возможность побороть стихию Днепра, подпереть могучей грудью плотины весеннее половодье, поднять его до 37 метров и обеспечить необходимое гидравлическое давление для турбины. И 16 апреля Днепр впервые ринулся сквозь открытые ему шандоры в спиральную камеру и послушно завертел первый гидрогенератор.

Эти победы были на стороне бетонщиков-строителей и механо-монтеров. Но они не завершают выполнения общестроительного встречного. Теперь судьба встречного, по которому пролетарии Днепростроя обязались перед партией и правительством дать ток первого мая—целиком зависела от электриков. Наступило время, как будто небольшой, но наиболее сложной, наиболее ответственной работы. Нужно было провести, правильно присоединить к генератору тысячи кабельных нитей смонтировать и проверить сотни сложных аппаратов.

Апрель у электромонтеров был месяцем чрезвычайного напряжения в работе, в частности в последние предпусковые десять дней. Время каждого—от руководителя до рядового монтера—рассчитано до секунды. Каждый участок, бригада, каждый рабочий имел точные и четкие задания на декаду, пятидневку, на смену, на час. И каждый старался не только выполнить, но и перевыполнить свое задание, добиваясь выполнения встречного в целом, стремясь окончательно оборудовать и проверить электроаппаратуру, чтобы с честью встретить праздник пролетариев—Первое Мая полным выполнением обязательства перед страной — пуском в эксплоатацию гидрогиганта.

★ ★ ★

... В 24-м часу ночь еще гуще заволоклась туманом, нахмурилась и тяжелой тьмой давила на электролампы, освещавшие корпуса гидростанции. Зарево плотины как-будто

ширмой отделяло ее от ДГЭС'а, и только бурный шум водопадов прорывался сквозь сырую воздушную массу.

Пасмурная погода еще больше напрягала работу электриков на участке прораба Левина. И, хотя уже оканчивалось время второй смены беспрерывного монтирования и размягченные мускулы просили отдыха, но общий огонек напряжения отгонял и усталость и сон. В представлении каждого первые днепровские огни, которые должны засверкать через несколько дней, за которые борются уже пятый год, которых нетерпливо ждет вся страна.

Но эти огни могут и не засверкать, если они—электрики участка Левина—не успеют своевременно и правильно присоединить и прозвонить 1.500—целый лес, кабельных концов в генераторе, не оборудуют в шахтах машинного зала всей электроаппаратуры.

По плану эту работу необходимо закончить завтра—24 апреля в 4 часа дня. За это время, после монтирования, строители должны выполнить еще множество мелких доделок, а потом электрикам еще раз необходимо будет произвести проверку каждой нити, каждого винтика. И потому, как будто и не сговариваясь, после гудка первой смены все остались на своих местах. Сирены уже оповестили о конце второй смены, но никто и не заикнулся о шабаше. До пуска остались считанные часы...

Левин глянул на циферблат—начало первого: решил шабашить. Физическая усталость усиливалась и требовала отдыха, хотя спать уже не хотелось. И в эти решающие часы разве можно уснуть, хотя бы и нашлось время? Но Левин понимает, что силы бригад, силы каждого монтера сейчас нужно бережно охранять и очень рационально использовать. Он быстро сложил свою кенотронную аппаратуру и пошел длинными бетонными тоннелями, переплетенными кабельными проводами, к бригадам, чтобы об'явить перерыв до завтрашнего дня. Но увидел, что это невозможно. Каждый работал с таким увлечением, что—казалось Левину—один намек его на „шабаш" вызовет со стороны бригад волну возмущения, как к руководителю, который не выдержал и сдает свои позиции. Он слышал, как стучат, звенят, дребезжат аппараты и машинки, и гулко перекликаются бодрые голоса монтеров: „не уйдем, пока не окончим".

Левин, хоть и прораб, хоть и руководитель этих людей, но все же язык его не повернулся сказать „шабаш", и он сам не выдержал — снова направился к кенотронному аппарату.

Через час начальник электромонтажа Долина хотел административно заставить бригады Левина сделать перерыв, но тоже не смог. Электрики с успехом на день раньше оканчивали прозвонку.

— Вот черти полосатые! — Его круглое лицо, которое могло быть смеющимся, а когда нужно суровым как скала— теперь удивленно расплывалось от радости.

Долина, засучив рукава, взялся и сам помогать бригадам.

На следующий день руководство решило устроить электрикам выходной день, чтобы восстановить силы для последнего решительного штурма. И хотя никто из них уже второй месяц не имел выходного, однако и на этот раз сразу никто не ушел с участка. С утра каждая бригада делала свое дело. Одни проверяли свою же работу, намечали новые графики, другие увлекались изучением техники эксплоатации машин, чтобы после монтажа немедленно самим приступить к работе.

Но в то же утро штаб, созданный партийной и комсомольской организациями, целые сутки связанный со всеми участками и в случае отставания на каком-либо участке немедленно посылавший туда помощь — получил тревожное сообщение. Строители в первом блоке, где стоит главный трансформатор, не успели забетонировать отверстие, из которого выходят вверх кабеля высокого напряжения. Беда эта была бы невелика еще, но в это время как нарочно из густых туч полил ливень и в одно мгновение затопил весь блок, муфты и кабеля. Между тем эти кабеля имели важное назначение, без их правильной работы нельзя было и думать о пуске машин. Все электрики немедленно, забыв о выходном, бросились на помощь строителям, на ликвидацию аварии.

Надвинулась угроза срыва пуска. А во время ликвидации аварии эта угроза еще увеличилась. В маслянке лопнула труба, и всю муфту залило маслом: мостики раз'единения и трансформаторный щиток сделались совсем непригодными к пуску. А время шло. До пуска осталось два дня.

Прораб Левин и мастер Шестопалов немедленно выделили для ремонта испорченной аппаратуры лучшие комсомольские силы. Электрики Леви, Шепилёв и Юрнев день и ночь (отказавшись даже тратить время на хождение в столовую — обеды им приносили на работу) штурмовали прорывной участок. Щиток и муфта были снова высушены, оборудованы: муфту залили мастикой, щиток прозвонили.

29 апреля за день до пуска осталось сделать последние операции с прозвонкой. Эту работу нужно было проводить на верху выводной будки. Но снова пошел дождь и сделал невозможной электропроверку.

Комсомольцы Леви и Юрнев, а также инженер Цимбал, которым была поручена эта важная операция, целый день мокли под дождем, закрывая плащами коробки, где соединялись кабеля, чтобы туда не попала ни одна капелька, и

старались хоть медленно прозванивать их. Но к вечеру дождь еще усилился, и работу пришлось остановить.

Молодой электрик Леви, едва сдерживая слезы, сообщил Долине о прекращении работы. Долина понял, что другого выхода, кроме временного перерыва для прозвонки нет. Старался ободрить бригаду—хватит, мол, еще времени на прозвонку. Но подбадривая комсомольцев, он сам был уже внутри взволнован новой угрозой, хотя никому о ней не говорил.

Вчера на коротком предпусковом совещании высшего руководства, профессор Толвинский, которому было поручено руководство испытанием всей системы гидростанции, заявил о невозможности пуска первого мая. Естественно, что прозвонка теперь для Долины была мелочью по сравнению с переносом всего пуска. Вся прежняя борьба теряла свое значение.

Он еще раз попробовал уговорить Толвинского и Томсона—представителя фирмы „Дженераль Электрик",—чтобы найти выход в отношении испытания и первого мая все-таки дать промышленный ток. Тем не менее Толвинский упрямо держался своего мнения. Он доказывал, что нельзя ставить агрегат под нагрузку, не испробовав его высоковольтным напряжением, ограничившись испытанием на постоянном токе.

Долину сильно возмутил такой ответ. Его пылкая натура, возбужденная еще свежим впечатлением развернутых горячих штурмовых ночей, никак не могла сразу согласиться, чтобы огни Днепра не загорелись в обещанный срок.

Он еще раз попытался доказать высшему техническому руководству возможность пуска агрегата первого мая. Но не встретив необходимой поддержки, грустный возвратился на свой участок. Он даже побледнел от злости. Нервно бегал в одиночестве в своем кабинете. Никак в голове не укладывалось, чтобы всю колоссальную работу, штурмовые дни, бессонные ночи самоотверженного труда тысяч пролетариев, на грани полной победы—свести ни к чему. Это все равно, что взять и вылить воду на огонь, разведенный с такими трудностями.

До поздней ночи сидел он за столом, проверяя в десятый раз схему, чертежи и упрямо вычисляя амперaж, технически обосновывал свои мотивы пуска, чтобы отбросить при их помощи мотивы Толвинского.

В это время в кабинет вбежал Раткоп и, быстро приблизившись к Долине, возбужденно от радости крикнул:

— Пускаем! Иван Ильич, пускаем!—ухватил Долину за толстые плечи, торжествующий от побед, готовый расцеловать.

И, не дождавшись ответа, рассказал ему, что авария в блоке с успехом ликвидирована, прозвонка закончена. А главное—

лабораторные испытания всех бронированных сооружений, всей электроаппаратуры пульта и соединения линий ДГЭС'а (чем руководил он) — дали прекрасный результат. Но рассказывая об этом, Раткоп быстро заметил внутреннее беспокойство своего руководителя.

— Что случилось, Иван Ильич?

Долина медленно поднял глаза и остановил измученный взгляд на юношеском с острыми чертами лице Раткопа, на его серых умных глазах:

— Лева...

Проговорил он медленно, вздрагивая от волнения, как будто перед этим плакал.

Некоторое время сидели молча, вперив друг в друга взгляд, как будто изучали один другого. А через несколько минут кабинет был уже наполнен активом электриков.

Долго стояла мертвая тишина. Каждого как будто камнем оглушило. Ведь это они два года тому назад пообещали сессии ВУЦИК'а, работавшей на Днепрострое, дать первый ток первого мая. Дать энергию стране на полгода раньше запланированного срока. И, выполняя это обещание, какую они выдержали борьбу с неуверенными, оппортунистами! Сколько положено ударного труда. Сколько бессонных ночей прошло в напряженных горячих штурмах, в попытках поскорее на практике внедрить идею Ильича об электрификации страны! А теперь, когда все было подготовлено для генерального испытания агрегата, чтобы нагрузить его промышленным током, когда вплотную приблизились к финишу—их остановили.

„О, как тяжело было нам, гражданам Советского Союза, когда мы узнали, что пуск первого мая не разрешен"— вспоминает теперь беспартийный инженер-электрик Левин.

В ту же ночь, 29 апреля, был четко разработан новый проект испытания генератора по кенотронному способу, дававший возможность рассчитывать на промышленный ток первого мая. Тогда же было решено на следующий день снова обратиться с этим проектом к главному начальнику строительства Винтеру с требованием не оттягивать пуска.

На следующий день утром в зал пульта вошел заместитель начальника строительства Михайлов. Он тоже всю эту ночь обдумывал план, чтобы не сорвать инициативы масс и пустить агрегат по встречному. Не успел он еще как следует проверить установленную аппаратуру, как его окружила группа рабочих, молодых инженеров в составе Раткопа, Левина, Семенова, Лепина, Польского и друг. и начала просить разрешить им пуск первого мая. Показав разработанный им ночью новый проект пуска, технически обосновав его, они сообща с горячностью, присущей молодежи, заявили:

— Мы просим вас, Василий Михайлович, разрешить пуск. Настаиваем на этом. Наконец—требуем!

Что мог ответить Михайлов, как руководитель, как старый большевик на эти, вполне обоснованные требования масс дать им возможность с честью встретить свой пролетарский праздник — победой мирового значения? Конечно, отказать им он был не в состоянии. Вглядываясь в блестевшие глаза юношей, горевшие стремлением хоть сейчас начать пуск, он пообещал им помочь в этом, принимая во внимание все те предупреждения Толвинского и Томсона о рискованности пуска машины по такому методу.

Мистер Мике со своими коллегами американцами бросили в этот момент проверку аппаратуры и удивленно оглядывали рабочую молодежь, наступавшую с такой смелостью на своего начальника. Эта картина еще больше подчеркнула контраст между системами работы в их капиталистических странах и Советском Союзе, противоположность отношения рабочих к производству и к его задачам.

Когда они в Америке видели стачки, рабочие наступления на хозяев с требованием увеличения зарплаты, облегчения труда, с угрозами сорвать ход производства — то тут, наоборот, перед ними группа рабочих, инженеров, отказывавшаяся от отдыха—упрямо требует от руководителя возможности завершить начатую ими работу.

30 апреля, в последний день перед сроком пуска, до самого вечера никто из электромонтеров, а также и с других участков не знал, будет ли завтра пуск или не будет. И только в четыре часа дня еще раз было созвано совещание наиболее ответственных инженеров, которые должны были руководить пуском. Это совещание состоялось уже в то время, когда надежда на пуск первого мая была почти утрачена.

Судьба пуска была сейчас в руках совещания, имевшего историческое значение на Днепрострое, названного „совещанием в комнате № 42" (т. е. в кабинете Винтера).

И хотя Долина был срочно вызван на это совещание и не успел никого предупредить, чтобы не расходились, тем не менее никто из электриков с работы не ушел. Наоборот, они без приказа своего начальника, не представляя еще результатов совещания, сознавая только ту громадную ответственность, которая ложится на них, если разрешат произвести завтра пуск — еще раз проверили щиток № 2, испытали главный трансформатор и генератор. Была четко разработана расстановка всех сил на случай пуска.

Произведя проверку, расстановку, вполне подготовившись к последнему штурму, электрики выделили „нелегальную делегацию" на совещание в составе лучших молодых инженеров Раткопа и Семенова. На совещание их не приглашали; совещание было узкое, закрытого типа. Конечно,

наши „делегаты“ попасть туда не могли. А поэтому они, тихонько устроившись в приемной Винтера, использовали каждую мельчайшую щель в двери комнаты № 42, чтобы уловить хоть тон звуков, если уж целые фразы были непонятны, уловить направление совещания и немедленно обо всем передать по телефону на пульт, откуда они посланы. „Делегаты“ слышали, как за дверью шли бурные споры и даже ругань, как сходятся в теоретическом бою по технике два лагеря: Толвинский и Томсон за то, чтоб отложить, а Долина, Гарин и Михайлов за пуск.

Третья сторона, от которой зависела и правота спорящих сторон и пуск, молчала. К ней принадлежал Винтер. Он внимательно выслушивал то одну сторону, то другую, которые старались перед ним и теоретически и практически побороть одна другую в технике. Видно было, как иногда пробегали черты суровости на его лице и медленно передвигались под густыми с легкой проседью бровями серые глаза то на одних, то на других. Медленными движениями, как бы боясь прервать мысль высказывавшегося, раз за разом что-то подчеркивал у себя в блок-ноте и снова, облокотившись на ручки кресла, молчал.

„Делегаты“ слышали, что совещание колебалось как поставленное на весы: то одна сторона начинает перетягивать, то другая. В частности, были понятны „подпольщикам“ события за дверью из горячих острых, громких выступлений Долины. Когда он начинал доказывать совещанию политическое, экономическое и даже моральное значение пуска и обосновывал технически возможность генерального испытания генератора по кенотронному способу — то, казалось, вся тяжесть совещания перешла на сторону электриков. И „делегаты“ в это время радостно жестикулировали руками: „так, так их, правильно“. Но когда снова начинал Толвинский, как профессор-электрик доказывать тонкими техническими мотивами, что „нельзя самый большой в мире агрегат, который стоит 750 тысяч долларов, пускать, не испытав его высоковольтным напряжением“ (на это необходимо минимум 15 дней),—и тогда начинает перетягивать сторона Толвинского.

О всех этих деталях колебаний совещания „делегаты“ передавали товарищам. Оттуда беспрерывно спрашивали: „а что же говорит Александр Васильевич?“ (это о Винтере).

— Молчит,—был ответ.

И это Винтерово молчание, как гипноз, передалось на пульт всем электрикам, и нетерпение мучило их.

Бригада обмотчиков Рыбинцева—одна из лучших бригад электриков, в состав которой входили три лучшие комсомольца и кадровый рабочий, коммунист Рыбинцев. Но сегодня, когда они узнали, что пуск перенесен, они хо-

дили пасмурные. „Люди ходят из угла в угол,— пишет в своих воспоминаниях Рыбинцев,— молчаливые, грустные, ходят с поникшей головой, как будто потеряли жизнь и теперь хотят найти ее... Особенно были мучительны минуты, когда происходило совещание". А обмотчики все эти дни работали в пятом кратере машинного зала и не были связаны телефоном ни с пультом, ни с Раткопом и Семеновым. „Хотелось полететь на то совещание и просить со слезами, умолять, или до крови подраться, лишь бы добиться пуска первого мая... Лишь бы не осрамиться перед пролетарской страной и с честью выполнить наше обещание"... „Без пяти четыре дня, меня зовут срочно к телефону на второй этаж... Иду нехотя... Взяв трубку, слышу радостный голос Долины: „Павлуша, крепись! Сообщи народу, что дело на мази. Подготовь инструменты к генеральному испытанию генератора. Ну, давай, Павлуша!" Я выскочил из телефонной будки, будто пронизанный током радости. А когда я сообщил об этом бригадирам—меня чуть на руках не носили, хотя тогда мы не знали, что Долина позвонил в то время, как только началось совещание, и что даже ему тогда не было известно, чем оно кончится".

Не меньше переживали эти минуты рабочие и других участков—и монтеры и строители, так как они все вместе боролись за единое, всем общее дело.

От нелегальной делегации на пульт все время поступали сообщения о колебаниях совещания, о молчании Винтера. Наконец, получено сообщение:—„Винтер заговорил".

„Одно это слово,— говорит инженер Польский,— вмиг поставило всех нас на ноги и заставило еще раз проверить главные комплексы электроустановок, хотя нам совсем неизвестно еще было, о чем именно будет говорить Винтер и чье предложение утвердит он".

Вдруг от Раткопа и Семенова получили торжествующую телефонограмму:

„Пускаем!"

Все быстро в один момент стали на определенные места в боевой готовности к пуску. Все рады до бесконечности, но вместе с тем и обеспокоенные. Ответственность за каждую электрочасть и за агрегат, чем дальше, все больше возрастала.

Четко расставлены монтеры и руководство. Раткопу и Левину поручено следить в главном корпусе управления—пульте за схемами вольтажа. Гришакову (мастеру) следить за работой главных трансформаторов. Семенову—за испытательной кенотронной аппаратурой и Рыбинцеву—отвечать за правильное раз'единение генераторных шин от трансформатора.

С громадным напряжением снова развернулась горячая

упорная работа. Чтобы завтра обеспечить пуск Днепрогэс'а, необходимо сегодня же произвести генеральное испытание генератора по кенотронному способу. Ведь на техническом совещании электрики потому только и победили, что Долине удалось уговорить руководителя фирмы Томсона, что он, Долина, тоже согласится перенести пуск, если кенотронный способ себя не оправдает.

Решено начать генеральное испытание. Но не учли, что машина № 1 работала перед этим на сушке и в кратере, где нужно было присоединить кенотронный аппарат к обмоткам статора, температура поднялась до 62 градусов. Снова возник вопрос, что делать. Из всего этого логически вытекали предложения американцев подождать, пока упадет температура. Но разве можно было с этим согласиться, если на это потребуется несколько дней.

Павел Рыбинцев со своей бригадой решительно запротестовал против оттяжки и, наскоро раздевшись, нырнул с аппаратами в горячий, как пламя, воздух кратера. Американцы и некоторые из наших руководителей не верили, чтобы рыбинцевцы могли выдержать в этой печи и выполнить такую сложную ответственную работу. Но через полчаса Рыбинцев выскочил из кратера хоть мокрый и красный, как рак, но все же гордо заявил: „кенотрон присоединен". Мистер Томсон не поверил, сам пошел в кратер и осмотрел,—все было правильно.

Начали включать кенотрон под напряжение. В окна со двора надвигалась уже темная ночь. Все, внимательно следя за часами, в напряжении затихли, как будто они сами поставлены под вольтаж. Послышался в аппарате слабый звонок (это был условный знак, что кенотрон дал в обмотке статора уже 29 тысяч вольт—самое высокое кенотронное напряжение)—все присутствующие вздрогнули. Если все части генератора выдержат это напряжение, значит завтра промышленная энергия возможна.

Та одна единственная минута, необходимая для кенотронного процесса проверки—казалось, продолжалась целый час. Наконец, снова звонок: все громко вздохнули. А Томсон оглянувшись, радостно воскликнул:

— О-кей!

Испытание статора показало блестящие результаты. Такие же результаты показали и другие части генератора. В восемь часов вечера испытание кенотрона было окончено.

Но для обеспечения завтрашнего пуска, нужно произвести после испытания еще бесчисленное количество мелкой работы, которой нормально хватит дня на четыре, но для нее осталось времени не дни, а всего несколько часов. Нужно снова проверить все схемы, произолировать воду и оборудовать шины.

Развернулась бешеная работа. Все усталые, измученные

не только от физической работы и бессонных ночей, но и от волнения. Однако, снова никто не ушел домой. Работа кипела и на пульте и в кратере.

В двенадцать часов ночи на гидростанцию пришел Винтер. Заметив, что уже несколько смен без перерыва работают одни и те же измученные люди, приказал всем немедленно разойтись и завтра с новыми силами приступить к окончанию. Все поняли, что Винтер прав. Но желание скорее подготовиться, полностью обеспечить пуск завтра, было так велико, что никто не послушался этого приказания. Тогда Винтер, рассердившись, выпрямил свою величественную фигуру (суровое лицо даже посерело, хоть сердце радовалось такой спаянности коллектива и преданности труду), начал выгонять всех из пульта.

Рабочие расходились, хотя дальше усилительной подстанции никто не пошел. И как только Винтер ушел с гидростанции, все снова как зайцы начали из-под мачт сбегаться на пульт.

Коллектив решил не тратить времени на хождение домой, передремать до рассвета на работе.

Рыбинцева и бригаду Винтер тоже отослал отдыхать. Однако, лишь только закрылась за ним дверь гидростанции, обмотчики тоже возвратились к кратеру. Еще с большим воодушевлением, не обращая внимания на жару, превышавшую 60 градусов, начали они изолировать шины, смазывать вазелином, готовить их к приему промышленного тока.

Первого мая утром бригада Рыбинцева, пьяная от усталости, вышла из кратера. Температура в нем к утру снизилась только на два градуса.

Они выполнили самую ответственную работу во-время и с честью. К этому времени почти вся подготовка на всех участках была окончена. Наступил момент самого серьезного, самого сложного решительного процесса — процесс пуска. Но тут уже не спешили не только американцы, но даже электрики. Внимательно, по несколько раз проверяли правильность аппаратуры.

На утро первого мая весь многотысячный коллектив днепростроевцев уже знал о пуске. Значительно раньше назначенного времени начали собираться возле дома общественных организаций многолюдные демонстрации. Море праздничного народа переливалось в ярких майских лучах и в красном пламени знамен. Торжественно плыло оно с берега на берег через могучую плотину, мимо многоэтажных, четких сизоватых поутру корпусов гидростанции, пульта мимо ажурных колонн, высоких мачт с огненными гирляндами, которые, казалось, опутали проводами небо, мимо роскошного синего металлического леса усилительной подстанции.

Электрики не принимали участия в праздничном походе. Они видели только из окон эти могучие колонны победителей. И это их еще больше обязывало и воодушевляло к последнему натиску, к последнему штурму, чтобы сегодня же, пустив Днепрогэс—вместе с теми праздничными тысячами продемонстрировать перед всем миром свои способности, силу и мощь.

Пусковая комиссия решила поставить агрегат под напряжение в шесть часов вечера. К этому времени в просторный зал пульта, где установлены громадные марблитового цвета распределительные щиты, блестевшие сотнями белых циферблатов и разноцветных лампочек-сигналов сходились ответственные руководители партийных и хозяйственных организаций. Из этого зала, при помощи самой высокой техники автоматических электроаппаратов, один человек может руководить всей гидростанцией—и рассылкой и регулированием энергии во все пункты потребителей ее: комбинаты, Запорожье, в Днепропетровск, Донбасс, Кривой Рог и т. д.

Долина, Раткоп, Гарин и другие электрики в эти последние перед пуском минуты бегали, суетились, производя последние операции, проверяя пусковую аппаратуру и всю сложную электросистему гидростанции. Ответственность за пригодность ее к эксплоатации после кенотронной проверки, ответственность за пуск в целом, которую они—электрики—сами взяли на себя, теперь выступила во всей своей полноте. Теперь мелкая недоделка, малейшая ошибка со стороны электриков могла осрамить их навсегда. Ведь пускать такой агрегат, чего с боем добивались электрики на совещании—ни профессор Толвинский, ни американцы не решались. Они боялись, потому что никто в мире еще не пускал такого гидротитана. И вот коллектив работников Днепростроя сам смонтировал, сам оборудовал и смело сам взял на себя ответственность пуска.

К вечеру все росла и росла толпа представителей, переживавших тоже ответственность и геройство электриков, нетерпеливо ожидая первых огней.

Наконец, дано распоряжение пустить машину и произвести пробное включение на временную силовую станцию. Операция включения с военной быстротой и четкостью была выполнена. Но в это время громко с одного высоковольтного фидера вырвался тревожный сигнал сирены и повалил клубами черный дым.

— Авария!—как молния с громовым ударом оглушила всех, и особенно электриков.

Сгорело одно оборудование фидера.

Американцы тоже взволнованно забегали возле аппаратуры. В чем дело? Набросились на электриков: „это, мол, такие

ваши способности"? Электрики тут уж молчали, хоть и были уверены в правильности своей работы. Немедленно выделили в комиссию проверки Раткопа, Семенова и от американцев мистера Кларка. Комиссия быстро проверила работу, произведенную электриками — раз, второй раз, однако, все включено правильно. Начали проверять включение, произведенное американцами и... длинный, сухопарый мистер Кларк с ужасом разинул красный рот. Обнаружилось, что американцы сами произвели неправильное заземление в бронированных оборудованиях.

Американцы, краснея, признали свою ошибку, быстро сменили испорченную аппаратуру новой, приняв на себя все расходы. После этого все снова было проверено, испытано и в шесть часов вечера дано распоряжение—пускать!

Эту ответственную торжественную операцию поручили лучшему ударнику-инженеру - комсомольцу Леве Раткопу. Он твердо, смело приблизился к щиту управления. Русые волосы растрепанно свисали на тоненькие морщинки его лба и придавали еще больше серьезности юношескому с острыми чертами лицу. Десятки глаз ответственных руководителей, выдающихся специалистов сосредоточились на его маленькой фигуре и твердых движениях. Нетерпеливо ждали результатов. Хотя все — и представители, и электрики — целый день следя за операциями, проголодались, однако никто и не думал об обеде.

Подана команда:

— Пуск!

Раткоп твердо щелкнул, повернул включатель щита: стрелка на белом циферблате показала пуск.

— Есть пуск!—ответил Раткоп.

Команда повторялась, Раткоп быстро выполнял ее, повторял: „есть". Блеснули на щитах желтые, синие, красные сигнальные огоньки—напряжение стало расти. Но вместе с этим электронапряжением в аппаратуре не меньшее напряжение расло у присутствующих, в частности у электриков. Эти минуты казались для них вечностью. Казалось, весь пятилетний до этого штурмовой период был более коротким, чем эти пусковые минуты.

Мистеры Кларк, Шлятер и друг. взволнованно бегали вокруг щитов в своих сплошных зеленых фартухах, нервно раз за разом попыхивая дымом трубок. Мистер Кларк даже побледнел. Тревожно бросал взгляды на циферблаты и тихо шептал: „зеро, зеро"—это значит нуль еще.

Ведь и американцы под влиянием ударных штурмов электриков увлечены были борьбой за досрочный пуск и теперь держали экзамен на правильное изготовление их фирмой этой электроаппаратуры. Эти слова „зеро" надолго остались в памяти электриков.

Наконец, Раткоп получил последнюю команду полностью повысить напряжение и переслать его в эксплоатацию. Последний генеральный шаг.

Глаза всех еще больше сосредоточились на Раткопе, на аппаратуре. В толпе тишина, казалось, остановили дыхание...

Но в это время напряжены были не только присутствующие на пульте. С неменьшим нетерпением ожидали тысячи трудящихся Днепростроя тех первых Ленинских огней на этих, пять лет тому назад диких берегах, ожидали результатов своей борьбы со стихией Днепра.

И ровно в шесть часов тринадцать минут Днепр шагнул в турбины, напряг провода новой силой, блеснул огнями и залил электропотоком весь правый берег Кичкаса.

В марте 1934 года от руки классового врага погиб лучший ударник днепровского строительства, орденоносец, герой истории ДнепроГЭС'а

ПАВЕЛ РЫБИНЦЕВ

Авторская группа истории ДнепроГЭС'а:
Башмак, Кузьмич, Дончак, Юрезанский.

М. Мар'ич

НОВАЯ „ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА“ В СОВЕТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

К ИСТОРИИ АЛЮМИНЬ-КОМБИНАТА

Можно без всякого преувеличения сказать, что благодаря алюминию необычайно расширится применение металлов, как основы современной человеческой культурной жизни. В мир металлов вступает новая „великая держава“.

Дебар.

Геологи подсчитали, что 7,3% твердой земной коры состоит из алюминия не в чистом, конечно, виде, а в соединении с другими элементами. Алюминий находится в редко встречающихся в природе „драгоценных“ камнях — рубине и сапфире, в „благородных“ гранатах и ляпис-лазури, в величайших горных массивах, уходящих в заоблачную синеву и в их руинах, размытых тысячелетними водами и ветрами и превращенных в селикаты и мягкую глину безграничных степей и долин.

Человек „каменного века“, высекая немудреные предметы своего примитивного хозяйства из крупного камня, не знал, конечно, что в состав этого камня входит алюминий. Не знали этого египетские фараоны, воздвигнувшие себе, олицетворяющие их рабовладельческую тупость и жестокость, пирамиды. Не знали и вавилонские мудрецы, записывающие свои мысли на обожженных глиняных дощечках; не знали и другие представители давно вымерших народов и племен, далекое прошлое которых глядит на нас с полок и шкафов археологических и исторических музеев, в виде каменных и глиняных предметов человеческого обихода далеких времен.

Несмотря на неисчерпаемые потенциальные возможности, алюминий очень недавно появился в семье таких распространенных промышленных металлов, как железо, медь, свинец и другие. Это произошло потому, что раскрытие тайны его получения потребовало высокого развития научно-исследовательской мысли и больших технических возможностей. В самом деле, если на заре своей культуры человек, засыпавши костер глыбой земли, обнаружил в его остывшем пепле твердый кусок железа или, копаясь в почве, нашел блестящие куски самородной меди, то для получения алюми-

Общий вид электродного завода.

ния человечеству нужно было подняться на ступень развития XIX века с его колоссальными открытиями в области химии и электричества. В начале этого века алюминий считается драгоценным металлом, в пятидесятых годах добыча его выражается робкой цифрой в несколько килограммов при стоимости одного киллограмма около двух тысяч рублей. И только к концу восьмидесятых годов он становится промышленным металлом. Благодаря высоким качествам алюминия, его легкости, слабой окисляемости, ковкости, прочности, хорошей электро- и теплопроводности развитие мировой алюминиевой промышленности носит характер бурного роста, что видно из нижеследующей таблицы:

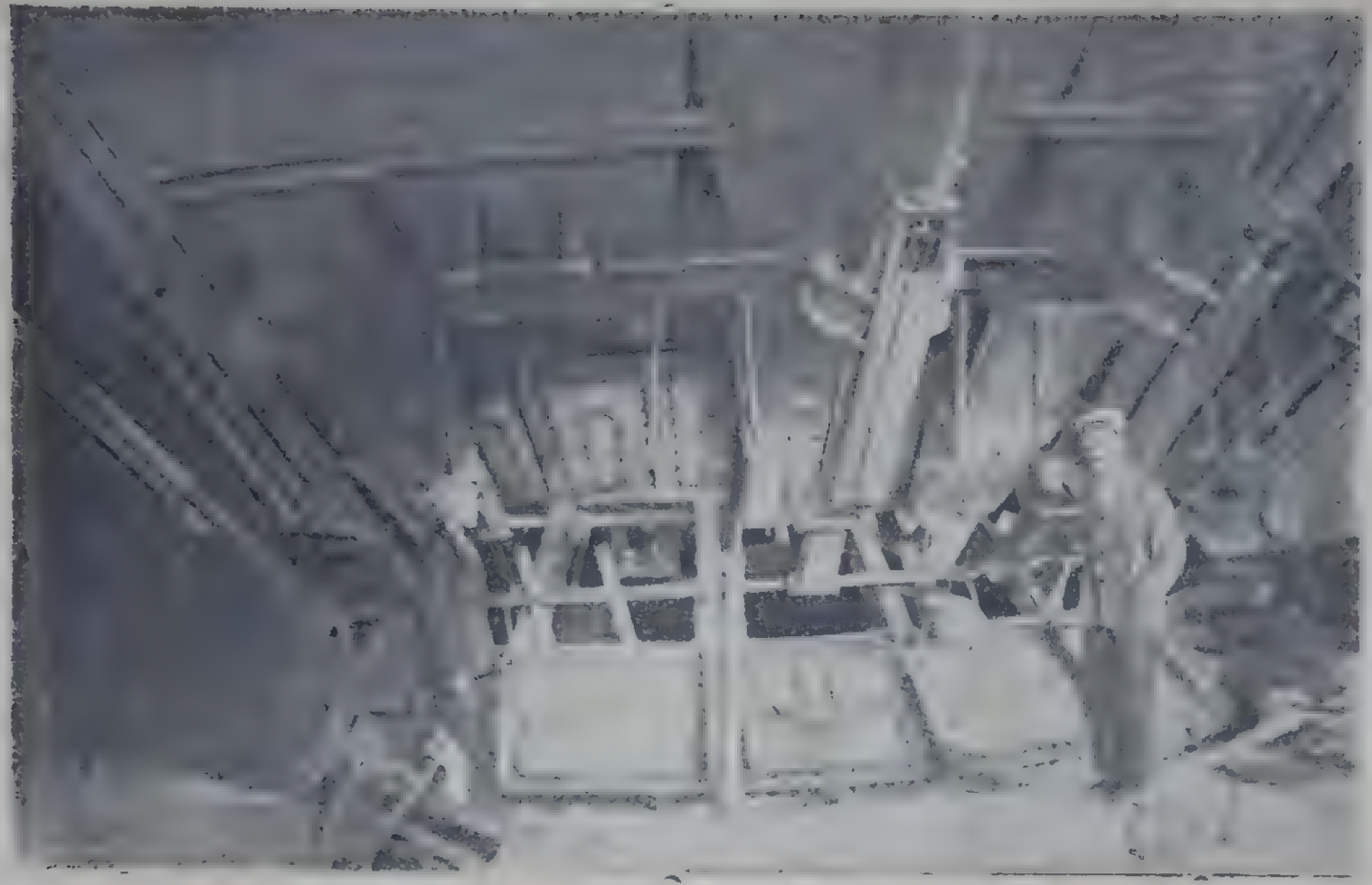
Годы	Количество алюм. в тон.	Цена за килогр.
1889	210	21 р.
1901	9.000	96 к.
1912	51.000	92 к.
1919	150.000	1 р. 28 к.
1930	260.000	95 к.

В то время как в Западной Европе и Америке развитие алюминиевой промышленности шло крупными шагами, дореволюционная Россия и в этом отношении, как во многих других отраслях народного хозяйства, представляла из себя только рынок сбыта для иностранной алюминиевой продукции. Не умея самостоятельно вибросить в продажу и килограмма алюминия, она находилась в полной зависимости от его импорта, а следовательно, от хищнических аппетитов иностранных алюминиевых заводчиков.

И вот в 1920 году, когда пушки еще гремели на фронтах гражданской войны, был создан великий план электрификации, названный его гениальным инициатором В. И. Лениным „2-й программой коммунистической партии“. В числе многих оснований проведения в жизнь этого плана ГОЭЛРО значилась и организация алюминиевой промышленности, для успешного развития которой, как и для роста всей индустрии, было необходимо подведение „высшей технической базы“, т. е. мощного запаса дешевой электроэнергии. Госплан совместно с „Цветметзолотом“, Геологическим комитетом и научно-исследовательскими институтами разрабатывают план организации алюминиевой промышленности. По этому плану приблизительная потребность в алюминии в СССР исчислялась:

На 1931	год	27.000 тонн
„ 1932	„	59.000 „
„ 1933	„	110.000 „

Для удовлетворения этой потребности нужно было принимать самые срочные меры. Второго августа 1925 года СТО выносит постановление о создании двух алюминиевых



Печь „Миге“ мощностью 10.000 квт. Общий вид с шуровочной площадки.

комбинатов: на Волхове при уже созданной гидроэлектростанции и на Днепре, где нынешняя могучая красавица ДГЭС еще только наряжалась в свою розовую туфовую броню. С этих двух комбинатов предполагалось получать в год 21.000 тонн алюминия (15.000 тонн с ДАК'а и 6.000 т. с ВАК'а).

К этому времени исследовательская работа химиков и металлургов из лабораторных условий переносится на опытные заводы Ленинграда и под Москвой, а в помещениях Гипромеза и Алюминьстроя туманные наметки промзадания выливаются в рабочие чертежи определенных об'ектов конкретных заводских цехов. Огромное значение в деле успешного развития советской алюминиевой промышленности имеют исследования ГИПХ'а разработавшего способ получения окиси алюминия (глинозема) из тихвинских бокситов. Бокситы эти, являющиеся основной рудой алюминия и, следовательно, важнейшей сырьевой базой для его получения, в виду наличия в них большого количества кремния не могли быть рентабельны при обработке их тем химическим способом, который применяется в алюминиевой промышленности Франции и США. Работа же на импортных бокситах помимо материальной невыгоды не разрешила бы проблемы всестороннего освобождения от импортной зависимости. Нужно было во что бы то ни стало добиться желательного эффекта при обработке своей руды. И это было сделано в ГИПХ'е под руководством профессора *Яковнина* и инженера *Лилеева*.

По их способу работает ВАК имени „Кирова".

Систематические опытные работы над тихвинскими бокситами продолжались с неослабевающим упорством и на МОЗ'е (Московском опытном заводе). На нем в полузаводском масштабе был проверен электротермический способ получения глинозема из отечественного сырья, предложенный профессорами Кузнецовым и Жуковским. Их способ получения окиси алюминия осуществляется на ДАК'е.

Интересно припомнить один из ярких моментов классовой борьбы иностранного капитала, который в лице одной из своих фирм предложил в 1924 году взять заведомо невыгодную для себя концессию на разработку тихвинских бокситов. Это было сделано с целью законсервирования зарождающейся тогда советской алюминиевой промышленности.

Вступление ДАК'а в строй действующих заводов знаменует кардинальную перепланировку карты мировой алюминиевой промышленности в смысле перемещения одного из ее наиболее крупных центров в СССР на левый берег Днепра у Великого Запорожья. Такого полного комплекса производств, сосредоточенных в одном предприятии, какой

создан здесь, еще не знает история алюминиевой промышленности.

В состав этого комбината-гиганта входят три отдельных завода: электродный, электролитный и глиноземный.

Глиноземный завод ДАК'а является своего рода уникумом, ибо не имеет себе аналогичных во всем мире ни по своему технологическому процессу (осуществ. по способу Жуковского и Кузнецова) ни по исключительно мощному усовершенствованному оборудованию. В его десяти цехах проходит процесс переработки боксита в окись алюминия. Этот процесс начинается с измельчения сырья на мощных дробильных установках склада боксита и трех материалов (железной стружки, кокса и барита).

Дробилки „Титан", „Блек", вальцовые и молотковые крушат своими механическими челюстями крупные куски кокса, боксита и барита. Машина „Магнетверк" жует вермишель железной стружки. По ненасытным транспортерам и элеваторам эти материалы попадают в прожорливые бункерные ямы, откуда воздушной монорельсовой дорогой на двадцатиметровой высоте они доставляются в бункера агломерационного цеха. Здесь эти материалы дозируются тарелочными питателями, чтобы, пройдя смешение, поступить на конвейерную ленту агломерационных машин „Дуайт-Ллойда". Эти две колоссальные машины—в 20 метров длины и в два ширины—представляют из себя образцы высоких технических достижений. На них, как на гигантских жаровнях, спекаются измельченные и смешанные материалы, из которых в этом процессе удаляются вся влага и газы. Сползая с колосников этих машин двухметровыми раскаленными докрасна пряниками и дробясь зубьями вальцовой дробилки, этот кусковый агломерат, ночью похожий на апельсиновый поток, катится дальше в предназначенный для него приемник. Сюда подбегают те же юркие монорельсовые тележки, „хапают" своими двухчелюстными грейферами уже остывший аггломерат и мчат его в „пекло" электроплавильного цеха.

Этот цех является ведущим цехом, т. к. от его работы зависит успех работы всего завода—высокое качество окиси алюминия. Здесь-то и помещаются знаменитые „электро-домны", три печи Миге, мощностью каждая по 10.000 квт.

Если весь электроемкий ДАК будет потреблять около $^1/_4$ всей энергии ДГЭС'а, то для удовлетворения аппетита этих трех прожорливых (француженок по происхождению) красавиц, каждая из которых должна выработать в сутки 100 тонн шлака, нужно около четверти всей энергии поглощаемой ДАК'ом. В их пламенных чревах, при температуре около 2000° по С, окиси кремния и железа восстанавливаются и соединяются в ферро-силиций, а окись алюминия,

сплавясь с окисью бария, дает шлак—алюминат бария. В этом соединении окись алюминия может быть растворена (выщелочена), что и происходит с нею, когда шлак алюмината бария, пройдя дробильно-размольный, цех втягивается в виде тонкого порошка в цех выщелачивания могучими легкими пневматической установки.

Из него полученный раствор алюмината натрия перекачивается в цех карбонизации, а осажденный углекислый барий поступает в цех сушки и возвращается в процесс агломерации, как оборотный материал. В цехе карбонизации происходит осаждение гидрата окиси алюминия, после прокалки которого во вращающихся печах—„Миге“ цеха кальцинации получается чистый глинозем—*исходное сырье* электролитного завода. Производительность глиноземного завода должна быть доведена до 40.000 тонн в год.

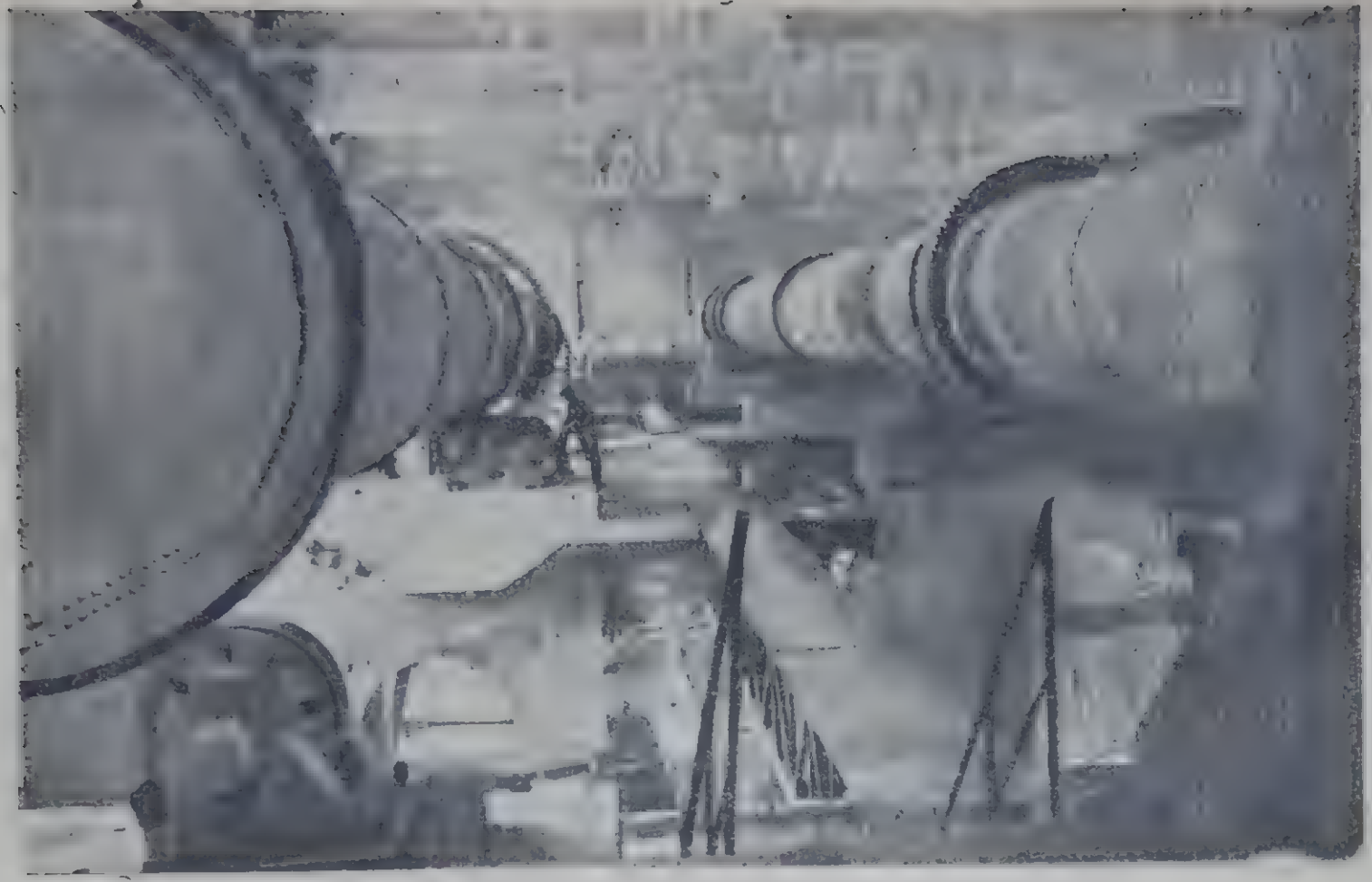
Вторым звеном ДАК'а и гордостью советской алюминиевой промышленности является электродный завод, в программе которого находится производство анодов для электролиза алюминия, электродов для электролитных ванн и угольной массы. Годовая продукция этого завода составляет около 30.000 тонн. В состав его кроме складов и вспомогательных установок входят цеха: прокалочный, дробильно-размольный и обжигательный. Достопримечательностью этого завода является: I-ое—анодные прессы фирмы „ЭУМУКО“, развивающие давление в 1.600 тонн., II-е—гигантский поршневой пресс „Гидравлик“, прессующий электроды для печей Миге электролитных ванн, и III-е—обжигательные печи конструкции фирмы „Ритгаммер“ для обжига сырых „зеленных“ электродов.

Третьим завершающим звеном комбината является электролитный завод, из цехов которого выдается металлический алюминий. Прототипом этому заводу послужил завод „Сабар“, являющийся самым совершенным электролитным заводом во Франции.

Под высокими бетонными сводами цельсовских перекрытий в корпусах в 160 метр. длины и 35-метровых ширины вытянулись рядами электролитные ванны новейшей конструкции. Таких корпусов 6, и в каждом из них стоит по 80-ти ванн. В дальнейшем число корпусов будет доведено до 9-ти. В этих ваннах под действием постоянного электротока происходит разложение окиси алюминия, растворенной в расплавленном криолите.

В процессе электролиза окись алюминия распадается на алюминий, оседающий на дно ванны, и кислород, выделяющийся на угольных анодах.

Если в начале работы электролитного завода в электролизе употреблялись импортный глинозем и криолит, то в настоящее время завод работает уже на советском (По-



Цех кальцинации. Вращающиеся печи „Мигг" для кальцинации глинозема.

левском) криолите и пока частично (до получения Днепровского глинозема) на советском (Волховском) глиноземе. В расплавленный в ваннах состав опускаются глиняные, наподобие цветочных, горшки. Через сделанное в их дне отверстие в них втекает серебристый металл алюминий, который вычерпывается ковшами в изложницы и направляется на переплавку в электрические печи Гаутчи-Брандт. Таких печей всего на заводе будет установлено семь. Эти печи—последний этап на пути технологического процесса получения чистого металлического алюминия. Отсюда он распределяется по заводам Союза в виде разнообразных „чушек", „болванок" и „вайербарсов". Количественно эта продукция электролитного завода будет доведена до 40.000 тонн в год.

Надо сказать, что, несмотря на широкое применение, которое чистый алюминий нашел себе в самых разнообразных отраслях промышленности, он не получил бы такого распространения, если бы не были открыты его свойства образовывать сплавы, не уступающие качеством высокосортным сталям. Ценнейшим свойством этих сплавов является то, что, отличаясь высокими механическими качествами, они сохраняют почти в полной мере легкость чистого алюминия. Представителем и именно такого сорта сплавов является группа сплавов „дюр-алюминий", употребляемая в авио- и дирижаблестроении.

В настоящее время насчитывается свыше 200 сплавов алюминия. И в этом виде зона его распространения в промышленности имеет все более и более расширяющиеся горизонты. Трудно уже теперь найти такую отрасль народного хозяйства, где бы алюминий или его сплав не употреблялись.

Шумит ли над нами пропеллер самолета или дирижабля, слышатся ли гудки автомобиля, автобуса, тролейбуса, скользит ли по водной глади юркий катер и гидроплан или идет эскадра военных кораблей или океанских пароходов, тянутся ли вдаль провода высоковольтных передач—во всем этом алюминий нашел свое широкое применение.

Есть алюминий — есть металлические конструкции самолетов и дирижаблей, есть обшивка кораблей, корпуса катеров, шасси автомобилей, поршни двигателей, кабели электропередач...

Есть алюминий — есть аппаратура для химической промышленности, есть из чего изготовлять множество предметов для нужд рентгено и радио-техники, полиграфической промышленности, пиро-техники, гальвано-техники...

Есть алюминий—есть многочисленная разнообразнейшая продукция широкого потребления в культурно-бытовой жизни. Есть санитарные медицинские, ортопедические, по-

жарные, водолазные приборы. Есть стиральные машины, кухонная утварь, изящные украшения.

Не говоря уже о том времени, когда будут реализованы планы развития алюминиевой промышленности на Урале, в Сибири, на Кавказе и др. районах, уже теперь, когда вслед за ВАК'ом в эксплоатационный период вступил ДАК, и только продукция его одного превосходит алюминиевую продукцию всей Франции, этой колыбели алюминиевой промышленности, мы вправе заявить: алюминий есть, и его „великая держава" вошла в жизнь советской металлургии.

Павел Иванов

СДЕЛАННАЯ ВЕСНА

ОТРЫВОК ИЗ ПРОБНОЙ ГЛАВЫ „ИСТОРИЯ ХТЗ" — ЗИМНЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

(Из дневника)

„...Довольно пустых и шумных разговоров о подготовке к зиме. Зима пришла. Отражайте ее первые атаки на литейном".

„Весь командный состав строительства в плену весенних настроений".

Это нужно записать. Это — заголовки из последних номеров „Темпа" — нашей боевой газеты. С разговорами, действительно, нужно кончать. Нужно прекратить эти настроения. Говорим много, — а люди разбегаются.

„Отдельные группы сезонников, не привыкших к непрерывному строительству, поднимают вопрос об отходе. Это равноценно дезертирству с фронта социалистического строительства. Нарушают контрактационные договора и отдельные рабочие из лучших групп плотников (барчуковцы, кривченковцы и др.).

Бригадиры, на вас лежит ответственность за сохранение бригад в их прежнем составе. Вы обязаны помочь профсоюзным организациям в их массовой работе среди сезонников".

Ни одного дезертира.

Ни одного беглеца с строительства „Тракторного".

Явно сезонные настроения. Весенние настроения. График работ не выполняется. Партийцы и комсомольцы работают как герои. Однако, „работу, массово-политическую работу нужно развернуть еще шире, еще глубже. Добраться до самого сердца. Добиться перелома и остановить отступление. Повести на штурм. Держать и дальше большевистские темпы. Но не только отступление нужно остановить. Нужно еще больше, еще решительнее бить врага, а его здесь—достаточно.

Тут, особенно среди сезонников, он свивает свое гнездо, хотя бы и временное. Знаем же мы, что и раскулаченных и разных темных элементов много есть среди наших тамбовцев, орловцев, знаменитых армавирцев, тавричан, херсонцев, среди которых много староверов, стригущих еще и сейчас волосы не иначе, как „под горшок".

Ведь вчера еще Бибиков рассказывал о знаменитом Ташкенте,—кто-то пустил слух, будто бы на строительство приехал вербовщик и набирает сезонников на какое-то строительство в Ташкенте; надо было видеть, какая масса людей бросилась искать этого вербовщика. А тут тебе расписывают, что в Ташкенте — тепло, что там и зимы никогда не бывает, что там и платят больше.

— Вербовщик в 28 бараке,—так было „сообщено" массе.

В одно мгновение возле 28 барака собралась целая толпа.

Сбились туда. Уже и очередь выстроилась записываться.

— Где вербовщик?

— Давай сюда вербовщика.

— Пусть выйдет сюда раз'яснить народу.

— Нет здесь вербовщика. Был, а теперь в 30 бараке записывает,— крикнул кто-то людям.

Бросились к 30 бараку.

... Много сил стоило доказать людям, что никакого вербовщика нет, а о Ташкенте пустил провокацию классовый враг, чтобы сорвать строительство Харьковского Тракторного завода.

Или о Сахалине вспомнить!

Только что добились успехов в развертывании соцсоревнования и ударничества, только что появились первые герои строительства и первые результаты в поднятии дисциплины, продуктивности труда,— как вдруг:

— Лучших ударников будут на Сахалин отправлять, на строительство нового завода...

Тонко орудует враг... Тонко и хитро. И только в упорной борьбе с классовым врагом, только в каждодневных победах над ним добиваемся мы осуществления наших величайших заданий в строительстве, развиваем дальше начатую работу, закрепляем достижения, поднимаем на высшую ступень — соцсоревнование, ударничество, даем мировые рекорды.

Справимся! Победим!

А тут зима. Она всегда приходит как-то несвоевременно. Вот и теперь. Усилили темпы. Взяли хороший разгон. А ударили морозы—растерялись ребята. Люди разбегаются. Конкретная же подготовка к зиме — выпала из поля зрения. Однако сделано уже не мало.

Весенние настроения бьем весною же. Правда, искусственной, сделанной весной. Главное — работы по бетонированию. Бетон мерзнет и не скрепляется. Об'явили сбор рационализаторских предложений—1.000 рабочих предложений под лозунгом:

— „Наш ответ вредителям и интервентам".

Конкурс, об'явленный на лучшее предложение о прове-

дении работ в зимних условиях многому помог. Много поступило предложений и многие из них осуществляются. Они помогают создать на строительстве ту, хотя и искусственную, весну, которая не даст зиме продолжать свои бешеные атаки на наши боевые участки.

Вот самые интересные из предложений: Жигмановский (механик) предложил тепляк для электроцентрали — деревянный с обшивкой с обеих сторон. Для отепления предлагает пускать пар из локомобилей, а чтобы избежать испарений в тепляке — установить ручные вентиляторы для выкачивания влаги. Это предложение пришлось отклонить, так как выкачивание влаги из тепляка повлечет за собою высушивание бетона и этим ухудшит его качество.

Тов. Шептухин (десятник) предлагает передвижной тепляк. Тепляк представляет собой две стены, поставленные на узкоколейные, двигающиеся по рельсам, вагонетки. Это очень интересное предложение, как попытка разрешить проблему работы в зимних условиях, хотя и не отвечает требованиям конкурса.

Тов. Щеголев (каменщик 5 участка) предложил проект скользящего тепляка, для жилстроительства, при помощи талей и блоков. Отдельные щиты для стен, применительно к высоте этажей, в случае необходимости передвигаются на дальнейшие этажи.

Инженер Барсуков (главный инженер 2-го района Индустроя) дал предложение о бетонировании при помощи местных тепляков (паровых бань). Отдельные конструкции (колонны, балки) - оборачивают соломенными матами и в щели между матами и опалубкой пускают пар. Второе предложение — в балках и колоннах оставлять жолобки, в которые пускать пар.

Предложение принято к испытаниям на экспериментальных работах.

Инженер Малеев (заместитель главного инженера в Промстроительстве) предложил на строительстве теплоэлектроцентрали поставить специальный тепляк и использовать существующий туннель для транспортирования материалов. Это предложение приняли и выдали первую премию. Будем бетонировать так.

ТЭЦ будет построена! Зима не останавливает строительства. На тепляке работа идет полным ходом. Тепляк почти окончен. Ребята работают упорно. Но и здесь случайно услышал:

— Работаем... А будет ли толк с этой работы?..

— Бетон — он такой... Он температуру теплую любит...

— А сейчас бетонировать нельзя. Смерзнется, а весной тю-тю...

— Прощайте, как знаете...
— Распадется...
— Это уж непременно распадется...
— Уж они построют...

Если бы не эти разговоры... Да и без этого... Необходимо ребятам сказать, чтобы имели в виду. Настроения? Или снова „работа" врага? Пусть настроения. Пусть враг. Все равно нужно разбить — и настроения, и врага.

Сделали много. Но все же растерянность на отдельных участках (литейный, ТЭЦ) еще не изжита. Необходим перелом. Необходима широкая и углубленная работа среди рабочих. Период тяжелый. Морозов не остановишь. Зимы не пустишь в отпуск. Не прекратим работ. Мобилизовать все и всех". . . . . .

. . . . . .

Мороз. Ветер. Лютая зима. Вчера гололедица. Сегодня срываются сухие, колкие и в'едливые снежинки. Вьюга.

Ветер как сумасшедший. Дует низом, сдувает снег, крутит его, бросает в лицо. Путается в лесах, конструкциях. Содрогаются бараки, дрожат конструкции, скрипят леса. Дым из железных труб стелется по земле, смешивается со снегом и крутится с ним, пока не рассеется в воздухе.

Вечер.

Пошатываются от ветра фонари. Кружатся, вытанцовывают снежные вихри в лучах прожекторов. Ветер свистит, завывает, безумствует, как будто задумал сдуть не только снег, покрывший землю, но и бараки, леса и конструкции...

Барак парткомитета Тракторостроя выглядывает в ночь освещенными окнами. Ветер стучит в дверь, свистит и гудит в трубе.

Печь топится. Но в бараке холодно. В бараке — Потапенко — секретарь парткомитета. Он ждет товарищей, которые вот-вот должны прибыть с участков. Он устал, ему холодно, но держится бодро.

Дверь открывается. В помещение вместе с двумя людьми, врываются облако пара и холод. Помещение наполняется веселыми, бодрыми голосами.

— Здоров, Боря, Яша,— приветствует Потапенко.

Это агитмасс — Борис Бибиков и редактор „Темпа" — Яков Городской. Бибиков, пожав руку секретарю, шутит:

— „Экие морозцы, прости господи, стоят". Как там дальше, Яша? Ты ж у нас, знаешь, по литературной части, ты же у нас спец...

— Морозцы подходящие,—а вчера гололедь. Скользко,— отвечает Яша.— Лучше их не было бы. Ну и холодно, Потапенко. Ну и холодно же и скользко. А ты, я вижу, не побеспокоился чаю согреть. Чайник на полу стоит, хоть печка и топится...

Поселок ХТЗ.

— И то правда — чаю бы не плохо выпить, ребята... — говорит Бибиков.

— Так беги по воду, — соглашается Потапенко. — Нагреем, и я выпью с охотой.

— С охотой? — смеется Бибиков. — Ну что же, ты пей с охотой, а мы с Яшей — с сахаром будем пить.

— Ну, Яша, как дела? Как газета?

— Газета у нас завтра не газета, брат, а целая бомба выйдет. За воду бьем, за снабжение бьем, за транспорт бьем.

Дверь открывается и в помещение влазит Мельников. Влазит, ибо сам он большой, а кожух делает его еще большим.

— А, „железный“, — приветствует его Потапенко. — Ну как, „железный“, дела?

Мельникова на строительстве называют „железный прораб“. Железные нервы у человека, железная воля, железная сила. А лицо ласкавое, приветливое, и совсем нет ничего железного в нем, — скорее лирическое лицо; из-под капелюхи вырывается седина волос.

— Конструкции шатает... — отвечает на приветствие Мельников. Этот ветер...

И он садится к столу.

— А Черенова не видел? — спрашивает секретарь, обратившись к Мельникову.

— Нет, наверное, у себя — в штабе своем командует

Ты ж его знаешь...' И днюет и ночует...—Бибиков вносит в помещение чайник, ставит на плиту, подбрасывает в печь топлива и начинает раздеваться.

— Можешь не раздеваться. Замерзнешь,— говорит ему редактор газеты, который было разделся, но теперь сидит, накинувши на плечи кожух, и перелистывает свою записную книжку.

Вскоре заходят еще трое. Приветствия. Несколько фраз по адресу мороза и снова спрашивает Потапенко, не видели ли Черенова, но получает отрицательный ответ. Начинается товарищеская, теплая и в то же время деловая беседа.

Ветер донес со станции протяжный и пискливый голос паровоза; свистнул ветер в трубе; на печке зашумел чайник.

— Ну, Мельников, рассказывай, как там у тебя дела? — говорит Потапенко, придвигает к себе бумагу и берет карандаш в руки.

„Железный прораб" поворачивается к товарищам, смотрит с минуту в окно, как будто припоминая что-то перед тем, как начать о своих делах. Потапенко вдруг перебивает Мельникова:

— Подожди, друг. Нам, вероятно, пора уже на пленум комсомола. Ну да,— говорит он, взглянув на часы. — Нужно идти.

Потапенко берет лист бумаги и выводит на нем карандашом: „Черенов. Мы пошли на пленум стройкома комсомола. Если есть дело — приходи. Р. Потапенко".

Друзья шумно собираются. На печке шумит закипая чайник.

Мельников натягивает свой кожух и завязывает на подбородке неизменную меховую капелюху. Бибиков, толкая в бок Яшу Городского и мигая глазом на печку, говорит:

— Напились чаю... Погрелись...

— Да еще и с сахаром...—добавляет Яша, и все выходят на ветер, на мороз, под колкие, сухие и в'едливые снежинки.

Гудит барак звонкими молодыми голосами. Здесь собрался комсомол строительства. И сегодня, как и всегда на комсомольских пленумах, барах полон.

Здесь сегодня обсуждаются вопросы наступления на зиму. Вопросы штурма строительной площадки. Здесь сегодня обсуждается план широкого социалистического наступления. План за повышение темпов. План штурма бетонных работ на ТЭЦ, которая уже оделась в тепляк.

Здесь комсомольцы — плотники, бетонщики, слесаря, инженеры, арматурщики, культработники — обыкновенные бойцы и командиры.

Где-то в углу возникает песня. Она, несмело возникнув, крепнет, набирает силы, увлекает все больше и больше людей.

Переливаются звонкие голоса. Ноги выстукивают такт, когда мощно вырывается и бьется о стены припев.

Но вдруг в песню врываются гул и шопот:

— Партийцы пришли.

— Потапенко. Вон-вон смотрите, Потапенко пришел...

— Мельников...

— Весь партком пожаловал.

Партийцы, пришедшие на пленум стройкома комсомола, собрались вокруг стола президиума и, казалось, никак не могли закончить разговора, принесенного с собой со двора. Потапенко о чем-то спорил с Бибиковым, Городской — с Мельниковым.

Но вот Потапенко оставил Бибикова и направился к секретарю комсомола. — Почему не начали до сих пор? Почему тянут? Не обязательно же ждать прихода их, партийцев, чтобы начать пленум. Партийное руководство в комсомоле и без того обеспечено. Да и не может быть такого положения, чтобы на пленум он, Потапенко, не пришел.

Пора начинать.

В зале устанавливается тишина.

Но в это время там, возле дверей, вдруг неспокойно задвигались. Появился Черенов. На дворе мороз, но он бледный. Зашел и остановился, тяжело дыша. Внимание всех привлек взволнованный вид товарища.

Потапенко, издали заметив Черенова и некоторое замешательство у дверей — бросился туда.

— Что случилось? В чем дело?

Тесным кругом окружили Черенова — Потапенко, Бибиков, Городской, Шувалов, Мельников и другие. В нетерпении застыли на месте.

— Что случилось, Черенов? Не тяни...

Черенов переводил дыхание.

— Тепло... электро... централь...

— Ну, — кинулись все.

— Горит... Сказали...— Выдавил из себя Черенов.

Известие оглушило одинаково всех. Кто рвался бежать, кто просто смотрел на Черенова ничего непонимающими глазами. Но Потапенко уже действовал. Теперь он был в центре круга. Его окружили товарищи.

— Вот что...— сказал Потапенко. — Паники делать не нужно. Ты, Бибиков,— он взял его за пуговку,— беги и как следует узнай, в чем там дело. Тогда прибежишь сюда и расскажешь мне. Вы, ребята,— обратился он к другим,— все будьте здесь. Ну, Бибиков, катай и быстрее.

Бибиков исчез за дверью. Его поглотила ночь, вьюга, тревога.

Потапенко продолжал дальше ребятам:

— Я, пока что, займу собрание. Буду говорить сколько нужно,— а там придет Бибиков, видно будет, что делать.

Потапенко в ясной и зажигающей речи рассказывал комсомольцам о плане зимнего наступления. Он рубил ладонью воздух, в котором плавал только его голос, так внимательно и тихо слушало собрание. Слушали о завтрашних новых боях, новом наступлении, о продолжении упорной и победоносной борьбы большевиков.

Долго слушало собрание.

Но вдруг Потапенко прервал выступление. В бараке появился снова Бибиков и быстро приближался к президиуму, к оратору.

— Ну, что там?—спросил Потапенко и вытер пот, густо усеявший его лоб, несмотря на то, что в бараке было холодно.

— Обвал... — сообщил Борис. — Я распорядился дать тревогу. Нужно помочь. Завалился тепляк. Завалил людей.

И в ту же минуту над строительством разлегся тревожный гудок.

— Товарищи, — обратился Потапенко к собранию.— Сейчас обвалился тепляк электроцентрали. Возможно, есть человеческие жертвы. Все мы сейчас в строгом порядке пойдем туда. Там нужна наша помощь. Спокойно, без паники — все туда. О пожаре — никому не верьте, никакого пожара нет. — А самого мучила мысль: „а что, если не обвал, а действительно пожар? Соседние цеха... Литейный... А что, если, вдруг, пожар"?

— А литейный?— крикнул Мельников Бибикову. Он еще

не разобрался как следует в том, что случилось, и в мыслях у него так же роились: пожар... цеха...

— Не знаю...

— А механосборочный?

— Н-не знаю...

Потапенко уже командовал группой парткомитетчиков.

— Все туда. На место. Немедленно, — как команда звучали его слова.

И в ветер, в холод, в ночь — бросились большевики...

По снежным сугробам. По колени в снегу. Навстречу ветру. Бежат.

Вот кузня. Выбежали к ней. Огня не видно. Но дальше. Дальше. К ТЭЦ. Что с нею?..

А тут тревожный гудок. Он звучал в воздухе упорно, лез в уши и делал незаметною темень, неслышным мороз и незаметным ветер.

Из бараков выскакивают люди. Бежат сотни людей. Гул стоит. Сотни сливаются в тысячи и гул растет.

— Куда?

— К ТЭЦ!

— Бежим к ТЭЦ!

— Обвал... Завалилась ТЭЦ.

Комитетчики бежат молча.

Потапенко поддерживает левый бок рукою.

Вот летит впереди Боря Бибиков, запыхавшись и расстегнув кожанку. Вот, приседая, пытается не отстать от него Яша Городской. Вот, стиснув зубы, обгоняет Потапенка Мельников... За ним летят комсомольцы, которые еще недавно были на пленуме, которые еще так недавно пели песню.

Механосборочный.

Литейный.

ТЭЦ.

Но разве это ТЭЦ? Разве это Теплоэлектороцентраль? Еще вчера она представляла собою гигантскую постройку.

Сейчас это — груда балок. Груда досок.

Бесформенная груда стройматериала.

Руина. Обвал. Пожара нет... Соседние леса целы, — здесь груда дерева и лед.

Слышен стон раненых.

Тысячи людей собираются на место катастрофы. А гудок разносит тревогу.

Большевики на своих местах. Комсомольцы в напряжении ждут первой команды, чтобы кинуться на эту бесформенную груду, которая раньше была тепляком ТЭЦ.

Нужно освободить раненых.

— Там работало 60 человек, — говорит Потапенко.

Сбежалось на место катастрофы тысяч 5 — 6 рабочих. Нужно спасать. Нужно делать что-то. Всем это ясно. Но

как об'яснить, как поставить задачу массе, которая сбежалась, массе, которая растерялась.

И начали. Парткомитет создал из себя живой конвейер. За парткомитетом — комсомол. В конвейер включились и прочие.

С рук — на руки балка.

С рук — на руки доска.

С рук — на руки щит.

В одном направлении.

Горячая работа. Она зажигает. Организует. И вот, за несколько минут, в нескольких направлениях — работает несколько живых, людских конвейеров.

Работают четко. Молча. Упорно и сосредоточенно. Это ничего, что руки разрывают гвозди, что пальцы мерзнут.

С рук — на руки балка.

С рук — на руки доска.

Освобождены раненые.

Освобождена основа ТЭЦ.

3 — 4 часа работы, и место расчищено. Материал, который был бесформенной грудой—лежит в стороне, в порядке.

Работа окончена.

Четыре рабочих погибли под обломками. Люди постепенно начинают расходиться по баракам.

Кучкою собрался парткомитет. Потапенко командует:

— Сейчас все по баракам. Работать, работать и работать. Беседы. Разговоры. Классовый враг может эту катастрофу использовать. Вам об'яснять не нужно. Катастрофа не должна сорвать нам дальнейшую работу. Мобилизовать массы. Всем на свои места. Разбить всякие попытки враждебной агитации. И если завтра будут чужие настроения,— отвечает каждый из нас. Собраться в семь часов утра в парткомитете. Ну, по местам!

Приказ отдан.

Приказ принят.

Целую ночь по баракам шла большая политическая агитационно-массовая работа.

А утром на место катастрофы пришли новые плотники и забили новые сваи будущей Теплоэлектроцентрали и ее тепляка. . . . . .

(Из дневника) . . . . . .

„... Погибло 4человека. Организовали торжественные похороны. Пролетарии Харькова пришли отдать вместе с нами последний долг погибшим. Было много цветов. Рабочие строительства ответили на катастрофу обязательством добиться решающих побед в зимнем строительстве.

Сделанная весна продолжается. Нужно не допу-

стить прорыва. Классовый враг пытался заработать на этой катастрофе. Пустили слух о том, что убито 400 человек. Начались разговоры, что строить в теплях нельзя, так как все они завалятся.

Но новые сваи вбиты. Ночной конвейер сделал большое дело. Теплоэлектроцентраль будет построена и будет сдана в эксплоатацию в плановый срок.

Сделанная весна продолжается дальше, пока не придет на смену ей настоящая, естественная весна..."

И. Муратов

ПЕРВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ „ДЕФИЦИТ“ ИСТОРИИ ХТЗ

Против кирпичной полосы механосборочного цеха высокой ровной стеною краснеет фасад литейного.

Отсюда со двора кажется, что в нем тихо.

Но, когда открывается окованная железом двойная дверь— из нее вырывается вместе с горячим дыханием цеха целый вихрь звуков и грохотов.

Цех работает упрямо, напряженно.

С боковых ворот рабочие вытаскивают деталь с рыжими пятнами на сторонах.

Это знак контроля: брак.

Внушительные продолговатые рамы, компактные маховики, узорчатые головки цилиндров падают с жалобным металлическим звоном одна на одну, без всякого порядка и системы. Все равно они уж никому не нужны.

Бракованными деталями была завалена вся правая сторона цеха, и этот чугунный хребет протянулся уже за угол, к проходной двери, охватывая цех заостренной подковой.

— Так и кажется, что сомкнется круг и задушит литейный,—подумал Борщ, ловко перепрыгивая через баки и маховики.

Это был сухощавый юноша, весь подобранный. Легкий. Смуглый. Таким, как он, как-то особенно к лицу значок ГТО.

Он посмотрел вокруг и, заметив невысокого светловолосого парня, запутавшегося в железных обломках, весело крикнул:

— Здорово, Горбачев!

Тот быстро обернулся. От резкого движения детали под ногами разъехались, звонко стуча одна об одну.

Горбачев забалансировал руками, зашатался, но устоял.

— Ого, чуть было не упал. Понабросали. К цеху не доберешься.

Борщ пошел навстречу ему.

— Да, брака до черта!.. Еще и наш тут, смотри, лежит.

Он перевернул ногою деталь. Деталь легла измазанным красной краскою пузом кверху.

— Факт,—507—наша.—И потрогав, добавил — не долил,

И посмотрел на Горбачева.

— Я, Борщ, брака меньше других делаю,—сурово сказал Горбачев,—так что ты на меня не поглядывай.

— А я разве говорю, что ты. Если бы все, как ты, было бы не плохо. Ну, слезай уж.— И он по-приятельски подтолкнул товарища. Борщ любит Горбачева.

Он встретился с ним еще на строительстве завода, на водостроe, когда цехов не было видно под паутиной досок, завалами земли и глины, когда комсомольские батальоны приступом брали каждый вершок трудной, промерзлой, упорной земли.

Горбачев пришел из села незаметный, тихий, как будто запуганный. Но строительство втянуло его в темпы работы, с каждым днем меняя привычки молчаливого парня и взгляды на вещи. Тут же на строительстве Борщ, который работал с ним в одной бригаде, втянул Горбачева в комсомол.

Теперь они оба в цеху, на плавке. Горбачев—заливальщик, Борщ — пирометрист. Горбачев работает хорошо, думает Борщ. Вообще очень хорошо, если дружно идет работа, если везде свои хорошо знакомые ребята. И сразу же промелькнуло: а программа не выполняется. Почему? Нужно как-нибудь собраться... Поговорить снова... Нет, не так. Необходимо то, о чем мы с Луниным говорили. Необходима комсомольская смена. Обязательно. Сегодня же.

Горбачев заглядывает в дверь. Стрелка на электрических часах, как бы проснувшись, прыгает сразу на 5 минут вперед.

— Скоро два,—сообщает Горбачев.

— Через полчаса гудок. Пошли в цех.

Литейный встречает сперва грохотом обрубочной, потом ритмичным цоканьем формовочных станков, которые изредка перебивает торопливое, нервное дребезжание отбивки.

Громоздкий автокар, нагруженный красно-горячими слитками, раз'единяет ребят.

К вагранкам Борщ идет один.

До гудка еще 20 минут. Борщ разворачивает сегодняшний „Темп".

— Должно быть снова на первой странице об отставании литейного — подумал он. Но о литейном сегодня нет ни слова.

На развороте жирная шапка о комсомольцах кузни, которые по настоящему проводят сталинский поход за технику.

О литейном было в „Темпе" вчера, позавчера. Целую неделю. И все одно и то же. На группе „а", где сосредоточен дефицит, улучшений нет.

На формовке теперь лучше. Борщ это знает. Там Рева

Первая партия тракторов ХТЗ на конвейере.

разворачивает работу сигнальных постов. А на плавке нет улучшения.

Но нужно, чтобы было!

— Газету все читаешь? Работать нужно — а не газеты! Это тебе не бюро.

Поднял голову. Ясно: Чепига.

Чепига — инструктор плавки. Раз в декаду он бывает трезв. И теперь его бледное, невыразительное лицо, все испещренное преждевременными морщинами и нездоровыми пятнами, криво улыбается: „Наббюро—газеты".

Слово „бюро" он выговаривает неизвестно почему с насмешливым подчеркиванием.

Подходит высокий широкоплечий юноша в толстой брезентовой спецовке, с квадратными очками на лбу, он похож на водолаза.

Увидев Чепигу, он нарочно громко втягивает носом воздух:

— Денатуратом несет, инструктор. Почему бы это?

— А, товарищ Лунин! — кланяется Чепига, — ну, я ведь говорил — бюро. Так оно и есть: как раз все тут.

— Бюро, говоришь? Будет, брат, тебе и бюро.

— Бюро, говоришь? — переспрашивает Лунин. И его доброе, широкое лицо покрывают гневные морщины.

— Кстати, Лунин. Вечером созываем бюро, — говорит Борщ. — Правильно?

— Есть, товарищ группорг! — весело отвечает Лунин.

Гудок.

★★★

Молодой завод шел из месяца в месяц, изо дня в день от победы к победе.

— Бурный, беспрерывный, горячий темп республики виднелся в каждой черточке ее гиганта, на каждом его шагу.

Но каждый шаг требовал самой настойчивой борьбы с сотнями, тысячами больших и мелких препятствий, которые становились на пути роста завода. Особенно эти препятствия тормозили работу литейного.

Этот чрезвычайно сложный цех таил в себе противоречия.

Новое оборудование, беспрерывная конвейеризированная система работы, требующая четкости, оперативности сталкивалась с застарелой традицией многих старых производственников. На то, мол, он и литейный, чтобы „на глазок", на то в нем и земля, чтобы грязно было.

Но это не главное.

Главное—это почти 80% молодежи, сельской молодежи,

которая раньше не видела ни старого, ни нового—вообще никакого цеха.

Она за чрезвычайно короткий срок приучалась к работе, упрямо, героически овладевая сложной производственной наукой.

Но ей еще не хватало понимания всей ответственности отдельного рабочего в новой конвейеризированной литейной, не хватало понимания важности, внимательности к мелочам.

Ей нужна была не только техническая школа. Она требовала широкого массового воспитания.

И такой воспитательной школой был для нее комсомол.

Комсомол литейного. Комсомол всего ХТЗ — передовые парни и девушки, в большинстве сами впервые прошедшие производственную школу на строительстве завода. Вчерашние бетонщики, арматурщики, землекопы — это они стали за сложные „Глисоны" в моторном, возле пневматических молотов кузни, за формовочные станки и возле вагранок литейного.

Комсомол учащийся и учащий.

9 конвейеров литейного ритмично движутся целый день.

Сотни опок, туго набитых землею, подставили черные рты леток-отверстий.

6 мощных вагранок должны две смены подряд поить опоки жидким металом, растекающимся по вычурному нутру формы, застывающим в ней деталью трактора.

И тогда — опущенная краном на гремящие решетки отбивки — опока бешено прыгает, земля осыпается, и освобожденная, еще горячая, красноватая деталь идет в обрубную. А потом — механический, на станок.

Нет, не каждая деталь идет на станок механического.

На большом листе — дневнике отдела технического контроля — мелкими буквами над частыми линиями граф значится причина брака.

Лунин хорошо знает этот лист, хоть он и не контролер.

Комсомольцы часто заглядывают туда. И он, и Борщ, и Рева — комсомольский бригадир на формовке. Правда, большинство брака в последнее время случается по вине формовки, стержневого. Но и плавка дает не малый процент. Ведь ежедневно Лунин сам видит, как некоторые ребята из его отдела невнимательно относятся к работе. Ведь еще часто мимо вагранки проползают холодные пустые опоки, пропущенные каким-либо зазевавшимся заливщиком.

Лунин не понимает, как это не долить опоку и спокойно стоять? Как это прозевать — и спокойно смотреть ей вслед?

Можно чего-то не знать, не понять, но... прозевать?

На группе „а" — дефицит,

На группе „а" — детали, от которых зависит работа большого конвейера.

Мало! На группе „а" — детали, которых ждет большевисский сев. Сев, успех которого, как боевое знамя, должна поднять над собой республика. Лучшие коммунисты и комсомольцы завода выехали в подшефный Старо-Салтовский район, откуда и он — Лунин.

Он знает по письмам из дому, какая горячая там теперь работа.

И он хорошо работает. Но этого мало! Нужно, чтобы весь отдел, цех, завод — хорошо работали. Это — главное. Верно говорили в комитете: комсомол был первым на бетоне, он должен быть первым и в цеху.

... Конец смены.

Над головой гаснут лампы.

Остановилась формовка.

За покрытым пушистым слоем пыли стеклом стены — свистки железнодорожников и вечерняя перекличка маневровок.

— Ты куда, Горбачев?

— Домой. А что разве?

— Сегодня бюро.

— Не легко будет, Ильюша,—говорит Лунин,—молодых у нас очень много... Сельские... Непривычные... И потом подумав: — А впрочем, мы с тобой разве старые?— двенадцатого ведь года? А?

— Ну, я, положим, восьмого—ответил Борщ,— но дело не в этом.

— Дело в том, Ильюша, что и мы с тобой молоды, и стажа у нас в литейном двухлетнего нет. Как говорят — слеза под носом. А приучились же? Работаем?

— Факт — Лунин, работаем! Вот смену организуем и докажем таки, что комсомольцы плавить умеют...

★★★

— Товарищи,—сказал Борщ,—я говорить долго не буду. Вы знаете... Все мы знаем, что делается в цеху, что делается на плавке...

— Ерунда делается, — бросил кто-то с места.

— Не ерудна, а детали, — поправили его.

— Верно, — продолжал Борщ, — детали. А что сделал комсомол? Мы с вами что сделали для того, чтобы эти детали были доброкачественны? Я знаю, многие из нас думают, что главная причина брака не мы — почему же нам больше всех беспокоиться. Это не так. Не верно. Мы ведь можем, мы должны бороться у себя с тем браком, который *сами мы* делаем!

Дальше Борщ говорил о том, что в такой ответственный момент, как теперь в цеху, комсомол должен показать свое лицо, лицо передовика, инициатора, лучшего производственника. Для того, чтобы лучше сосредоточить силы, нужно добиться четкой ответственности каждого комсомольца.

— Такую возможность,— кончает он,— даст нам организация комсомольской смены, которая своим примером будет вести к улучшению и другие, отсталые участки. Борщ говорил и всматривался во внимательные лица ребят. Он думал: Лунин — молодой еще комсомолец с 1931 года, но он один из лучших, он будет в авангарде. Божко — хороший, внимательный парень. Быстро ориентирует я. Божко—не подкачает. Горбачев? Хороший он комсомолец, но... тихий, нерешительный какой-то... Поймет ли он всю ответственность?

— Ребята—берет слово Лунин.— Мы таки создадим на плавке комсомольскую смену. Но чтобы вы знали—это не так себе, переименовать: была простая, а теперь комсомольская Это—каждый комсомолец и за себя, и за соседа, и за всю работу отвечай... Нельзя же так, как было. Помните, когда пьяный мастер Болгантер на тяжелом конвейере так забил „под", что пришлось ваграпку к чорту выбивать? Помните? А комсомол где был? Почему молчал о пьянице? Смотрели молча? Что это — кино вам?

— Я голосую — говорит Борщ.— Голосует весь присутствующий актив. Кто за организацию первой комсомольской смены плавки? Не подкачаем, ребята?

— Раз,—считает он,—два. три четыре, и радостно: товарищ Горбачев. Не подкачаем? Верно?

— Не подкачаем, Борщ,— серьезно отвечает Горбачев, держа еще некоторое время после всех высоко поднятую руку.

— А Чепигу нужно гнать,—говорит Борщ.— Нам таких инструкторов не нужно. Лучше своего комсомольца поставим. Мастер Моисеев — коммунист. Комсомол с ним — рука об руку. Моисеев поможет.

— Правильно! Смена комсомольская — и инструктора комсомольца. Начальник цеха поддержит.

— Лунина инструктором!

— Верно!.. Лунин !..

Лунин густо краснеет: „Ребята... я..."

— Разве не сумеешь? — спрашивает Борщ.

Лунин мгновение, одно только мгновение, колеблется, а потом твердо отвечает:

— Сумею, товарищи.

★★★

Утро после выходного.

Солнечное апрельское утро течет в большие окна широкими потоками золотой пыли.

Вагранки сдержанно гудят.

Но вот из летки волнистой струей ударил огненно-желтый металл и полился в подставленный ковш. Ковш наполнился. Тогда он летит по выгнутой монорельсе к конвейеру, где его ждут комсомольцы-заливщики.

С сегодняшнего дня — ни одна опока не должна пройти не долитой или не залитой. С сегодняшнего дня ни один грамм чугуна не должен попасть с более низкой против требуемой температурой: комсомольская смена на местах!

Пирометрист Борщ внимательно следит за температурой металла.

Подошел Чепига. Он уже тут не инструктор.

— Сколько? — справшивает он, тыкая пальцем в пирометр. — Сколько сейчас градусов?

— 1310 — спокойно отвечает Борщ.

— Врешь, на глаз вижу, что 1200. Врет ваша комсомольская машина!..

— Чепига, — еще спокойнее говорит Борщ, — слышишь, Чепига? Что тебе тут делать? Иди лучше.

И Чепига уходит.

— Бюро...—шепчет он сквозь зубы.

По четырем конвейерам группы „а" двигаются к вагранкам дефицитные детали: маховик, коробка скоростей, головка цилиндра, поршень, гильза. Их ждут станки моторного, большой конвейер сборочного.

Их ждет большевистский сев.

Мимо четырех конвейеров группы „а" проходит бригадир комсомольской смены — Лунин. Он следит за каждым движением заливщиков.

— Будь уверен, Лунин, не подкачаем! — весело кричит Горбачев.

К Лунину подходит мастер Моисеев. Лунин делает несколько быстрых шагов навстречу, хочет спросить, но не спрашивает.

Мастер видит волнение Лунина, мастер знает, как этому парню, который недавно пришел из села, вырос в цеху, научился работе и горит ею — как ему хочется, чтобы все ребята его смены работали безукоризненно.

Ведь в том и сила молодого завода, что передовая его молодежь не только учится, но и горячо стремится к тому, чтоб как можно лучше передать свой опыт другим.

Ведь и он, мастер Моисеев, разве не испытывает самую большую радость тогда, когда его ученики становятся хорошими работниками?.. При чем значительно быстрее, чем когда-то сам Моисеев!

Моисеев еще не имеет точных данных о сегодняшнем браке.

Правда, есть предварительные сведения, что брака по вине плавки значительно меньше, чем раньше.

Но он уверенно говорит: — Хорошо, Лунин, очень хорошо. Недолива почти нет, а пропущенных деталей совсем нет.

Лунин сдерживается. Но понемногу на его широкое вспотевшее лицо ложится улыбка.

— Слышишь, Борщ,— взволнованно зовет он,— брака ведь меньше...

— 1320, как часы,— отвечает Борщ, вглядываясь в пирометр.

— Товарищ мастер, завтра, будьте любезны, узнайте о качестве металла... в лаборатории...

...По четырем конвейерам группы „а" двигаются к вагранкам дефицитные детали.

На конвейерах стоят — Горбачев, Божко, Губин... Комсомольцы, командиры своих участков.

В. Собко

ОБНОВЛЕНИЕ

Кузьма Иванович Зеленский, мастер бригады лекальщиков, был занят чрезвычайно тяжелой и важной работой.

Одна из двух железных печек, стоящих в лекальной мастерской—маленьком дощатом сарайчике, отгороженном в углу инструментального, еще не оборудованного и не оконченного цеха, беспощадно дымила, выбрасывала густые клубы черного дыма, и ее труба, подвешенная к бетонной балке, все время угрожала свалиться на верстаки. Как раз возле этой трубы, и возилась вся бригада лекальщиков во главе с мастером Зеленским.

Сахаров—старый квалифицированный слесарь, стоял на верстаке, стараясь удержать трубу, трое молодых лекальщиков, недавно пришедших из учебного комбината, помогали ему снизу.

Все остальные помогали дружескими советами и командой.

В мастерской сделалось почти темно, густой дым застилал и без того грязные, не протиравшиеся с самой постройки, окна. Труба, в конце концов, таки не удержалась, охнула, немножко покачалась в воздухе на последней проволочке, потом потихоньку, важно склонилась и упала на верстаки.

Дым еще гуще повалил из печки.

Тогда вся бригада принялась за работу. Печку немедленно потушили. Трубу начали пристраивать снова, и, наконец, дым начал постепенно расходиться.

Только тогда кто-то заметил, что у входа в мастерскую стоит высокий человек в кожаном пальто и с любопытством наблюдает за горячей работой лекальщиков.

Все бросились к своим тискам. Зеленский подошел к человеку в кожаном пальто.

Это был начальник строительства ХТЗ Свистун.

Когда он говорил, губы его все время складывались в ироническую улыбку.

Сначала он спросил—всегда ли лекальщики заняты такой точной и квалифицированной работой, как ремонт железных печек?

Зеленский ответил, что не всегда, но частенько приходится.

— А почему в лекальной мастерской грязно, как в сарае?— немного непоследовательно переменил тему Свистун.

Зеленский немного растерялся. Ведь даже на ХЭМЗ'е, наиболее организованом и лучше всех оборудованном заводе, разговоров о чистоте не было слышно.

А тут на тебе, плохенький сарайчик, просвистанный всеми ветрами, который очевидно по недоразумению называется лекальной мастерской, и начальник строительства требует, чтобы в этом сарае было чисто, как в больнице...

Зеленский так и ответил:

— А вы что хотите, чтоб мы тут вылизали все, что ли?

Мастер не боялся абсолютно никого, до Свистуна включительно.

Такого ответа Свистун не ожидал. Секунду он смотрел на Зеленского, потом глянул за верстак: там лежала немалая гора сора.

— А это—тоже необходимо в лекальной мастерской?

Зеленскому стало не по себе. Свистун сказал еще несколько острых слов, предложил всей бригаде после шабаша прийти к нему в кабинет и вышел...

... Зеленский сел на стул и начал возмущаться:

— Ну, вот, а как же, так мы его моментально и вылижем, все до щепочки. А как же!

Молодой лекальщик Эли Гулашвилли, который впервые попал на большой завод, поддержал его:

— В самом деле, Кузьма Иванович, мы же грязную работу делаем. Зачем же чистота такая?

— Ну, уже и грязную. Работа у нас самая чистая. Но не в таком же сарае блестящие лекала делать.

Кузьма Иванович возмущался еще с полчаса, потом работа отвлекла его мысли, и утренний случай начал забываться.

Но где-то в глубине мастер чувствовал, что недаром начальник строительства Свистун и начальник инструментального цеха Мексин так убиваются за чистотой. Тут было что-то новое и необычное для воспитанного на старых заводах мастера.

Никто, кроме руководящей верхушки завода, бывавшей заграницей и в Сталинграде, не представляли себе точно, каким же будет готовый завод.

Кузница еще светила голым костяком своих железных конструкций, литейный только еще подымался вверх из громаднейших гор наваленой вокруг земли, механосборочный представлял собой коробку с дырявым потолком и грязью вместо пола. Во всем этом очень тяжело было найти хотя бы очертания того завода, который похож скорее на ювелирную мастерскую, чем на завод тяжелых „интеров".

Именно это мешало даже таким высококвалифицированным людям, как мастер Зеленский, оценить всю важность чистоты и порядка на таком гигантском заводе.

Бригада лекальщиков пришла в кабинет Свистуна.

Состояла она тогда из мастера Зеленского, трех старых квалифицированных слесарей: Новикова, Пояркова, Сахарова и десятка молодых слесарей, которые два месяца переквалифицировались в учкомбинате и недавно перешли в цех.

Все уселись на стулья и внимательно выслушали первую в истории ХТЗ речь Свистуна о порядке, о чистоте, о дисциплине работы в новом заводе.

Слушали долго и внимательно. Для многих только теперь стали понятны заботы Свистуна и Мексина.

★ ★ ★

Понемногу начали появляться новые станки в инструментальном цеху.

Вылупляясь из тяжелых сундуков, из промасленной бумаги, они выстраивались в залитом солнцем зале будущего цеха. Одновременно с этим в грязном сарайчике—лекальной мастерской—день ото дня становилось чище.

Нетребовательный сначала к чистоте мастер начал требовать ее от каждого рабочего.

Эли Гулашвилли, Назаров—молодые лекальщики—часто даже возмущались, если мастер заставлял их вычистить тиски до зеркального блеска.

Эли Гулашвилли говорил:

— Ну, зачем, Кузьма Иванович, зачем, я спрашиваю? Вот перейдем в цех, там и будем чиститься.

Но сам мастер уже хорошо понял, что маленькая лекальная мастерская — это большая школа для перехода в цех.

— Приучайтесь, приучайтесь,—отвечал он Эли Гулашвилли.

И тот, ругаясь, приучался.

Лекальная работа, работа на самых точных измерительных инструментах требует чрезвычайной точности.

Новейшие достижения техники—станки инструментального цеха ХТЗ работают с точностью до микронов.

Самый тонкий слой грязи на станке имеет толщину в несколько десятков микронов. Вот почему вопрос о чистоте на ХТЗ перерастал в такую громадную проблему.

Готовые к работе станки уже выстроились в цеху. Бои за овладение техникой чистоты, сложнейшей техникой в мире, начались развернутым фронтом...

Возле громаднейших окон, из которых никогда не исчезало солнце, стояли новенькие, покрытые линолеумом станки.

Это была новая лекальная мастерская.

Мастер Зеленский переводил свою бригаду из сарая-школы в цех-университет.

Андрей Панов

ДВЕ МОЛОДОСТИ СТАРОГО МАСТЕРА

ПОРТРЕТ ОДНОГО ИЗ РЯДОВЫХ ТВОРЦОВ ИСТОРИИ „СЕРПА И МОЛОТА"

I.

Они—обыкновенные, простые люди, наши ударники, лучшие сыны своего класса и „героического" внешне в них как будто бы ничего нет. Делали то, что надо было делать пролетариям, отдавались этому делу по рабочему, по пролетарскому осуществляя задачи непобедимой своей партии и ее вождя. Потому о таких блестящих результатах этой общей работы и рассказывали рабочие и колхозники с трибуны рабоче-колхозной конференции на заводе „Серп и Молот", так красноречиво говорили сами за себя экспонаты выставки, организованной в зале заводского клуба, цифры плакатов и диаграмм; потому ударники завода и ударники социалистических полей—мастера машин и урожаев—так глубоко и внимательно обсуждали пути дальнейшей борьбы, дальнейших побед.

Седой Георгий Петрович Столяров, мастер котельного цеха, слегка взволнован вниманием к нему. Он просматривает номер „Правды", где вспоминается о нем, и улыбается немного смущенной улыбкой.

— Честь, конечно, большая. Как же, в центральном органе нашей партии вспоминают старого мастера... когда мы локомобили ремонтировали, я об этом не думал... Я же делал обыкновенную работу, какую и каждому нужно делать. А особенно, когда знаешь, что это мы делаем для себя.

И сидит на рабоче-колхозной конференции—радостной и шумной конференции, которая стала праздником зажиточной жизни и рабоче-колхозного единения, старый, седой мастер с молодыми глазами, и усмехается, и хочет скрыть свое волнение, свою гордость, когда его имя называют с трибуны в числе первых премированных. Он на клубной сцене, в президиуме, где за столом под знаменами перемешались колхозники с рабочими. Секретарь ЦК КП(б)У тов. Любченко только что в докладе обрисовал наши победы, победы Советского

„Серп и Молот".—Новая электромолотилка производства завода.

Союза, строящего победоносно социализм, неотрывной части его—советской Украины и ее небывалых успехов в этот переломный 1933 год, рассказал также о злобных бессильных попытках контрреволюционеров-националистов подорвать, пошатнуть мощь пролетарской диктатуры...

Необычайный шум за сценой... Это подарки, привезенные колхозниками своим шефам, в доказательство своей зажиточной жизни, живые подарки—овцы, поросята, гуси, куры, вносящие необычайное оживление в конец этой конференции...

Вот эти подарки на сцене... Слепит синий свет юпитеров, и в его свете удивленно жмурит свои глаза чудесный, белый поросенок колхоза „Червона Нива", которого привезли в подарок секретарю ЗПК „Серпа и Молота" тов. Лившицу; белый гусь-великан удивленно вытянул свою шею—это коммуна имени Ильича дарит директору завода т. Гросману свой подарок, как лучшему ударнику, сумевшему дать своевременно молотилки со своего завода; а вот, такого же белого гуся-великана подносят и ему, седому мастеру Столярову.

— Это вам от коммуны имени 23-ей дивизии, как лучшему ударнику по ремонту локомобилей.

Георгий Петрович оглядывается, Георгий Петрович при-

нимает подарок, а вокруг оркестр, свет, радостные лица, шум этой конференции-праздника. А за столом президиума он видит еще новых товарищей—молодая пара, в самом деле „молодой" и „молодая" — комсомолята из колхоза Прилужье, свадьбой которых заканчивается конференция...

Они, радостно смущенные, юные, взволнованные, сидят рядом с наркомздравом тов. Канторовичем и Наркомпросом т. Затонским, их „посаженными отцами". Молодые разговаривают с „отцами", а с трибуны вызывают новых ударников и идет дальнейшее премирование.

Георгий Петрович вспоминает свою молодость, свое детство. Он снова чувствует себя молодым, совсем молодым, ну, просто как те молодята, которые сидят за столом президиума.

У Георгия Петровича стаж не малый. С 1877 года он работает на заводах Харькова, из 68 лет жизни 57 отдано заводу... С 1899 года на „Гельферих Саде", теперешнем „Серпе и Молоте", отмечающем как раз сейчас в бурных и в то же время деловых волнах рабоче-колхозной конференции свою победу на сельско-хозяйственном фронте весны, лета и осени 1933 года.

И понятно, почему старый мастер бывшего „Гельферих-Саде" так дорожит, так гордится нашими советскими годами работы на „Серпе и Молоте", *на себя*, а не на „хозяйчиков" и „хозяев", почему ни одной минуты теперешней работы *на себя*, на *свой класс* он не хочет отдать ни болезни, ни старости.

От нашего бурного настоящего, от которого чувствуют себя молодыми старые ветераны производства, от конференции и колхозной свадьбы на ней, от 6 локомобилей, которые ударно отремонтировал тов. Столяров со своею бригадой—мы вместе с т. Сталяровым оглянемся в прошлое.

Перед молодыми еще глазами мастера встают картина за картиной.

II.

Одиннадцатилетним мальчиком приступил Столяров к работе...

Не помнит старый мастер своего отца—бывшего крепостного князя Юсупова... Умер он, когда мальчику и восьми лет не было... А в семье трое детей, а в семье нищета, голод... что делать... Не малый путь от Писаревки до Харькова, но не испугал он маленького мальчика... и вот он уже бродит по улицам такого большого для него города, ищет работы...

Где-то на базаре какой-то „купец" берет мальчика...

— Будешь и подметать, и стеречь, и приказчикам помогать, и покупателей зазывать... все понемногу будешь делать... А спать? Да здесь же на рундуке и спать бу-

дешь, тепло же... Плата? А есть же будешь — разве малая плата?

Но мальчик не долго был у „купца".

Грузили товар купца на станции. Впервые мальчик увидел паровоз. Когда вспоминает об этом случае тов. Столяров, загораются его глаза — разве это не лучшее воспоминание его детства?

— Очень пришлась мне по сердцу машина. Как я теперь люблю свои локомобили, которые ремонтирую — они как живые гудят вот целое лето и осень на полях Петровщины, а тогда, как увидел паровоз, только и мысли было — как бы стать к машине. Был такой завод Трепке, куда малолетних принимали на работу в „ученики" — но я уже опоздал. Ну и пошел я к кустарю Шапареву — самовары и замки чинил. Ну этот же и эксплоатировал нас, малых — как хотел. Работали от пяти часов утра до двенадцати часов ночи. Там же в мастерской, в мусоре, прямо на полу и спали. Кормили очень плохо, а работу требовали как со взрослого и бил сильно. Вот там я и палец свой повредил.

Сверлильный станок крутили вручную — тоже мальчик такой же, как я... Вверху для него помост специальный — ходит и крутит... Было поздно... Спать хотелось до смерти: с 5 часов утра до 12 ночи мальчику проработать — это не шутка... Стою за станком и работаю как сквозь сон... Не знаю как — вдруг палец попал меж шестерен. Крикнул... Мой „двигатель" наверху остановился... А палец между зубцами шестерен... Боль такая страшная, что мне показалось — пальца совсем нет. Кричу „дай назад". Мой „двигатель" повернул назад — показался из-под шестерен мой палец — расплющенный, весь в крови... Долго заживал... Лечить приходилось самому и хозяину боялся сказать — прогнал бы нас обоих... Завяжешь и работаешь... А палец гниет — и запах слышен... Долго я с ним мучился...

И Георгий Петрович показывает свои руки, руки 58-летнего рабочего стажа. Жизнь много положила на них отпечатков, мозолей и шрамов, но сильнее всех в памяти шрам его скитаний детских лет.

— Понес я однажды кастрюли тогдашнему губернатору, Лорис-Меликову. Повар взял кастрюли, налил мне борща, дал оладьев. Я от роду так не ел, собственно до того никогда не наедался. А тут мне он и 7 копеек дал. Впервые в жизни я почувствовал себя не голодным и обеспеченным деньгами. Пошел в кондитерскую, купил там разных крошек от кондитерского товара — полную сумку, ну и решил, что я уже совсем обеспеченный. Решил оставить своего эксплоататора Шапарева. Пришел в сквер. Сижу. Встретил меня там один рабочий, расспрашивает, почему сижу, а тогда

и говорит, что Юдин и Штейпе открывают завод и набирают рабочих.

Пошел, долго искал, наконец нашел завод, наткнулся на самого Штейпе.

— Работы.

— А кто же у тебя есть из родных?

— Никого.

— А может быть ты какой-нибудь воришка просто, бродяга бездомный?

— Да нет, у меня мать на селе, а отец умер.

Задумался, молчит.

— Ну, так можно к вам на работу?

Долго молчал, пристально осматривая меня со всех сторон, как лошадей на базаре осматривают... Даже мускулы на руках попробовал, подумал еще.

— Да, можно.

Здесь работали с *7 часов утра до 7 часов вечера*. Но Штейпе тоже бил сильно. Жилой бил. И строгий был, страшно...

А молодые еще глаза под светлыми бровями смотрят снова на свои руки, где тоже оставил какой-то знак Штейпе.

Этот завод был котельный, и с этого начинается квалификация старого мастера котельщика.

III.

В 1899 году Столяров перешел на завод Гельферих-Саде.

— 34 года я уже на нашем заводе.

Переманил меня управляющий заводом Блеке — знал, что я хороший мастер. И обманул. Обещал прибавку и не дал. Только через 15 лет 15 рублей прибавил — по рублю в год — перебирает свои горькие воспоминания старый мастер.

У администрации было четко дифференцированное отношение к мастерам. Одних они поддабривали, делали из них шпионов и прислужников, тех же, которые не шли на это, в лучшем случае только терпели, если это были мастера высокой квалификации.

Были же и такие мастера, которые стреляли в рабочих.

О них рассказывали на совещаниях по истории завода. Известен всем рабочим случай с одним мастером сверлильного цеха, о нем рабочие говорили, что он ничего не знает, а поступил на завод потому, что был родственником или знакомым помдиректора. Это был типичный подхалим и шпион. Его не любили. Он приказывает, его не слушают. Наконец, пошли слухи, что его хотят вывезти на тачке.

Мастер зашел в цех. Ни за что, ни про что ударил сверловщика Попова. Рабочие подступили к мастеру с

протестом, начали на него кричать. А кто-то уже подготовил и тачку с мешком, выпачканным сажей. Мастер выхватил револьвер — выстрелил и ранил рабочего Бондаренко в ногу. Второй уже выстрел был на дворе, когда он, пригнувшись меж станками, бежал к конторе. Забрался в телефонную будку, в одной руке держит револьвер, а другой звонит полиции, крича, что здесь бунт и убивают. Возле будки собралась масса рабочих, бросили работу. Загудели гудки...

Вышел Блеке, пробовал успокоить, стал на дверях и заявил:

— Давайте разберем, в чем дело. Я разберу. и все выяснится...—А сам тем временем дал знать казакам.

Пока он упрашивал и разговаривал, прискакали казаки. Начали нагайками избивать рабочих.

Народ разбежался по цехам и там вооружился, особенно молодежь, и чем попало начали бросать из окон, а Кушнаренко из красильного цеха схватил трубу аршина в 3 длинною и огрел ею казаков, ехавших переулком. Одного казака обезоружили. Появилась полиция, полицмейстер. Рабочих поставили от конторы до ворот в шеренгу.

— Этого мастера мы выведем, и больше он работать не будет,— сказал Блеке.

И действительно вывели. Только не через шеренгу рабочих, а через сад задворками. Больше этого мастера не видели.

Такие были мастера, господские холуи.

— А как же фамилия этого мастера?

— Фамилия?..—Георгий Петрович смущенно улыбается.— А вы знаете, фамилию я уже и забыл... Знаю, что какая-то немецкая фамилия, я уже и забыл...

Через несколько дней мне удалось добыть два документа, дополняющие рассказ мастера о мастере. Мы прочитали их вместе. Вот они (подаю современным правописанием):

НАЧАЛЬНИК ХАРЬКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Секретно

Июля 31 дня 1905 года
№ 2420
г. Харьков.

Начальнику Харьковского Губернското Жандармского Управления.

28-го сего июля около 9-ти часов утра рабочие товарищества Гельферих-Саде, будучи недовольны мастерами—сверлильного цеха мещанином Карлом Рудольфовым Бергманом и слесарного

цеха Антоном Карловым Доннером, хотели их вывезти на тачках из мастерских. Когда рабочие намеревались взять Бергмана, то последний произвел выстрел из револьвера, но никого не ранил и убежал в контору, куда за ним бросились рабочие.

По просьбе директора завода, рабочие хотя и отступили от конторы, но все таки требовали выдачи Бергмана. После этого среди рабочих поднялся страшный крик и было произведено несколько выстрелов. Из находившихся у завода полсотни казаков—8 человек в'ехали во двор завода, где рабочие набросились на них с холодным оружием, бросая гайками и другим железом, а также произвели несколько выстрелов, не причинивших однако никакого вреда. Казаки пригрозили рабочим нагайками, но так как разбежавшиеся по мастерским рабочие продолжали бросать гайками и стрелять, то казаки в защиту и самооборону себя, по своей инициативе начали стрелять в воздух, выпустив 26 патронов.

Георгий Петрович внимательно слушает.

— Врет немножко начальник охранки... И о том, что казакам пришлось убраться во-свояси—помалкивает. Задали мы им тогда жару.

Читаем второй документ:

РОСС. СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧ. ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вчера на заводе Гельфериха пролита кровь наших товарищей. Негодяй мастер выстрелил в рабочего. Возмущенные этим товарищи дали гудок и завод стал. Прискакала сотня казаков и набросилась на собравшихся во дворе рабочих. Те разбежались по цехам и, вооружившись гайками и болтами, решили дать отпор. Казаки дали залп, другой, третий... Рабочие ответили выстрелами из револьверов. Посыпался дождь гаек и кусков железа. Наши товарищи дрались как львы. Некоторые из них были ранены, но пострадали и царские псы. Сила и мощь отпора ошеломила их, куски железа валили с ног. Часть рабочих прорвалась сквозь цепь полицейской своры и оповестила другие заводы. Встал Бельгийский, заревел гудок паровозостроительного завода. Рабочие последнего решили бастовать впредь до выполнения требований гельферихских товарищей.

Забастовавшие заводы и некоторые типографии послали к губернатору депутатов с требованием разрешить собрание всех харьковских рабочих. Собрание это необходимо: нужно обсудить, что предпринять по поводу расстрела гельферихских товарищей.

Товарищи! Кровь пролилась! Нельзя мирно работать, преступно молчать! Присоединяйтесь к забастовке и требуйте собрания! Сойдемся все и решим, что нам делать!

Харьк. комитет Росс. Соц.-демократич. рабочей партии.

Тип. Харьковского Комитета.

Прокломация измята и в некоторых местах порвана. Старый мастер берет ее в руки, пристально смотрит и глубоко думает.

— Да... Были листовочки тогда... Помню... Большая борьба тогда была... И всякие были среди мастеров... Только не любили рабочие шпионов и подхалимов. А Блеке таких как раз на заводе воспитывал—любимчики его были. Хитрый был этот Блеке—директор и акционер завода.

— Что не надумаешь сделать, уже бежит Худаев или Михайлов доложить директору. Блеке среди мастеров таких шпионов и выискивал, задабривал их и подкупал, чтобы обо всем доносили. Так таких шпионов мы и остерегались, что около тебя шпионит, а на завтра хозяину доложит.

Георгий Петрович не был среди любимцев Блеке, он был с рабочими, с теми, которые готовились к демострации, готовили оружие, выковывали сабли, отливали бомбы.

— Я не скажу, чтобы я был там политически сознательным, чтобы в организации был, но все же помогал... и копья делал...

Был у нас во дворе склад железа. Там брали круглое железо, оттягивали на горне. Раз-два — и пика хоть куда. Выносили под полою.

— Была раз демонстрация, в том же 1905 году, когда мы вышли—нас встретили солдаты с музыкой. Ну, думаем, теперь не страшно. Приходим на Павловскую площадь, а там артиллерия и генерал говорит:

— Господа, разойдитесь, а то большое бедствие будет.

На одном вечере воспоминаний другие участники демонстрации поясняли, почему такой „мягкий“ был генерал:

— Не стреляли в нас во время демонстрации потому, что у нас были бомбы. Мы уже научились их делать хорошо, и так условились — как начнут стрелять — получат „шары“. Об этом знали.

IV.

На заводе готовились к восстанию. Большевики призывали вооружаться. К „большинству" (как на заводе называли большевиков) клонилась масса, видя, что идут они твердо и прямо.

Помню хорошие, тревожные гудки, хватающие за душу. На заводе часто были митинги, выступал на них Артем. Хорошо припоминает его и Георгий Петрович.

— Впервые я его увидел, когда мы устроили рабочий суд над разными ворами и мошенниками.

Дело в том, что полиция с провокационной целью распустила воров, а потом говорила:

— Вот, бастуют, а потом забастовщики грабят и обирают тех же рабочих.

Об этих судах рассказывал товарищ Пирог, старый рабочий, который и теперь работает на заводе.

— Не мало из тех воров мы и исправили своим судом. Вот был вор Гаврюшка, а по уличному Цыган. Когда его судили, он вышел на трибуну и клялся перед всеми, что бросит розбойничать и грабить. Позже он действительно был среди наших десятков... Исправили.

Тов. Столяров описывает Артема:

— Был низенький, худощавый, смотрит всегда смело и говорит смело. Ходил в сатиновой сорочке, в картузе с крытым козырьком.

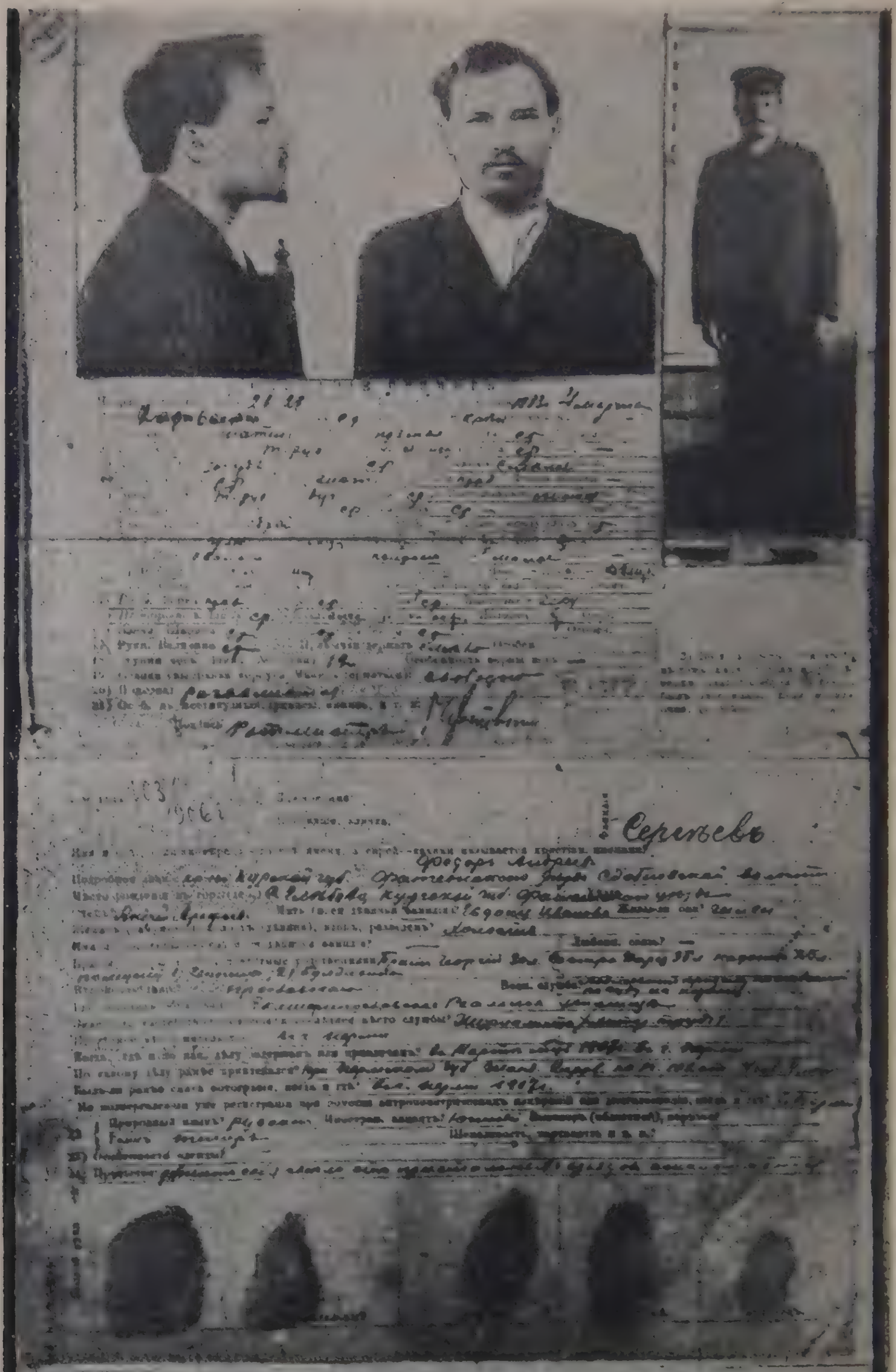
Артема рабочие любили и боялась администрация. На заводе он бывал часто. Умел организовать массу... И говорил хорошо—и просто, и ясно, и от всего сердца... Что рабочий думает, то он все и выложит, как на ладони... И никаких этих виляний туда-сюда. Прямой человек был. Одно слово большевик.

Вспоминает старый мастер декабрьское восстание на заводе 1905 года, когда вооруженные рабочие завода боролись против царских войск, расстреливавших завод из пушек.

Это был организованный бой завода с врагом, это была осада завода, которая дорого стоила врагу, так как показала, что рабочие вооруженной рукой могут отстаивать свои права.

Старый мастер тоже тогда был на заводе.

— Припоминаю, это было как раз 12 декабря. Гудели гудки тревожно, пронзительно. Наш завод ждал помощи от ХПЗ, который спешил к нам, но его задержали войска. Начался обстрел завода. Оружие у нас было плохонькое — копья, сделанные нами, и бомбы, которые до солдат трудно было добросить. Мы забаррикадировались листами железа у себя в цеху. Помню—горели печи. Страшно и странно



Артем /Сергєєв Ф.А./ Жандарське фото.Більшовик.Керівник повстання.

было смотреть, как они и для чего горят... Иногда к нам залетали пули. Я выглянул в форточку, в уголке — на крыше стоит солдат... И сразу же в форточку пуля, даже волосы зацепила. Еще немного, и погиб бы мастер котельного цеха. Не пришлось бы теперь старому ремонтировать локомобили для колхозных полей, не пришлось бы получать премии и слушать приветствия здесь—усмехается молодыми глазами старый мастер.

— Много я уже прожил, а никогда не забуду того дня, тех тревожных гудков, того свиста пуль и грома пушек... Хоть нас и разбили, но мы не чувствовали себя побежденными, царским генералам пришлось ведь идти на наш завод с пушками, брать его как крепость неприятельскую. Да это и была действительно война — не на жизнь, а на смерть.

V.

Шли годы. Началась война... Завод работал „на оборону". Обработка мастеров со стороны администрации еще увеличилась.

Начались задабривания прибавками, подачками. Делались намеки мастеру, что вот если бы он провел вот такую и такую работу—ему бы дали прибавку. Боялась администрация, когда об этой прибавке кто-нибудь пробовал говорить организованно.

— Спрашивает Гелеспи, помощник директора, меня, почему я прибавки не иду к нему просить. А я и говорю, что я против того, чтобы индивидуально прибавку выпрашивать, что прибавку всем нужно дать. Очень это Гелеспи не понравилось.

А потом революция—и вот завод в руках рабочих. Столяров был на собрании товарищем председателя, и ему поручили сделать опись инвентаря. А администрация (Блеке) мастеров уговаривает, чтобы на работу не шли, за это им, мол, заплатим. Но Столяров делает свое. Вызывает его Гелеспи.

— Где вы были?

— Инвентарь переписываю.

— Ай-яй-яй. Я удивляюсь, — вы старый служащий, хороший мастер и идете работать, когда завод закрыт. Понимаете, закрыт! А вы идете работать к голодранцам. Вы после пожалеете.

После того Столяров уже с Гелеспи и не здоровался.

— А денег нам за тот месяц Блеке не заплатил. Для кого работали, у тех и получайте...

— Они думали, что без них не обойдемся. Но ошиблись, и хотя рабочие не такие были еще сознательные, как теперь, и меньшевики вредили,—все-таки завод закрыть не дали.

Но не долго был завод в руках рабочих. Контрреволюция на некоторое время победила, и в апреле 1918 года на стенах завода было вывешено об'явление Харьковского Губернского Комиссара УНР:

„На основании распоряжения Украинской Центральной Рады, завод и контора товарищества „М. Гельферих-Саде" возвращаются их законным владельцам".

Вспоминает Столяров:

— Петлюровцы хотели нам глаза замазать, надуть—говорили все: „то арищи рабочие, товарищи рабочие, ваши молотки, а наши сабли". Но они ошиблись, рабочие умели работать не только молотками, а и саблями и пулеметами—и прогнали к чорту всю контрреволюционную сволочь.

VI.

— А при белых завод стоял, а как пришли наши, снова начал работать. Сначала было трудно, а теперь, смотри, и план выполняем и завода не узнать: растет, продвигается наш завод,—неподдельная гордость и увлечение звучат в словах старого мастера.

— Ну, разве ж можно было в это лето хоть кому-нибудь уйти с фронта, когда такое переломное лето. Много моих товарищей на село, уехало, на работу, ну, а я уже старый решил здесь не сдавать темпов—прячет добродушную теплую улыбку Столяров в седые усы, и молодо смотрят его старые глаза.

Его летом хотели послать на лечение, на курорт. Он не поехал.—Я здесь,—говорит,—за работой молодею.

— Знаете, врачи даже признали, что работой живу, и отрывать меня от нее было бы вредно.

— Остался я с 4 молотобойцами. Т. Моисеев мне говорит—вот необходимо локомобилям из колхоза дать ремонт. Ну, раз нужно—значит сделаем. Я и начал работать со своей бригадой. Трудновато было, так как моих ребят учить всему нужно было, никто не знает, что такое соломотопка, а я их раньше делал еще для английских молотилок. Взялись за работу.

— Раз завальцевали ребята трубы, а они текут. Пошли они обедать, а я сам влез и завальцевал. Приходит Ильховский, мастер электроцеха, а я в топке.

— Чего это ты там, старик?

— Да трубы завальцевываю.

— Ну, завальцевал и не текли.

Георгий Петрович о локомобилях говорит с такою любовью, как о детях.

Он расспрашивал на конференции о работе каждого и

счастлив был, узнав, что все отремонтированные им локомобили работают хорошо.

Ему предложили отвозить и привозить его на работу—он отказался.

Единственная мысль Георгия Петровича—доработать до конца, довести до реализации свой проект реконструкции локомобиля.

— Делаем машины сами, для себя, для нашего нового хозяйства. Ну, как же тут стариться. Нельзя старым быть. Работаем же не на Штейне и не на Гельфериха, и не на Блеке, а на самих себя. Потому и хочется сделать так, чтобы... было хорошо. Такая работа лета молодые возвращает—усмехается молодыми глазами старый мастер.

В борьбе за колхозное село, за большевистский урожай Столяров с полным правом занимает почетное место в „альбоме лучших" завода.

И на теплом и торжественном празднике, когда горели синим светом юпитера, когда звучали речи секретаря ЦК и членов советского правительства, когда выковывались пути дальнейших побед завода и социалистических полей—одним из первых в списке тех, кому колхозники привезли свои незамысловатые, но искренние подарки, доказательства их колхозной зажиточности, доказательства того, что хорошо этим летом они работали машинами, которые сделал и ремонтировал „Серп и Молот",—был и товарищ Столяров.

И его руки, на которых так много вписала история рабочей жизни своих следов, неутомимые руки старого мастера почувствовали тепло этого живого подарка—красавца-гуся, и, тепло смеясь молодыми глазами, сияющими необычайным блеском в свете юпитеров, товарищ Столяров говорил:

— Никогда за всю жизнь я не имел лучшего подарка... да я сейчас чувствую себя моложе тех молодят, что сидят в президиуме. А говорят еще в песне—

А молодість не вернеться,
Не вернеться вона.

Неправда. Возвращается молодость.

— И мы еще лучше на следующую весну отремонтируем и локомобили и машины... Бригада же у меня молодая и сам я стариться не хочу...

Наше время—молодое. Хорошее, жизнерадостное время.

Александр Бакалин *)

ВИНА БОЙЦА

ФРАГМЕНТ ИЗ ИСТОРИИ СТАЛИНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ИМ. СТАЛИНА.

Из-за цеха наступает ночь. В темноте — неуклюжие болванки медленно ползут к обжиму первого прокатного стана и как будто колеблются — живые на рольганге — бросаться ли в атаку? Уйти в сторону хочет болванка — поправил прокатчик...

Схватили ее валики, тянут, жмут, а болванка упирается и с силой тысячи лошадиных сил давит на стан, чтобы разнести его.

Туда и назад калибрами — болванка становится у́же, вытягивается длинным огненным удавом. Когда прокатывают „полосу“ 16×14 м/м., то болванка в метр и две десятых дает 292 метра...

Калибры стана неумолимо уменьшают и меняют форму: квадрат — овал, овал — квадрат, квадрат — ромб... Болванка изменяет форму и все вытягивается... На чистовой линии особенно мелкие калибры, и кажется, что огненный удав сердится, извивается от злости, вот-вот бросится на прокатчиков, но у этих людей движения точные, точно направляют они голову удава в очередной калибр; если рабочий не ошибется — не иметь лютому удаву жертвы.

Цех полон огненных линий, извивающихся вокруг людей, с ритмическими поворотами тела, с точными движениями рук.

Утомленная борьбой с людьми и валами, болванка длинной лентой вылетает из чистовой и обессиленная вытягивается на стелажах. Ее подают на „самотаску“ — приспособление социалистического завода. „Самотаска“ подает их под пресс, там режут на части и сортируют. Металл машиностроительным, тракторным заводам готов.

★★★

Прокатчики смены № 2, не то шутя, не то сердясь, спрашивали врид. нач. цеха Йоктова.

— Что же ты, Иван Михайлович, все даешь нам самые тяжелые профили?

---

*) Лучший изотовец завода, мастер передовой смены № 2, систематически перевыполняющий план, победитель во всесоюзном конкурсе металлургов (Редакция „Истории Заводов“).

— А кому же их и давать,—пробурчал инженер и сделал вид, что не желает продолжать беседы на эту тему.

Прокатчики переглянулись. Неужели это правда, что Йоктов хочет вытащить свою смену № 4 на первое место тем, что будет тормозить работу передовой смены № 2.

Так говорили. Йоктов — инженер смены, которая была один только раз на первом месте в цеху, если не считать того времени, когда в эту смену бросили на прорыв мастера Бакалина из смены № 2 *).

Нач. цеха в отпуску. Йоктов замещает его и, поэтому, имеет возможность устанавливать сменам задания—давать им прокатывать определенные профили, регулировать снабжение болванок и угля нагревательным печам, заставлять делать перевалки — смена валов для прокатки других профилей и т. д.

Йоктов промолчал и добавил:

— Вы же лучше всех прокатываете эти тяжелые профили — передовая смена.

На это ничего не могли сказать прокатчики. Промолчал и мастер Бакалин, известный на заводе, как человек с твердой волей и хороший организатор, мастер-партиец, советский молодой мастер, установивший железную дисциплину в своей смене.

В смену № 2 не раз направляли безнадежных прогульщиков, и они, попав в окружение дружного дисциплинированного коллектива, исправлялись. Прогульщики не имели тут никаких поблажек от мастера, и к каждому из них у него свой подход. Назвать хотя бы Ванька Рыжего — так его прозывали, не заботясь о настоящей фамилии. Когда-то босяк, пьяница и хулиган — в смене Бакалина Ванька вовлекается в общественную работу и немного спустя избирается председателем цехового комитета, где работает не плохо...

Не то шутя, не то ехидно Йоктов бросил:

— А то может быть пересадим смену два с аэроплана на черепаху?

Что подумал мастер Бакалин после этих слов — неизвестно. Он ничего также не сказал. Посмотрел на своих прокатчиков, и молча все вышли из конторки. Никому больше не хотелось говорить с инженером, так как этот разговор не мог быть ни для кого приятным.

За первую пятидневку октября 1933 года смена взяла первенство в цеху, дав 129% плана. Смена старательно прокатывала мелкие профили автотракторных сталей. Штука большого профиля идет медленнее, калибр стана шире, по-

*) Мастер Бакалин не хотел писать о себе. Его фигура в этом отрывке описана одним из членов творческой группы Сталинского завода—М. Ледянко.

давать ее легче. Мелкая штука требует быстрых и точных движений, это больше утомляет, угрожает опасностями и авариями.

Смена не поддалась. Так было и дальше.

За то не везло смене Йоктова. Например, 19 октября она прокатала 39 тонн круглого автотракторного профиля, и только около четырех тонн металла было признано пригодным для тракторов, остальной пошел, как сталистый продукт — низшего качества.

А смена два прокатала тогда же 54 тонны того же профиля без единого килограмма брака — при той же норме в 37 тонн продукции, обычной для стана 250.

По старому смене Бакалина дают более тяжелые профили. Если другие прокатывали „полосы" 25×5 м/м. и т. п., смена прокатывает 20×5. Если другие давали по 43—45 тонн — эта смена давала по 48—50 и больше.

Не пересадить Йоктову смену с аэроплана.

25/X, когда смена Бакалина выполнила месячный план все прокатывали твердую сталь № 7. Смена два дает 35 тонн без брака, смена три —27 тонн, из них 8 сталистых, а смена Йоктова —20 тонн, сталистых 9. При этом нужно принять во внимание, что в смене два были перевалки, которые уменьшили рабочее время.

25-го смена выполнила месячный план и выполнила бы его раньше, если бы в середине месяца не имела много остановок из-за отсутствия металла. Поэтому проценты выполнения снизились со 129 до 115, и нужно было потом нагонять.

И тут, при этих тяжелых обстоятельствах, решительный удар нанес смене бригадир хозрасчетной бригады Денисюк, бывший красногвардеец, любивший всегда сравнивать работу на производстве с фронтом.

Много на фронтах пережил Денисюк. Особенно запомнились ему бои с калединцами под Матвеевым Курганом, где белые, отбив одно наступление донбассцев, жестоко издевались над ранеными и пленными. Денисюк иногда плачет рассказывая об этих издевательствах...

— А теперь мы ворчим из-за мелочей,— бросит сердито и отойдет, чтобы успокоиться.

Работа шла чудесно. Прокатывали очень мелкий профиль — круглая тракторная двенадцатимиллиметровая сталь. За четыре с половиной часа выполнили норму смены—37 тонн. Такая работа обещала не меньше 150% плана, если и дальше исправно будут подавать болванки и уголь. Вдруг Денисюк подает остывшую штуку, валики не могут одолеть ее и 170-миллиметровая шейка одного из них ломается как спичка.

Мастер Бакалин не ходит, заложив руки в карманы, как это он мог бы иногда делать по правилам внутреннего рас-

порядка, осуществляя надзор за работой. И мастер не только командует, если случится какая-нибудь неполадка. Мастер стремится к профилактике аварий больше, чем к лечению их, поэтому первый бросается на помощь неловкому товарищу, и все другие по его примеру делают то же самое. Этим и отличается смена два среди других, что в ней нет равнодушных. У тебя все в порядке, а у товарища не ладится... Помочь, так как от успеха каждого зависит успех коллектива.

Бакалин оперативно руководит работой — раз за разом проверяет стан, следит, не идет ли холодная штука, довольно ли угля в печи, хватает ли болванок. Мастер везде, чтобы в угрожающий момент перегруппировать силы, бросив их на слабое место.

Мастер видит все, и поэтому он первый налетел на Денисюка.

— Ты — бригадир?! Ты — неряха, растяпа. Ты...

Денисюк стоял, понурив голову. Что он мог сказать мастеру и всем товарищам, налетевшим со всех сторон на провинившегося? Они упрекали его со всех сторон — авария срывает работу, это — простой. Денисюк украл у государства металл, который можно было бы дать за то время, какое теперь идет на ремонт.

Одно только повторял бригадир:

— Товарищи, товарищи, я же не вредитель, я не нарочно... Товарищи...

И чуть не плачет...

Партгруппорг прокатчик Коницев на следующий день собирает смену перед работой—накануне нельзя было, так как долго работали над ремонтом. Стоял один вопрос — может ли Денисюк дальше оставаться бригадиром? Бригадир должен служить образцом для всех, а тут он из-за невнимательности учинил аварию. Виновные не надеялись в этой смене на поблажку, на приятельские взаимоотношения — дружба дружбой, а интерес производства прежде всего. Выговор в приказе, протягивание в газете, переброска на худшую работу, предупреждение и увольнение... Горячий Бакалин иногда сердито кричит, выговаривает, но всегда за дело, и поэтому он пользуется авторитетом, а в смене дисциплина.

Все, начиная от мастера и группорга, ожесточенно крыли Денисюка на собрании смены. Ведь через его аварию процент выполнения сразу снизился, стране не додан металл. Денисюк не может оставаться бригадиром — с этим соглашались все. Но больше всех укорял бригадира его наставник возле стана Булаков:

— Как ты можешь следить за работой, если ты все время оглядываешься, не идет ли кто за сапогами, которые год

уже шьешь? Людей только обманываешь, не сапожник ты и не прокатчик и уж никак не бригадир!

Булаков припомнил тут немалый грешок Денисюка. До работы на прокатке он сапожничал и до сих пор не забыл, как тачать прекрасные сапоги — об'ект зависти местных франтов. Зная его искусство, товарищи просили Денисюка по знакомству починить что-либо из обуви или пошить. Но прокатчик их быстро разочаровал — одни сапоги ухитрился шить целых два года.

Если Денисюк видел, что идет какая-то из его несторожных жертв, он быстро отыскивал ее обувь и бросал мочить:

— Вот видишь, уже намочил, завтра закончу.

Но „завтра" тянется месяцами, так как сразу же, попрощавшись с клиентом, Денисюк помещает его обувь на старое место — под лавку.

Некоторые иногда приходили в цех узнать о заказе.

— Так вы, значит, дали ему сапоги починить?— невинно с лукавой улыбкой спрашивает кто-либо из прокатчиков.

— Ну, да. И все никак не могу дома застать — то на работе, то на собрании, а то на огороде...

— И уже с полгода прошло?

— Что?

— Нет? Так чего же вы ходите. Денисюк вам раньше не сделает — проверено.

Клиент начинает сердиться.

— Но за то уж если сделает, то на красоту,—утешает прокатчик и отходит, чтобы не раздражать смехом и без того обеспокоенного несчастного заказчика.

★ ★ ★

Во время всех выступлений Денисюк молчал. Сидел как человек, которого навсегда покрывают несмываемым позором или должны осудить на смерть. Но иногда совсем неожиданно по лицу пробегал луч улыбки смущения. Так как лицо было озабочено и сурово, улыбка больше походила на гримасу.

Когда ему дали наконец слово, Денисюк сорвался с места, как будто ему подсунули раскаленную болванку. Заглушаемая упреками и обвинениями товарищей энергия сразу ожила. Отбросив резким движением фуражку, он крикнул во весь голос:

— Товарищи!!

Смущенно повторил тихо —

— Товарищи...

И тут все увидели на глазах у бригадира слезы.

— Товарищи, я не вредитель. Почему вы так говорили, что как будто выходило это. Я с вредителями революции

на фронтах бился, я тут — на этом фронте — с вредителями всегда воевал. Я валик сломал и заслуживаю наказания, но.. я не вредитель... Не вредитель, а тут в словах так выходило, товарищи. Я подал холодную штуку...

Бригадир повидимому подыскивал слов, поэтому умолк. Царила мертвая тишина...

— Бригадир искал кого-то глазами. Тыча грозно пальцем в старшего прокатчика Фохтмана, которого называли „Васька Немец", кричал:

— Это он, он, Васька Немец, заставил меня подать эту штуку. Я не хотел, я видел, что она остыла. „Давай, пройдет" — сказал Немец и вот. Как боец, я должен был выполнить приказ... Как боец...

Подскочив к тумбочке, застучал по ней кулаком...

— Застрелить паразита!

Прокатчики засмеялись — у Денисюка говорил 18-й год...

Прокатчики еще смеялись также потому, что вина бригадира оказывается не так уж большая,— больше ошибся Фохтман.

— А если бы Фохтман не просто ошибся — на „авось" пошел,— а вредитель был, так ты обязан его слушать?— спросил Бакалин

— Как боец, я...

— Контрреволюционные приказы не выполняются даже по военному уставу, должно быть ты слышал об этот. А тут ты знал, что приказ ошибочный — холодная штука — ты сам видел. Ну, хорошо, значит это была не небрежность, а ошибка. Денисюк может остаться бригадиром, если он оправдает себя в дальнейшем.

Это было то, о чем думали все.

Сделаем из этого дела все выводы,— сказал парторг,— больше внимательности, бдительности на работе. А теперь еще одно — так как программа у нас перевыполняется, мы должны взять на себя отдельные задания. Из перевыполнения за октябрь мы должны дать 50 тонн юбиляру-комсомолу и 150 тонн в подарок Октябрьской годовщине.

Этого даже не обсуждали. Что так должно быть, было ясно.

На следующую ночь — смена работала ночью — еще до второго гудка, смена два уже атаковала станы. Прокатчик должен знать станы, уметь их ремонтировать. Каждый отвечает за свой стан — обезличка ликвидирована.

Пошли в ход ключи, щипцы, молотки. Проверялось все особенно тщательно — все готовились в горячей работе. Посмотреть на цех — развалина. Сняты все щиты... Когда окончат ремонт?

Осмотр длился всего полчаса. Все было готово.

Мастер уже дал сигнал пускать мотор, вдруг подбегает Денисюк:

— А сменно-встречный?

Короткое совещание... Норма — 37...

— Дать —50,— первый сказал бригадир, и никто не возражал.

— А уголь и болванка в аккурат будет.

— Будет,— подтвердил мастер и обратился к сварщику:

— Яша, нагреешь 50 тонн?

— Давай только. И 60 нагрею.

Яков Савельев — старый кадровик. Пьянство прокатчиков при царизме на производстве — дело обыкновенное, и администрация даже не преследовала — каторжная двенадцатичасовая работа. Пусть пролетариат лучше водкой успокоится, чем трезво искать выхода из такой жизни.

И в советский цех перенес Савельев старые привычки, немало воевал с ним Бакалин и теперь Яша — лучший ударник. Его печь никогда не тормозит работы смены.

— Все на места! Мотор — полными оборотами! — крикнул мастер, и бойцы за металл бросились к стану. Через мгновение дали пробные концы. Пошли хорошо...

Бесконечные огненные ленты наполнили цех, эхо шло от громких выкриков прокатчиков:

— Давай! Давай! Давай скорее!

А кто по молодецки призывно свистал, сигнализируя конец определенной операции. Партия в двадцать болванок, после которой группа прокатчиков отдыхает, уступая место другой — пока она выполнит свою партию — партия в 20 болванок проходила за 10—15 минут вместо 40.

Звонок на смену веселый — есть в цеху виртуозы давать различные мелодии на буфере, в который отбивали сигналы,— теперь смена была веселая, и Филонов танцует под звонок, жонглируя щипцами. Этот самый Филонов, если работа идет медленно, т. е. не ладится, часто — утомляется, едва на ногах стоит.

Ток энтузиазма поддерживал энергию.

В минуты своего отдыха, Денисюк суетился по цеху — то поможет кому-либо, то песку подсыпет, если на обжиме болванка упирается, то в печь заглянет... или влезет на какое-нибудь возвышение и на весь цех кричит:

— Давай! Давай быстрее! Комсомолии и революции!

Мастер тоже бегает от стана к стану. Мотор полным ходом, болванки быстро атакуют станы. Каждая с силой тысячи лошадиных сил давит на калибр — выдержат ли валики такую напористую работу, какая бушевала всю ночь? За каждой штукой, за каждым винтиком следит мастер.

Мастер тут — там — везде...

В ту ночь смена поставила непревзойденный до того времени рекорд — дала 61 тонну.

Месячная программа была выполнена 25-го. К первому

смена дала обещанный металл — подарок комсомолии и Октябрьской годовщине.

И никто не ставил вопроса о замене бригадира Денисюка...

Сталинский завод,
железопрокатный цех.

2/XI-33 г.

ОБ ИЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“

Постановление ЦК ВКП(б) от 10/X 1931 г.

1.

Одобрить предложение тов. М. Горького и приступить к изданию серии сборников „Истории заводов“. Сборники эти должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплоатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и под'ем производства за последние годы.

К составлению „Истории заводов“ должны быть привлечены как сами рабочие, так и хозяйственники и инженерно-технический персонал.

2.

Утвердить редколлегию „Истории заводов“ в составе: т.т. Горький, Каганович Л., Постышев, Андреев А. А., Енукидзе, Стецкий, Бухарин, Пятаков, Шверник, Косарев, Цихон, Богушевский, Вс. Иванов, Авербах, Гронский, Гастев, Панкратова, Мехлис, Попов Н., Либединский, Колотилов, Терехов, Самойлов, Сулимов, Чумандрин, Зайцев, Писарев, Цыперович, Сейфулина.

3.

Издание „Истории заводов“ возложить на ОГИЗ.

ЦК ВКП(б).

Инструкция Главной редакции

Постановлением от 10 октября 1931 г. ЦК ВКП(б), одобрив инициативу т. М. Горького, предложил приступить к изданию „Истории заводов“ СССР.

Эта „История“ должна быть большевистским показом наиболее значительных промышленных предприятий СССР с момента их возникновения до наших дней.

Обобщая исторический опыт борьбы пролетариата на пути его к диктатуре и опыт строительства социализма в СССР, „История заводов“ должна выполнить важную политическую задачу: научить понимать, ценить и укреплять революционные завоевания рабочего класса.

„История заводов“ ставит перед собой прежде всего политические цели—воспитание на историческом материале многих тысяч новых рабочих и подрастающего поколения пролетарской молодежи, вступающей сейчас в ряды строителей социализма. Изучая прошлое для понимания настоящего, „История заводов“ тем самым будет живым орудием мобилизации масс для строительства социализма.

Вместе с тем „История заводов“ должна стать концентрацией боевого исторического опыта и опыта строительства социализма для международного пролетариата, вступившего сейчас в решительную стадию борьбы с капитализмом, успех которой непосредственным образом связан с успехами пролетариата СССР.

Наконец „История заводов“ своим правдиво, широко развернутым большевистским показом совершающейся социалистической стройки должна крепко ударить по нытикам, маловерам и оппортунистам всех видов, не верящим в творческие силы пролетариата, в достижения его коллективного разума и воли.

К „Истории заводов“ самое непосредственное отношение имеют указания т. Сталина, сделанные им в статье „О некоторых вопросах истории большевизма“: „Нужно поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски“.

Исходя из намеченных задач и целей, вся серия книг по „Истории заводов“ должна быть проникнута единством марксистско-ленинского метода и содержания, определяе-

мым единой программой. Последняя должна быть в первую очередь разработана на основе указанной выше общей политической установки. Предварительной схемой такой программы должна служить настоящая краткая инструкция, которая может помочь при первых шагах по собиранию и систематизации материала по истории фабрик и заводов. При этом следует решительно бороться с бюрократическим отношением к этому плану как к стандарту, под который нужно только подгонять материал.

Стержнем программы должны быть сравнительный показ и конкретное противопоставление двух систем—капиталистической и социалистической. Весь материал в сборнике поэтому организуется и освещается в двух основных частях: предприятие в условиях предкапиталистического и капиталистического режима с основным упором на показ методов и форм капиталистической эксплоатации рабочего класса и предприятие в условиях строящегося социализма с четким и конкретным указанием того нового в рабочем классе, что создается социалистическими условиями производства, труда, быта, культуры и пр.

Материал следует располагать по основным экономическим и политическим этапам истории нашей страны. Для старых, дореволюционных заводов такими этапами будут: крепостное хозяйство, реформа 1861 г., экономический под'ем 90-х годов, кризис начала 900-х годов, японская война, революция 1905 г., реакция 1907—1910 гг., промышленное оживление 1911—1913 гг., империалистическая война и Февральская революция. Это составит первую часть книги.

Во вторую ее часть войдут: Октябрьский переворот, период гражданской войны и военного коммунизма, нэп—восстановительный период, реконструктивный период.

Желательно дальше указать перспективы дальнейшего развития заводов.

При описании истории завода рекомендуется иметь в виду следующие главные темы: социально-экономическую и производственно-техническую характеристику завода, историю рабочего и революционного движения на заводе и историю партии большевиков, культуру и быт.

В социально-экономической и производственно-технической части главное внимание должно быть сосредоточено на анализе и изображении капиталистической структуры предприятия, на показе эксплоатации рабочих, составе рабочих, зарплате, рабочем дне, безработице, степени и формах эксплоатации рабочих со стороны капиталистов, государства, администрации, купцов, духовенства и пр. Гнет национальный. Бесправие рабочих. Роль царского суда. Следует также отметить экономическую связь завода с

другими предприятиями, его влияние на экономику области, его роль в общем хозяйстве страны, его связи с заграницей.

В истории рабочего и революционного движения и в истории большевистских организаций на предприятиях надо показать рост политического и классового сознания и организованности рабочего класса, его борьбу за экономическое и политическое освобождение и ту роль, какую в этой борьбе играла большевистская партия, являвшаяся всегда выразительницей и вожаком пролетариата, ведущим его правильным путем к конечной победе. Показать борьбу марксизма-ленинизма за гегемонию в рабочем движении, разоблачить роль всех других партий, представлявших собой классово-враждебные влияния на пролетариат (меньшевики, эсеры и др.) и превратившихся впоследствии в орудие открытой контрреволюции. Конкретно следует отметить по возможности все фазы революционного движения рабочих: стихийное движение протеста во времена крепостного права, стачечное и революционное движение 60—80-х гг., роль народников, стачка 90-х годов, первые кружки марксистов и социал-демократов, становление большевизма, борьбу с экономизмом и другими враждебными пролетариату течениями, революцию 1905 г., советы рабочих депутатов, забастовки, профсоюзы, демонстрации, боевые дружины, вооруженные выступления, связь движения с деревней, реакция 1907—1910 гг., под'ем 1911—1913 гг., ленские события, политические забастовки, войну 1914 г., попытки установить „классовый мир“ и их результаты, антивоенные движение и, наконец, Февральскую революцию, роль в ней различных политических партий, процесс самоорганизации рабочих: фабрично-заводские комитеты, рабочий контроль, борьбу с безработицей, борьбу за 8-часовой день, забастовки, отношение к Временному правительству, выборы в совет рабочих депутатов, работу профсоюзов, организацию Красной гвардии, июльские дни, корниловщину, выборы в учредительное собрание, II с'езд советов.

В главу по революционному движению войдут описания реакции и контрреволюции: репрессии правительства, капиталистов, роль оппозиционных, либеральных, зубатовских и черносотенных организаций и их борьба с революцией.

Эти описания не должны быть „мертвой“, „академической“ летописью событий. Они должны разоблачать классового врага, срывать с него всячески маски, вскрывать его подлинную эксплоататорскую сущность.

В разделе культуры и быта должны быть показаны в подлинном виде те полузвериные культурно-бытовые условия, в которых держала буржуазия рабочих завода до Ок-

тября: антигигиеническое состояние фабрик и жилищ, рабочие казармы, безграмотность, фальсификация просвещения (церковно-приходские и другие школы), эксплоатация труда женщин и детей, болезни, благотворительность, церковь на службе самодержавия, сектантство. В противовес всему этому надо показать культурную самодеятельность рабочих и роль в ней большевиков. Следует обрисовать также разнузданный, ханжеский образ жизни и жесткие нравы господствующих групп, дать примеры их самодурства и расточительности, показать фигуры наиболее типичных капиталистов реакционного, либерального и радикального лагерей.

В основу второй части сборника, посвященной истории завода во время и после Октябрьской революции, следует положить описание организации, перестройки, реконструкции завода на новых, социалистических началах в процессе классовой борьбы: плановость работы, хозрасчет, реконструкция предприятия, новые формы управления и контроля, рабочее изобретательство, рост коммунистических форм труда, ударничество, соцсоревнование, герои труда, промфинплан и встречный, удешевление продукции, рост зарплаты, 7-часовый рабочий день, ликвидация обезлички, программа пятилетки и темпы ее выполнения. Показать здесь огромную организующую роль партии и комсомола. В этом разделе необходимо отметить изменения в составе рабочего класса, рабочую молодежь и т. д.

Предварительно следует осветить предшествующую этому этапу хозяйственную разруху и борьбу с ней, состав рабочих в этот период, настроение отсталой части рабочих, рвачество, влияния классово-враждебных сил, вредительства, узкие места производства и пр.

Надо подробно показать роль завода в Октябрьской революции как в подготовительный, так и в боевой ее период: продотряды, вооруженные выступления, боевые дружины и Красную гвардию, организацию власти на заводе, борьбу партий, большевизацию масс и установление диктатуры пролетариата.

Столь же необходимо подробно обрисовать участие заводов в гражданской войне, как прямое (завод как участок фронта), так и косвенное (снабжение фронта, выделение боевых отрядов и политических работников и пр.); выявить боевую деятельность большевиков как организаторов победы и в дальнейшем—после установления советской власти—рост партии и влияние ее на массы, генеральную линию партии и борьбу со всяческим оппортунизмом, успехи соцстроительства на основе непримиримого проведения генеральной линии партии.

Надо показать деятельность на заводе представителей

открытой и замаскированной контрреволюции: боевые наступления белых армий, роль кадетов, эсеров, меньшевиков, троцкистов, вредителей, а также случай рабочей „волынки" и ее подстрекателей.

Показать многообразный процесс ленинской культурной революции, гигантский рост всего рабочего класса, создание рабочей интеллигенции как процесс уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом (заводы-втузы, социалистическое совместительство, шефство и др.). Новые формы быта, семьи, бытовые коммуны. Новые формы общественных отношений. Новое в положении женщин и детей. Физкультурное движение. Ликвидацию безграмотности. Школьное дело. Роль партии, комсомола и пионеров в культурной революции. Общественное питание. Роль газет и стенгазет, рабкоровское движение. Культпоходы. Борьбу с религией. Призыв ударников в литературу. Работу клубов, литературных и других кружков. Культурные связи завода с другими предприятиями и особенно с деревней, с колхозами и совхозами.

Предлагаемый краткий конспект отнюдь не имеет обязательного характера и не исчерпывает всего материала, который должен быть использован в книге. В каждом конкретном случае предложенная схема подлежит изменениям и поправкам в зависимости от времени возникновения завода и специфических условий его развития.

Редакция меньше всего заинтересована в том, чтобы получить в ответ на предлагаемую выше схему книги сухой анкетный материал официального характера. Задача авторов должна состоять в том, чтобы создать на основе этого конспекта живую, увлекательную книгу, в которой была бы показана на конкретных примерах диалектика экономического, политического и культурного развития завода в процессе классовой борьбы пролетариата сначала за диктатуру, потом за укрепление этой диктатуры, за социалистическое строительство.

Этому должен служить и способ литературного изложения. Редакция полагает, что в данном случае допустимы все виды литературного письма, основанные на точно проверенных фактических данных. Научно-исследовательские статьи, очерки, документы, мемуары, рассказы живых свидетелей, биографии и автобиографии деятелей, их портреты, равно как и другой иллюстрированный материал, рисующий предприятие и его историю,—все это может и должно войти в состав сборника. Чисто беллетристические произведения, посвященные истории заводов (романы, повести, стихи, пьесы и др.), инициативу написания которых следует всячески поддержать, составят особое приложение к основной серии сборников.

Однако задача „Истории заводов" не исчерпывается изданием сборников разнохарактерного материала (сборников документов, воспоминаний и т. д.); конечной целью „Истории заводов" является создание систематической марксистско-ленинской художественной истории заводов.

Книги по истории заводов, расположенных на территории РСФСР, издаются на русском языке; книги о заводах, расположенных в других республиках Союза, издаются на языке данной республики и русском языке одновременно.

Размер книг устанавливается по соглашению редакции и местных редакционных коллегий в зависимости от количества и качества собранного материала.

При собирании материала следует пользоваться прежде всего местными архивами: архивы предприятия, партии, советов, профсоюзов, страховых и больничных касс, церквей, фабричной инспекции, полиции, краеведческих обществ и т. д., а также материалами больших и центральных хранилищ, таких, как: Центрархив, Архив революции, Комакадемии, архивы советов народного хозяйства, б. департамента полиции и 3-го отделения, сената, горного департамента, департамента торговли, Общества фабрикантов и заводчиков, Военно-исторический архив, и рядом литературных источников (отчеты губернаторов, земские сборники и пр.). Помимо архивного материала, следует производить опросы живых участников тех или иных исторических событий, развертывавшихся на заводе. Все эти материалы следует тщательнейшим образом проверить и марксистски осмыслить.

Организационная структура издания представляется в следующем виде: руководящим и ответственным органом издания является Главная редакция в том составе, какой указан в постановлении ЦК партии от 10 октября 1931 г.

Непосредственная организация серии возлагается на секретариат редакции.

В областных центрах создаются под руководством партийных органов областные представительства редакции, которые организуют в помощь себе комитеты содействия, привлекая в них представителей партийной и советской общественности, комсомол, деятелей литературы, науки и техники. Задача областных представительств редакции и комитетов содействия состоит в пропаганде задач „Истории заводов" и организации массовых кампаний, в составлении списка первоочередных заводов области для представления их в Главную редакцию. Кроме того, областные представительства должны оказывать всяческую помощь заводским редакционным коллегиям и инструктировать их по вопросам программ „Истории заводов".

На предприятиях организуются редакционные коллегии,

которые работают под руководством и контролем местных партийных органов. В состав редколлегий привлекаются в первую очередь литературные организации, ячейки Общества историков-марксистов, Истпарт, представители заводских газет, профорганизаций, инженерно-технического персонала, заводского управления и ряд других лиц по выбору редколлегии.

Редакционные коллегии вырабатывают прежде всего подробную программу сборника, намечают сроки его выполнения и посылают все это в Главную редакцию на утверждение, после чего коллегии приступают к практической работе. Местные коллегии выделяют из своей среды специального редактора, который несет ответственность перед заводской редакционной коллегией и Главной редакцией за всю работу по составлению сборника. Заводская редакционная коллегия находится в тесном контакте с областным представительством редакции и с рабочим коллективом завода; на общих собраниях завода члены редколлегий делают периодические доклады о состоянии работ по сборнику.

В помощь заводским редакционным коллегиям Главная редакция организует специальную группу инструкторов (экономистов, историков и пр.), которые путем переписки и личных посещений завода принимают участие в работе над сборником.

По окончании работ заводская коллегия передает рукопись в Главную редакцию для просмотра и утверждения к печати.

В финансовом отношении заводские редакционные коллегии работают согласно выработанной ими и утвержденной заводоуправлением и сектором Главной редакции смете, получая необходимые средства от управления завода и отчитываясь перед ним в их израсходовании.

Издание „Истории заводов“ возлагается на ОГИЗ.

В ближайшее время редакция выпустит специальную брошюру, которая будет содержать подробную программу сборника, методические указания по его составлению, инструкцию по собиранию и обработке материала и библиографический справочник.

Редакция не имеет возможности напечатать в короткий срок книги всех тех заводов, какие приступили и приступят к этой работе. Здесь необходима последовательность. Редакция ждет от областных своих представительств списка первоочередных заводов по каждой области, чтобы на основании этих сведений выработать общую очередь изданий.

Для установления связи с местами необходимо, чтобы заводские редакционные коллегии и областные представи-

тельства немедленно сообщили секретариату редакции свои адреса и дали сведения о состоянии работ.

Программа каждой книги должна быть на заводах тщательно продумана как с редакционной, так и с организационной стороны. Всякая стихийность, кустарщина и непланомерность, всякие попытки отдельных лиц и организаций вести работу вне указанных выше организационных форм поведут к неизбежным ошибкам, халтуре и бракованности продукции. Борьба за качество должна стать основным лозунгом работы. Создадим большевистские истории заводов! Покажем пролетариат во всей его величине как творца новой жизни, покажем рост рабочего класса СССР, ударной бригады мировой революции, покажем развитие и под'ем пролетариата, строящего социализм под руководством ленинской партии!

„Правда", 28/XI-1931 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	4
Н. Потапчик — К вопросу о создании „Истории Заводов" Украины	5
Харламов.— Рождение завода	33
И. Гонимов — Джон Джемс Юз	57
Н. Ледянко — История металлургического завода им. т. Сталина	92
П. Радченко — Первые хозяева	109
В. Максименко — Годы реакции в Горловке	129
Г. Яковенко — Дивиденды	142
С. Радугин — „Зибеню-Фрицис"	165
А. Григорьев — Путь к первой маевке	196
Дело о покушении на И. Надежина (документы)	249

Заводы пятилетки

В. Юрезанский — Из истории проекта	267
В. Дончак — Шлюз	274
Я. Башмак — Высокое напряжение	291
М. Марич — Новая „великая держава" в советской металлургии	304
П. Иванов — Сделанная весна	314
И. Муратов — Первая комсомольская	325
В. Собко — Обновление	334
А. Панов — Две молодости старого мастера	337
А. Бакалин — Вина бойца	350

Приложение

Об издании „Истории заводов"—постановление ЦК ВКП(б) от 10/X 1931 г.	359
Инструкция Главной редакции	360

★ ★ ★

Редактор *Н. Потапчик*
Техредактор *А. Проховник*
Обложка художника *Л. Перешкольника*

Сдано в набор 15/III — Подписано к печати 13/VI

Уполном. главлита № 1364. Тир. 9.000—23 печ. л. Зак. № 121.
Бумага: 11½ л., ф. 62×94 — 38 кг. 1 бум. лист.—90 тыс. зн.

Типограф. Изд-ва „Український Робітник". Харьков, Пушкинская ул., 40

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
9	24 сверху	а затем типа	а затем социалистического типа.
23	17 снизу	скрыто	скрыл,
24	15 „	абзацем	абзацом.
33		Харламов	Харламов П.
36	8 „	окончани	окончании
38	18 „	ннабарках	на барках
44	13 „	необычайностях	необычайности
45	4 сверху	оаровых	паровых
51	26 „	производителбность	производительность
58	примечание	из главы	глава из
66	24 сверху	за вода	завода
87	1 снизу	де-то	где-то
92	14 „	эсому	этому
168	подпись под фотографией тов. Покко	один из руководителей борьбы в 1917 г.г.,	один из руководителей борьбы за Октябрь в 1917—18 г.г.
196	15 сверху	ХТЗ	ХПЗ
212	23 „	отворено	сотворено
213	19 „	придавали	придали
244	27 „	а кто-то	и кто-то
252	27 „	не смотря	несмотря
255	21 „	ссылка	ссылки
260	4 „	телеграмты	телеграммы
274	10 снизу	грабарит олько	грабари только
275	8 „	дерики	деррики
276	1 сверху	величене	величине
330	4 „	виссский	вистский
362	20 снизу	антивоенные	антивоенное